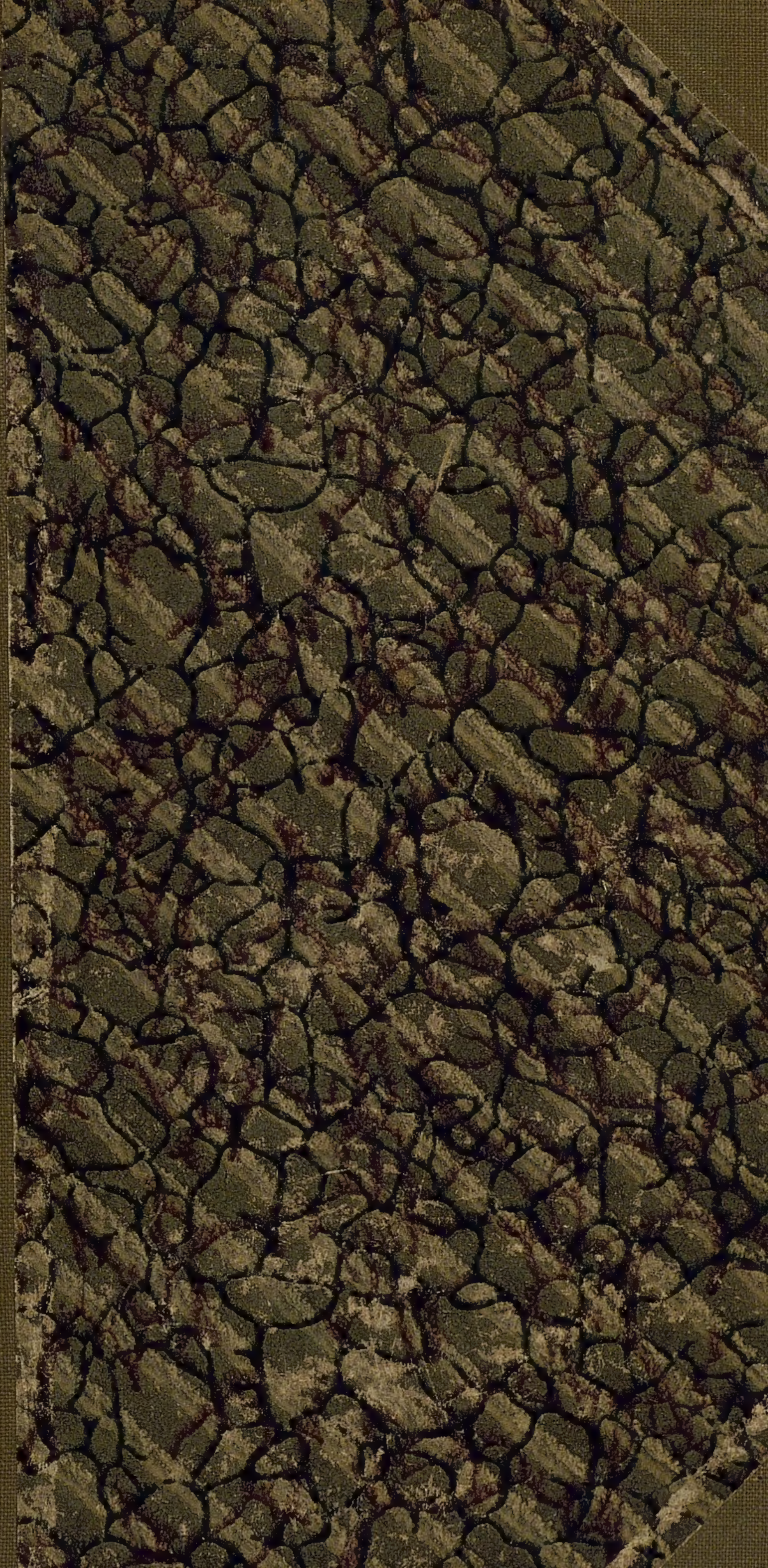

БОЛЬШЕВИКИ У ВЛАСТИ

СОЦІАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКІЕ ИТОГИ ОКТЯБРЬСКАГО ПЕРЕВОРОТА

ПЕТРОГРАДЪ
МОСКВА

ИЗД. Т-ВО
«РЕВОЛЮЦІОННАЯ МЫСЛЬ»
1918.

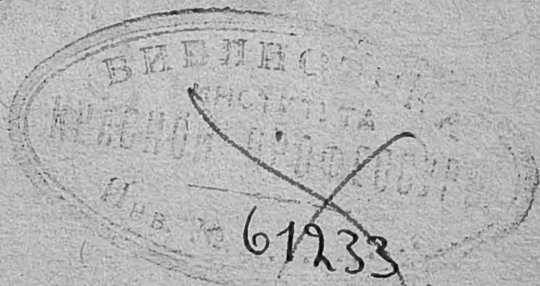
А.С.

БОЛЬШЕВИКИ У ВЛАСТИ.

Соціально-политическіе итоги
октябрьскаго переворота.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ.

МОСКВА
— 1918 —

Типографія переплетная стереотипная
Г. ЛАМБЕРТЪ и Ко. МОСКВА
Серебряническая наб., д. 20в.
Тел. 1-04-12.

Соціально-психологическія основы большевизма.

Въ основаніи большевистскаго возстанія лежалъ слѣпой, стихійный народный взрывъ, рефлекторно направленный противъ затянувшейся войны. Онъ былъ конвульсіей народно-хозяйственнаго организма, слишкомъ примитивнаго, чтобы выдержать современную войну, войну на истощеніе, подвергающую экзамену общую экономическую и соціальную устойчивость государства.

Партія большевиковъ демагогически использовала этотъ нароставшій народный и солдатскій протестъ, подготовлявшійся военно-экономической разрухой Россіи. Безпредметное стихійное недовольство было этой партіей обращено сначала—на Временное Правительство, затѣмъ—на «буржуевъ» вообще, затѣмъ—на бунтовщиковъ противъ «совѣтской власти», затѣмъ — противъ «соглашателей», затѣмъ — противъ всѣхъ несогласномыслящихъ, яко «саботажниковъ» и «контръ-революціонеровъ». Получивъ власть путемъ переворота и поддерживая ее путемъ натравливанія и разжиганія гражданской войны, она провозгласила наступленіе соціалистической эры. Однако, даже поверхностный анализъ можетъ обнаружить, что соціальная сущность большевизма не имѣетъ ничего общаго съ соціализмомъ.

Правда, партія большевиковъ когда-то смотрѣла на себя, какъ на политическую представительницу пролетаріата par excellence. Составляя лѣвое крыло россійской соц.-дем. рабочей партіи, она всегда утверждала, что она является наиболѣе послѣдовательнымъ выраженіемъ марк-

сизма, этой истинной идеологіи класса наемныхъ рабочихъ, какъ онъ сложился въ современномъ буржуазномъ обществѣ. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго въ томъ, что, когда октябрьскія событія поставили у власти партію большевиковъ, она серьезно увѣрила себя и пыталась увѣрить въ томъ весь буржуазный и рабочій міръ Европы и Америки, что въ Россіи наступила диктатура пролетаріата, т. е. та специфическая фаза міровой исторіи, въ которой международный соціализмъ видитъ переходную эпоху отъ капиталистическаго общества къ соціалистическому.

Но уже давно сказано, что о политическихъ партіяхъ надо судить не потому, что онѣ о себѣ думаютъ и говорятъ, а по тому, что онѣ дѣлаютъ,—и, можно прибавить, по тѣмъ соціальнымъ силамъ, которыя служатъ для нихъ опорой, и чьи аппетиты, чаянія и тяготѣнія приводятъ ихъ въ движеніе.

И съ этой точки зрѣнія сразу вызываетъ сомнѣнія самая возможность диктатуры пролетаріата, предполагающей развитое капиталистическое общество и, во всякомъ случаѣ, хорошо организованный развитой многочисленный классъ наемныхъ рабочихъ, въ такой отсталой капиталистической странѣ, какъ Россія, съ ея на три четверти крестьянскимъ населеніемъ, съ ея относительно малочисленными кадрами наемныхъ рабочихъ, въ массѣ своей еще не совсѣмъ порвавшихъ съ деревней, начавшихъ жить сознательной политическою жизнью лишь за восемь мѣсяцевъ до своего «пришествія къ власти».

Соціальная сущность большевистской власти коренится, какъ и многія общественныя явленія современности, въ явленіяхъ соціальнаго распада, созданныхъ европейскимъ катаклизмомъ—войною.

Великая міровая война произвела въ соціальномъ строѣ Россіи, среди многихъ другихъ, одно, чреватое крайне важными послѣдствіями, перемѣщеніе классовъ: она необычайно усилила процессъ пролетаризаціи—точнѣе, деклассированія—крестьянства.

Громадный спросъ на рабочія руки, предъявленный военною промышленностью, лишившеюся части своихъ постоянныхъ рабочихъ, призванныхъ въ войска, отвлекъ изъ

деревни соблазномъ высокихъ заработковъ многочисленные слои трудового крестьянства. Именно этимъ притокомъ сельскаго населенія объясняется, помимо наплыва бѣженцевъ, тотъ ростъ городовъ, который былъ отмѣченъ статистикою въ первые годы войны.

Но это увеличеніе класса наемныхъ рабочихъ имѣло одну особенность: оно носило временный, преходящій характеръ. Это не былъ обычный, свойственный капиталистическому порядку ростъ города за счетъ деревни, ростъ индустріализаціи хозяйства и населенія. Вызванный исключительно потребностями военнаго времени, новый пролетарій не становился постояннымъ промышленнымъ рабочимъ, который, «вывариваясь въ фабричномъ котлѣ», создаетъ специфическій типъ работника, такъ воспріимчиваго къ ученію современнаго пролетарскаго соціализма. Ибо война, пожирая непроизводительно сырые матеріалы и изнашивая постоянный капиталъ страны, таила въ самой себѣ причины гибели ею же вызванной къ жизни промышленности, не говоря уже о ея демобилизаціи вмѣстѣ съ прекращеніемъ войны.

Такъ создался рабочій, психическій складъ котораго чуждъ промышленному строю крупной капиталистической фабрики, рабочій, не связанный съ нею всѣми корнями своего существованія. Временно занятый въ промышленности, уже начавшей падать къ третьему году войны и подлежавшей ликвидаціи съ прекращеніемъ войны, этотъ деклассированный крестьянинъ имѣлъ въ ближайшемъ будущемъ лишь двѣ соціальныя перспективы: судьбу паупера, лишеннаго сколько-нибудь прочной производственной основы, или, въ меньшей степени, возвращеніе къ крестьянскому хозяйству тамъ, гдѣ есть на лицо возможность къ этому послѣ пертурбацій военнаго времени.

И въ томъ и въ другомъ случаѣ идеологія этого деклассированнаго крестьянства, еще не сложившагося въ классъ промышленнаго пролетаріата,—не въ современномъ соціализмѣ съ его ученіемъ объ обобществленіи производства и его планомѣрномъ общественномъ регулированіи. Тѣ соціальные тиски хозяйственнаго тупика, въ которые поставила война извлеченное ею изъ деревень крестьянство, влекутъ его къ первобытному соціа-

лизму, соціализму потребленія, захвату наличнаго богатства страны и раздѣлу его между всѣми, быть можетъ, обреченными на голоданіе работниками, къ соціализму потребленія за счетъ дальнѣйшихъ судебъ производства.

Въ положеніи, аналогичномъ съ рабочими военной промышленности, находилась и многомилліонная солдатская масса. Выбитая на годы изъ своей обычной крестьянской колеи, она не только на время войны лишилась хозяйственнаго фундамента своего существованія, формировавшаго весь ея морально-психологическій складъ, не только отвыкла отъ «крестьянствованія», но даже въ тыловыхъ гарнизонахъ—привыкла жить на счетъ государства, да еще «между дѣломъ» заниматься мелкой спекуляціей. Продолжительность войны, затянувшейся на годы, подвергла крестьянское хозяйство ушедшаго на войну или на гарнизонную службу домохозяина величайшимъ испытаніямъ. Изъ многихъ мѣстъ, въ особенности, нечерноземной полосы идутъ свѣдѣнія о разореніи мелкаго трудового хозяйства, взваленнаго на плечи солдатской жены или вдовы «съ малыми ребятишками». Такъ все растущая масса населенія привыкала чувствовать себя въ соціально-экономическомъ смыслѣ «между небомъ и землей».

Къ этой полной неопредѣленности соціальнаго будущаго окопнаго или тылового солдата присоединились, вслѣдствіе пораженій, пережитыхъ арміей, разочарованіе въ непосредственной цѣли войны—побѣдѣ, а также страшныя лишенія, вызванныя небывалымъ разстройствомъ снабженія арміи предметами питанія и обмундированія. Фронтъ, солдатскій фронтъ, сидѣлъ въ окопахъ на третьемъ году войны безъ всякихъ надеждъ на будущее, заходила ли рѣчь о возможныхъ хозяйственныхъ перспективахъ мирнаго времени или объ окончаніи войны пораженіемъ врага.

И здѣсь психологія слоевъ, лишившихся или находящихся подъ угрозою лишенія соціально-экономической базы своего существованія, должна была стать и въ дѣйствительности стала доминирующей. Психологія неустойчивости, непрочности, безпочвенности, психологія душевнаго и моральнаго распада и метаній изъ стороны въ сторону.

Такъ, въ соціальномъ итогѣ міровой войны въ Россіи образовались огромныя деклассированныя въ хозяйственномъ отношеніи рабочія и солдатскія массы, не отложившіяся еще въ опредѣленныя соціальныя формы. Въ ихъ психологіи преобладали элементы поверхностнаго бурленія, безпредметной озлобленности, хаотическаго броженія, при которомъ всего проще найти выходъ изъ жизненнаго и душевнаго бездорожья въ стремленіи «сорвать сердце», разгромить, выместить накипѣвшія боли и обиды. Въ такомъ состояніи всего легче превратиться въ стадную «толпу», слѣпо идти за вожаками-демагогами, ожесточаясь отъ всякаго сопротивленія и фанатизируясь до полной потери способности разсуждать и слушать чужіе аргументы. Съ такою толпой нельзя ничего строить и организовать, но можно разрушать, разгромлять, брать «на шарапъ», захватывать и дѣлить. Именно идеологію этихъ массъ въ ихъ переходномъ экономическомъ состояніи и отражала партія большевиковъ. Именно ихъ психологію первобытнаго соціализма, соціализма потребленія и соціальнаго дѣлежа и проявляло такъ-называемое «рабоче-крестьянское правительство».

Достаточно бѣгло просмотрѣть всю большевистскую литературу революціоннаго времени, всѣ большевистскіе политическіе лозунги текущаго дня, всѣ декреты совѣта народныхъ комиссаровъ и способы ихъ проведенія въ жизнь, чтобы убѣдиться въ томъ, что не о диктатурѣ пролетаріата въ современномъ смыслѣ этого слова шла рѣчь въ послѣ-октябрьскій періодъ русской революціи, а о самомъ грубомъ господствѣ соціально деклассированныхъ низовъ, могущихъ выдвинуть лишь деспотизмъ льстящихъ имъ политическихъ авантюристовъ.

Въ теченіе всей революціи ярко проявлялись и обращали на себя вниманіе типично-демагогическіе пріемы большевистской агитаціи и пропаганды. И дѣло было здѣсь не только въ томъ, что не было той лжи и клеветы, которой не использовала бы большевистская пресса въ цѣляхъ дискредитированія своихъ политическихъ противниковъ даже изъ среды революціонной демократіи. Нѣтъ, важно отмѣтить, что вся духовная пища, которую «передовая партія пролетаріата» преподносила трудящимся мас-

самъ, сводилась къ брани и разжиганію классовой ненависти.

Вмѣсто стремленія поднять классовое самосознаніе передовыхъ слоевъ рабочаго класса до того уровня, на которомъ стоитъ современный соціализмъ, вмѣсто попытокъ помочь рабочимъ, солдатамъ и крестьянамъ разобраться въ сложной политической и экономической обстановкѣ, большевистская литература была наполнена бранными и крѣпкими словами: «буржуазные прихвостни», «измѣнники народа», «предатели пролетаріата» и т. п. Аргументы, доводы и соображенія были замѣнены систематическимъ подрываніемъ довѣрія ко всѣмъ демократическимъ и соціалистическимъ партіямъ, использованіемъ традиціоннаго недовѣрія массъ къ интеллигенціи. Въ итогѣ получилась настоящая погромная печать.

Но, не отвѣчая задачамъ соціализма, эта большевистская демагогія какъ нельзя болѣе отвѣчала настроеніямъ и психологіи той, выброшенной изъ своей нормальной хозяйственной колеи, деклассированной рабочей и солдатской массы, которая и безъ того уже металась въ противорѣчіяхъ своего переходнаго соціальнаго существованія. Ей, этой массѣ, было не до обще-національныхъ и наиболѣе отвѣчающихъ интересамъ демократіи и международнаго соціализма выходовъ изъ тяжелаго внѣшняго и внутренняго положенія страны. Ибо, лишенная прочной, а зачастую и всякой экономической базы, она не могла думать о будущемъ: ей нуженъ былъ немедленный выходъ въ настоящемъ, цѣну же такого выхода она не могла взвѣсить по самому своему соціальному положенію.

И всѣ дѣла, совершенныя большевиками послѣ захвата ими власти, были продиктованы имъ не современнымъ соціалистическимъ ученіемъ, не задачами международнаго соціализма, а непосредственными интересами деклассированной солдатчины и фабрично-заводской «деревенщины». На дѣлѣ, практически большевиками отвергалось всякое организованное, планомѣрное, сознательное вмѣшательство въ стихійный процессъ политико-экономической жизни страны, и вся философія ихъ дѣйствія заключалась въ анархическихъ словахъ тылового солдата.

получившихъ лестное одобреніе самого большевистскаго бога, Ленина: «грабь награбленное».

Стоитъ обозрѣть бѣглымъ взглядомъ всю политику большевистской власти, всѣ ея важнѣйшія мѣропріятія, чтобы получить живую иллюстрацію всего сказаннаго. Вотъ военная и международная политика, якобы вдохновляемая самыми крайними интернаціоналистскими лозунгами, подъ которыми кроется грубо выраженное делегатомъ-солдатомъ простое, утробное, шкурное требованіе: «дайте намъ какой угодно миръ, хоть похабный миръ, только бы миръ»! Вотъ, вмѣсто борьбы съ разрухой промышленности, отдача заводовъ и фабрикъ на произволъ занятой въ ней пришлой, неквалифицированной заводской массы, вплоть до взятія ея на государственное содержаніе за счетъ сумасшедшей фабрикаціи падающихъ въ цѣнѣ бумажекъ; вотъ, вмѣсто государственнаго синдицированія банковъ и планомѣрнаго распредѣленія кредита, грубый захватъ красногвардейцами банковъ съ обшариваніемъ сейфовъ; вотъ «немедленное» расхватываніе по деревнямъ помѣщичьяго скота и инвентаря деревенской голытьбой, «бѣднѣйшимъ крестьянствомъ», съ перепродажей скупщикамъ и кулакамъ, съ конечнмъ торжествомъ мелкобуржуазнаго стяжательства и спекуляціи; вотъ искорененіе всѣхъ школъ, едва зарождающейся демократической гражданственности, въ лицѣ земствъ, городскихъ думъ, Учредительнаго Собранія; вотъ превращеніе «Совѣтовъ» въ участки, въ канцеляріи новыхъ сатраповъ, почетно переименованныхъ въ «народные комиссары»; вотъ замѣна правильной налоговой системы—случайными и произвольными «контрибуціями», продовольственной организаціи — системой дезорганизованныхъ реквизицій, вотъ замѣна судовъ самосудами, арміи и милиціи—красной жандармеріей; вотъ упраздненіе всѣхъ гражданскихъ свободъ, неприкосновенности личности, всеобщаго избирательнаго права, тайны голосованія, яко «буржуазныхъ предразсудковъ»; вотъ «опрощеніе» всего хозяйственнаго строя; вотъ разрѣшеніе сложныхъ экономическихъ проблемъ — арестами отдѣльныхъ предпринимателей, а сложныхъ національныхъ проблемъ—карательными экспедиціями; вотъ упраздненіе всякаго государственнаго контроля, бюджетной системы и

отчетности, съ водвореніемъ на мѣсто всего этого простого правила: «своя рука—владыка»; вотъ бюрократическое «скорострѣльное» фабрикованіе «декретовъ» на развалинахъ демократическаго законодательства; вотъ система террора, подготовляющаго страну въ будущемъ къ любой иной диктатурѣ, развивающее въ массахъ усталость, самоотстраненіе отъ политики, равнодушіе и абсентеизмъ при надоѣвшихъ выборахъ, тѣмъ болѣе, что неугодные новой власти выборы аннулируются при помощи разгоновъ...

Большевистская власть, разваливая все и вся, пытается еще держаться, вдохновляя себя лозунгомъ безпощадной войны противъ ростущей опасности контръ-революціи. Когда этотъ контръ-революціонный паѳосъ большевизма еще остается искреннимъ, онъ не больше, какъ субъективная иллюзія. По объективному смыслу своей дѣятельности, самъ большевизмъ, въ его практической работѣ, и есть контръ-революція въ дѣйствіи. Подъ его революціонно-соціалистической фразеологіей и жестикуляціей кроется попятное, регрессивное движеніе во всѣхъ областяхъ жизни. Октябрьскій переворотъ началъ не соціалистическую эру, а эру ликвидаціи завоеваній революціи, эру стремительной ликвидаціи гдѣ остатковъ, гдѣ зачатковъ нашей культуры, гражданственности и государственности, вплоть до ликвидаціи самого независимаго экономическаго и политическаго бытія Россіи, какъ цѣлаго. А періодъ господства большевистской власти является школой подготовленія массъ къ отстраненію отъ активнаго участія въ рѣшеніи судебъ страны, школой психологической подготовки массъ къ любой политической раставраціи на развалинахъ еще не сложившейся, но уже разрушенной демократической гражданственности.

Д. Розенблюмъ.

Внѣшняя политика большевизма.

Въ своей иностранной политикѣ большевизмъ былъ плѣнникомъ своей военной политики, проще говоря—плѣнникомъ своей армейской демагогіи.

Большевизмъ, какъ партія, самъ является ничѣмъ инымъ, какъ маленькой, но сплоченной гражданской арміей въ необузданной и свирѣпой борьбѣ за власть. Эта армія вышколена, дисциплинирована, имѣетъ своего гражданскаго Наполеона или, пожалуй, Кромвеля въ лицѣ Ленина, и на подобіе кромвелевской арміи, скована прочнымъ религіознымъ цементомъ—вѣрованіемъ въ единоспасающую силу своей вѣры,—современнаго Ленинскаго «анархо-совѣтизма», съ котораго еще не совсѣмъ успѣли слинять марксистскія краски. Это—гражданская армія, ищущая власти, и создающая ее для Ленина въ видѣ диктатуры въ Совѣтѣ народныхъ комиссаровъ, для Ленинскаго политическаго главнаго штаба—въ видѣ гражданской «совѣтской» олигархіи съ группирующейся вокругъ нея комиссародержавной большевистской бюрократіей, а для «низовъ»—въ видѣ дезорганизованной охлократіи на мѣстахъ.

Чтобы получить власть, она должна была опереться на штыки. Чтобы опереться на штыки, она должна была эксплуатировать стремленіе арміи къ миру. Другія фракціи соціалистической демократіи—соціалисты-революціонеры и меньшевики — загородили ей дорогу къ нормальному использованію жажды мира. Они провозгласили цѣлью всей внѣшней политики новой Россіи—приближеніе всеобщаго демократическаго мира. Войну съ русской стороны они объявили исключительно войной за безаннексіонность грядущаго мира, за его обоснованіе на

«правѣ народовъ». Чтобы «переконкуррировать» ихъ, большевистская партія должна была фатально пойти по другой дорожкѣ: по дорожкѣ сепаратнаго мира, т.-е. предательской сдѣлки съ гогенцоллернской Германіей.

Вся разруха, всѣ бѣдствія Россіи имѣли первоисточникомъ войну. Это бьетъ въ глаза всякому,—даже самой темной массѣ. Поэтому жажда мира является всеобщей. Въ Россіи, при ея хозяйственной отсталости, усугубленной самодержавно-бюрократическимъ режимомъ, разруха была наибольшей изъ всѣхъ европейскихъ странъ, и потому жажда мира наиболѣе напряженной, дѣйствующей со всею силою элементарной стихіи.

Темная часть массы тянулась къ миру, къ миру во что бы то ни стало. Но ей не было ясно, почему сепаратный миръ не можетъ замѣнить мира всеобщаго.

Это было бы ей яснѣе, если бы она понимала, если бы она знала, что, во-первыхъ, и нейтральныя страны захвачены всеобщимъ хозяйственнымъ кризисомъ, ибо всемірная война есть всемірное бѣдствіе, и когда «паны» дерутся, то у нейтральныхъ «хлопцевъ» чубы трещатъ; что, во-вторыхъ, для уже вовлеченныхъ въ войну странъ изолированный выходъ долженъ быть оплаченъ цѣной, которая можетъ превзойти цѣну дальнѣйшаго продолженія войны вплоть до общаго мира; и что, въ третьихъ, при изолированномъ выходѣ изъ войны самая демобилизація промышленности можетъ оказаться для всего народнаго хозяйства и для государственныхъ финансовъ новымъ кризисомъ, который перенести не легче, чѣмъ продолжать переносить войну.

Все это доказывалось намъ не разъ передъ лицомъ то рабочей, то крестьянской, то солдатской аудиторіи. И одно время казалось, что наша аргументація воспринимается. Казалось, всѣ понимаютъ, что изъ такой великой всемірной катастрофы можно выйти либо всѣмъ, либо никому, что нельзя просто отъ нея сбѣжать куда то въ сторонку. Такъ казалось. Оказалось другое.

Для темной массы слишкомъ далеки, слишкомъ отвлеченны, слишкомъ сложны были наши аргументы. Проще и осязательнѣе было разсуждать такъ: не было войны—не было такой разрухи; перестанемъ воевать—и разруха пре-

кратится. А еще проще на фронтѣ было ощущать стихійную тягу «домой!», а въ тылу изнывать по мужьямъ, сыновьямъ и братьямъ.

Большевики, какъ партія, раздирались двумя желаніями. Соблазнительно было опереться на стихію. Зазорно казалось принизиться до ея уровня міропониманія и міроощущенія.

И большевики избрали сначала средній, точнѣе— окольный путь. Они съ возмущеніемъ отвергали «клевету», «злостную выдумку» объ ихъ тайной склонности къ сепаратному миру. Тѣмъ болѣе отвергали, что проникновеніе ихъ лидеровъ въ Россію черезъ германскую территорію, съ милостиваго соизволенія германскихъ властей, дѣлало ихъ положеніе въ высшей степени щекотливымъ, уязвимымъ съ морально-политической стороны.

Не будучи въ состояніи идти къ сепаратному миру прямымъ путемъ, они должны были найти путь обходный.

Сепаратный миръ имѣлъ бы своимъ послѣдствіемъ разрывъ съ союзниками. Но и обратно: стоило привести къ полному разрыву съ союзниками, чтобы въ результатѣ, какъ единственный выходъ, самъ собой напросился бы сепаратный миръ.

И вотъ, внѣшне чураясь всякой мысли о сепаратномъ мирѣ, большевики сосредоточили весь свой политическій артиллерійскій огонь на союзникахъ. А чтобы облегчить себѣ ихъ обстрѣлъ, большевики сдѣлали конькомъ всей своей агитаціи въ вопросахъ внѣшней политики одно требованіе—опубликованія секретныхъ договоровъ, заключавшихся нашими союзниками съ сошедшимъ со сцены царскимъ правительствомъ.

Тщетно заявляли мы на всѣ лады, что эти договоры сданы въ архивъ исторіи, что все, относящееся въ нихъ до былыхъ притязаній Россіи, нами аннулировано, а то, что являлось «компенсаціями» союзниковъ, будетъ, въ связи съ этимъ, пересмотрѣно на межсоюзнической конференціи; что съ этой послѣдней мы не торопимся лишь для того, чтобы лучше обезпечить на ней торжество нашихъ стремленій, подготовивъ предварительно почву въ союзныхъ странахъ черезъ ихъ рабочую демократію, для чего въ Стокгольмѣ соберемъ соціалистическій международ-

ный «предконгрессъ мира». Тщетно мы говорили, что надо глядѣть впередъ, а не назадъ; что опубликованіе этихъ секретныхъ договоровъ имѣетъ, послѣ русской революціи, болѣе историческое, чѣмъ практическое значеніе; что опубликованіе этихъ договоровъ нами не повлечетъ за собою опубликованія тайныхъ договоровъ, связывающихъ между собою центральныя имперіи, и потому это будетъ вода на мельницу ихъ имперскихъ правительствъ; что всѣ «секреты» тайной дипломатіи являются, въ существѣ своемъ, секретами полишинеля, и никакихъ великихъ открытій, которыя бросили бы совершенно новый свѣтъ на все, что было, мы не сдѣлаемъ; словомъ, что вопросъ о публикаціи старыхъ тайныхъ договоровъ—вопросъ второстепенный и сравнительно маловажный, изъ-за котораго съ союзниками ссориться не стоитъ: гораздо важнѣе, уступивъ имъ здѣсь, сосредоточить всѣ силы на то, чтобы склонить ихъ на пріятіе безаннексіоннаго, демократическаго мира, для непосредственно передъ нами стоящаго будущаго.

Все было тщетно. Большевики почувствовали, что здѣсь—выигрышный пунктъ въ ихъ позиціи. Развѣ не величайшее зло—секретная дипломатія? Развѣ требованіе вывести на свѣтъ Божій все, что дѣлалось раньше для распутыванія или для дальнѣйшаго запутыванія военной катастрофы, не элементарно-справедливо? А, главное, развѣ трудно заподозрить въ отказѣ немедленно опубликовать документы прошлаго—угрозу для настоящаго? Развѣ трудно сказать: «этихъ документовъ не публикуютъ потому, что втайнѣ имъ и до сихъ поръ придаютъ всю дѣйственную силу; васъ обманываютъ, васъ надуваютъ, отъ васъ скрываютъ, за что вы воюете!» Унаслѣдованная нами отъ прошлаго болѣзненная недовѣрчивость и подозрительность темной массы по отношенію къ политическимъ верхамъ—огромная психическая сила, и наигрывать на ней—вещь соблазнительная. И большевики со всѣмъ возможнымъ жаромъ и усердіемъ принялись за разработку этой благодарной темы. И чѣмъ больше росла усталость отъ войны, тѣмъ охотнѣе ихъ слушали, и тѣмъ смѣлѣе выступали они, идя отъ обвиненія къ обвиненію, отъ клеветы къ клеветѣ.

Чхеидзе, Церетели, Черновъ... Люди, которыхъ правые съ пѣной у рта корили «циммервальдизмомъ», такъ же

хорошо понявши его, какъ слова «жупелъ» и «металлъ» пугливая купчиха Островскаго; люди, которыхъ ненавистники справа окрестили «пораженцами»—были ославлены слѣва, какъ виновники затягиванія войны, какъ сторонники войны до полной побѣды, ради осуществленія—цѣною русской крови—какихъ то чужихъ захватныхъ цѣлей, заботливо скрываемыхъ отъ народныхъ взоровъ...

О, конечно, надо признать, что союзныя правительства отнюдь не облегчили русской демократіи ея борьбу съ дезорганизующей работой большевизма. Въ вопросѣ о пересмотрѣ «цѣлей войны» имъ, стоявшимъ слишкомъ часто на почвѣ своекорыстнаго и узкаго «святого національнаго эгоизма», хотѣлось оставить себѣ свободныя руки для рѣшеній на основѣ стратегической «карты войны». Они медлили съ безотговорочнымъ признаніемъ безаннексіоннаго мира, они вставляли палки въ колеса дѣлу возстановленія соціалистическаго Интернаціонала, они отказывали своимъ соціалистамъ въ паспортахъ на стокгольмскую конференцію. Русское обновленное министерство иностранныхъ дѣлъ, послѣ паденія Милюкова попытавшееся вступить на новый путь, не долго шло по нему съ должной рѣшительностью и твердостью. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше проявляло оно слабость и готовность мириться со всѣми враднѣйшими для насъ faux pas союзной дипломатіи. Большевики злорадствовали и торжествовали. Ихъ требованіе публикаціи секретныхъ договоровъ, въ началѣ казавшееся массамъ пустой и запоздалой придиркой, періобрѣтало съ каждымъ днемъ новый вѣсъ и значеніе. Наканунѣ большевистскаго переворота, въ предпарламентѣ даже та часть соціалистической демократіи, чья фатальная тяга къ коалиціи съ кадетами, къ сожалѣнію, одержала на демократическомъ совѣщаніи свою Пиррову побѣду,—даже она обсуждала вопросъ о созданіи частичнаго министерскаго кризиса, о форсированіи отставки Терещенко. И лишь боязнь, какъ бы этотъ частичный кризисъ не превратился въ общій, привелъ ее къ новой капитуляціи: не только остался Терещенко, но въ жертву ему былъ принесенъ военный министръ Верховскій, не видѣвшій возможности спасти армію безъ болѣе рѣшительныхъ и открытыхъ демаршей нашего министерства иностранныхъ дѣлъ въ сторону прибли-

женія общаго мира путемъ пересмотра союзниками цѣлей войны и опубликованія ими пріемлемыхъ для демократическаго сознанія мирныхъ условій.

Это было послѣдней каплей, переполнившей чашу.

Идейный штурмъ, которому большевики подвергли умы и сердца «сѣрыхъ шинелей», завершился побѣдой. Настала новая эра въ нашей внѣшней политикѣ. Она открылась опубликованіемъ тайныхъ договоровъ.

Газеты своевременно отмѣтили, что содержаніе пресловутыхъ «тайныхъ» договоровъ оказалось для общественнаго мнѣнія и прессы далеко не новымъ. Какъ и предполагалось, починъ въ дѣлѣ захватническихъ притязаній принадлежалъ царской Россіи. 19-го февраля (4-го марта) 1915 г. Сазоновъ передалъ англійскому и французскому посламъ «памятную записку» съ обоснованіемъ требованія для Россіи Константинополя, проливовъ, прилежащихъ къ нимъ и Мраморному морю территорій и острововъ. Со всѣми этими притязаніями, равно какъ и съ притязаніями по отношенію къ Арменіи, съ Трапезундомъ, Эрзерумомъ, Ваномъ и Битлисомъ*), русскіе читатели хорошо знакомы хотя бы по извѣстной Милюковской статьѣ того времени «Чего ждетъ Россія отъ войны». Въ печать проскальзывали свѣдѣнія и о томъ, что Делькассе вначалѣ давалъ на это отвѣты принципіально-благопріятные, но неопредѣленные и уклончивые, со ссылкой на возможное сопротивленіе Англіи. Въ эту сторону, какъ оказывается, и направлялись дальнѣйшіе демарши царской дипломатіи. Съ этими демаршами, какъ теперь видно, совпадаетъ по времени шантажный походъ противъ «союзной» Англіи въ тогдашней нашей черносотенной прессѣ. Получивъ, наконецъ, согласіе отъ Англіи, царскіе дипломаты снова напираютъ на Францію, съ цѣлью получить и отъ нея болѣе формальное и категорическое согласіе. Всѣ эти выторговыванія Россіей крупныхъ территоріальныхъ приращеній—сюда надо присоединить «свободу разграниченія съ Германіей и Австро-Венгріей»,

---

*) Впослѣдствіи сюда прибавлена территорія южнаго Курдистана по линіи Муша—Сертъ—Ибнъ—Омаръ—персидская граница.

при чемъ, какъ видно изъ работъ Милюкова, имѣлось въ виду присоединенія Познани, Галиціи, Буковины, Угорской Руси за Карпатами, Восточной Пруссіи, устьевъ Вислы и части Силезіи, а равно и нѣкоторыхъ болѣе мелкихъ*)— вызвали вопросъ о «компенсаціяхъ» за такое усиленіе Россіи для Англіи и Франціи. Въ результатѣ получилось требованіе присоединенія къ Франціи Эльзасъ-Лотарингіи, со включеніемъ «всего желѣзопромышленнаго бассейна Лотарингіи и всего углепромышленнаго бассейна долины Саара», и образованія изъ остальной части зарейнскихъ провинцій Германіи автономнаго цѣлаго, оккупированнаго на неопредѣленное время французскими войсками, «дабы рѣка Рейнъ на будущее время явилась прочною стратегическою границею противъ германскаго вторженія».

Аналогичные проекты «компенсацій» выдвинула и Англія, въ результатѣ чего былъ выработанъ полный планъ раздѣла Турціи. Франція при этомъ получала прибрежную полосу Сиріи, Аданскій Вилайетъ и полосу земли вглубь страны, вплоть до новой русской границы; Англія южную часть Месопотаміи съ Багдадомъ и два порта—Акку и Койфу—въ Сиріи; Аравія выдѣлялась въ самостоятельное арабское государство или конфедерацію государствъ; Александретта, на которую мѣтили было и Франція, и Англія, и Италія, и даже Россія, объявлялась вольнымъ городомъ; Палестина со св. мѣстами подчинялась особому режиму съ «кондоминіумомъ»—или какому либо дальнѣйшему соглашенію Россіи, Англіи и Франціи.

Насколько все это не ново, можетъ убѣдиться всякій, раскрывши послѣдній «ежегодникъ» газеты «Рѣчь» съ обширной статьей Милюкова о внѣшней политикѣ. Не говоря, конечно, что рѣчь идетъ о содержаніи пресловутыхъ «тайныхъ договоровъ», Милюковъ въ формѣ обзора отзывовъ вліятельной европейской прессы и вліятельныхъ политическихъ дѣятелей рисуетъ всю эту картину національнаго разграниченія союзническихъ интересовъ и со-

---

*) Закрѣпленіе за Россіей районовъ Исфагани и Іезда въ Персіи, увеличеніе „сферы вліянія" Россіи за счетъ нейтральной полосы у Зульфагера и въ Сѣв. Афганистанѣ, отмѣна ограниченій въ использованіи Россіей Аландскихъ острововъ.

гласованія ихъ «цѣлей войны», которая нынѣ Троцкимъ извлечена изъ архивовъ министерства иностранныхъ дѣлъ.

Тайные документы, далѣе, даютъ полную картину махинацій, посредствомъ которыхъ привлекались на сторону согласія нейтральныя государства. Ни для кого не было тайной, какой характеръ эти махинаціи носили. Пишущій эти строки въ свое время, въ газетѣ «Жизнь», издававшейся въ Швейцаріи, обращалъ вниманіе читателей на рѣдкое по цинизму заявленіе оффиціальнаго органа царской военщины, «Русскаго Инвалида», что союзникамъ необходимо образовать заграницей центральное бюро «для покупки нейтралитетовъ». Тогда же въ прессѣ появлялись не разъ свѣдѣнія о ходѣ «торговъ и переторжекъ». Картину ихъ мы нынѣ можемъ возстановить. Въ самомъ началѣ войны. Англія, Франція и Россія обѣщали Греціи въ награду за немедленную помощь сербамъ южную Албанію, кромѣ Валлоны (предметъ вожделѣній Италіи), но Греція требовала, чтобы союзники добились отъ Румыніи гарантій противъ нападенія на Грецію болгаръ; но съ Румыніей имъ дѣла сладить не удалось. Въ началѣ 1915 г. торги возобновились, и грекамъ была предложена часть Айдинскаго вилайета въ Малой Азіи; на этотъ разъ греки соглашались, если выступятъ вмѣстѣ съ ними и болгары; съ болгарами тоже дѣло не ладилось, а тѣмъ временемъ король Константинъ «ушелъ» Венизелоса въ отставку. Наконецъ, при Гунарисѣ переговоры опять возобновились, и греки предъявили два новыхъ требованія—гарантіи полной неприкосновенности всѣхъ греческихъ границъ и достаточнаго десанта союзниковъ, но союзники не вѣрили Гунарису, и дѣло кончилось организаціей Венизелосомъ салоникскаго Временнаго Правительства, высадкой союзниковъ въ Македоніи и низложеніемъ Константина. Въ этомъ вмѣшательствѣ во внутреннія дѣла Греціи Терещенко отъ имени новои Россіи категорически отказался участвовать, выражая надежду, что греческій народъ придетъ черезъ Учредительное Собраніе къ республикѣ и выявитъ свою истинную волю по вопросамъ войны и мира.

Мы видѣли, что переговоры съ Греціей переплетались и тормозились параллельными переговорами съ

Болгаріей *). Эта послѣдняя вела «торги и переторжки» на обѣ стороны одновременно. По документамъ нашего мин. иностр. дѣлъ, при переговорахъ съ центральными имперіями Болгарія искала приращеній за счетъ главнымъ образомъ Сербіи (границѣ по Моравѣ, съ переходомъ къ Болгаріи округовъ Ниша, Приштины, Ускюба, Монастыря, и—за счетъ Греціи—Салоникъ). При переговорахъ съ Франціей, болгары были скромнѣе въ претензіяхъ къ Греціи (ограничиваясь Драмой, Ковалой и Сересомъ) и къ Сербіи (долина Тимока и города Пиротъ и Кранья), но прибавляли за то всю Добруджу. Союзники, вмѣсто притязаній на греческую и сербскую части Македоніи, выдвигали проектъ «независимой Македоніи со столицею въ Салоникахъ», шли на присоединеніе Добруджи и намекали на возможность компенсаціи за счетъ Турціи до линіи Мидія—Родосто. Болгары, повидимому, не очень вѣрили въ возможность получить отъ союзниковъ Добруджу, ибо «болгарская Добруджа предполагаетъ румынскую Бессарабію», побаиваясь и того, что «стремленіе къ Дарданелламъ разъ уже погубило Болгарію», и, въ концѣ концовъ, германская оріентація одержала верхъ.

Исторія переговоровъ съ Румыніей даетъ еще болѣе краснорѣчивую картину. Каждый разъ, какъ русскія войска одерживаютъ успѣхи—Румынія склоняется къ выступленію; они терпятъ неудачи—Румынія прекращаетъ переговоры и заключаетъ выгодныя торговыя соглашенія съ Австріей и Германіей, помогая такимъ образомъ имъ «держаться». Записка министерства иностранныхъ дѣлъ откровенно характеризуетъ основные мотивы, ярко выявленные Румыніей въ ея политикѣ: «желаніе не опоздать къ раздѣлу Австріи и стремленіе возможно больше нажиться за счетъ воюющихъ». Въ свое время, когда шла рѣчь о вовлеченіи Румыніи въ войну, пишущій эти строки предрекалъ тѣ разочарованія, которыя принесетъ эта нелѣпая авантюра. Такъ и оказалось. Русское министерство

---

*) Еще на ультра-секретномъ „особомъ совѣщаніи" 8 февр. 1914 г.' обсуждавшемъ военныя мѣры для захвата нами проливовъ въ случаѣ европейской войны, С. Д. Сазоновъ предвидѣлъ, что „если одно изъ этихъ государствъ окажется нашимъ противникомъ, то другое станетъ на нашу сторону, и они будутъ парализовать другъ друга".

должно было констатировать, что румыны «переоцѣнили себя» вслѣдствіе удачи въ свое время нападенія съ тылу на совершенно истощенную двумя войнами Болгарію, и проявили только полное «самообольщеніе общества и правительства», да «полную неподготовленность къ войнѣ». Въ свое время, оказывается, это предчувствовалъ и ген. Алексѣевъ, находя, что нейтралитетъ Румыніи выгоднѣе намъ, чѣмъ ея вступленіе въ войну, которое можетъ еще болѣе растянуть нашъ фронтъ, возложить на русскія войска задачу защиты Румыніи и дастъ нѣмцамъ въ ней легкую и богатую добычу. Кромѣ того, Россія опасалась, что чрезмѣрное приращеніе румынской территоріи создастъ очень сильное государство, которое вспомнитъ о своихъ правахъ на Бессарабію и будетъ естественнымъ союзникомъ всякаго врага Россіи. Но союзники, въ частности Францiя и Италія, видя въ романскомъ характерѣ населенія Румыніи залогъ будущихъ сближеній, охотно, вслѣдъ за самими румынами, «переоцѣнили значеніе румынскаго выступленія», надѣясь, что оно дастъ «нанесеніе окончательнаго удара Австріи и приближеніе конца войны». Отсюда и тѣ громадныя земельныя приращенія, въ видѣ Буковины, Баната и Трансильваніи, которыя ей были обѣщаны. Характерно и то, что Россія, перемѣнившая свою первоначальную точку зрѣнія лишь подъ вліяніемъ союзниковъ, не очень то горевала, какъ видно изъ документовъ, о неудачѣ румынъ, ибо «крушеніе великодержавныхъ плановъ Румыніи... особенно не противорѣчитъ политическимъ интересамъ Россіи», которой «невыгодно образованіе могущественныхъ государствъ на Балканахъ», и которой нужно лишь «сохраненіе Румыніи отъ окончательнаго ея разложенія».

Столь же сдержанной и недовѣрчивой была позиція царской Рс и по отношенію къ Италіи, что въ свое время отразилось въ довольно недружелюбной полемикѣ между «большой прессой» обѣихъ странъ. Русская дипломатія «не усматривала насущной необходимости итальянскаго наступленія для дѣла союзниковъ», опасаясь, что «появленіе четвертаго европейскаго великодержавнаго члена коалиціи можетъ осложнить взаимоотношенія союзниковъ». Когда, наконецъ, Италія окончательно «не сторго-

валась» съ Германіей (та хотѣла «купить нейтралитетъ Италіи за счетъ Австріи», но «дунайская монархія неохотно шла по этому пути»), то она начала переговоры съ согласіемъ, причемъ тоже проявила огромные аппетиты. Франція должна была умѣрять претензіи Италіи въ Албаніи, Россія—въ Истріи и Далмаціи, «настойчиво защищая интересы юго-славянъ и отстаивая прочное обезпеченіе выхода Сербіи къ морю».

Такова общая картина. Въ ней не хватаетъ картины переговоровъ съ Японіей. Вожделѣнія этой послѣдней, надо полагать, были еще болѣ чудовищны. По крайней мѣрѣ, во время переговоровъ одного англійскаго дипломата съ представителями Болгаріи, онъ замѣтилъ, что прежде, чѣмъ прибѣгнуть къ реальной военной помощи японцевъ, обусловленной «крупными уступками со стороны союзниковъ», союзники рѣшили еще разъ проявить «свое расположеніе къ Болгаріи», открывъ ей перспективы полнаго удовлетворенія, въ союзѣ съ ними, всѣхъ законныхъ болгарскихъ національныхъ надеждъ...

Отсюда видно, конечно, насколько, въ свое время, мы были правы, когда возставали противъ всякой идеализаціи настоящей войны, какъ чисто «освободительной» и «безкорыстной». Но эта идеализація жила всегда только на кончикѣ языка политическихъ аферистовъ, да въ убѣжденіи наивныхъ простачкахъ, ровно ничего не понимающихъ въ современномъ состояніи международной политики.

Пишущій эти строки, выступая въ свое время съ рѣчью по вопросу о войнѣ и мирѣ въ нашемъ «предпарламентѣ», имѣлъ случай заявить, что всѣ «тайны» тайной дипломатіи суть, въ сущности, секреты полишинеля и давно разгаданы заинтересованными сторонами. Покровъ тайны, поэтому, служитъ сейчасъ лишь для того, чтобы обѣ стороны могли запугивать свои народы военно-дипломатическими цѣлями противниковъ, представляя ихъ въ еще болѣе ужасномъ видѣ, чѣмъ они суть на самомъ дѣлѣ. (Поистинѣ, даже самъ чортъ не такъ страшенъ, какъ его иногда малюютъ). И Россія, новая Россія, съ самаго начала отрекшаяся отъ всякихъ захватовъ и стяжаній, и пригла-

шавшая союзниковъ послѣдовать ея примѣру *), абсолютно не была заинтересована въ томъ, чтобы прошлые договоры держались въ секретѣ. И большевики сами же вынуждены были опубликовать оффиціальное заявленіе Терещенко, что «со стороны Россіи не встрѣчается возраженій противъ оглашенія всѣхъ вообще соглашеній, заключенныхъ какъ до, такъ и во время войны, если на это послѣдуетъ согласіе со стороны прочихъ заинтересованныхъ союзниковъ» (секр. тел. пов-му въ дѣлахъ въ Парижѣ, № 4225).

И характерно, что даже у «самого» Л. Троцкаго рука дрогнула, когда онъ отправлялъ тайные документы въ печать. Онъ счелъ необходимымъ оговориться: «когда германскій пролетаріатъ откроетъ себѣ революціоннымъ путемъ доступъ къ тайнамъ своихъ правительственныхъ канцелярій, онъ извлечетъ оттуда документы, ни въ чемъ не уступающіе тѣмъ, къ опубликованію которыхъ мы приступаемъ».

Все это несомнѣнно. Спрашивается, однако: зачѣмъ отсылать насъ такъ далеко, ко времени «второго пришествія» германской революціи? Неужели русская дипломатія ничего не знала о планахъ нѣмцевъ? Неужели въ архивахъ мин. иностр. дѣлъ не нашлось ничего, бросающаго свѣтъ на ихъ завоевательные планы? Очевидно, нашлось, ибо Троцкій мелькомъ упоминаетъ о находящихся въ его распоряженіи документахъ «достаточно ярко трактующихъ дипломатію центральныхъ имперій». Но къ опубликованію такихъ документовъ большевики, занятые исключительно разоблаченіемъ союзниковъ, не приступали. «Положеніе обязываетъ». Собираясь открыть сепаратные переговоры съ нѣмцами, «тайны дипломатіи» приходится вскрывать односторонне и тенденціозно...

От прошлаго—къ настоящему... Нѣкоторые изъ выкопанныхъ Троцкимъ документовъ рисуютъ намъ поло-

*) Какъ ни тенденціозно дѣлаютъ большевики свои выборки изъ секретныхъ документовъ, и въ ихъ публикаціи проскользнули настоянія Терещенко „сейчасъ же приступить къ выработкѣ минимальныхъ условій мира“ (секр. телеграмма Севастопуло за № 1071).

женіе, въ которомъ очутилась русская революція передъ лицомъ раздираемой войной Европы съ такой стороны, которая заставила бы глубоко призадуматься всякаго маломальски серьезнаго политическаго дѣятеля. Къ сожалѣнію, увлеченные полемикой противъ союзниковъ, какъ разъ на эту сторону дѣла большевики обратили меньше всего вниманія.

И прежде всего здѣсь слѣдуетъ отмѣтить шифрованную телеграмму военному министру изъ Парижа отъ генерала Занкевича. Генералъ извѣщалъ о томъ, что «временное ослабленіе военной мощи» Россіи, въ связи съ неудачами на союзномъ фронтѣ, видоизмѣнило отношеніе къ ней и союзныхъ правительствъ, и прессы, и общественнаго мнѣнія. «Большинство газетъ уклонилось отъ напечатанія» разъясненій, переданныхъ въ прессу генераломъ. Сами правительства начали совершенно опредѣленно игнорировать Россію и прямо отстранять ее отъ участія въ отвѣтственныхъ рѣшеніяхъ, сводя на нѣтъ ея роль и вліяніе на международномъ поприщѣ. Такъ, во первыхъ, «всѣ вопросы касательно участія въ войнѣ американцевъ и соотвѣтствующаго распредѣленія средствъ и силъ были рѣшены Франціей, Англіей и Соед. Штатами въ Парижѣ и Лондонѣ безъ участія нашихъ военныхъ представителей», такъ, во вторыхъ, «вопросъ о дальнѣйшей судьбѣ салоникской арміи былъ перенесенъ для обсужденія изъ Парижа въ Лондонъ съ привлеченіемъ тѣхъ же конферентовъ, кромѣ русскихъ военныхъ представителей»; такъ, въ третьихъ, «вопросъ о военной тайнѣ былъ разработанъ... безъ всякаго нашего согласія или даже освѣдомленія»; такъ, наконецъ, въ четвертыхъ, «безъ привлеченія или даже освѣдомленія нашихъ представителей» были разработаны совмѣстно съ англичанами, новыя директивы относительно стратегическихъ задачъ французскаго фронта».

Уже эти факты, сами по себѣ, были достаточно серьезны. Революціонная Россія не могла жить изолированною жизнью. Вести «сепаратную войну», противополагая себя всему буржуазному міру, она не имѣла достаточно силъ, ибо современная война есть болѣе, чѣмъ когда либо, состязаніе въ техникѣ и для бѣдной капиталами страны не-

посильна. Заключить сепаратный миръ — въ ея положеніи значило заключить позорную, предательскую сдѣлку съ германскимъ имперіализмомъ, заплативши за возможность этой сдѣлки превращеніемъ Россіи въ провіантскій складъ для него. Оставался одинъ путь: укрѣплять свою внѣшнюю мощь, создавать сильную революціонную армію, готовую биться за новые, освободительные лозунги внѣшней политики, и, опираясь на эту силу, увеличивать свое вліяніе на международной аренѣ, и, прежде всего, свое воздѣйствіе на внѣшнюю политику союзниковъ.

Это была трудная, сложная и отвѣтственная задача. Болѣе того: это для Россіи было вопросомъ жизни или смерти. При неудачѣ въ разрѣшеніи этой задачи самъ собою выдвигался логикой исторіи самый ужасный для насъ исходъ: миръ за счетъ Россіи.

И какъ бы мало ни входилъ раньше въ расчеты союзниковъ такой исходъ, онъ былъ бы принятъ ими, просто, какъ реальными политиками, подъ давленіемъ жизненной необходимости, и во имя того, что они называли «святымъ національнымъ эгоизмомъ».

И уже въ телеграммѣ Занкевича обрисовывались первые контуры такого рѣшенія международной распри, при которомъ Россія должна будетъ «заплатить за всѣ разбитые горшки». Онъ писалъ:

«Неуспѣхъ апрѣльскаго англо-французскаго наступленія принудилъ французское правительство къ особо рѣзкому проявленію сужденія о положеніи дѣлъ въ Россіи даже съ парламентской трибуны, дабы въ немъ найти оправданіе передъ страной въ неудачѣ. Съ тѣхъ поръ французское правительство и пресса съ большой послѣдовательностью преуменьшаютъ положительную роль Россіи, находя въ такой политикѣ выходъ на случай явнаго переутомленія страны войной».

Намекъ весьма ясный. Онъ находитъ себѣ полное подтвержденіе въ секр. телеграммѣ повѣреннаго въ дѣлахъ въ Бернѣ, г. Ону. Этотъ послѣдній извѣщалъ—видимо, со словъ болгарскаго архимандрита Стефана, участвовавшаго, черезъ посредство нѣкоего Покова, въ секретныхъ переговорахъ съ однимъ англійскимъ дипломатомъ, о намекахъ съ англійской стороны на возможность такихъ

территоріальныхъ пріобрѣтеній Болгаріи, противъ которыхъ должна была бы возражать Россія. Указаніе на возможность оппозиціи этой послѣдней вызвало со стороны англичанина реплику: «Россіи больше нѣтъ», причемъ уже послѣ этого онъ поправился и разъяснилъ—на обычномъ дипломатическомъ жаргонѣ,—«что мы (русскіе) заняты сейчасъ внутренними дѣлами и не можемъ удѣлять вниманія международной политикѣ».

И, такъ какъ рѣчь шла объ уступкѣ Болгаріи Добруджи, что предполагало бы передачу Румыніи части Бессарабіи, чтобы сохранить за нею выходъ къ морю, то миръ за счетъ Россіи здѣсь уже намѣчался весьма ощутительно. Телеграмма, о которой идетъ рѣчь, датирована 9 (22) сентября.

Но всего важнѣе для насъ другое сообщеніе, исходившее отъ того же г. Ону, совсѣмъ незадолго до октябрьскаго переворота, а именно 17 октября. Изъ него оказывается, что прямой обмѣнъ мнѣній о возможности мира за счетъ Россіи уже имѣлъ мѣсто, хотя и не между офиціальной дипломатіей воюющихъ державъ, но между представителями высшихъ финансовыхъ сферъ обоихъ лагерей. Изъ разныхъ, полученныхъ г-номъ Ону свѣдѣній о тайной конференціи финансовыхъ воротилъ, происходившей въ Швейцаріи въ августѣ—сентябрѣ (такъ сказать, въ «Циммервальдѣ» желтаго или золотого Интернаціонала), онъ считалъ возможнымъ заключить, что у иниціаторовъ конференціи «съ англо-французской и германской вѣтвями международной финансовой клики заключено также политическое соглашеніе въ этомъ смыслѣ». Иными словами, въ англо-французскихъ «дѣловыхъ» сферахъ намѣтилась готовность пойти навстрѣчу нѣмецкимъ планамъ расчлененія Россіи, и только Америка находила для себя такого рода соглашеніе совершенно невыгоднымъ.

Какъ выяснилось въ переговорахъ «дѣловыхъ людей»,—«ц ѣ л ь Г е р м а н і и—п о в о з м о ж н о с т и с о д ѣ й с т в о в а т ь с е п а р а т и з м у в ъ Р о с с і и. Разбивъ Россію на малыя государства, Германіи легко будетъ заключить торговые договоры съ болѣе слабыми государствами, какъ Литва, Курляндія и проч. С о х р а н е н і е е д и н с т в а Р о с с і и равносильно оставленію въ экономической сферѣ державъ согласія, что было бы п р е ж д е в с е г о вы-

годно для Америки. Для Англіи русскій рынокъ не представляетъ особеннаго интереса, такъ какъ Англія болѣе занята колоніями и морской торговлей, поэтому выдѣленіе изъ Россіи нѣсколькихъ малыхъ государствъ для нея пріемлемо, тѣмъ болѣе, что въ случаѣ ослабленія Россіи, Англія получитъ свободу рукъ въ Азіи». По отношенію къ новой и еще болѣе опасной для англичанъ «германской опасности» въ Азіи предполагалось устранить ее путемъ, такъ сказать, отводнаго канала; «въ расчлененной Россіи германская промышленность и торговля надолго найдутъ себѣ работу». Далѣе, «конкуренція Америки съ Германіей на почвѣ русскаго рынка даже выгоднѣе для Англіи, чѣмъ преобладаніе тамъ одной изъ двухъ».

«Именно эти предположенія», по свидѣтельству русскаго «освѣдомителя» (какого то «вліятельнаго англо-еврейскаго финансиста») и «были основой обмѣна мнѣній съ нѣмцами». Кто знаетъ, какъ сильны вліянія финансовыхъ сферъ на внѣшнюю политику современныхъ европейскихъ правительствъ, тотъ легко пойметъ, какія грозныя тучи сбирались надъ Россіей...

Конечно, союзная дипломатія могла пойти по этой дорогѣ, лишь убѣдившись въ невозможности иного выхода. Кромѣ циничныхъ разсчетовъ финансистовъ, есть еще всенародное общественное мнѣніе, есть настроеніе широкой демократіи, въ которой не послѣдняя роль принадлежитъ и трудовой демократіи. Пока сама Россія твердо стояла на отверженіи сепаратнаго мира, предать ея интересы, продать ихъ нѣмцамъ было политической авантюрой, которая могла бы стоить слишкомъ дорого той группѣ политическихъ дѣятелей, которые рискнули бы пойти по этой дорожкѣ. Соціалистическія партіи Россіи—кромѣ большевиковъ—здоровымъ политическимъ чутьемъ провидѣли это, даже и не имѣя передъ глазами цитируемыхъ нами тайныхъ документовъ. Они a priori понимали, что даже съ точки зрѣнія узкосвоекорыстныхъ интересовъ, политика эта столь-же непріемлема, какъ и по мотивамъ принципіальнаго свойства: русскіе переговоры о сепаратномъ мирѣ легко могутъ оказаться «покушеніемъ съ негодными средствами», маневромъ, который можетъ быть легко от-

парированъ преданными Россіей союзниками путемъ заключенія сепаратнаго мира за счетъ Россіи.

Повторяемъ: все приводило къ одному и тому же выводу. Революціонная Россія должна была, если только она хотѣла жить, а не умереть, создать сильную новую народную армію, полную энтузіазма въ борьбѣ за новые лозунги внѣшней политики, армію боеспособную, т.-е. способную не только пассивно цѣпляться за укрѣпленныя шероховатости почвы подъ напоромъ противника, а наступать, нападать, парировать удары—ударами, предупреждать ихъ собственными активными дѣйствіями. Къ несчастію, русская революція опоздала. За три года войны при царскомъ режимѣ русская армія устала—не столько физически, какъ морально, отвыкнувъ побѣждать, привыкнувъ къ пораженіямъ, потерявъ лучшіе элементы, превратившись въ плохообученную и деморализованную массу, извѣрившуюся въ своихъ вождей и полную темнымъ неразборчивымъ озлобленіемъ противъ нихъ. Эту армію надо было какъ-то возродить. Но элементы, способные къ активной работѣ надъ ея перевоспитаніемъ, перерожденіемъ, были—словно тоненькій, едва отстоявшійся слой сливокъ сверху водянистаго, жидкаго молока. Работа по реорганизаціи арміи предстояла громадная. Быть можетъ, она требовала организаціоннаго генія. Такимъ геніемъ не былъ ни пассивный Гучковъ, ни активный, нервозный Керенскій.

Въ этихъ условіяхъ союзники оказали Россіи плохую услугу, хотя и съ самыми лучшими намѣреніями. Когда на русскомъ фронтѣ фактически установилось нѣчто вродѣ негласнаго, бытового сепаратнаго перемирія, возникла огромная опасность, что въ этой атмосферѣ бездѣйствія, бездѣлья умретъ всякій боевой духъ арміи. И на насъ начали воздѣйствовать, форсируя съ нашей стороны переходъ къ наступленію. Керенскій съ присущей ему страстностью ухватился за эту идею—и потерпѣлъ фіаско. Теперь, конечно, за его предпріятіе его только лѣнивый не лягаетъ. Однако, въ самой основѣ его идея была правильна, и лишь ея исполненіе оказалось неудовлетворительнымъ и преждевременнымъ: безъ предварительной реорганизаціи командованія, обученія и укомплектованія арміи оно оказалось

для нея роковымъ. Не надо, кромѣ того, забывать и о томъ, какую предательскую «подножку» дала всему наступленію 18-го іюля необузданная демагогія большевиковъ, давшая мнимо-идейное прикрытіе шкурнымъ инстинктамъ, усталости и дряблости темной массы.

Такую же плохую услугу, и опять съ лучшими намѣреніями, сопровождавшимися полнымъ незнаніемъ, полнымъ непониманіемъ русскихъ условій, оказали намъ и дальнѣйшіе демарши союзниковъ. Они утратили вѣру (и—увы! не совсѣмъ безъ основанія) въ организаціонный геній русской революціи и пытались воздѣйствовать на Россію въ смыслѣ ея возврата къ старымъ, дореволюціоннымъ методамъ водворенія въ странѣ и въ арміи «порядка» и внѣшней желѣзной дисциплины. Самымъ яркимъ проявленіемъ такого воздѣйствія является знаменитый коллективный демаршъ французскаго, англійскаго и итальянскаго посланниковъ, про который Терещенко въ секретныхъ телеграммахъ русскимъ представителямъ заграницей писалъ: «коллективное заявленіе трехъ пословъ произвело на насъ тягостное впечатлѣніе, какъ по существу, такъ и по формѣ, въ которую оно было облечено». Въ самомъ дѣлѣ, послы, болѣе чѣмъ не щадя никакого самаго элементарнаго національнаго самолюбія и самоуваженія Россіи, указали на то, что «общественное мнѣніе въ союзныхъ странахъ можетъ потребовать отъ своихъ правительствъ отчета за матеріальную помощь, оказанную Россіи». Отъ Россіи настойчиво требовалось, чтобы она разсѣяла «опасенія относительно силы ея сопротивленія и возможности для нея продолжать войну», и «обезпечила себѣ такимъ путемъ поддержку союзниковъ». Но этого мало, союзные послы сочли себя вправѣ самымъ недвусмысленнымъ образомъ вмѣшаться во внутреннія дѣла Россіи и указать тѣ пути, которыми Россія должна достигнуть требуемаго союзниками: «русскому правительству надлежитъ доказать на дѣлѣ свою рѣшимость примѣнить всѣ средства въ цѣляхъ возстановленія дисциплины и истиннаго воинскаго духа въ арміи, а равно обезпечить правильное функціонированіе правительственнаго аппарата какъ на фронтѣ, такъ и въ тылу». И это—какъ разъ послѣ такого жестокаго потрясенія страны и арміи, какъ смутная эпоха «корниловщины»; послѣ злосчастнаго опыта

столковаться со старымъ генералитетомъ о расширенiи его власти,—опыта, едва не кончившагося государственнымъ переворотомъ, и стоившаго Керенскому, впутанному противъ воли въ авантюристскую попытку создать за спиной демократiи военную диктатуру, едва ли не всей его былой популярности; послѣ мучительной встряски всей и безъ того взбаломученной страны, когда правительственная задача стала небывало-трудной, а положенiе,— осложненнымъ! И неудивительно, что опекунскiя поползновенiя неразбирающихся въ сложной ситуацiи постороннихъ зрителей заставили Керенскаго, въ концѣ своего тягостнаго объясненiя съ союзными послами, напомнить имъ, «что Россiя все же является великой державой!»

Все это, вмѣстѣ взятое, отчасти объясняетъ, почему внѣшняя политика Россiи подъ руководствомъ Терещенко была такой слабой и неавторитетной. На международной аренѣ «слова и жесты» дипломатовъ расцѣниваются не столько по ихъ собственной внутренней убѣдительности и красотѣ, сколько по той реальной силѣ, которая стоитъ за ними. Секретная телеграмма нашего лондонскаго повѣреннаго въ дѣлахъ за № 761 особенно краснорѣчиво вопiетъ о необходимости стать въ военномъ отношенiи большей силой, чтобы воздѣйствовать въ нашемъ смыслѣ на политику союзниковъ: «въ интересахъ Россiи желательно какъ можно дольше оттянуть созывъ какихъ бы то ни было конференцiй, политическихъ и стратегическихъ: на такой конференцiи голосъ Россiи не можетъ сейчасъ прозвучать съ должной авторитетностью, какихъ бы ораторовъ вы на нее ни посылали». Надо, прибавляетъ Набоковъ, «поднять здѣсь вѣру въ Россiю и въ конечное торжество у насъ демократически-нацiональной идеи, а съ нею и боевой мощи Россiи», иначе всеобщее «утомленiе войной» подвергнетъ союзную дипломатiю огромному искушенiю: для Германiи тоже подходитъ психологическiй моментъ выступить съ мирными предложенiями; «и мы думаемъ, что она это сдѣлаетъ въ ближайшемъ будущемъ, съ такими предложенiями, формулы которыхъ будутъ прiемлемы какъ для Германiи, такъ и для Францiи, Италiи и Англiи. Изъ совокупности выпускаемыхъ Германiей за послѣднее время «пробныхъ шаровъ» ясно, что формулы эти будутъ сводить-

ся къ уступкамъ на западѣ Европы, замаскированному господству на Балканахъ и явнымъ компенсаціямъ за счетъ Россіи. Лойяльность къ Россіи союзныхъ правительствъ несомнѣнна, но страшенъ вопросъ, удастся ли правительствамъ убѣдить усталыя народности Франціи и Англіи, что война должна продолжаться ради интересовъ Россіи»...

Вмѣстѣ съ тѣмъ отсюда же ясно слѣдуетъ и основная ошибка внѣшней политики Терещенко. Напуганный перспективой сепаратнаго мира за счетъ Россіи, онъ круто измѣнилъ свою тактику. Отказъ отъ самостоятельной оріентаціи русской внѣшней политики изъ страха передъ изоляціей ея, шествіе на поводу у союзниковъ и политика оттяжекъ,—таковы были, въ его глазахъ, лучшими методами. А между тѣмъ, рядомъ онъ имѣлъ указаніе на другіе факторы. «Въ Англіи, а въ особенности во Франціи, утомленіе войной растетъ быстро», гласитъ секретное сообщеніе Набокова; «въ центральныхъ имперіяхъ жажда мира огромна». Казалось бы, что при такихъ условіяхъ особенно выдвигается дѣйствіе не орудіями тайной дипломатіи, а открытыми методами сплоченія международнаго демократическаго движенія за «честный миръ», «миръ безъ побѣдителей и побѣжденныхъ». А между тѣмъ именно въ это самое время и произошелъ—по винѣ того же Набокова и Терещенко — срывъ стокгольмскаго соціалистическаго предконгресса мира».

Секретная телеграмма за № 636 самого Набокова не оставляетъ въ этомъ сомнѣній. Тамъ онъ сообщаетъ слѣдующія слова Ллойдъ-Джорджа:

«Ваше сообщеніе о томъ, что русское правительство считаетъ конференцію дѣломъ партійнымъ, и что, такъ какъ ваше правительство теперь выражаетъ стремленіе всей Россіи, оно не относится къ конференціи съ «интересомъ» и не «страстно ея желаетъ», какъ писала здѣшняя пресса—явилось для насъ документомъ чрезвычайной важности. Мы рѣшили, какъ другіе союзники, не допускать на конференцію нашихъ рабочихъ представителей».

Этого мало. «Сообщеніе» Набокова вызвало министерскій кризисъ. Ллойдъ-Джорджъ передалъ его Гендерсону, и, такъ какъ Гендерсонъ, послѣ поѣздки въ Россію вдохно-

вившійся мирными лозунгами русской революціи, «не оказалъ должнаго вліянія» на конференцію рабочихъ партій Англіей и не передалъ ей ничего о перемѣнѣ позиціи русскаго Временнаго Правительства, Ллойдъ-Джорджъ выкинулъ его изъ состава правительства и категорически заявилъ въ палатѣ депутатовъ, что въ Стокгольмъ «паспорта ни въ коемъ случаѣ не. будутъ выданы».

Правда, съ точки зрѣнія большевиковъ весь этотъ эпизодъ не важенъ: они не придавали никакого значенія стокгольмской конференціи, рѣшили демонстративно не участвовать въ ней и послѣ октябрьскаго переворота сами долго отказывали въ паспортахъ меньшевистскимъ и с.-р.-скимъ делегатамъ въ Стокгольмъ. Но для насъ дѣло предстоитъ въ другомъ освѣщеніи, и съ этой-то точки зрѣнія съ нашей стороны въ предпарламентѣ прозвучала рѣшительная нота, на который перешелъ Терещенко въ послѣдней политики, на который перешелъ Терещенко въ послѣдней фазѣ своей дѣятельности.

И вотъ—произошелъ октябрьскій переворотъ.

Большевистская власть выступила съ извѣстнымъ «декретомъ», адресованнымъ къ «правительствамъ и народамъ» воюющихъ странъ. Первое же прикосновеніе къ землѣ заставило большевиковъ существенно измѣнить свою позицію. Ихъ прежней формулой была формула «миръ черезъ соціальную революцію», миръ черезъ головы правительствъ между возстающими противъ нихъ народами. Ленинъ категорически заявлялъ, что стремленіе столковаться о демократическомъ мирѣ съ правительствами есть лишь особый видъ соглашательства,—соглашательства въ международныхъ размѣрахъ—есть буржуазно пацифистскій, болѣе того—«поповскій лозунгъ». Левъ Троцкій въ брошюрѣ «Программа мира», вышедшій незадолго передъ октябрьскимъ переворотомъ, объявлялъ самую идею «мира безъ аннексій и контрибуцій»—мелко буржуазной утопіей, ибо война, дополненная революціей, должна безпощадно расправиться съ нынѣшними государственными границами, создавъ на ихъ развалинахъ Соединенные Штаты Европы. Ленинъ же еще раньше даже лозунгъ «Соед. Штатовъ Европы» объявлялъ замаскированнымъ империалистскимъ лозунгомъ, скрывающимъ планы треста старо-европейскихъ

капиталистическихъ странъ для болѣе успѣшнаго овладѣнія, сообща, остальнымъ міромъ. И вдохновляемые имъ большевики вѣщали объ исправленіи, въ итогѣ войны и революціи, всѣхъ историческихъ міровыхъ несправедливостей, объ освобожденіи Индіи, Марокко, Египта, всѣхъ вообще колоній, и клялись биться до конца за такую именно программу мира.

Весь этотъ «максимализмъ» въ вопросахъ внѣшней политики русской революціи, само собою разумѣется, сохранялъ свою силу лишь до тѣхъ поръ, пока большевики были въ безотвѣтственной оппозиціи. Получивъ власть, они стали сразу «минималистами». «Мелкобуржуазно-утопическое» стремленіе къ «миру безъ аннексій и контрибуцій» было положено въ основу ихъ «декрета о мирѣ». Но даже изъ этой минимальной программы былъ намѣченъ новый «минимумъ изъ минимума»: большевистская власть объявила, что «отнюдь не считаетъ вышеуказанныхъ условій мира ультимативными, т.-е. соглашается разсмотрѣть и всякія другія условія мира». Sic transit!

Впрочемъ, здѣсь все время у новой власти наблюдалась система «двойной бухгалтеріи». Рядомъ съ оппортунизмомъ въ дѣловыхъ сношеніяхъ съ другими правительствами—привычный максимализмъ и демагогизмъ въ обращеніи къ массамъ, характерный образчикъ чего мы находимъ хотя бы въ № «Правды» отъ 6 ноября:

«Армія русской революціи опирается на неисчислимые резервы. Угнетенныя націи Азіи (Китай, Индія, Персія) такъ же страстно ждутъ паденія режима капиталистическаго насилія, какъ и угнетенныя пролетарскія массы Европы.

«Слить эти силы въ міровую революцію противъ имперіалистской буржуазіи—вотъ историческая задача рабочей и крестьянской Россіи.

«И пламя октябрьской петроградской революціи неизбѣжно разростется въ огненную бурю, которая повергнетъ на землю мечъ разбойной войны и испепелитъ господство капитала».

Кажется, что попадаешь въ какой то политическій Бэдламъ, когда читаешь эти надежды на то, что въ помощь русской революціи, одинокой въ свалкѣ міровыхъ

имперіализмовъ, явятся «резервы» изъ Персіи, Индіи и Китая. Но эти посулы и обнадеживанія были явно разсчитаны не на серьезныхъ читателей, а на «простецовъ», которые проглотятъ все, что имъ ни поднеси. Впрочемъ, здѣсь нельзя отвергать и возможности нѣкотораго патологическаго умонастроенія въ рядахъ самихъ большевиковъ, доходившаго до своеобразнаго «credo, quia absurdum».

Не вполнѣ свободными отъ этого умонастроенія являлись порою даже главные лидеры большевизма. Характерно, что первый свой шагъ въ пользу мира они назвали «декретомъ», обращеннымъ, такъ сказать, безъ адреса или по всѣмъ мыслимымъ адресамъ. Политическіе иллюминаты могутъ вѣрить въ свою власть что-то «декретировать» не только внутри страны, гдѣ они штыками захватили власть, но и въ международныхъ отношеніяхъ. И ихъ не смутило даже то, что, обращенный радіотелеграммой ко всѣмъ «народамъ и правительствамъ», онъ остался безъ всякаго отвѣта.

Декретъ о мирѣ, по заявленію Троцкаго, «являясь вступленіемъ въ новую эпоху, былъ совершенно неожиданъ для рутиннаго сознанія правящихъ классовъ Европы». Ихъ молчаніе, такимъ образомъ, понятно, и не умаляетъ его роли. «Нашъ декретъ—это манифестъ всемірнаго значенія. Въ ночь на 26 октября мы нанесли смертельный ударъ войнѣ».

Трудно придумать болѣе яркій образчикъ маніи величія, ведущей къ закрыванію глазъ на истинное положеніе вещей, совершенно заслоненное иллюзіями и фантазіями. Здѣсь сказалась психологія политическихъ parvenu, выскочекъ, попавшихъ «изъ грязи да прямо въ князи». Какъ тутъ не закружиться головѣ, когда,—какъ выражался, захлебываясь отъ восторга, на первомъ послѣ переворота засѣданіи петроградскаго Совдепа Зиновьевъ — «сегодня на насъ смотритъ весь міръ», а «мы» претендуемъ на способность вписать «славныя страницы въ исторію міроваго соціализма»?

Но вотъ, вслѣдъ за «декретомъ», и столь же безуспѣшно, испробованы болѣе прямые шаги для начала мирныхъ переговоровъ съ Германіей. Недвусмысленно выясняется, что ни съ чьей стороны—ни со стороны союзни-

ковъ, ни со стороны противниковъ, нѣтъ охоты признать большевиковъ истинной государственной властью. «Союзные дипломаты поймутъ, что совѣтская власть не нуждается въ ихъ утвержденіи и признаніи»—гордо заявляетъ Троцкій. Однако, «слова всегда останутся словами», но изолированная отъ международныхъ сношеній государственная власть—не власть, а только полъ-власти. И психологически понятно, поэтому, то ликованіе, когда 13 ноября новая власть была формально признана однимъ правительствомъ—испанскимъ. Это было ласточкой, предвѣщающей какую-то «весну». Въ свое время «Новая Жизнь» высказала мнѣніе, что «указанія на германофильство нынѣшняго испанскаго кабинета не могутъ ослабить симптоматичности и значительности выступленія петербургскаго посла г. Гарридо Цисптероса». Вопросъ былъ поставленъ неправильно: оффиціальное германофильство Испаніи придавало этому «выступленію» весь его специфическій характеръ. Испанія, въ свое время не присоединившаяся къ мирнымъ демаршамъ Вильсона, отклонившая образованіе «лиги нейтральныхъ государствъ», и въ то же время обѣщавшая содѣйствовать мирнымъ демаршамъ большевистской власти, была первымъ живымъ доказательствомъ того, что германская группа державъ собирается какъ то использовать поворотъ въ русской внѣшней политикѣ, обусловленный пришествіемъ большевиковъ къ власти.

Однако, Германія медлила со своимъ откликомъ. Ея разсудительная сдержанность и выжиданіе были понятны. Непрочность новыхъ «пришельцевъ» у государственнаго руля заставляла ихъ спѣшить съ демаршами, и эта спѣшность могла ихъ побудить къ импульсивнымъ и неосторожнымъ дѣйствіямъ, ослабляющимъ ихъ положеніе. И дѣйствительно, такъ и случилось. Большевики пришли къ власти, обѣщавъ миръ, и отписаться отъ выполненія этого обѣщанія путемъ декрета имъ не удалось бы: соловья баснями не кормятъ. Первое же заявленіе Ленина: «наша партія никогда не заявляла, что мы сможемъ дать миръ немедленно»—вызвало въ солдатской средѣ ропотъ. Большевики оказывались невольниками своего положенія. «Полковникъ» Муравьевъ, болѣе ловко учтя настроенія темной массы, громогласно заявилъ, что «война окончена».

Въ этомъ положеніи поиски выхода изъ тисковъ дѣйствительности побудили большевистскую власть къ новой авантюрѣ: попыткѣ сложить всю трудность на плечи Могилевской ставки, предписавъ начать переговоры о перемиріи съ нѣмцами ген. Духонину. Конечно, ей было прекрасно извѣстно, что начальникъ штаба главнокомандующаго такъ же не можетъ взять на себя этой задачи, какъ министръ иностранныхъ дѣлъ не можетъ командовать арміей. Но вѣдь темная солдатская масса ничего не разбираетъ, а этотъ актъ былъ спекуляціей на ея невѣжество и нетерпѣніе. Духонинъ не могъ сдѣлать ничего иного, кромѣ какъ отклонить отъ себя, со ссылкой на военно-полевой уставъ, всякую иниціативу въ этомъ дѣлѣ. Этого довольно, чтобы козелъ отпущенія былъ найденъ, а «совѣтская власть» получила «передышку». Въ Смольномъ было устроено торжественное засѣданіе Совѣтовъ, вмѣстѣ съ частью крестьянскаго съѣзда, и Крыленко провозгласилъ: «Духонинъ, вмѣстѣ съ частью команднаго состава, саботируетъ и срываетъ готовящійся миръ. И моя задача состоитъ теперь въ томъ, чтобы въ ближайшее же время это осиное гнѣздо срывающихъ миръ генераловъ было вырвано съ корнемъ» (*бурные апплодисменты*). «Пусть Духонинъ и тѣ, кто съ нимъ, знаютъ, что въ борьбѣ за миръ мы не пощадимъ никого, кто станетъ у насъ на дорогѣ (*бурные апплодисменты*). И теперь, принимая полную отвѣтственность за свои слова, я заявляю, что если они будутъ стоять на дорогѣ, то пусть кровь падетъ на ихъ головы». Этимъ была предрѣшена будущая кровавая расправа съ «жертвой вечернею» ловкаго большестскаго маневра. Истиннымъ убійцей Духонина является, безспорно, Крыленко.

Германія своей выжидательной тактикой форсировала большевиковъ на дальнѣйшія конвульсивныя дѣйствія по выполненію обязательства заключить миръ. Чтобы свергнуть Духонина, Ленинъ, Сталинъ и Крыленко издаютъ, безъ вѣдома Ц. И. К. совѣтовъ, свой знаменитый приказъ, получившій ироническую кличку объ обязательномъ братаньи и о мирѣ съ нѣмцами «повзводно и поротно». Даже часть большевиковъ, устами Чудновскаго, въ ужасѣ заявила, что сдѣланное «уничтожаетъ возможность для нашихъ солдатъ идти въ бой, если германское правительство

не пойдетъ на мирные переговоры», что предписанное свыше братанье неминуемо «выльется въ совершенно неорганизованныя формы», и что все это, вмѣстѣ взятое, «приведетъ къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ». Ленинъ, на ряду съ разными формальными и казенно-успокоительными фразами, выдалъ истинный смыслъ и происхожденіе своего отчаяннаго рѣшенія. Опасаясь, что армія, какъ цѣлое, ускользнетъ изъ ихъ рукъ, большевики ради спасенія собственной власти должны были дезорганизовать армію. Въ лицѣ Духонина они жаждали разрушить ставку, гдѣ опасались образованія новаго правительства. Вѣдь въ той же ставкѣ былъ общеармейскій комитетъ, выборный органъ, послѣ октябрьскаго переворота, пытавшійся—въ предупрежденіе внесенія гражданской войны и разложенія въ армію, произвести въ арміи своеобразный плебисцитъ и, опираясь на него, принять мѣры къ созданію правительства «единаго соціалистическаго фронта», въ пользу котораго согласились бы сложить власть и Керенскій, и Ленинъ. Ошибочно полагавшій, что эти демарши дѣлаются при участіи Духонина, все время державшаго абсолютный политическій нейтралитетъ, Ленинъ проговорился однажды: «Воевать съ Духонинымъ простымъ его смѣщеніемъ было бы неразумно. Необходимо было обратиться непосредственно къ самимъ солдатамъ, ибо миръ долженъ быть заключенъ не сверху, а снизу, активностью самихъ солдатъ». Неподражаемый отвѣтъ данъ былъ Ленинымъ на опасенія о распадѣ арміи: «Мы обратились съ призывомъ брататься полками, а не арміями. Мы основывались въ данномъ случаѣ на боевомъ опытѣ Крыленко, который указалъ, что такое братанье вполнѣ возможно».

Выжидательная тактика Германіи, такимъ образомъ, принесла всѣ необходимые для нея плоды. «Боевой опытъ Крыленко» далъ нѣмцамъ то, что имъ было нужно: «невозможность для нашихъ солдатъ идти въ бой» при неудачѣ мирныхъ переговоровъ была обезпечена. Послѣ этого нѣмцы смѣло могли начать переговоры о перемиріи и мирѣ. Левъ Троцкій по этому поводу, конечно, не преминулъ заявить: «И если германскій императоръ вынужденъ принимать представителей прапорщика Крыленко и вступать

съ ними въ переговоры, то это значитъ, что крѣпко русская революція наступила своимъ сапогомъ на грудь всѣхъ имущихъ классовъ Европы».

Этотъ классическій образецъ празднаго языкоблудія, наряду съ трагическимъ положеніемъ, въ которое захватившій власть большевизмъ ставилъ и себя, и всю Россію, какъ кажется, не имѣетъ себѣ равнаго въ анналахъ исторіи. Въ немъ Троцкій встаетъ во всю величину своего умственнаго и моральнаго роста.

Послѣ нѣкоторой интермедіи въ видѣ парламентеровъ отъ Крыленко, интересной лишь тѣмъ, «наступить сапогомъ» на грудь Гинденбурга выпало прославившемуся фонъ-Шнеуру, и такимъ образомъ первое же дипломатическое выступленіе большевистской власти на международномъ поприщѣ было отмѣчено клеймомъ наслѣдственной провокаціонной язвы,—была, наконецъ, снаряжена въ Германію и первая регулярная мирная делегація.

«Регулярность» ея, однако, была крайне своеобразна. Одинъ изъ участниковъ этой делегаціи, г. Масловскій (Мстиславскій) свидѣтельствуетъ, что изъ девяти членовъ ея, шесть «не знали даже въ точности предѣловъ заданій и полномочій, которыми облечена была делегація» и лишь въ дорогѣ начали «хоть въ общихъ чертахъ» сговариваться о планѣ своихъ работъ; сопровождавшая ее спеціально военная комиссія «выѣхала въ Брестъ, не имѣя даже точныхъ свѣдѣній о томъ, о какомъ перемиріи—всеобщемъ или сепаратномъ—придется трактовать съ австро-германцами» *).

Объ этихъ «тонкостяхъ» думать было нечего. Дѣло было спѣшное, нельзя было терять ни минуты. Приходилось играть «въ темную». Переговоры съ самаго начала были «прыжкомъ въ неизвѣстное». Страннымъ контрастомъ съ трагичностью положенія была эта видимая беззаботность, заставляющая вспомнить Козьму Пруткова:

(Все стою на камнѣ...
Дай-ка, брошусь въ море!

*) С. Мстиславскій „Брестскіе переговоры (изъ дневника)". СПБ. Изд. „Скиѳы" 1918, стр. 12 и 46.

Что пошлетъ судьба мнѣ—
Радость или горе?
Можетъ—озадачитъ,
Можетъ—не обидитъ...
Вѣдь кузнечикъ скачетъ,
А куда—не видитъ!

Но подъ этой видимостью рѣшенія «съ легкой душой» крылась немалая внутренняя трагедія для новой власти. Послушайте, напр., какъ характеризовалъ въ № отъ 7 ноября, московскій корреспондентъ «Правды», Бабушкинъ, настроенія вскормленныхъ посулами большевистскихъ массъ: «Злоба у солдатъ неимовѣрная. Они идутъ за нами, будучи увѣррены, что когда власть будетъ въ рукахъ Совѣтовъ, то демократическая политика воплотится въ жизнь, декреты съѣзда будутъ осуществлены. Но если въ этой области послѣдуетъ какое бы то ни было колебаніе, если они разочаруются въ нашей политикѣ, если она не осуществитъ ихъ ожиданій,—тогда мы очутимся передъ такой катастрофой, которой міръ еще не видалъ. Пугачевщина разрѣшитъ всѣ больные вопросы нашей жизни, и разрѣшитъ по своему».

Вынужденные возглавлять спущенную съ привязи солдатскую пугачевщину и, опасаясь, какъ бы не попасть самимъ подъ удары тѣхъ людей, чьи надежды и аппетиты они раздразнили, большевики не имѣли выбора. Они вызвали духовъ магическимъ словомъ—обѣщаніемъ немедленнаго «мира и хлѣба». Надо было отправляться въ экспедицію за ними. И новые аргонавты двинулись...

Тотъ же Мстиславскій, котораго если и можно заподозрить въ тенденціозности, то во всякомъ случаѣ не къ невыгодѣ того «посольства», въ которомъ самъ онъ игралъ не послѣднюю роль, такъ рисуетъ положеніе первой мирной делегаціи:

«Собранная на спѣхъ, изъ элементовъ далеко не «одинаковой тактики», и—главнѣе всего—совершенно не успѣвшихъ столковаться между собой, не искушенная въ искусствѣ дипломатическаго двуязычія тамъ, гдѣ на вѣсу, въ буквальномъ смыслѣ, каждое слово,—она должна была состязаться съ противникомъ опытнымъ, заранѣе обдумавшимъ всѣ свои ходы. Недаромъ передъ каждымъ изъ гер-

манскихъ и союзныхъ имъ делегатовъ лежали аккуратно отлитографированные листики съ какими-то инструкціями, замѣчаніями, мемоваррандумами. А передъ нами лежали только—тѣми же нѣмцами заготовленные, въ чистенькихъ синихъ папочкахъ, чистые листы бумаги»... *)

Можно себѣ представить, какъ выглядѣли въ глазахъ солидныхъ, знающихъ свое дѣло нѣмецкихъ дипломатовъ, явившихся во всеоружіи исключительной компетентности и спеціальныхъ познаній предмета переговоровъ, вся эта сборная компанія новопожалованныхъ дипломатовъ, съ опереточными персонажами — сивобородымъ мужикомъ Сташковымъ, такимъ же показнымъ солдатомъ и показнымъ рабочимъ, для которой все ея дѣло было какой-то «terra incognita»! Г. Мстиславскій не разъ говоритъ о мучившемъ его сознаніи ложнаго положенія и душевной червоточинѣ, о томъ, что сквозь внѣшнюю корректность германцевъ можно было прочитать отношеніе къ своимъ гостямъ, какъ къ людямъ, лишь благодаря особенному стеченію обстоятельствъ, «заслуживающимъ пріема и обѣда, а не висѣлицы». Его угнетало сознаніе, что нѣмцы ни на грошъ не вѣрятъ революціоннымъ деклараціямъ пришельцевъ, глядя на нихъ, какъ на политическихъ дѣльцовъ, явившихся ради опрредѣленной сдѣлки; имъ, при каждомъ соприкосновеніи съ германцами, «ощущалось глубокое, давящее униженіе». Не всякому дано было вынести такое униженіе, и делегацію постигла единственное въ міровой исторіи приключеніе: сопровождавшій ее въ качествѣ военнаго эксперта генералъ Скалонъ не выдержалъ—и застрѣлился...

Весьма интересно сравнить свидѣтельство г. Мстиславскаго съ другимъ свидѣтельствомъ—съ нѣмецкой стороны. Это показаніе, исходящее изъ устъ Эдуарда Бернштейна, прямо убійственно для большевиковъ:

«О, нѣмецкіе офицеры въ восторгѣ отъ этихъ славныхъ революціонеровъ! Посмѣиваясь, разсказываетъ генералъ Гофманъ, руководившій первыми переговорами о перемиріи, какъ на длинныя принципіальныя разсужденія большевистскихъ делегатовъ, онъ весело замѣтилъ: но поз-

*) Тамъ же, стр. 24.

вольте, милостивые государи, какое же намъ дѣло до вашихъ принциповъ! Разъ большевики не только жертвуютъ своими принципами, но вмѣстѣ съ тѣмъ, точь въ точь какъ ихъ недавній пріятель Шейдеманъ, въ дополненіе къ этому своему отступничеству, дѣлаютъ видъ, будто подъ ихъ давленіемъ прусско-германскій милитаризмъ перешелъ на сторону ихъ соціалъ-демократически-революціонныхъ принциповъ, разъ они такъ поступаютъ—все равно, сознательно или по глупости—то роль ихъ тождественна съ ролью тѣхъ германскихъ агентовъ, на которыхъ затрачиваются безчисленные милліоны, для того, чтобы они распространяли среди народовъ согласія и нейтральныхъ державъ идеи пацифизма, антимилитаризма, антикапитализма и революціи». «Въ военныхъ кругахъ Германіи успѣхъ переговоровъ съ русскими, совершенно открыто объясняютъ тѣмъ, что всѣ, кто нужно, «подмазаны». Что же касается до насъ, нѣмецкихъ соціалистовъ, то будучи, на основаніи опыта многолѣтняго общенія съ Ленинымъ и Троцкимъ, убѣждены въ ихъ личной честности, мы стоимъ передъ неразрѣшимой загадкой. Нѣкоторые ищутъ разрѣшенія загадки въ томъ, что, быть можетъ, первоначально большевики по чисто-дѣловымъ соображеніямъ воспользовались нѣмецкими деньгами въ интересахъ своей агитаціи и въ настоящее время являются плѣнниками этого необдуманнаго шага. Къ такого рода предположеніямъ нѣмецкіе соціалисты вынуждены прибѣгать, ибо въ Германіи никто не можетъ повѣрить тому, что большевики искренно убѣждены въ революціонной послѣдовательности своей тактики». *).

Разрѣшеніе «неразрѣшимой загадки» для насъ, русскихъ, гораздо проще и не требуетъ никакого обращенія къ гипотезѣ о «нѣмецкихъ деньгахъ». Въ томъ то и ужас положенія, что нѣмцамъ даже нѣтъ ни малѣйшей надобности слишкомъ много тратить на подкупъ вліятельныхъ русскихъ политическихъ дѣятелей.. Безъ всякихъ денегъ большевики вынуждены были дѣлать и безъ всякой оглядки дѣлали то, чего никогда не рѣшился бы сдѣлать под-

*) „Большевики и германскаа соціалъ-демократія", статья, спеціально написанная Э. Бернштейномъ для русскихъ и напечатанная въ „Новой Жизни" отъ 11 (24) янв.

купленный агентъ, боящійся, какъ бы подкупъ не вышелъ наружу. Охватившая большевиковъ необузданная жажда партійной политической власти, potentatis sacra fames, ввергла ихъ въ азартную авантюру, для выигрыша которой они должны были, очертя голову, разлагать въ Россіи все, чѣмъ держалась ея способность къ сопротивленію, и тѣмъ самымъ выдавать самихъ себя со связанными руками головой на волю умнаго, ловкаго и до зубовъ вооруженнаго врага. Этимъ самымъ исходъ переговоровъ былъ уже предопредѣленъ. Съ завязанными глазами большевики шли къ краю пропасти. Они прятали, подобно страусу, голову подъ крыло, малодушно не желая видѣть суровой и горькой для нихъ дѣйствительности. Такъ невыносимо было смотрѣть прямо въ глаза ужасу положенія, такое облегченіе давали иллюзіи. И гдѣ-то малодушно теплилась еще надежда, что авось-либо ослабленный долгой войной врагъ не знаетъ, не видитъ ахиллесовой пяты новой власти, считаетъ русскую боевую силу, по крайней мѣрѣ, такой же, какой она была во времена наступленія 18 іюля или боевъ подъ Ригой. И новоиспеченные большевистскіе дипломаты пробовали строить бодрыя мины, высоко поднимать головы и держать такія гордыя, независимыя рѣчи, какъ будто они были силою. Наивные ребята въ политикѣ, они не хотѣли понимать, что Гинденбургу истинное состояніе русской арміи послѣ октябрьскаго переворота и приказовъ Крыленко извѣстно еще лучше, чѣмъ имъ. До боли жалостное впечатлѣніе производитъ разсказъ Мстиславскаго о томъ, какъ они вмѣстѣ съ адмираломъ Альфатеромъ придумали начать дипломатическіе торги «съ запросомъ» и настаивали на очищеніи нѣмцами Моонзундскихъ острововъ, чтобы съ самаго начала «ударить высокомѣрнымъ требованіемъ въ забрало побѣдителю». И эти злосчастные горе-дипломаты не хотѣли видѣть, что они только б а р а х т а ю т с я, все болѣе и болѣе сжимаемые бархатными лапами побѣдителя, который только выжидалъ удобнаго момента, чтобы выпустить свои острые когты.

Впрочемъ, сознаніе дѣйствительности съ непреоборимой силой вторгалось иногда въ сознаніе самихъ Брестскихъ паломниковъ». И у того же Мстиславскаго въ одномъ мѣстѣ прорывается про делегацію мѣткое, убійствен-

ное слово. Когда она ѣхала въ Брестъ, то «вложила голову въ львиную пасть. И если бы она вложила только собственную голову!»

«Чужая душа—потемки». Мы не знаемъ, жила ли въ глубинѣ души новыхъ вершителей нашей внѣшней политики та тревога, которая была бы такъ естественна у людей задумавшихъ ходить по туго-натянутому канату надъ пропастью. Если и да, то они этого не выказывали. Напротивъ, они вели себя такъ, какъ будто взялись служить живой иллюстраціей старому-старому четверостишью Тредьяковскаго:

Ходитъ птичка весело
По тропинкѣ бѣдствій,
Не предвидя отъ сего
Гибельныхъ послѣдствій...

Въ самомъ дѣлѣ, увѣренность у нихъ была необыкновенная. «Миръ идетъ!»—возвѣщали 7-го ноября оффиціальныя «Извѣстія С.-Р. и С. Д.». Давно ли былъ Рижскій прорывъ и Моонзундскія операціи,—а «Извѣстія» авторитетно и непререкаемо излагали мотивы своей увѣренности: «ибо, наконецъ, ясно, что Австрія и Германія становятся неспособны къ дальнѣйшему веденію войны». Дѣло какъ будто стояло только за нашими союзниками,—и большевики взялись «обломать» ихъ упорство своими ультиматумами, своей угрозой оставить ихъ на произволъ судьбы путемъ вывода Россіи изъ войны. И оффиціальный органъ Совѣтской власти ручался: «дѣло близкаго демократическаго мира обезпечено».

Впрочемъ, что говорить о прессѣ! Самъ новый министръ иностранныхъ дѣлъ Левъ Троцкій на засѣданіи Ц. И. К. 8-го ноября*) заявилъ: Всѣ свѣдѣнія, которыя имѣются у насъ о впечатлѣніи, произведенномъ декретомъ о мирѣ въ Европѣ, свидѣтельствуютъ о томъ, что наши самыя оптимистическія предположенія оправдались». Правда, онъ замѣтилъ, что Гогенцоллернская Германія «относится съ полутерпимостью къ Совѣтской власти», но эта «полутерпимость» ему не казалась подозрительной: онъ ее относилъ на счетъ затруднительности ея «внутренняго экономическаго положенія». Не могъ

*) См. отчетъ въ „Правдѣ“ отъ 9/XI 1917 г.

онъ совсѣмъ закрыть глаза и на то, что имперіалистовъ Германіи «переворотъ интересовалъ съ точки зрѣнія углубленія смуты въ Россіи и увеличенія ихъ военныхъ шансовъ, и это давало имъ поводъ для злорадства»,—но и это не было для Льва Троцкаго должнымъ предостереженіемъ: услужливая діалектика подсказала ему успокоительную формулу—«какъ нѣмцы, они готовы злорадствовать; какъ буржуазные имущіе классы,—они понимаютъ, что нужно бояться». И на крыльяхъ вѣры, которая, по катихизису, есть «увѣренность въ невидимомъ, какъ бы въ видимомъ, въ чаемомъ и ожидаемомъ, какъ бы въ настоящемъ»—Троцкій заявилъ, что ими «война убита», и что имперіализму остается только закрывать лавочку и складывать свои чемоданы: «Европейскія правительства заботятся уже не объ осуществленіи своихъ первоначальныхъ цѣлей, а объ ликвидаціи этого предпріятія съ наименьшимъ урономъ для своего могущества».

Знаменитое первое выступленіе Совѣтской власти на военно-дипломатическомъ поприщѣ, когда передъ лицомъ всей Европы главою первой нашей мирной делегаціи оказался старый царскій провокаторъ фонъ Шнеуръ,—окрылило Льва Троцкаго на новое побѣдоносное заявленіе: «Германскій кайзеръ съ нами заговорилъ, какъ равный съ равными»... («Правда», 17/XI) Еще два дня—и Левъ Троцкій смѣло изображаетъ будущіе переговоры съ представителями кайзера, какъ согласіе этихъ послѣднихъ «пройти подъ игомъ» великой россійской большевистской власти: «Сидя съ ними за однимъ столомъ, мы будемъ ставить имъ категорическіе вопросы, не допуская никакихъ увертокъ*), и весь ходъ переговоровъ, каждое слово, произнесенное нами и ими, будетъ протоколироваться и передаваться по радіотелеграфу всѣмъ народамъ, которые и будутъ судьями нашихъ переговоровъ. Подъ вліяніемъ низовъ германское и австрійское правительства уже согласились сѣсть на скамью подсудимыхъ. Будьте увѣрены, товарищи, что прокуроръ въ лицѣ русской революціонной делегаціи ока-

*) Въ другой разъ (см. отчетъ „Новой Жизни“ въ № 197) онъ обѣщался особенно строго допросить нѣмцевъ, „согласны ли они на самоопредѣленіе познанскихъ поляковъ, галиційскихъ поляковъ и украинцевъ“, а также колоній. Онъ забылъ сообщить, чѣмъ кончился этотъ „допросъ съ пристрастіемъ“.

жется на своемъ мѣстѣ»... («Правда», 19/XI) Трудно повѣрить, чтобы съ подобнымъ бахвальствомъ рѣшился выступить человѣкъ, поставленный на высокое мѣсто руководителя всей внѣшней политики страны,—и, однако, это фактъ. Не довольствуясь этимъ, еще черезъ пару дней Троцкій, въ новомъ припадкѣ болтливой маніи величія, заставилъ «пройти подъ игомъ» и союзниковъ: «Франція и Англія должны будутъ пойти на переговоры о заключеніи мира, а если не пойдутъ, то ихъ народы, оповѣщенные о ходѣ переговоровъ, погонятъ ихъ туда палкой; а русскіе представители превратятся за столомъ переговоровъ въ обвинителей» («Правда», 21/XI). И такъ велико было опьяненіе большевистски - настроенной толпы, что все это чисто - репетиловское безпардонное самовлюбленное вранье встрѣчалось нескончаемой бурей аплодисментовъ. Опьяненіе толпы пьянило и вождей, и они не скупились на прорицанія и обѣщанія. Какъ говорится въ пословицѣ: «во хмѣлю я что хошь намелю, а дайте проспаться—ото всего буду отпираться»...

«Мы уже имѣемъ согласіе Германіи и Австро-Венгріи на веденіе переговоровъ о перемиріи на основѣ совѣтской формулы»—возвѣстилъ Троцкій urbi et orbi еще 20-го ноября. Его не смущали указанія на то, что раньше большевики обѣщали заключить миръ «черезъ головы правительствъ» съ народами; что раньше они клеймили именемъ недостойнаго соглашательства въ международномъ масштабѣ—переговоры съ правительствами имперіалистическихъ странъ, а теперь какъ будто сами унизились до такого «соглашательства». Помилуйте, какое же тутъ соглашательство, когда на дѣлѣ Вильгельмъ согласился покорно сѣсть на скамью подсудимыхъ предъ лицомъ грознаго прокурора—Троцкаго! Троцкій прочтетъ свой обвинительный актъ, Вильгельмъ, запинаясь, пробормочетъ «послѣднее слово подсудимаго», и его дѣло будетъ кончено: онъ лишь начнетъ переговоры, а кончатъ ихъ другіе, и «не дипломатическій миръ заключимъ мы—это будетъ народный миръ, солдатскій миръ, окопный миръ!» («Правда», 21/XI).

Вѣрили сами вожди большевизма въ то, что говорили, или просто вставали на революціонныя ходули и «потраф-

ляли» наэлектризованной толпѣ? Этотъ вопросъ приходится поставить, и дать на него убійственный для большевиковъ отвѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, еще воздухъ сотрясался громкими фразами Троцкаго, а большевистская пресса уже начала медленно и постепенно подготовлять страну къ сговору съ Вильгельмомъ, къ сепаратной сдѣлкѣ, и притомъ далеко не почетной. Такъ, «Извѣстія» уже 13-го ноября, отвѣчая критикамъ, предрекавшимъ, что всякая попытка сепаратнаго мира въ данныхъ условіяхъ кончится миромъ за счетъ Россіи, заявили: «Нѣтъ такого мира за счетъ Россіи, который былъ бы хуже войны за счетъ Россіи». Отвѣтъ въ комментаріяхъ не нуждался. И въ тотъ же самый день—словно по уговору—«Правда» тоже принялась объяснять, что бѣду надо видѣть «не въ потерѣ областей на западной границѣ», ибо «Россія, экономически разгромленная, плѣнная и оскудѣвшая, теряетъ Польшу, Курляндію и Литву независимо отъ результатовъ войны». Куда гнула правящая партія, понять было нетрудно. Но Троцкій по прежнему, ради срыванія аплодисментовъ, становился въ позу и говорилъ—какъ въ своей рѣчи передъ лѣво-эсеровской частью крестьянскаго съѣзда: мы умѣемъ «вести переговоры съ чувствомъ собственнаго достоинства, не дѣлая никакихъ уступокъ противнику, а наоборотъ, заставляя его капитулировать передъ нашими требованіями»; «на похабный миръ мы не пойдемъ, и если нѣмцы откажутся принять наши условія мира,—мы все поставимъ на карту и будемъ воевать во имя нашихъ революціонныхъ идей» (Нов. Жизнь, № 197). И Троцкій даже патетически восклицалъ: «Въ этой залѣ мы даемъ клятву труженикамъ всѣхъ странъ стоять до конца на революціонномъ посту... и, если понадобится, мы умремъ вмѣстѣ!» Этотъ типичный политическій актеръ, когда нужно, «плачетъ, смѣется, въ любви клянется», или, по мѣткому народному присловью, «вертится задомъ, вертится передомъ, а надуетъ—своимъ чередомъ!».

Теперь принято въ оправданіе большевиковъ говорить, что они разсчитывали на революціонное движеніе братапролетарія Германіи. Однако, еще въ концѣ октября мѣсяца представители германской «независимой с.-д. партіи» въ Стокгольмѣ разъяснили, что надѣлавшее тогда шуму дви-

женіе въ германскомъ флотѣ раздуто германскимъ правительствомъ, чтобы оправдать свою политику репрессій, и «просили передать русскимъ товарищамъ, что революціоннаго движенія въ Германіи ждать въ близкомъ будущемъ не приходится, и на таковое русскіе товарищи разсчитывать не должны», (докладъ Гольденберга, члена заграничной делегаціи перваго съѣзда совѣтовъ). И, несмотря на это прямое предостереженіе, Левъ Троцкій усиленно внушалъ русскимъ рабочимъ убѣжденіе въ томъ, что Вильгельмъ уже почти гражданскій военноплѣнный созрѣвшей германской революціи, заставляющей его идти навстрѣчу русской совѣтской власти: «онъ знаетъ, что революція германскаго пролетаріата, что возстаніе германскихъ солдатъ и крестьянъ отвѣтитъ взрывомъ негодованія, роковымъ для него крикомъ возмущенія въ томъ случаѣ, если онъ дастъ иной отвѣтъ» («Правда», 13/XI). Иными словами, человѣкъ, которому ввѣрено руководство внѣшней политикой Россіи, завѣдомо внушалъ иллюзіи и надежды, не только противорѣчащія извѣстнымъ ему фактамъ, но и прямымъ заявленіямъ тѣхъ, отъ чьего имени онъ выдавалъ векселя—бронзовые векселя...

Но вотъ, встрѣтились, наконецъ, искушенные опытомъ германскіе дипломаты съ нашими новоиспеченными «внѣшнихъ дѣлъ мастерами». Пустое фанфаронство приходится бросить. Если бы русскіе делегаты и въ самомъ дѣлѣ воображали, будто нѣмцы предстанутъ предъ ихъ свѣтлыя очи, какъ подсудимые, то первой же встрѣчи было бы достаточно, чтобы убѣдиться, насколько иначе выглядитъ дѣло. Вмѣсто подсудимыхъ, они встрѣтили—экзаменаторовъ и оказались плохо - подготовленными. Уже сдержанной тревогой звучитъ обращеніе Троцкаго «къ трудящимся, угнетеннымъ и обезкровленнымъ народамъ Европы». «Вступая въ переговоры съ нынѣшними правительствами, насквозь проникнутыми съ обѣихъ сторонъ имперіалистическими тенденціями,—гласитъ воззваніе—Совѣтъ народныхъ комиссаровъ ни на одну минуту не отклоняется отъ пути соціальной революціи. За подлинный демократическій миръ народовъ предстоитъ еще только бо-

роться». Въ своемъ обращенiи къ союзникамъ онъ беретъ тонъ чрезвычайно разсудительнаго «честнаго маклера», склоняя ихъ къ единственно практически возможному въ данный моментъ «миру имперiалистическаго компромисса». На соединенномъ засѣданiи Ц. И. К. 8-го декабря Троцкiй считаетъ нужнымъ заявить, что, конечно, большевики предпочли бы, если бы имъ «пришлось разговаривать не съ ген. Гофманомъ и Чернинымъ, а съ Либкнехтомъ, Кларой Цеткинъ, Розой Люксенбургъ и другими», но не ихъ вина, если «пока этого еще нѣтъ». О замѣнѣ дипломатическаго мира окопнымъ миромъ разговоръ приходится бросить. «Облетаютъ цвѣты, догораютъ огни». Троцкiй, по крайней мѣрѣ, старается убѣдить слушателей, что они «говорили съ Кюльманами и Черниными, какъ съ врагами». Еще 6-го декабря онъ разсказывалъ о попыткахъ «пополнить» вынужденные переговоры съ правительствами—«прямымъ общенiемъ съ германскимъ народомъ»: «Мы не считаемся съ тѣмъ, что ведемъ съ Германiей переговоры о мирѣ и говоримъ нашимъ привычнымъ революцiоннымъ языкомъ». Теперь онъ тоже еще увѣряетъ, что они обезпечили за собой «право свободной пропаганды въ рядахъ австро-германскихъ армiй», что въ специально издающейся для этого на нѣмецкомъ языкѣ газетѣ «Факелъ» они будутъ вести «другiе переговоры, настоящую окопную дипломатiю». И опять гордая поза: «Мы заявили, что по этому пункту мы не считаемъ нужнымъ вступать въ переговоры съ германскими генералами, а будемъ говорить лишь съ германскимъ народомъ». Извѣстно, что германскiе генералы очень быстро заставили не только «вступить» по этому пункту съ ними въ переговоры, но и «отступить», цѣликомъ сдавъ имъ всѣ позицiи. Какой то злой рокъ преслѣдовалъ Троцкаго: стоило ему чѣмъ нибудь похвастаться, какъ жизнь моментально преподносила ему сюрпризъ, сбивавшiй съ него всякую спѣсь. Впрочемъ, онъ въ сихъ дѣлъ оказывался какимъ то живымъ Ванькой-встанькой; покачается-покачается во всѣ стороны, и опять, какъ ни въ чемъ не бывало, стоитъ съ поднятой вверхъ головой...

Нечего и говорить, что по прежнему Троцкiй съ негодованiемъ отбрасываетъ всякую тѣнь мысли о возможности для большевиковъ пойти на сдѣлку съ хищническими

замыслами Вильгельма. Впервые въ рѣчи 8-го декабря онъ касается вопроса о томъ, что будетъ, если большевики просчитаются въ вопросѣ о помощи германской революціи и побѣдѣ надъ стяжательными поползновеніями германскаго имперіализма. «Но если мы ошибемся, если мертвое молчаніе будетъ намъ отвѣтомъ, и германскій кайзеръ получилъ бы возможность наступать на насъ и предложить намъ оскорбительныя для революціи условія,—то я не знаю, смогли ли бы мы воевать»...

Вопросъ, дѣйствительно, трагическій. Лозунгомъ чуть не повзводнаго и поротнаго мира армія разложена. Неоднократными заявленіями, что, въ сущности, «война кончена», армію толкнули на «самодемобилизацію». И начали дипломатическую «игру» съ противникомъ.... оставивъ у себя на рукахъ одни «фоски», когда у противника руки— полны козырей! Полный проигрышъ былъ, конечно, при такихъ условіяхъ вполнѣ обезпеченъ.

Правда, Троцкій пробовалъ все же бодриться. На вопросъ «смогли ли бы мы воевать», онъ отвѣтилъ: «я думаю, что смогли бы». Получивъ въ отвѣтъ на это жидкіе аплодисменты своей аудиторіи, онъ «нажалъ педаль» и разразился однимъ изъ своихъ обычныхъ словесныхъ фейерверковъ:

«Усталые, старики ушли бы; но мы сказали бы, что наша честь связана съ этимъ, и кликнули бы кличъ, и создали бы мощную армію изъ солдатъ и красногвардейцевъ, которая боролась бы до последней капли крови! Не для того мы свергли царя и буржуевъ, чтобы стать на колѣни передъ германскимъ кайзеромъ и просить его о мирѣ!»

Аудиторія на этотъ разъ молчала... упорно и знаменательно молчала. И вотъ, нашъ дипломатъ-импровизаторъ находитъ, путемъ нежданной интуиціи, новый выходъ: «Если намъ предложатъ непріемлемыя условія, противорѣчащія основамъ нашей революціи, то мы эти условія представимъ Учредительному Собранію и скажемъ: «рѣшайте». Если Учредительное Собраніе согласится съ этими условіями, то партія большевиковъ уйдетъ изъ Собранія и скажетъ: «ищите себѣ другую партію, которая будетъ подписывать эти условія, мы же призовемъ всѣхъ къ священной войнѣ противъ имперіализма всѣхъ странъ». (Шумные аплодисменты).

Выходъ придуманъ былъ остроумно. «Наше дѣло—заварить кашу, а ужъ расхлебываютъ пусть другіе»—вотъ весь смыслъ его. Сдѣлать страну безпомощной, разоружить ее, развалить армію оффиціально предписаннымъ братаньемъ и допущенной, явочной «самодемобилизаціей»,—а весь «одіумъ» несчастнаго мира возложить на Учредительное Собраніе! Да еще съ благороднымъ видомъ, въ знакъ протеста противъ его низости, уйти и стать въ величественную позу людей, объявляющихъ—на словахъ—священную войну противъ всѣхъ правительствъ!

Что и говорить, выходъ казался соблазнительнымъ въ тотъ моментъ, когда впервые Троцкій почувствовалъ, что все его зданіе вызывающихъ жестовъ и ультиматумовъ въ сторону союзниковъ построено на песцѣ, ибо разсчеты на покладистость нѣмцевъ «неспособныхъ къ дальнѣйшему веденію войны» могутъ и не оправдаться. Но соблазнительность была лишь к а ж у щ а я с я. Изъ заявленій партіи, имѣвшей большинство въ Учредительномъ Собраніи, большевики могли убѣдиться, что въ какой бы разрухѣ они ни оставили Учред. Собранію фронтъ, а сепаратная сдѣлка съ Вильгельмомъ ихъ будетъ категорически о т в е р г н у т а. А, стало быть, не представится и повода для жеста возмущеннаго негодованія, прикрывающаго благоразумный «выходъ изъ игры» большевистской партіи по добру да по здорову и съ незапятнанной революціонной репутаціей pardessus du marché. И вотъ, въ предчувствіи этого, ловкій дипломатическій жонглеръ прибавляетъ—какъ дама извѣстнаго типа, пишущая самое важное обязательно въ postscriptum'ѣ—«если же мы въ силу хозяйственной разрухи воевать не можемъ, и если мы вынуждены будемъ отказаться отъ борьбы за свои идеалы, то мы своимъ заграничнымъ товарищамъ скажемъ, что борьба за наши идеалы не окончена, а она лишь отложена». Такимъ образомъ былъ уже тогда сдѣланъ намекъ на возможность объявленія пресловутой Ленинской «передышки». Въ этомъ гипотетическомъ случаѣ, конечно, объ Учредительномъ Собраніи рѣчи уже не было: къ чему оно, если на него нельзя даже свалить, какъ на козла отпущенія, позоръ за вполнѣ подготовленную жалкую капитуляцію?

Германская дипломатія, межъ тѣмъ, продолжала свою игру съ большевиками, какъ кошка съ мышкой. Она въ теченіи извѣстнаго времени не препятствовала затягиванью мирныхъ переговоровъ, чтобы дать время, съ одной стороны, основательно испортиться отношеніямъ Россіи съ союзниками, съ другой—окончательно разложиться и разбрестись русской арміи, съ третьей—сильнѣе разжечься гражданскому междоусобію въ Россіи. Только дальнѣйшее всестороннее развитіе этого процесса давало ей возможность въ должный моментъ выпустить свои когти и схватить добычу «мертвой хваткой». А до тѣхъ поръ она даже поглаживала порою большевиковъ бархатной лапкой, вознося ихъ сразу въ эмпиреи блестящихъ надеждъ. Для иллюстраціи достаточно вспомнить хотя бы знаменитое интервью Кайзерлинга, въ которомъ онъ выражалъ свои чувства уваженія къ такимъ «серьезнымъ государственнымъ дѣятелямъ, какъ Ленинъ и Троцкій».

Теперь, заднимъ числомъ, трудно даже вообразить себѣ, какъ большевики могли попасться въ столь грубо поставленную имъ ловушку. Но тогда они были въ положеніи вороны, у которой «вскружилась голова, отъ радости въ зобу дыханье сперло».

14-го декабря появилось въ печати извѣстное заявленіе русской делегаціи, въ которомъ она «съ удовлетвореніемъ констатируетъ, что провозглашенныя Россійской революціей принципы всеобщаго демократическаго мира безъ аннексій восприняты народами четверного союза, что Германіи и ея союзницамъ совершенно чужды планы какихъ либо территоріальныхъ захватовъ и завоеваній, равно какъ стремленіе уничтожить или ограничивать политическую самостоятельность какого либо народа».

Итакъ, большевики передъ всѣмъ міромъ удостовѣрили чистоту намѣреній Гогенцоллернской Германіи, Габсбургской Австріи, Болгаріи Фердинанда Кобургскаго и султанской Турціи. Невѣроятно, но фактъ. Напрасно предостерегали ихъ, напоминая мораль Крыловской басни, «впредь утро похвалю, какъ вечеръ ужъ наступитъ»; напрасно указывали на то, что имперіалистская дипломатія исповѣдуетъ Талейрановское правило «слова суть средство для сокрытія

мыслей». Напрасно указывали на отдѣльныя неопредѣленности выраженій, которыя явно были оставлены въ заявленіяхъ центральныхъ имперій, какъ лазейки для аннексіонной и контрибуціонной контрабанды. Не только большевики и слушать ничего не хотѣли, но имъ подражали и лѣвые эсеры, которые устами Камкова смѣялись надъ «ничтожными придирками» и попытками «съ микроскопомъ въ рукахъ» вылавливать частности, способныя омрачить зрѣлище великой международной побѣды большевизма. Полубольшевикъ Сухановъ въ «Новой Жизни» тоже «не справившись со святцами, бухнулъ въ колоколъ»: провозгласилъ, что «Русская революція одержала побѣду».

А между тѣмъ, недостатка не только въ предостерегающихъ симптомахъ, а даже и въ прямыхъ одергиваніяхъ—не было. Въ прусской палатѣ депутатовъ Шеферъ истолковалъ признаніе мира безъ аннексій и контрибуцій такъ: «если англичане согласны опросить населеніе въ Индіи, то мы предоставимъ голосовать населенію въ Вильнѣ и Гроднѣ, а если они еще предоставятъ право на самоопредѣленіе Египту и Ирландіи, то мы то же сдѣлаемъ и въ Курляндіи». А такъ какъ нелѣпо было бы думать, что мирный договоръ переустроитъ на основахъ абсолютной справедливости весь земной шаръ, и сами большевики этого требовать не будутъ, то они должны будутъ примириться и съ тѣмъ, что «твердая нѣмецкая воля» возьмется «все упорядочить» въ дѣлахъ латышей и литовцевъ, во имя права пріоритета высшей культуры надъ низшей. Съ начала переговоровъ съ большевиками имперіалистскіе круги Германіи вообще ожили и заговорили снова тѣмъ же языкомъ, какимъ говорили послѣ своихъ самыхъ крупныхъ побѣдъ въ 1915 и 1916 гг., разсчитывая особенно «сосчитаться съ Англіей», развязавъ себѣ руки на востокѣ. Извѣстный соціалъ-патріотъ Леншъ въ Парвусовскомъ «Die Glocke» указалъ на возможность, что изъ Брестскихъ переговоровъ вытечетъ возстановленіе прочной экономической связи Россіи съ Германіей и повысятся шансы длительнаго разгрома антигерманской коалиціи. Именно поэтому счелъ необходимымъ поднять предостерегающій голосъ Бернштейнъ, заявившій, что большевики своей политикой «подготовляютъ не миръ для Россіи и для всего придавленнаго войной человѣчества, а исключительно

свирѣпѣйшій тріумфъ нѣмецкаго имперіализма, который—увы—и не помышляетъ о томъ, чтобы самому обратиться въ большевистскую вѣру». И прибавлялъ, что «все равно—сознательно или по глупости» эти люди «въ дополненіе къ своему отступничеству дѣлаютъ видъ, будто подъ ихъ давленіемъ прусско-германскій милитаризмъ перешелъ на сторону ихъ соціальдемократически-революціонныхъ принциповъ»—объективно они все равно дѣлаютъ дѣло этого самаго милитаризма...

Но большевики уже были неспособны ни слушать, ни воспринимать никакихъ аргументовъ. На съѣздѣ ж.-дор. рабочихъ Зиновьевъ произнесъ классическую фразу: «Мы Вильгельма приперли къ стѣнѣ». Луначарскій въ интервью съ сотрудникомъ «Новой Жизни» заявилъ: «Передъ нами блестящая ситуація». Жуткое чувство вчужѣ охватывало при видѣ людей, до такой степени ослѣпленныхъ, когда эти—поистинѣ «слѣпые вожди слѣпыхъ»!—тащили всю Россію къ пропасти... Мнѣ невольно вспоминается одно мѣсто изъ Тургеневскихъ «стихотвореній въ прозѣ»:

«Полный раздумья, шелъ я однажды большою дорогой.

«Тяжкія предчувствія стѣсняли мою грудь; унылость овладѣвала мной...

«А въ десяти шагахъ отъ меня, вся раззолоченная осеннимъ солнцемъ, прыгала гуськомъ цѣлая семейка воробьевъ, прыгала бойко, забавно, самонадѣянно. Особенно одинъ изъ нихъ такъ и надсаживалъ грудь, бочкомъ, бочкомъ, выпуча лобъ и дерзко чирикая, словно и чортъ ему не братъ. Побѣдитель, да и полно!

«А высоко на небѣ кружилъ ястребъ»...

И вотъ—моментъ насталъ. «Блестящая ситуація»—т. е. обнаженіе фронта отъ всѣхъ, сколько нибудь боеспособныхъ частей, взятыхъ на внутренній фронтъ, гражданская война на всей россійской территоріи, чрезвычайныя осложненія въ Румыніи, Украинѣ, Эстляндіи, Финляндіи—все это позволило нѣмцамъ впервые пріоткрыть свои карты. «Правда» должна была разразиться филиппиками противъ «лицемѣровъ въ аксельбантахъ, которые въ Брестѣ торжественно клялись въ своихъ благородныхъ чувствахъ» и которые «начинаютъ высовывать хищные когти». Каменевъ заявилъ: въ вопросѣ о правѣ самоопредѣленія Польши,

Литвы и Курляндіи безъ вмѣшательства нѣмецкаго штыка—«мы не отступимъ, мы не склонимъ своихъ знаменъ передъ нѣмецкими шуцманами». Не менѣе апломба проявилъ и Троцкій, спокойно отвѣтившій, что осложненія въ переговорахъ его не пугаютъ, ибо это «не послѣдніе переговоры: мы будемъ еще вести съ Германіей другіе переговоры, когда Либкнехтъ будетъ стоять во главѣ революціоннаго пролетаріатаГерманіи и съ нимъ вмѣстѣ мы будетъ перекраивать карту Европы». Этотъ типичный фразеръ и позеръ еще воображалъ, что можетъ запасаться ножницами для перекраиванья міровой карты, когда уже давно карта Россіи была имъ фактически отдана на произволъ ножницъ Гогенцоллернской дипломатіи. Онъ полагалъ, что развязностью своихъ звонкихъ словечекъ онъ вотретъ очки въ глаза такимъ старымъ воробьямъ, какъ нѣмецкіе генералы. Онъ забылъ предостереженіе Бернштейна, давнымъ давно сообщившаго, что они «тихонько подсмѣиваются надъ словами Троцкаго о революціонной войнѣ». Мало того, принятая воинственная поза дала Троцкому смѣлость обвинить другихъ въ томъ, что онъ въ глубинѣ души уже былъ готовъ сдѣлать самъ, и что потомъ въ дѣйствительности сдѣлалъ: «Я увѣренъ, что если бы... правые с.-р.-ы какимъ нибудь чудомъ оказались сейчасъ у власти, они поспѣшили бы заключить постыдный миръ, чтобы освободить свои силы для укрѣпленія буржуазнаго строя въ Россіи»... Не въ примѣръ этимъ жалкимъ соглашателямъ Троцкій даже по пути въ Брестъ въ окопахъ заявлялъ солдатамъ—объ этомъ Караханъ оповѣстилъ немедленно всю Россію—что «русская революція не склонитъ головы передъ нѣмецкимъ имперіализмомъ», и Троцкій съ товарищами «подпишутъ только почетный миръ». Слова вообще недорого стоили этому «государственному дѣятелю» большевизма.

---

13 января Троцкій вернулся изъ своего «вояжа» для доклада о результатахъ. Они были нерадостные. Настолько нерадостные, что докладъ его Ц. И. К. былъ лишенъ обычныхъ цвѣтовъ краснорѣчія. Необыкновенно проницательный заднимъ числомъ, Троцкій увѣрялъ, что ему «было сразу ясно, что въ основѣ перваго германскаго заявле-

нія лежитъ лицемѣріе». Сказать это, значило выдать себѣ безспорный патентъ на глупость: спрашивается, какъ же можно было послѣ этого прекратить изготовленіе предметовъ военнаго снаряженія и объявить демобилизацію промышленности? Во всякой демократической странѣ правительство, которое сдѣлало бы это, имѣя основаніе не довѣрять заявленіямъ непріятеля, было бы отдано подъ судъ по обвиненію въ государственной измѣнѣ. Въ нашей Россіи, въ странѣ неограниченныхъ возможностей, одинъ изъ правителей, не сморгнувъ глазомъ, дѣлаетъ признаніе въ томъ—и разсчитываетъ на аплодисменты. Впрочемъ, растерянность Троцкаго, вынужденнаго впервые увидѣть, что приходится жать, что посѣялъ, во время этого доклада дошла до максимальной степени. Такъ, онъ позволилъ себѣ по истинѣ чудовищное утвержденіе: «Условія, предложенныя Кюльманомъ, получили молчаливое одобреніе въ Лондонѣ, я заявляю объ этомъ категорически. Англія согласна на компромиссный миръ съ Германіей за счетъ Россіи. Условія, намъ предъявленныя, являются не только германскими, но американскими, французскими и англійскими условіями. Это—счетъ, который предъявляетъ русской революціи міровой имперіализмъ. И тутъ же, въ концѣ рѣчи, словно позабывъ о только что произнесенныхъ словахъ, Троцкій сообщилъ, что «когда явилась возможность разрыва мирныхъ переговоровъ, союзныя правительства на перебой предлагали признать совѣтскую власть, дабы мы вели войну дальше, предлагали также платить жалованье добровольческой арміи», и что большевики отвѣтили заявленіемъ: «изъ имперіалистической войны мы вышли и больше въ нее не войдемъ». Такимъ образомъ, все разоблаченіе «заговора» Англіи, Америки и Франціи съ Германіей противъ совѣтской Россіи было шитой бѣлыми нитками попыткой выставить себя невинной жертвой чужого коварства, а не легкомысленными виновниками собственнаго несчастья.

Всякое дальнѣйшее фанфаронство, казалось, оставалось бросить. Ораторское распусканіе пышнаго павлиньяго хвоста больше помочь не могло. Все состязанье большевистской власти съ германской напоминало мѣткое словечко Драгомирова во время дальновосточной войны: «японцы насъ торпедой—а мы ихъ молебномъ; они насъ еще разъ торпе-

дой—а мы ихъ еще разъ молебномъ». Разница была въ томъ, что на этотъ разъ молебны были замѣнены сеансами ораторскаго таланта Троцкаго. Сбылась басня про ворону въ павлиньихъ перьяхъ, превратившуюся въ обыкновенную, ощипанную ворону. И впервые Троцкій произнесъ слова, которыми отрекся отъ всего своего прошлаго: «Случается, что народъ долженъ подписать грабительскій миръ. Это несчастіе, но не преступленіе. Не исключена возможность, что совѣтская власть будетъ вынуждена подписать противонародный миръ». Однако у него еще оставался въ запасѣ нѣкій трюкъ, котораго пока онъ не опубликовывалъ, какъ «секретъ изобрѣтателя». Онъ ограничился загадочной фразой: «Я не могу сказать, въ какой формѣ мы будемъ продолжать веденіе переговоровъ... Мы будемъ придерживаться политики, гибкой по формѣ... Мы не можемъ дать обязательства, что мы побѣдимъ. Мы не знаемъ, каковъ будетъ финалъ, но у насъ намѣреніе—освободить армію отъ дальнѣйшей войны и не подписывать имперіалистско-аннексіонистскаго мира». Такъ упражнялся въ словоизлитіяхъ «грѣшный сей языкъ, и празднословный, и лукавый». Стадо барановъ, слушавшее своего пастыря, въ кредитъ, на вѣру авансировало ему—въ награду за будущій акробатическій «номеръ»—«бурные аплодисменты». Видно, не даромъ сказалъ поэтъ: «Громъ побѣдъ отзвучитъ, красота отцвѣтетъ, но Duракъ ни за что, никогда не умретъ—ты безсмертна, о глупость людская!»

Повидимому, самъ Троцкій еще твердо не рѣшилъ—можно ли прибѣгнуть къ созрѣвшему въ его умѣ маневренному плану. Но его окончательно сгубила и подтолкнула лѣвая часть германской соціальдемократіи. Видя, въ какомъ отчаянномъ положеніи находится новое правительство, и въ какой тупикъ оно забрело съ сепаратными переговорами, она сдѣлала героическое усиліе и провела кампанію открытыхъ бурныхъ демонстрацій за миръ. Стараясь выглядѣть возможно грознѣе и произвести возможно большее впечатлѣніе на правительство, она даже попыталась образовать свой, берлинскій «Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ». Ея вожди, не разъ уже предупреждавшіе русскихъ товарищей, чтобы тѣ не строили никакихъ

разсчетовъ на революцію въ Германіи, не ожидали, конечно, что большевики опять впадутъ по этому поводу въ полное самозабвеніе. Однако, случилось именно такъ. Германское правительство довольно твердо и хладнокровно выдержало натискъ. Но не выдержали большевики. Они прокричали urbi et orbi, что міровая революція началась, что Германія и Австрія объяты революціоннымъ пожаромъ; они объявили, что идетъ на сцену Третій Интернаціоналъ—міровой совѣтскій Интернаціоналъ, который оснуетъ міровую совѣтскую республику. И въ этомъ самозабвеніи Троцкій рискнулъ на свой, давно выношенный дипломатическій кунсштюкъ. Въ тотъ самый моментъ, когда его «приперли къ стѣнѣ» своими ультиматумами дипломаты центральныхъ имперій, онъ открылъ наконецъ своимъ товарищамъ по делегаціи свой «секретъ». Когда они, «проводили безсонныя ночи, обсуждая создавшееся тяжелое положеніе», Троцкимъ «былъ предложенъ небывалый еще въ міровой исторіи исходъ». Россія не подписываетъ позорнаго мира, но и «не желаетъ воевать съ народомъ Германіи... и вкладываетъ свое оружіе въ ножны. Русская армія демобилизуется. Русскій фронтъ остается беззащитнымъ, и защита его ввѣряется германскимъ рабочимъ». Любопытно, что, по свидѣтельству одного изъ членовъ мирной делегаціи «эта мысль показалась сначала абсурдной», но «Троцкому удалось разсѣять предубѣжденія». Г-да Карелинъ, Биценко и др. въ концѣ концовъ поняли геніальность этой идеи, ибо если «такой формы окончанія войны не знаютъ исторія, международные обычаи и международные законы», такъ вѣдь «исторія не знаетъ и практическаго осуществленія соціализма», однако совѣтская власть берется за него. Творить небывалое, такъ творить—щедро, не скупясь, оптомъ, а не въ розницу—рѣшили многоумные мужи и жены изъ делегаціи. И вотъ они пріободрились—и «пошла стряпня, рукава стряхня!»

Русская делегація объявила, что «мы выходимъ изъ войны, но вынуждены отказаться отъ подписанія мирнаго договора», и такъ, просто, одностороннимъ актомъ «объявляемъ состояніе войны съ нашей стороны прекращеннымъ». Ну, конечно, «россійскимъ войскамъ отдается одновременно приказъ о полной демобилизаціи по всѣмъ ли-

ніямъ фронта». Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ намъ армія, если защита нашихъ границъ ввѣрена германскому пролетаріату? Бѣда въ томъ, что германскій пролетаріатъ, повидимому, съ одной стороны плохо понялъ, почему онъ обязанъ защищать тотъ самый русскій фронтъ, который отказываются защищать сами русскіе. Этотъ «приказъ № 1» по германскому пролетаріату за подписью Троцкаго былъ насмѣшкой надъ той частью германскаго пролетаріата, чье наступленіе на его собственномъ внутреннемъ фронтѣ только что было совершенно отбито съ потерями реакціей, и посмѣшищемъ для той другой, большей части, которая не только за страхъ, но и за совѣсть маршировала подъ знаменами своего правительства...

На этотъ разъ Л. Троцкаго постигла вообще плачевная участь. Его «не понялъ» и «главковерхъ» Крыленко, распорядившійся, чтобы по всѣмъ фронтамъ былъ изданъ приказъ такого содержанія: «Миръ. Война кончена. Россія больше не воюетъ. Армія, съ честью несшая $3^1/_2$ года страданій, дождалась заслуженнаго отдыха... Торжество мира ничѣмъ не должно быть омрачено». Его умъ сразу не вмѣстилъ представленія о своеобразномъ состояніи, которое не является войной, но не является также и миромъ. Троцкаго не понялъ и Ленинъ, сдѣлавшій попытку пріостановить телеграмму Крыленко и задумывавшійся надъ вопросомъ, не слѣдуетъ ли—«спустя лѣто, по малину»—остановить демобилизацію арміи. Троцкаго «понялъ», кажется, сначала только одинъ Зиновьевъ, заявившій въ «Красной Газетѣ» отъ 30 января: «Мы нанесли всемірному имперіализму страшный ударъ, когда три мѣсяца тому назадъ начали переговоры о мирѣ. Мы наносимъ ему теперь смертельный ударъ своей новой формулой». И, повидимому, въ самомъ дѣлѣ все было бы хорошо, если бы германскій имперіализмъ понялъ и проникся той мыслью, что ему нанесенъ уже второй смертельный ударъ. Къ сожалѣнію, ни Троцкій, ни Зиновьевъ не предвидѣли тупой непонятливости германскаго имперіализма. Послѣдній, какъ ни въ чемъ не бывало, идіотски продолжалъ дѣйствовать такъ, какъ будто бы онъ былъ живой...

Съ ними повторился извѣстный анекдотъ о врачѣ,

приговорившемъ своего паціента къ смерти и съ ужасомъ отмахивавшемся отъ него, когда тотъ вскорѣ нанесъ ему визитъ въ самомъ цвѣтущемъ видѣ. «Уходите! для науки вы умерли»! вопіялъ ученый врачъ. И онъ, конечно, былъ правъ. Столь же правъ былъ и Зиновьевъ, чью резолюцію, одобряющую дѣйствія Троцкаго, чуть ли даже не единогласно приняло стадо барановъ, носившее въ то время громкое имя «Петроградскаго С. Р. и С. Д».

И вотъ, произошло то, что должно было произойти. Нѣмцы объявили срокъ перемирія—конченнымъ, миръ—незаключеннымъ, военныя дѣйствія — возобновленными, Безъ выстрѣла сдался Двинскъ; совѣты, комиссары большевистскіе первые показывали врагу сверкающія пятки; подъѣхавъ на нѣсколькихъ автомобиляхъ, нѣмцы забирали цѣлые города съ огромной военной добычей; растерянные солдаты читали приказы Крыленко вступать въ переговоры съ наступающими, что фактически означало—сдаваться въ плѣнъ; забывали на дорогѣ взорвать мосты и разрушать ж.-д. линіи; оставляли локомотивы, вагоны, пушки, снаряды, провіантъ; подняли запоздалый крикъ о сопротивленіи, о «партизанкѣ», о «красной арміи»; и, наконецъ, какъ потерянные, должны были отказаться отъ «геніальнаго изобрѣтенія» Троцкаго и подмахнуть, демонстративно, не читая, новыя, еще болѣе тяжкія условія мира.

Такъ «мыши кота хоронили». Такъ большевики «приперли къ стѣнѣ Вильгельма».

Изъ секретныхъ документовъ, опубликованныхъ самимъ Л. Троцкимъ, слѣдовало, что основная задача нѣмцевъ въ этой войнѣ—раздѣлъ Россіи, отщепленіе отъ нея цѣлаго ряда отдѣльныхъ національныхъ государствъ. Въ этой политикѣ нѣмецкій имперіализмъ спекулировалъ на тяжкое наслѣдіе, оставленное царизмомъ, въ видѣ руссификаторскаго озорства, все усиливавшаго центробѣжныя національныя стремленія. Наша партія, сознавая опасность, хотѣла противопоставить ей перестройку Россіи на основахъ федеративной демократической республики, которая дѣлала бы отъ сохраненія государственнаго единства народы республики нисколько не менѣе свобод-

ными, но гораздо болѣе сильными. Къ сожалѣнію, до Учредительнаго Собранія не удалось заложить основъ даже краевого самоуправленія изъ-за оппозиціи кадетъ, а Учредительное Собраніе запоздало. Большевистская власть, хотя прекрасно знала изъ «секретныхъ документовъ» о планѣ нѣмцевъ, играла ему въ руку со слѣпотою, поистинѣ безграничною. Она разогнала эстонское и латышское Учредительное Собраніе, Бѣлорусскую раду, она воевала съ Украинской радой, съ татарами въ Крыму, съ сартами въ Туркестанѣ; она своимъ примѣромъ разожгла въ Финляндіи гражданскую войну, толкнувъ тамошнихъ большевиковъ къ разгону сейма и поддерживая ихъ оружіемъ и людьми, создавая такимъ образомъ удобный поводъ для германскаго вмѣшательства... Слѣпые противники федеративнаго принципа справа выражали удовольствіе по поводу того, какъ большевики, прирожденные централизаторы, принялись смирять національныя движенія; въ к.-д. прессѣ говорилось, что большевики мимовольно здѣсь укрѣпляютъ единство Россіи. Крайности сходятся. Дѣйствительно, централистическая политика самодержавіи возродилась подъ флагомъ комиссародержавія и довершила его дѣло. Нѣмцамъ осталось только приложить руки, чтобы ускорить естественный распадъ Россіи на составныя части. Имъ осталось только предлагать свою помощь и являться въ Эстляндію, на Украину и въ Финляндію, сразу находя тамъ—либо союзниковъ, либо настолько терроризованное большевиками населеніе, что ему терять было нечего, а потому и сопротивляться нѣмецкой оккупаціи не было ни силъ, ни охоты.

Учредительное Собраніе было тщетной попыткой остановить этотъ процессъ разложенія... Его предсѣдатель во вступительной рѣчи заявилъ: «Учредительное Собраніе само представляетъ собою живое единство всѣхъ народовъ Россіи, и потому же уже фактомъ открытія перваго засѣданія Учредительнаго Собранія, уже самымъ фактомъ этого открытія провозглашается конецъ гражданской войнѣ между народами, населяющими Россію». И, зная, гдѣ самое больное и опасное мѣсто въ этой междоусобицѣ, онъ продолжалъ: «Граждане, вы позволите мнѣ дать, я вѣрю, отъ имени всего Учредительнаго Собранія, обращаясь къ

гражданамъ Украины, обѣщаніе, торжественное обѣщаніе —что отнынѣ Украина можетъ болѣе не опасаться ни на одну минуту того, чтобы рука солдата-великоросса, землепашца въ сѣрой шинели, поднялась бы на такого же, въ сѣрой шинели, землероба Украины. И этимъ, граждане, мы снимемъ камень съ души самого солдата-великоросса, обращаясь къ которому отъ имени Учредительнаго Собранія, да позволено мнѣ будетъ сказать, что отнынѣ никто не можетъ осмѣлиться повести его противъ его воли, чтобы заставить поднять и обагрять свою руку въ братской крови украинцевъ». Большевики, съ дуумвиратомъ Ленина-Троцкаго во главѣ, отвѣтили на это разгономъ Учредительнаго Собранія и свирѣпой бомбардировкой Кіева. Они буквально загнали Украинскую раду подъ протекторатъ центральныхъ имперій. Они сами—единственные виновники того, что имъ же пришлось очистить весь благодатный югъ для германскихъ пришельцевъ, давъ имъ въ руки то, о чемъ они еще недавно не осмѣливались и мечтать. «Русско-русскій» фронтъ на Украинѣ превратился въ украинско-русскій. Финско-финскій фронтъ уже превращается на Мурманѣ—а завтра можетъ превратиться и подъ Петроградомъ—въ финско-русскій. И, конечно, за спиной какъ финовъ, такъ и украинцевъ стоятъ могущественные германскіе протекторы.

Потерпѣвъ за дипломатическимъ столомъ въ Брестѣ пораженіе, Левъ Троцкій попробовалъ выместить его на украинцахъ. Совѣтская власть объявила украинскую мирную делегацію подлежащей аресту и отдачѣ подъ судъ за измѣну. Дѣйствіе, явно и вопіюще-несправедливое. Да развѣ не большевистская власть, вступивъ на путь сепаратныхъ переговоровъ съ Германіей, сыграла роль демона-искусителя для Украинской Рады? Поистинѣ, Рада, если она хотѣла жить, не имѣла иного выхода, какъ послѣдовать примѣру большевиковъ и отправить отъ себя такихъ же паломниковъ въ Брестъ. Другое дѣло, слѣдовало ли покупать жизнь такою цѣной. Съ нашей точки зрѣнія, не только не слѣдовало, ни и было недопустимо. Это значило раздѣлить съ большевиками ихъ преступленіе передъ судьбами общаго демократическаго мира. Но за что могли упрекнуть украинцевъ большевики? Да только

за то, что они удачливѣе большевиковъ справились со своею частью задачи сепаратнаго мира: границы Украины съ центральными имперіями имъ удалось отстоять безъ всякихъ урѣзокъ. Этого то и не могли простить украинцамъ большевики, возвратившіеся съ тѣмъ, съ чѣмъ поѣхали: съ геніальнымъ изобрѣтеніемъ Троцкаго—«войны не ведемъ и мира не заключаемъ». Если посмотрѣть, во что обошелся Россіи этотъ «небывалый въ дипломатической исторіи» экспериментъ и какъ послѣ него возросли пріобрѣтенія германцевъ за нашъ счетъ, то по истинѣ окажется, что эти семь словъ Льва Троцкаго явились самыми дорогими словами во всей міровой исторіи. Такъ дорого еще никогда ни одной странѣ ничьи слова не влетали.

Когда большевики, признающіе за всякой національностью «право на самоопредѣленіе вплоть до отдѣленія», обвинили Украинскую раду въ измѣнѣ, они косвенно обвиняли въ измѣнѣ самихъ себя и произносили безпощадный приговоръ. Они первые вступили и увлекли за собою на проклятую дорогу сепаратной сдѣлки Украину.

Быть можетъ, еще яснѣе была эта ихъ роль по отношенію къ Румыніи. Въ самомъ дѣлѣ, когда Россія была втянута въ сепаратные переговоры о мирѣ съ Германіей, въ какомъ положеніи оказалась Румынія? Въ положеніи втянутой путемъ долгихъ интригъ и происковъ еще русскаго царизма въ войну, а потомъ брошенной на произволъ судьбы. Въ самомъ дѣлѣ, въ Брестскихъ переговорахъ, повидимому, о Румыніи не было сказано ни единаго слова, какъ будто ея и нѣтъ на свѣтѣ. Спрашивается, что могла сдѣлать при такихъ условіяхъ Румынія, кромѣ того, что пойти на поклонъ къ Германіи и превратиться въ ея вассала? Этотъ шагъ былъ еще ускоренъ совершенно дикимъ распоряженіемъ Троцкаго, напоминающимъ развѣ дикія вспышки турецкаго султана, когда то посадившаго въ Семибашенный замокъ русскаго посла, или Ивана Грознаго, хотѣвшаго проучить своимъ жезломъ чужеземныхъ пословъ: мы говоримъ объ арестѣ румынскаго посла, отпущеннаго на свободу лишь послѣ того, какъ весь иностранный дипломатическій корпусъ энергично протестовалъ про-

тивъ такого неслыханнаго нарушенія элементарнѣйшихъ основъ международнаго права.

Л. Троцкій изъ опубликованныхъ имъ самимъ секретныхъ документовъ долженъ былъ знать, и зналъ, что означаетъ сепаратный миръ Румыніи съ центральными державами. Это означаетъ—уступка Болгаріи Добруджи. Но въ тѣхъ же документахъ чернымъ по бѣлому написано, что «болгарская Добруджа означаетъ румынскую Бессарабію». И если на нашихъ глазахъ это сбывается, то вѣдь сѣтовать и сваливать не на кого. Tu l'as voulu, Georges Dandin! И когда большевики повели противъ Румыніи прямыя военныя дѣйствія, чтобы воспрепятствовать этому неизбѣжному плоду собственной политики, то они только вѣрнѣе загоняли Румынію къ подножію Германскаго и Австрійскаго императоровъ, и тѣмъ приближали утрату Бессарабіи.

Но развѣ только въ этомъ политика большевиковъ представляла собою картину подпиливанія того сука, на которомъ имъ самимъ приходилось сидѣть? Нѣтъ, вездѣ и всюду. Такъ, въ Эстляндіи они, точно нарочно, приблизили отложеніе этой страны дикимъ и безсмысленнымъ объявленіемъ внѣ закона всего сословія землевладѣльцевъ — жестъ буйныхъ помѣшанныхъ, отъ котораго все равно пришлось отказаться и послушно отпустить на свободу всѣхъ арестованныхъ бароновъ послѣ властнаго окрика Германіи. Самая доподлинная самоубійственная политика—удѣлъ всего, что только соприкасается съ большевиками. Всего ярче здѣсь примѣръ балтійскаго флота, въ лицѣ Кронштадскихъ и Гельсингфорскихъ матросовъ больше всего потрудившагося надъ доставленіемъ побѣды комиссародержавію. Результатъ на лицо. Медленно, но вѣрно, германская вооруженная сила словно колоссальныя стальныя ножницы или словно гигантская клешня, протягивается по обоимъ берегамъ Финскаго залива, остріями приближаясь къ Петрограду, и нашъ злосчастный балтійскій флотъ въ предчувствіи агоніи все вѣрнѣе и вѣрнѣе охватывается ею. Спасенія ему, кажется, уже нѣтъ. Участіе балтійскаго флота въ октябрьскомъ переворотѣ будущимъ историкомъ, повидимому, будетъ расцѣнено по

своимъ послѣдствіямъ, какъ трагическое самоубійство балтійскаго флота...

Таковъ былъ жалкій и плачевный финалъ трагикомедіи большевистской внѣшней политики, начавшейся съ горделиваго вызова всему и всѣмъ, со своего рода красногвардейскаго «шапками закидаемъ!» по отношенію къ имперіалистамъ всего міра, и кончившейся послѣдовательнымъ рядомъ капитуляцій и паденій со ступеньки на ступеньку. Болѣе идіотской внѣшней политики Россія, кажется, никогда еще не имѣла; а ужъ она ли не видывала видовъ! Левъ Троцкій въ свое оправданіе что то бормоталъ о томъ, что онъ заключилъ, въ концѣ концовъ, «не похабный, а несчастный миръ», что здѣсь «несчастіе, а не преступленіе». Да, здѣсь несчастіе—для Россіи, которая неповинна въ происшедшемъ, волю которой изнасиловали штыками усталыхъ «шкурниковъ», которая никогда не принимала сепаратнаго мира и никогда не вручала всенароднымъ голосованіемъ власти большевикамъ. Но здѣсь преступленіе—тѣхъ, кто навязалъ Россіи и свою власть, и связанную съ нею гражданскую войну, и роковую дорожку сепаратнаго мира, и послѣдствіе ихъ—развалъ и распадъ Россіи, ея первый раздѣлъ, ея обращеніе въ жалкій пассивный объектъ колоніальной политики Германіи и, должно быть, еще—Японіи.

Изъ секретныхъ документовъ, опубликованныхъ Троцкимъ, вытекало съ абсолютной ясностью, что если Германія преуспѣетъ въ своихъ намѣреніяхъ раздѣла Россіи, то и среди союзниковъ найдутся государства, которыя, однажды поневолѣ примирившись съ этимъ фактомъ, пожелаютъ получить свою долю въ добычѣ, чтобы по крайней мѣрѣ сохранить «равновѣсіе силъ» съ Германіей.

И въ настоящее время, когда японцы уже поставили одну ногу во Владивостокѣ, когда на Мурманѣ вся атмосфера полна грядущей (или уже настоящей?) высадкой англичанъ, когда даже китайцы принимаютъ мѣры, «чтобы былъ и зайцу данъ клочекъ медвѣжьяго ушка»,—теперь каждый лишній день большевистской власти есть новая потеря Россіей части ея государственнаго суверенитета, есть новый шагъ къ ея подчиненію, униженію, подпаданію подъ чужую опеку... И передъ всякимъ неомраченнымъ

сознаніемъ, передъ всякою совѣстью уже встаетъ кошмарнымъ видѣніемъ картина возможнаго будущаго, когда обездушенное тѣло бывшей Россіи будетъ растаскиваться всѣми, кому только не лѣнь...

Такъ на трупъ великана убитаго
Злые коршуны жадно слетаются,
Ядовитые гады сползаются...

И всѣ видятъ, и всѣ знаютъ, и всѣ, даже сами большевики, чувствуютъ, что не они же могутъ сдѣлаться тѣмъ центромъ, вокругъ котораго забурлитъ и сосредоточится вся народная энергія въ могучемъ, отчаянномъ подъемѣ, чтобы предотвратить эту кошмарную будущность; что большевистская власть сама чѣмъ дальше, тѣмъ ожесточеннѣе должна будетъ внутри самой Россіи бороться только за свое существованіе, и притомъ самыми отчаянными террористическими средствами; что терроръ вызываетъ терроръ, расправа—расправу; что разгонъ Учредительнаго Собранія, земствъ и думъ не случайно, а логически привелъ къ системѣ разгона и «совѣтовъ» вездѣ, гдѣ только они обнаруживаютъ какую бы то ни было самостоятельность; что основаніе, на которомъ держится большевистская диктатура, все суживается и суживается, падая «со ступеньки на ступеньку» вырождаясь все больше и больше въ партійную,—кружковую,—персональную диктатуру. Это такъ ясно, что еще недавно передъ большевиками ребромъ всталъ «проклятый вопросъ»: либо сопротивленіе нѣмцамъ, и тогда—воскрешеніе Учредительнаго Собранія; либо—сохраненіе полноты своей власти, и тогда—подчиненіе нѣмцамъ, переходъ на положеніе уже не просто «полутерпимой» ими (по выраженію Троцкаго) власти, но и прямо на положеніе ихъ отпущенныхъ на честное слово гражданскихъ военноплѣнныхъ, немного не ихъ подневольныхъ «приказчиковъ», какъ выразился полубольшевикъ Камковъ. Извѣстно, какъ большевики рѣшили этотъ вопросъ: лучше быть самодержцами на все уменьшающемся обломкѣ Россіи, чѣмъ подотчетными Учредительному Собранію, чѣмъ дисциплинированной частью организованной демократіи въ Россіи возстановленной. И вотъ почему здѣсь есть и несчастье, и преступленіе, и позоръ. Несчастье—Россіи; преступленіе—большевиковъ; позоръ—и большеви-

ковъ, мелочно и своекорыстно заклавшихъ огромную страну на алтарѣ своей власти, и самой Россіи, пассивно и тупо согласившейся подставить свою выю для этого жертвоприношенія.

Но не одной Россіи—всей Европѣ грозитъ создавшееся положеніе величайшими бѣдствіями. Владиміръ Ульяновъ-Ленинъ въ оправданіе своей капитуляціи передъ каской нѣмецкаго шуцмана говорилъ, что это лишь «передышка», и напоминалъ, что Россія имѣла когда то Тильзитъ, но потомъ освободила Европу отъ Наполеона. Левъ Троцкій, проученный опытомъ, уже не прибѣгаетъ къ столь рискованнымъ историческимъ аналогіямъ и, кажется, не претендуетъ болѣе на роль освободителя Европы; онъ ждетъ, что Европа, что европейская революція, быть можетъ, освободитъ насъ, сейчасъ загнанныхъ въ тупикъ; для него весь смыслъ текущаго момента—какъ нибудь «продержаться» до прихода освободителя съ Запада.

Будемъ глядѣть на Западъ... Но тамъ, какъ будто насмѣхаясь надъ словами Ленина о выигрышѣ во времени», о «передышкѣ», полчища Гинденбурга, въ рядахъ которыхъ, по точному счету, каждый четвертый человѣкъ—организованный соціалъ-демократъ, ни теряя ни момента изъ «передышки», лавиной катятся на Францію, чтобы и тамъ сломить всякое сопротивленіе и всю Европу увѣнчать остроконечной прусской каской. А мы? Мы остаемся ничтожными и жалкими зрителями этого зрѣлища, этой міровой трагедіи. Мы—попустители готовящагося изнасилованія всей европейской цивилизаціи. Мы авантюрой сепаратнаго мира не спасли—напротивъ, сгубили, обрекли на раздѣлъ самихъ себя—и почти уже сгубили западъ.

Оффиціальныя «Извѣстія» Ц. И. К. это чувствуютъ, но пытаются бодриться. Недавно они писали:

«Какая историческая Немезида! Если мы были введены въ обманъ австро-германской забастовкой, заставившей насъ, по выраженію Герцена, принять второй мѣсяцъ беременности за девятый и повѣрить въ близость революціи въ центральныхъ имперіяхъ, то мы, въ свою очередь, сторицей отплатили германскому имперіализму, поселивъ въ немъ роковую для него увѣренность, что на поляхъ Шампани его ждутъ такіе же быстрые успѣ-

хи, какъ на снѣжныхъ равнинахъ Россіи. За свою ошибку мы были наказаны жестоко. Пожелаемъ же нѣмецкимъ имперіалистамъ еще болѣе жестоко расплатиться за ихъ заблужденіе».

Все необыкновенно характерно въ этомъ отрывкѣ. Самый способъ завуалировать признаніе своей «ошибки» неподражаемъ: германская забастовка, видите ли, виновата! Но германской забастовкѣ предшествовали десятки предостереженій отъ вождей лѣвыхъ соціальдемократовъ: не стройте разсчетовъ на германской революціи, до нея еще болѣе, чѣмъ далеко! Германская забастовка была попыткой хоть немного облегчить то положеніе, въ которое вы себя сами поставили той азартной игрой, въ которую бросились, очертя голову! А не скакать изъ третьяго мѣсяца беременности прямо въ девятый, чтобы не разродиться уродливымъ и нежизнеспособнымъ выкидышемъ—васъ уговаривали, васъ усовѣщивали, васъ умоляли, наконецъ, буквально этими словами, ваши критики, и не одинъ разъ, а много, безъ счета—и вы не слушали. Теперь вы «желаете», чтобы нѣмецкіе имперіалисты на Западѣ расшибли себѣ лобъ о твердую стѣну англо-французской обороны. Это значитъ, что вы желаете пораженія Гинденбургу, желаете военнаго успѣха союзникамъ. Вы еще, правда, ухитряетесь при этомъ носить и шапку, и мозги на бекрень: это, видите ли, ваша заслуга, это вы «сторицей отплатили» Гинденбургу, поселивъ въ немъ «роковую увѣренность», что и на Западѣ онъ совершитъ такую же легкую военную прогулку, какъ у насъ. Да, но не ваша вина, если эта увѣренность не оправдается и сдѣлается роковой дѣйствительно для него, а не для англо-французскаго запада. Не вы ли предлагали англичанамъ и французамъ послѣдовать вашему примѣру, будто только за ними все дѣло, будто большевизація Англіи и Франціи обезпечила бы дѣло всеобщаго демократическаго мира? Мы видимъ, что теперь единственный шансъ вашего и нашего спасенія—въ томъ, что Англія и Франція васъ не послушались, не большевизировались. И вы сами вынуждены этому радоваться. Это ли не само-экзекуція, которую не скроешь никакими злобными завываніями, никакими призывами къ самосудамъ надъ вашими политическими противниками?

Передъ Германіей теперь—вновь открывшіяся перспективы «войны до побѣднаго конца», открытіе новой Наполеоновской эры, при которой не только нашъ «миръ съ завязанными глазами», но и всякій миръ будетъ лишь краткой «передышкой». Дѣло прочнаго, длительнаго мира отодвинуто въ невѣдомую даль. А между тѣмъ—о, злая иронія исторіи!—какъ разъ передъ самымъ приходомъ большевиковъ, ихъ власти, оно уже нежданно приблизилось было, миръ уже, казалось, самъ шелъ намъ въ руки...

И вотъ здѣсь то намъ нужно опять вернуться къ тѣмъ самымъ «тайнымъ документамъ», изъ требованія опубликовать которые большевики сдѣлали когда то самый крупный козырь въ своей игрѣ. Они, кажется, не ожидали, что это будетъ козырь, который въ концѣ концовъ погубитъ ихъ партію.

Не такъ давно въ «Дѣлѣ Народа» опубликовано было свѣдѣніе, будто въ бумагахъ министерства иностранныхъ дѣлъ долженъ находиться документъ, пришедшій почти что наканунѣ большевистскаго переворота, и содержащій въ себѣ свѣдѣнія о сепаратномъ демаршѣ съ австрійской стороны въ пользу мира. Такимъ образомъ, представлялась возможность разъединить Германію съ Австріей и этимъ обуздать завоевательные планы Вильгельма. «Дѣло Народа» требовало объясненій, почему не опубликованъ этотъ документъ? Зачѣмъ отъ народа скрываютъ, какую колоссальную возможность упустилъ изъ рукъ дипломатическій геній Троцкаго, чтобы промѣнять ее на перспективы крыленковской демобилизаціи, Муравьевско-Антоновскаго похода на внутренній фронтъ и своего собственнаго «прекращенія войны безъ заключенія мира»?

Отвѣтомъ на эти вопросы было—глубокое молчаніе. Secret d'état!

Но вотъ, нѣсколько дней спустя, начался обмѣнъ разоблаченій между Клемансо и Черининымъ. Сообщеніе «Дѣла Народа» получило неожиданное подкрѣпленіе оттуда, откуда этого никто ожидать не могъ. Подробности дѣла еще не совсѣмъ ясны и частью спорны. Одно несомнѣнно: и въ сторону Франціи съ австрійской стороны производились сепаратные шаги по нащупыванію почвы для мира.

Россія могла въ этотъ моментъ искусной и энергич-

ной политикой найти дорогу къ почетному миру. Она не только сама избѣгла бы развала и позорной капитуляціи передъ Гогенцоллерномъ,—ей прямо давалась въ руки возможность принудить къ капитуляціи нѣмецкихъ захватчиковъ!

И эта-то великая и счастливая возможность была съ преступнымъ легкомысліемъ и невѣжественной самоувѣренностью выброшена за бортъ—кѣмъ? Ничтожнѣйшимъ пустозвономъ, фразеромъ и позеромъ, обладающимъ лишь талантомъ слагать красныя словечки въ широковѣщательныя фразы, самовлюбленно упиваясь потокомъ своего краснорѣчія!

Въ томъ, что большевизмъ такому человѣку безконтрольно вручилъ всю внѣшнюю политику Россіи и съ восхищеніемъ проглатывалъ—и заставлялъ всю Россію проглатывать—все, что только онъ ни подносилъ—заключается своего рода историческая Немезида.

Преступная игра судьбами страны не кончена. Она ждетъ не только суда и приговора исторіи. Она ждетъ народнаго суда и приговора. И этотъ судъ, этотъ приговоръ—не за горами.

Викторъ Черновъ.

Партія стихійно-демобилизующейся арміи.

„Пусть идутъ впередъ и наступаютъ генералы, а мы подождемъ."

Окопная Правда.

„Партія, вмѣсто того, чтобы поднимать до себя крестьянскія массы, спустилась сама до ихъ уровня. изъ авангарда революціи превратилась въ средняка".

Одинъ изъ тезисовъ Бухарина.

„Разложили армію—мы съ Ленинымъ".

Изъ рѣчи Камкова.

Современная армія—плоть отъ плоти и кость отъ костей выставившей ее страны и народа. Чѣмъ выше ступень хозяйственнаго развитія данной страны, чѣмъ выше общій культурный уровень народа, тѣмъ лучшей, какъ въ техническомъ, такъ и во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ, оказывается и данная армія. Ибо въ отличіе отъ всѣхъ предшествующихъ войнъ, которыми пестритъ исторія человѣчества, современная война, вовлекающая въ свой круговоротъ милліонныя массы людей, ведется не столько самими арміями, непосредственно участвующими въ гигантскихъ столкновеніяхъ нашихъ дней, сколько стоящими за ихъ спиной силами—степенью соціально-экономической, финансово-хозяйственной и культурно-политической устойчивости воюющихъ странъ.

Всѣ эти истины и положенія, ставшія какъ бы аксіомами современной войны, прежде всего и наиболѣе блестящимъ образомъ оправдались на нашемъ отечествѣ и на нашей арміи.

Первой страной, вышедшей изъ міровой войны, по крайней мѣрѣ формально вышедшей, оказалась Россія. И въ этомъ трагическомъ первенствѣ Россіи нѣтъ, конечно, чего-либо случайнаго, какого-либо страннаго или непонятнаго историческаго недоразумѣнія. Въ ряду такъ называе-

мыхъ «великихъ державъ», вовлеченныхъ въ войну, земледѣльчески-помѣщичья, полунищая и полуграмотная, долгіе годы сдавленная и раздавленная самодержавнымъ прессомъ, Россія безусловно и во всѣхъ онтошеніяхъ занимала послѣднее мѣсто. И Россія должна была первой сдать.

Внѣшнимъ образомъ процессъ этой «сдачи», завершившійся выходомъ Россіи изъ войны—повторяю, выходомъ чисто формальнаго свойства, такъ какъ Россія при большевистскомъ мирѣ по существу все равно продолжаетъ войну, но продолжаетъ ее на сторонѣ ужъ австро-германской коалиціи—выражался въ постепенномъ разложеніи русской арміи, нынѣ окончательно разложившейся и разбѣжавшейся. Исключительно насильственнымъ путемъ набранная, разноязычная, разноплеменная, внѣшне спаянная воедино путемъ жесточайшей дисциплины, русская армія, почти не проявившая за всю войну дѣйствительно массонаго энтузіазма, должна была начать разлагаться, и дѣйствительно начала разлагаться первой въ ряду другихъ армій.

Собственно говоря, процессъ этого разложенія начался едва ли не съ первыхъ же дней войны. Во всякомъ случаѣ, къ концу перваго ея года, когда на долю арміи, послѣ первыхъ феерическихъ и эфемерныхъ успѣховъ, выпало жесточайшее пораженіе, процессъ разложенія арміи былъ уже въ полномъ ходу. Кто пережилъ съ арміей дни галиційскаго отхода и очищенія Польши, Литвы и Курляндіи, тотъ помнитъ, въ какомъ состояніи находились они тогда. Боевые приказы не исполнялись, самовольные отходы цѣлыхъ частей и отрядовъ были въ полномъ ходу, развивалось массовое дезертирство. Армія Россійской Имперіи дѣлала первую свою попытку стихійно демобилизоваться и разойтись по домамъ. И только цѣлымъ рядомъ жесточайшихъ репрессій, равно какъ и послѣдовавшимъ улучшеніемъ снабженія арміи всѣмъ ей необходимомъ удалось въ тѣ времена пріостановить эту самовольную демобилизацію.

Вторая точно такая же попытка стихійно демобилозоваться послѣдовала непосредственно за февральской революціей. Армія, весьма реально почувствовавшая паденіе старой палочной дисциплины, армія, не успѣвшая еще перестроиться на новый ладъ,—на сверженіе самодержавія отвѣтила массовымъ дезертирствомъ. Бѣжали по всякому

поводу: то оттого, что ходили какіе-то неопредѣленные слухи о раздѣлѣ помѣщичьихъ земель, то оттого, что произошла заминка въ доставкѣ продовольствія, бѣжали по цѣлому ряду другихъ причинъ, бѣжали, наконецъ, просто потому, что можно было бѣжать, что на узловыхъ станціяхъ не ловили особыя военно-полицейскія команды и не получали, какъ въ послѣдніе мѣсяцы стараго режима, денежныхъ наградъ за каждаго пойманнаго: 7 коп.—за рядового, 9 коп.—за ефрейтора, 11 коп.—за младшаго и 14 коп.—за старшаго унт. офицера, наконецъ, 25 коп. — за фельдфебеля и прапорщика... Внѣшніе путы пали, и армія начала разбѣгаться. Надъ Россіей и только что родившейся революціей нависала огромная опасность остаться обезоруженными. И только величайшимъ напряженіемъ всѣхъ демократическихъ силъ страны (большевизмъ не расцвѣталъ еще тогда), удалось предотвратить эту опасность. Стихійная самодемобилизація солдатской массы была пріостановлена. Массовое дезертирство прекратилось, бѣжавшіе раньше начали возвращаться на свои мѣста: ихъ тамъ встрѣчали осужденіемъ, грозили лишить надѣла и т. п. Но результатовъ этихъ, въ противоположность 1915-ому году въ началѣ 1917-го года удалось достигнуть безъ массовыхъ репрессій, ставшихъ къ тому времени, кстати сказать, и совершенно невозможными. Побѣдилъ на этотъ разъ «великій разумъ» народа, и эта побѣда была первой моральной побѣдой революціи надъ бунтомъ, сознанія надъ стихіей.

Вся дальнѣйшая жизнь арміи и сводилась, собственно говоря, къ борьбѣ этихъ двухъ началъ. Полная объективная невозможность для Россіи выйти изъ войны, новыя цѣли войны, поставленныя революціей, совершенно, наконецъ, новое, революціей созданное, положеніе Россіи въ ряду воюющихъ государствъ, требовали отъ арміи продолженія борьбы, дальнѣйшихъ и дальнѣйшихъ жертвъ. Между тѣмъ, все прошлое русской арміи, вся внутренняя архаическая организація ея, единственной основой которой являлись голосъ насилія и принужденія, въ значительной степени препятствовали сознательному усвоенію арміей задачъ, поставленныхъ передъ ней. Усилія подлинной демократіи—всѣхъ лучшихъ элементовъ страны и арміи—и были направлены къ тому, чтобы провести въ толщу

арміи это сознательное отношеніе къ своимъ обязанностямъ, къ жертвамъ, требуемымъ отъ арміи ежечасно и ежеминутно, чтобы пробудить въ ней отсутствовавшій до сей поры энтузіазмъ. Ибо внѣ этого—было ясно—дальнѣйшая борьба немыслима... Но переродить уставшую, темную и распыленную, въ большинствѣ своемъ крестьянскую массу—невозможно, конечно, сразу. Изъ нѣдръ этой массы, инертной и недовѣрчивой, время отъ времени подымался стихійныя бунтарскій духъ, до того времени сдерживавшійся желѣзной дисциплиной. Армія, во все время войны до революціи опредѣленно не желавшая воевать, совершенно не усваивавшая безвыходнаго положенія страны, и послѣ революціи съ почти такой же, какъ и прежде, неохотой приносила жертвы, съ трудомъ воспринимала новыя цѣли войны, чрезвычайно медленно заражалась энтузіазмомъ...

Трудно предсказать, чѣмъ кончилась бы борьба этихъ двухъ началъ—революціи и бунта, сознанія и стихіи—въ арміи, если бы на помощь стихіи и бунту не пришелъ большевизмъ. Его своеобразная «историческая» миссія въ томъ именно и заключалась, что онъ цѣликомъ и безоговорочно пошелъ навстрѣчу всѣмъ наиболѣе темнымъ, эгоистическимъ и противообщественнымъ инстинктамъ массы. Максимализму этой массы, изстари теплящемуся въ ней, еще со временъ разиновщины и пугачевщины, онъ далъ «соціалистическое» обоснованіе. Слабому развитію въ ней гражданскаго чувства, нежеланію приносить жертвы—онъ давалъ высшее моральное оправданіе. И, спекулируя такимъ образомъ на естественной послѣ трехъ лѣтъ войны усталости этой массы, онъ легко повелъ ее за собою, обобщивъ всѣ чисто стихійныя, шкурныя и утробныя устремленія ея въ нѣсколькихъ чрезвычайно простыхъ и всѣмъ понятныхъ лозунгахъ. И процессъ разложенія арміи, начавшійся задолго до революціи, процессъ, который должна была задержать революція, во что бы то ни стало задержать, пошелъ ускореннымъ темпомъ и въ концѣ концовъ привелъ къ грандіознѣйшему въ міровой исторіи краху...

Въ глазахъ будущаго историка нашей революціи величайшій, вѣроятно, интересъ возбудитъ это удивительное приспособленіе ученѣйшей системы марксизма къ совер-

шенно примитивному пониманію «бѣднѣйшаго крестьянянства» арміи. И надо отдать справедливость большевикамъ —въ этомъ «приспособленіи» они проявили огромную изобрѣтательность и незаурядное остроуміе. Полуграмотная солдатская масса совершенно, напр., не усваиваетъ и не понимаетъ смысла крупныхъ современныхъ стратегическихъ и оперативныхъ движеній, какъ наступательнаго, такъ въ особенности—отступательнаго характера. Для темнаго ума солдата, всякое добровольное, безъ непосредственнаго натиска противника, очищеніе территоріи— подозрительно. Ему всегда мерещится здѣсь предательство высшаго начальства. Точно также совершенно понятный, эгоистическій инстинктъ идущей на жертву массы—всегда противъ наступленія, чѣмъ бы ни вызывалось оно, какія бы цѣли ни преслѣдовало. И большевизмъ широко использовалъ эти темные подозрительные и эгоистическіе, инстинкты подавленной солдатской массы. Очищеніе Риги и рижскаго плацдарма, очищеніе вынужденное, не только армейскіе большевики, но и центральные органы будущей коммунистической партіи объяснили предательствомъ генералитета. Эвакуацію Петрограда, опять-таки, послѣ очищенія острововъ, настоятельно необходимую, самъ Ленинъ въ своихъ извѣстныхъ статяхъ «наканунѣ переворота» не постѣснялся объявить предательствомъ Керенскаго, плодомъ сговора послѣдняго съ англійскими и германскими имперіалистами. Когда же ударилъ «грозный часъ», а Петроградъ, именно благодаря Ленину, пропустившій всѣ сроки для эвакуаціи, готовъ былъ попасть въ руки нѣмцамъ, тотъ же Ленинъ, клявшійся ни въ коемъ случаѣ не отдавать «красной» столицы, первый, вмѣстѣ со всѣмъ Совѣтомъ народныхъ комиссаровъ, убѣжалъ изъ Петрограда... А вся демагогическая кампанія большевизма противъ іюньскаго наступленія, противъ вообще какого бы то ни было наступленія?! Какъ будто именно наступленіе предрѣшаетъ цѣли войны, какъ будто вообще возможно вести войну, даже чисто оборонительную, не предпринимая, въ зависимости отъ обстановки, тѣхъ или иныхъ отступательныхъ или наступательныхъ движеній, какъ будто возможна совершенно пассивная война?

Не менѣе любопытны въ указанномъ отношеніи и дру-

гіе пункты большевистской агитаціи въ арміи. Взять хотя бы отношеніе къ добровольчеству и «ударнымъ» частямъ и отношеніе къ офицерству и штабамъ. Отношеніе къ добровольцамъ первоначально въ арміи было безразличнымъ. Но когда стали послѣ революціи организовываться цѣлыя добровольческія части, и когда имъ стали придавать «ударный» характеръ, въ массахъ арміи началось несомнѣнное броженіе. Съ одной стороны—вообще не понимали назначенія ударныхъ частей, имѣющихся, кстати сказать, во всѣхъ арміяхъ (въ германской, напр., одинъ батальонъ на каждую дивизію) и выполняющихъ, какъ и любая спеціальная часть, свое особое назначеніе по преодолѣнію искусственныхъ препятствій, главнымъ образомъ, по рѣзкѣ проволоки; съ другой стороны—наиболѣе косная, ни подъ какимъ видомъ не желающая воевать часть арміи увидѣла въ «ударникахъ», а тѣмъ болѣе въ «ударникахъ»-добровольцахъ носителей столь ненавистнаго ей начала войны. И по отношенію къ ни въ чемъ неповиннымъ «ударникамъ», подчасъ именно лучшей части арміи, въ темной солдатской массѣ начало назрѣвать совершенно непонятное съ перваго взгляда чувство раздраженія. Большевизмъ подхватилъ эти стихійно-неопредѣленныя чувства массы и, давъ имъ «марксистское» обоснованіе, развилъ ихъ въ жгучую ненависть: ударники и добровольцы—наемники имперіалистической буржуазіи, желающіе продолженія войны до «побѣднаго» конца. Характерно и знаменательно, что первыя изъ извѣстныхъ мнѣ вооруженныхъ столкновеній ударныхъ частей съ прочими частями войскъ выпадаютъ—еще лѣтомъ прошедшаго года—на долю такихъ высоко квалифицированныхъ большевистскихъ частей, какъ латышскія части...

Но въ чемъ больше всего разыгралась демагогія большевизма, такъ это, несомнѣнно, въ отношеніи къ офицерству вообще и ко всякаго рода штабамъ. Здѣсь большевизмъ нашелъ, конечно, наиболѣе взрыхленную, наиболѣе подготовленную почву. У солдатской массы были вѣдь давнишніе и запуганные счеты съ кадровымъ офицерствомъ. Большевизмъ приложилъ всѣ усилія, чтобы раздуть эти счеты въ цѣлый пожаръ, распространивъ ненависть массы на все офицерство. Офицеровъ стали не-

навидѣть именно какъ офицеровъ, какъ техниковъ и спеціалистовъ военнаго дѣла, какъ представителей интеллигенціи въ арміи,—такъ ненавидѣть, какъ ненавидѣли, вѣроятно, докторовъ во время холерныхъ бунтовъ.

Почти въ тѣ же приблизительно, дикія, формы вылилось, съ помощью большевиковъ, и отношеніе къ штабамъ, какъ къ учрежденіямъ. Послѣдніе никогда не пользовались любовью или признаніемъ солдатской массы. Смысла работы штаба, особой обстановки, требуемой для успѣшности этой работы—никогда не понимали въ арміи. Всѣхъ хоть сколько-нибудь причастныхъ къ штабамъ и ихъ работѣ упрощенное солдатское міровоззрѣніе отождествляло съ «окапывающимися» въ тылу. Большевизмъ не пренебрегъ и этимъ совершенно дикимъ предразсудкомъ темной, ни въ чемъ не разбирающейся массы, и въ безудержной большевистской агитаціи противъ разнаго рода штабовъ ихъ естественное, требуемое всѣмъ существомъ дѣла, «тыловое» положеніе играло во всякомъ случаѣ весьма значительную роль.

Мудрено ли при такихъ условіяхъ, что въ сознаніи сбитой съ толку солдатской массы самое понятіе офицарства, какъ таковового, и всего связаннаго съ нимъ, очень быстро сдѣлалось синонимомъ понятія «контръ-революціонности» и «буржуазности», а штабы, совершенно безотносительно къ тому или иному данному составу ихъ,—претворились въ укрѣпленнѣйшія твердыни мірового имперіализма! Отъ кіевскихъ, ростовскихъ и иныхъ звѣрствъ, отъ крови тысячъ ни въ чемъ неповинныхъ людей, павшихъ жертвами самосудовъ, отъ сплошного ужаса отправленія въ «штабъ Духонина»—большевикамъ никогда не отмыть своихъ рукъ!..

Количество примѣровъ, иллюстрирующихъ это своеобразное «приспособленіе» положеній «Капитала» Маркса и «Капитала» Гильфердинга къ психологіи наиболѣе темной части солдатской массы и къ чисто стихійнымъ устремленіямъ ея во что бы то ни стало окончить войну и разойтись по домамъ, можно было бы увеличить до безконечности. Но и сказаннаго, думается, достаточно, чтобы понять причины головокружительнаго успѣха большевизма въ тыловыхъ гарнизонахъ и на фронтѣ, въ особен-

ности—въ тыловыхъ гарнизонахъ, откуда съ совершенно разложеными маршевыми ротами и проникалъ, главнымъ образомъ, большевизмъ на фронтъ.

Но всякій процессъ приспособленія, имѣетъ, какъ извѣстно, и обратную сторону. Не смогъ, естественно, избѣжать этихъ отрицательныхъ сторонъ всякаго приспособленія и большевизмъ. Приспособляясь всячески къ примитивной психикѣ усталаго, за $3^1/_2$ года казарменной и и окопной жизни успѣвшаго «деклассироваться», крестьянина, потакая всѣмъ самымъ темнымъ и самымъ противообщественнымъ инстинктамъ его, большевизмъ и самъ въ значительной степени проникся психологіей столь излюбленнаго имъ «бѣднѣйшаго крестьянства» арміи, его примитивными захватно-распредѣлительными и потребительски-коммунистическими идеалами. Произошелъ любопытнѣйшій двусторонній процессъ: поверхностнаго эндосмоса, одѣвшаго въ покровительственную окраску идейнаго большевизма шкурные инстинкты и темное озлобленіе массъ, и болѣе глубокаго всесторонняго экзосмоса—пропитыванія самого большевизма демагогическимъ «опрощеніемъ» изъ окружившей его «периферіи». И изъ классовой пролетарской и соціалъ-демократической партіи большевизмъ превратился въ «коммунистическую» партію деклассированной солдатчины, разбѣгающейся по домамъ.

Съ точки зрѣнія этого двусторонняго «осмоса» и нужно, строго говоря, подходить ко всѣмъ рѣшительно мѣропріятіямъ большевизма послѣ октябрьскаго переворота, произведеннаго, какъ извѣстно, штыками петроградскаго гарнизона, опредѣленно не хотѣвшаго итти на фронтъ. Чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, отличается сжиганіе большевиками всѣхъ безъ исключенія кораблей въ Брестѣ, куда, закрывъ глаза, бросились они въ поискахъ обѣщаннаго солдатамъ «немедленнаго» мира, отъ точно такого же «сжиганія кораблей» любого изъ «окопниковъ», убѣгающаго съ фронта? Психологіей именно этого окопника и проникнуты всѣ военныя мѣропріятія большевиковъ, весь внутренній смыслъ ихъ декретовъ, если отшелушить ихъ отъ довольно плотно покрывающей ихъ искаженной «интернаціоналистической» фразеологіи. И то, что во главѣ арміи совѣтской и соціалистической республики, арміи, понявшихъ октябрь-

скій переворотъ, какъ начало третьей по счету и на этотъ разъ ужъ безповоротной и окончательной стихійной демобилизаціи, былъ поставленъ именно Крыленко — явилось лучшимъ, можетъ быть, символомъ всего переворота и всего его глубокаго и трагическаго значенія...

Армія начала самовольную и стихійную демобилизацію и отъ «своей» партіи и «своего» народнаго» «главковерха» ждала мѣропріятій, способствующихъ этой демобилизаціи. Однако, прежде, чѣмъ обратиться къ «демобилизаціоннымъ» мѣропріятіямъ большевиковъ, я позволю себѣ остановиться еще на одной реформѣ, проведенной ими, на упрощенной «демократизаціи» арміи. Если не считать нашумѣвшаго крыленковскаго приказа о перемиріяхъ, заключаемыхъ самими солдатами повзводно и поротно, то это — первая и, какъ кажется, единственная собственно «реформа», проведенная большевиками. Согласно постановленію военно-революціоннаго комитета при Ставкѣ, начиная съ 3-яго ноября 1917 года, въ арміи вводилась выборность всѣхъ лицъ командного состава, начиная отъ отдѣленнаго и кончая «главковерхомъ», при чемъ всѣ должности до полкового командира включительно должны были замѣщаться прямымъ и непосредственнымъ голосованіемъ заинтересованныхъ отдѣленій, взводовъ, ротъ, батальоновъ и полковъ, должности же выше командировъ полка—по избранію соотвѣтствующихъ комитетовъ и совѣщаній при нихъ.

Кто хоть сколько-нибудь, хоть отдаленно знакомъ съ техникой современной войны, тотъ пойметъ, что должна была означать для арміи такая «демократизація». Единымъ взмахомъ лишилась она почти всего своего офицерскаго состава, всѣхъ спеціалистовъ военнаго дѣла, какъ теоретиковъ, такъ и практиковъ, подготовленныхъ 3-лѣтнимъ боевымъ опытомъ. И ближайшая практика примѣненія «закона» съ полной очевидностью доказала это. Извѣстенъ, напр., цѣлый рядъ частей, гдѣ на выборахъ всѣ бывшіе офицеры оказались заболлатированными, гдѣ на должности командировъ полковъ и батальоновъ, командировъ дивизіоновъ и батарей избирались обозные и кашевары. Бывали случаи избранія санитаровъ на мѣста докторовъ, хотя большевистскій приказъ и воспрещалъ по-

слѣднее. Собственно говоря, одной этой реформы было вполнѣ достаточно, чтобы окончательно уничтожить и разложить армію.

Но, получивъ изъ рукъ большевиковъ полное удовлетвореніе въ своихъ старыхъ счетахъ съ офицерскимъ составомъ, темная армейская масса не могла, конечно, удовлетвориться этимъ. Отъ «своей» партіи и «своего» главковерха, какъ я уже указалъ выше, она ждала помощи въ начатой ею «явочной», стихійной самодемобилизаціи. И большевизмъ, проникшійся психологіей этой массы, цѣликомъ и безоговорочно пошелъ ей навстрѣчу, но пошелъ нелѣпо и сумбурно—такъ же, какъ нелѣпа и сумбурна сама разбѣгающаяся по домамъ масса. Въ высшей степени любопытны и оригинальны методы этой большевистской демобилизаціи. Здѣсь, несомнѣнно, большевики превзошли самихъ себя. Ибо, отражая всѣ темные предразсудки своей аудиторіи, раздувъ нелюбовь ея къ штабамъ до ненависти, большевики силою вещей принуждены были начать демобилизацію арміи, какъ это ни странно, не съ демобилизаціи частей арміи—ея периферіи, такъ сказать, а съ демобилизаціи центровъ ея—съ демобилизаціи штабовъ отдѣльныхъ армій.

Кто знакомъ болѣе или менѣе съ жизнью современной арміи, включающей въ себя сотни тысячъ людей, тотъ знаетъ и можетъ себѣ представить, какой это сложный и громоздкій механизмъ. Болѣе или менѣе нормально дѣйствовать этотъ механизмъ можетъ лишь при условіи извѣстной координаціи своихъ составныхъ частей. А эта координація достижима, естественно, лишь при строгой централизаціи всего управленія арміей. Такимъ центромъ въ жизни каждой арміи и является ея штабъ. И разстройство дѣятельности штаба, уничтоженіе его, фактически означающее уничтоженіе самой арміи, дѣлаетъ совершенно невозможнымъ какую бы то ни было планомѣрную демобилизацію ея. Но, превратившись силою вещей въ партію стихійно-демобилизующейся арміи, вынужденные потворствовать всѣмъ самымъ темнымъ инстинктамъ и предразсудкамъ ея, большевики съ этого именно и начали.

Насколько извѣстно, какихъ-либо общихъ по всѣмъ арміямъ распоряженій о демобилизаціи штабовъ ни «главко-

верхомъ» Крыленко, ни военно-революціоннымъ комитетомъ при Ставкѣ не было издано. Тѣмъ не менѣе большевистская практика въ этой области поразительно однообразна. Поэтому, чтобы, какъ слѣдуетъ, охарактеризовать эту «демобилизаціонную» политику большевиковъ, я остановлюсь на арміи, относительно которой у меня имѣется наибольшее количество матеріаловъ, арміи, защищавшей доступы къ Петрограду, ближе всего расположенной къ нему и снабженной благодаря этому наибольшимъ, вѣроятно, количествомъ большевистскихъ интеллигентныхъ силъ. Я имѣю въ виду XII армію. Комиссаромъ ея, равно какъ и предсѣдателемъ ея армейскаго комитета, былъ небезызвѣстный Нахимсонъ, за разоблаченіе прошлой дѣятельности котораго такъ жестоко поплатилась газета «День».

Начали большевики XII арміи расформированіе штаба ея съ контръ-развѣдки—такова ужъ, повидимому, большевистская традиція. Трудно сказать, насколько въ этихъ дѣйствіяхъ своихъ большевики XII арміи были свободны отъ личныхъ обидъ и личныхъ соображеній, ибо о нѣкоторыхъ изъ нихъ въ этой самой контръ-развѣдкѣ (послѣднее характерно, конечно, не только для XII арміи) опредѣленно имѣлись «дѣла» въ производствѣ—опять-таки трудно сказать, основательныя или неосновательныя. Но фактъ остается фактомъ: контръ-развѣдка XII арміи за арестомъ всего личнаго состава ея и изъ-за незамѣны его новымъ составомъ оказалась уничтоженной. Вскорѣ за контръ-развѣдкой послѣдовала ликвидація и развѣдывательнаго, и оперативнаго отдѣленій штаба. Правда, юридически, путемъ отданія соотвѣтствующихъ приказовъ, эти отдѣленія не уничтожались, но фактически работа ихъ безусловно прекратилась. Ибо нельзя же было говорить о работѣ развѣдывательнаго, напр., отдѣленія, если во главѣ его, за выбытіемъ по разнымъ причинамъ въ томъ числѣ и вслѣдствіе ареста, всѣхъ офицеровъ-спеціалистовъ, остался переводчикъ, — о работѣ оперативнаго, этого высоко съ военной точки зрѣнія квалифицированнаго отдѣленія, если во главѣ его сталъ опять-таки поручикъ безъ спеціальнаго образованія, исполнявшій раньше чисто канцелярскія функціи, а въ составѣ его не насчитывалось ни

единаго специалиста... Ту же судьбу фактическаго уничтоженія раздѣлили и другія отдѣленія штаба: топографическое и особое.

Такимъ образомъ, одинъ изъ самыхъ важныхъ отдѣловъ штаба—генералъ-квартирмейстерскій*)—въ XII арміи оказался уничтоженнымъ еще въ декабрѣ. Но не лучше обстояло дѣло и съ другими отдѣлами штаба. Инспекторское отдѣленіе дежурнаго генерала, отдѣленіе, какъ разъ наиболѣе нужное для цѣлей демобилизаціи арміи, точно такимъ же образомъ оказалось фактически расформированнымъ. Правда, взамѣнъ его изъ среды большевистскаго исполнительнаго комитета была выдѣлена особая комиссія по демобилизаціи арміи, но ясно, конечно, что и самая комиссія и всѣ ея работы являлись лишь жалкимъ самоутѣшеніемъ на фонѣ самовольно и стихійно, рѣшительно безъ всякаго плана, демобилизующейся арміи.

Одинъ только отдѣлъ штаба болѣе или менѣе уцѣлѣлъ отъ большевистскихъ экспериментовъ: это—этапно-хозяйственный отдѣлъ, вѣдающій снабженіемъ и питаніемъ арміи. Повидимому, угроза окончательнаго разстройства этого и безъ того разстроеннаго аппарата была настолько велика, что даже большевики воздержались отъ его «демобилизаціи». Оставить армію безъ питанія,—показалось и для большевиковъ достаточно-таки опаснымъ экспериментомъ... Но, оставивъ безъ разрушенія питающій аппаратъ арміи, большевики не задумались разрушить двигающій ея аппаратъ. Чуть не съ перваго дня большевистскаго хозяйничанья въ арміи началось расформированіе транспортныхъ частей. Иными словами, армія обрекалась на полную неподвижность.

Я нарочно съ нѣкоторою, можетъ быть излишней да-

*) Для читателей, не знакомыхъ съ организаціей службы штаба, нужно пояснить, что современный штабъ русской арміи обычно распадается на 3 слѣдующихъ отдѣла: *генералъ-квартирмейстерскій*, т. е. оперативный въ общемъ смыслѣ этого слова, въ свою очередь распадающійся на рядъ подотдѣловъ: оперативный въ тѣсномъ смыслѣ слова, развѣдывательный (съ контръ-развѣдкой), общій, военно-цензурный, военно-топографическій и т. д.; *этапно-хозяйственный*, вѣдающій снабженіемъ и питаніемъ арміи и организующій подвозъ всего ей необходимаго и вывозъ всего для нея излишняго; и, наконецъ, такъ называемый *отдѣлъ дежурнаго генерала*, вѣдающій личнымъ составомъ арміи, людскимъ и конскимъ,—пополненіемъ, сформированіемъ и расформированіемъ частей и т. д.

же, подробностью остановился на примѣрѣ демобилизаціонной работы большевиковъ XII арміи. Но примѣръ этотъ—въ высшей степени характерный—указываетъ, къ какимъ невѣроятнымъ прямо результатамъ приводилъ большевиковъ процессъ ихъ взаимоприспособленія съ бунтующей солдатской стихіей. За какихъ-нибудь $1^1/_2$—2 мѣсяца большевистскаго хозяйничанья армія благодаря уничтоженію штаба—этого воистину нервнаго центра ея—какъ будто нарочно и преднамѣренно была приведена въ такое состояніе, что ни при какихъ условіяхъ и ни подъ какимъ видомъ она воевать не могла, даже если бы и страстно того хотѣла. Но о желаніи воевать этой арміи послѣ большевистскаго переворота, произведеннаго подъ флагомъ немедленнаго окончанія войны и понятаго на мѣстахъ, какъ сигналъ къ общей и окончательной демобилизаціи, къ генеральному расхожденію по домамъ,—говорить, конечно, не приходилось. Тщательно дѣля имущество и суммы, продавая недѣлимое—мнѣ, напр., извѣстны случаи продажи батарей нѣмцамъ (48-линейная 4-орудійная гаубичная батарея—за 50 руб.!)—солдатская масса, забивая всѣ прифронтовыя желѣзныя дороги, уничтожая и ломая ихъ, устремилась домой. Насколько интенсивно шелъ этотъ процессъ разсасыванія фронта, можно судить хотя бы по слѣдующимъ цифрамъ, относящимся къ уже упоминавшейся XII арміи. Къ концу октября, т. е. къ моменту выборовъ въ Учредительное Собраніе, въ арміи числилось на довольствіи 600.000 человѣкъ, изъ нихъ 200.000 штыковъ. Къ концу декабря число значащихся на довольствіи упало до 100.000 человѣкъ, т. е. армія на $^5/_6$ своего состава успѣла разбѣжаться! Черезъ мѣсяцъ эта цифра еще упала, и къ концу января количество штыковъ въ арміи исчислялось совершенно смѣхотворной цыфрой въ 2000 штыковъ... Но зато на разные внутренніе фронты армія дала что-то около 10 полковъ. Одинъ изъ этихъ полковъ—6-ой латышскій Туккумскій полкъ, по крайней мѣрѣ не разошедшіеся остатки его,—и по сіе время охраняетъ Кремль и Совѣтскую власть... очевидно, въ благодарность за то, что его политикой вся Латвія отдана подъ Гогенцоллернское иго!

Естественно, что при такомъ темпѣ расхожденія арміи

за нею не могли поспѣть никакіе Крыленкскіе «приказы» о демобилизаціи, издававшіеся пачками и отпускавшіе сразу чуть не десятки лѣтъ. Армія расходилась значительно скорѣе, чѣмъ Смольный успѣвалъ издавать декреты. И когда, послѣ извѣстныхъ «крылатыхъ» словъ Троцкаго въ Брестѣ, былъ изданъ заключительный приказъ о демобилизаціи, на фронтѣ онъ не засталъ уже почти никого: имъ воспользовались лишь тыловые гарнизоны, поспѣшившіе, изъ страха передъ ожидавшимся наступленіемъ нѣмцевъ, разбѣжаться отъ легкихъ и даровыхъ хлѣбовъ. И когда, даже вопреки всѣмъ большевистскимъ ауспиціямъ, дѣйствительно началось это заранѣе подготовленное наступленіе нѣмцевъ на обезоруженную Россію, оно не встрѣтило, конечно, никакого сопротивленія. Въ нѣсколько дней Россія потеряла сотни тысячъ квадратныхъ верстъ территоріи и на десятки милліардовъ рублей разнаго рода имущества и запасовъ. Къ великому, вѣроятно, конфузу всей новѣйшей военной исторіи, противникъ разъѣзжалъ по нашимъ желѣзнымъ дорогамъ, какъ по своимъ собственнымъ, дѣлая «переходы» по 85 верстъ въ день...*)

Но какъ ни велики несчастья, выпавшія на долю Россіи, несчастья, далеко еще не учтенныя и не могущія пока что быть учтенными во всемъ своемъ объемѣ, какъ ни грандіозенъ разразившійся крахъ, небывалый еще въ міровой исторіи—ни въ этихъ несчастьяхъ, ни въ этомъ крахѣ нѣтъ ничего неожиданнаго. Вся дѣятельность большевиковъ, изъ партіи пролетаріата силою вещей переродившихся въ партію разбѣгающихся съ фронта солдатъ, вела именно къ краху. Процессъ взаимоприспособленія большевистскаго марксизма и бунтующей солдатской стихіи далъ свои результаты, выполнилъ свою «историческую» миссію.

Ѳ. Ртищевъ.

---

*) Любопытно, что нѣмецъ, еще задолго до перерыва Брестскихъ переговоровъ, съ вѣдома большевистскаго комиссара Сѣв. фронта Позерна, началъ въ районѣ ст. Хинценберга перешивать нашу прежнюю жел.-дорожную линію для прямого и безпрепятственнаго сообщенія съ Псковомъ...

Большевизмъ и Демократія.

I.

Ровно спустя мѣсяцъ послѣ окончательно опредѣлившейся побѣды революціи Ленинъ прибылъ въ Россію и на слѣдующій же день 4-го апрѣля выступилъ съ докладомъ «О задачахъ революціоннаго пролетаріата». Содержаніе доклада было формулировано Ленинымъ въ рядѣ тезисовъ. Среди этихъ тезисовъ, наряду съ признаніемъ соціалъ-демократіи обветшалымъ пережиткомъ и по названію, и по программѣ, значился, между прочимъ, подъ цыфрой пять — нижеслѣдующій: «Не парламентарная республика, —возвращеніе къ ней отъ Совѣтовъ Рабочихъ Депутатовъ было бы шагомъ назадъ,—а Республика Совѣтовъ рабочихъ, батрацкихъ и крестьянскихъ депутатовъ по всей странѣ, снизу до верху».

Новое слово, повѣданное міру Ленинымъ, не произвело тогда большого впечатлѣнія ни на кого. Только единомышленники — большевики были охвачены нѣкоторымъ конфузомъ за своего лидера, явившагося, подобно Чацкому, съ корабля на балъ и, не справившись въ святцахъ, бухнувшаго въ колокола. Тезисы Ленина были признаны его личнымъ, частнымъ мнѣніемъ, за которое партія не можетъ ни принять, ни нести отвѣтственность. О нихъ въ большевистской прессѣ перестали даже говорить. И ровно шесть мѣсяцевъ лежала подъ спудомъ истинно-русская выдумка Ленина, до самаго того времени, когда новѣйшіе Верховенскіе, Шигалевы и иные герои достоевщины не рѣшили, что приспѣлъ часъ реализовать «геніальную идейку» своего шефа.

Въ теченіе до-октябрьскаго періода революціи, разоблачая мнимую контръ-революціонность Временнаго Правительства, большевики аргументировали отъ имени и во имя демократіи и ея принциповъ. Яростно нападая на всѣ

вольныя и невольныя задержки выборовъ въ органы земскаго и городского самоуправленія, кропотливо подбирая всѣ даже самыя мелочныя или неизбѣжныя отступленія отъ послѣдовательнаго демократизма, они главной своей мишенью сдѣлали выборы въ Учредительное Собраніе. На Учредительномъ Собраніи большевики сосредоточили свою ударную силу демагогіи и клеветы для изобличенія правительствъ всѣхъ составовъ въ намѣренномъ затягиваніи и срывѣ выборовъ. Подъ лозунгомъ «обезпечить немедленный созывъ Учредительнаго Собранія» произошелъ, какъ извѣстно, и самый захватъ власти большевиками. Словомъ, въ этомъ вопросѣ партія большевиковъ до октябрьскаго переворота формально расходилась со своимъ лидеромъ и тѣми немногими, которые раздѣляли его «еретическіе» взгляды; до октября ни Ленинъ, ни кто-либо изъ его присныхъ не осмѣливались публично защищать «болѣе совершенную» республику совѣтовъ или публично отрекаться отъ демократіи и ея принциповъ. И демократическая республика, и Учредительное Собраніе со всеобщимъ, равнымъ, прямымъ и тайнымъ голосованіемъ—сохраняли до октября всю силу общепризнанныхъ всѣми отрядами демократіи, въ томъ числѣ и большевиками, догматовъ.

За нѣсколько недѣль до октябрьскаго переворота Ленинъ началъ идеологическую подготовку къ «новой революціи» сначала въ умахъ своихъ единомышленниковъ, а затѣмъ и на улицахъ Петрограда. Въ спеціальномъ фельетонѣ, посвященномъ «одному изъ лучшихъ представителей мелкобуржуазной демократіи» Ник. Суханову, Ленинъ обнаружилъ «корень зла»—въ волѣ большинства народа. «Ссылка на «волю народа»—поучалъ Ленинъ своихъ приверженцевъ въ «Рабочемъ пути»—была бы достойна только самаго тупого мелкаго буржуа». «Столько разъ бывало въ революціяхъ—назидательно напоминалъ глава заговорщиковъ,—что маленькая, но хорошо организованная, вооруженная и централизованная сила командующихъ классовъ подавляла по частямъ силу «большинства народа», плохо организованнаго, плохо вооруженнаго, раздробленнаго». Эти историческіе примѣры должны были разбить «буржуазные предразсудки» о значеніи «воли народа» и «идеи большинства», они должны были внушить смѣлость аван-

тюристамъ выступить противъ «не революціонной, а мѣщански-подлой, трусливой, не избавившейся отъ холопства демократіи».

Послѣ удачи октябрьской авантюры, большевизмъ сталъ расправлять свои крылья. Однако, онъ еще не настолько окрѣпъ къ тому времени, чтобы безъ особой подготовки своего и чужого общественнаго мнѣнія, цинично и безоговорочно, покуситься на разгонъ Учредительнаго Собранія. Наоборотъ, одинъ изъ первыхъ актовъ, которымъ побѣдители хотѣли побудить массы довѣрчиво брести за колесницей побѣдителей—«декретъ» о землѣ, напримѣръ, начинался слѣдующими словами: «Вопросъ о землѣ во всемъ его объемѣ можетъ быть разрѣшенъ только всенароднымъ Учредительнымъ Собраніемъ». Въ такомъ же духѣ были составлены и другіе акты. Въ цѣляхъ новой подготовки партійнаго мнѣнія—Ленинъ опубликовалъ въ «Правдѣ» девятнадцать тезисовъ объ Учредительномъ Собраніи. Въ этихъ тезисахъ было и признаніе Учредительнаго Собранія «высшей формой демократизма», но въ предѣлахъ «обычной буржуазной республики» и въ противовѣсъ «имперіалистической республикѣ съ Керенскимъ во главѣ»; въ нихъ было признаніе требованія созыва Учредительнаго Собранія «вполнѣ законнымъ въ программѣ революціонной соціалъ-демократіи», но только для прошлаго. Для настоящаго же тезисы считали, что «республика совѣтовъ является не только формой болѣе высокаго типа демократическихъ учрежденій, но и единственной формой, способной обезпечить наиболѣе безболѣзненный переходъ къ соціализму». Тезисы содержали, наконецъ, недвусмысленно предостерегающую угрозу по адресу Учредительнаго Собранія, буде его воля, «воля народа», разойдется съ большевистской волей къ утвержденію измышленной ими «республики совѣтовъ».

Апрѣльскіе тезисы Ленина сопровождались крикливой борьбой за немедленный созывъ Учредительнаго Собранія. Аналогичные по смыслу декабрьскіе тезисы сопровождались столь же крикливой борьбой противъ Учредительнаго Собранія, какъ уже превзойденной формы демократизма. Послѣ циничнаго разгона Учредительнаго Собранія, въ которомъ большевики отрясли послѣдній прахъ свой

отъ «паршивенькой буржуазно-парламентарной республики»,—оставалось подвести лишь итоги продѣланной большевизмомъ ревизіи своихъ былыхъ взглядовъ. Эта задача могла быть выполнена, конечно, никѣмъ инымъ, какъ Ленинымъ, представившимъ къ февральскому съѣзду большевиковъ набросокъ новой программы. Вмѣстѣ съ переименованіемъ изъ Савла въ Павла, изъ россійской соціалъ-демократической въ россійскую коммунистическую партію, большевики, согласно предложенія Ленина, послушно признали то, съ чѣмъ они не хотѣли согласиться раньше. Побѣдителя не судятъ: Ленинъ заставилъ свою партію одобрить существо оглашенныхъ имъ еще въ апрѣлѣ тезисовъ. Съѣздъ призналъ, что «переходъ къ соціалистическому строю» предполагаетъ: «свободу и демократію не для всѣхъ, а только для трудящихся, эксплоатируемыхъ массъ во имя ихъ освобожденія отъ эксплоатаціи»; «автоматическое исключеніе эксплоататорскихъ классовъ и богатыхъ представителей мелкой буржуазіи»; «уничтоженіе парламентаризма, какъ отдѣленіе законодательной работы отъ исполнительной и сліяніе управленія съ законодательствомъ».

Это былъ апоѳеозъ большевистскаго коммунизма, восторжествовавшаго надъ былымъ соціалъ-демократизмомъ. Демократизмъ вывѣтрился изъ большевизма окончательно и безпросвѣтно. Въ реальности осуществилось то, что еще пятнадцать лѣтъ тому назадъ было предусмотрѣно на второмъ съѣздѣ соціалъ-демократической партіи, какъ «гипотетически мыслимый случай» Плехановымъ, который заявилъ тогда, что «гипотетически мыслимъ случай, когда мы, соціалъ-демократы, высказались бы противъ всеобщаго права». Тогда же Посадовскій—Троцкій, поддерживая предложеніе Мартова объ исключеніи изъ программы пункта о пропорціональномъ представительствѣ, придалъ плехановской гипотезѣ болѣе общій и аподиктическій смыслъ: «в с ѣ демократическіе принципы должны быть подчинены исключительно выгодамъ нашей партіи». То, что посѣялъ Плехановъ еще на зарѣ своей дѣятельности, что взрастили позднѣе отцы меньшевизма Мартовъ и Троцкій, то самымъ безпардоннымъ образомъ пожали нынѣшніе большевики. Они сдѣлали всѣ практическіе выводы изъ промаховъ,

пробѣловъ и односторонности ортодоксальнаго марксизма, подчинивъ все «исключительно выгодамъ своей партіи».

И въ самомъ дѣлѣ, разъ единственно прочной опорой соціалистическаго движенія и носителемъ идеи четвертаго сословія является рабочій классъ въ ортодоксально-марксистскомъ смыслѣ этого слова, то соціалистическія партіи повсюду,—а въ Россіи, съ ея слабо развитой промышленностью, въ особенности,—еще долгое время должны быть обречены опираться на меньшинство народа. При такомъ пониманіи россійскіе марксисты и послѣ февральской революціи, поставившей Россію сразу на одинъ уровень съ наиболѣе передовыми странами въ политическомъ отношеніи,—въ отношеніи къ достиженію соціалистическаго строя должны были остаться при прежнихъ своихъ хиліастическихъ чаяніяхъ: во исполненіе реченнаго Марксомъ и Энгельсомъ—капитализаціи, концентраціи, дифференціаціи, пролетаризаціи и, въ заключеніе какъ итогѣ всѣхъ этихъ процессовъ, экспропріаціи экспропріаторовъ. Будучи марксистомъ, Ленинъ не былъ бы, однако, послѣдователемъ Бланки и его заговорщическихъ методовъ если бы въ такое время не сказалъ, что не онъ, Ленинъ, а исторія ставитъ вопросъ: «погибнуть или на всѣхъ парахъ устремиться впередъ», «либо погибнуть, либо догнать передовыя страны и перегнать ихъ также экономически» («Рабочій путь» отъ 1 октября). Большевистская партія рискнула... Не взирая на то, что носителей подлиннаго соціалистическаго духа—ничтожное меньшинство, былъ использованъ, согласно диспозиціи Ленина, урокъ прежнихъ революцій, и сдѣлана была попытка «маленькой, но хорошо организованной вооруженной и централизованной силой» «побѣдить враждебные классы» и прямикомъ, «немедленно» перемахнуть въ переходный къ соціалистическому строй. Заговорщически осуществивъ захватъ власти меньшинствомъ, большевики поставили на голову ученіе о пролетаріатѣ, какъ авангардѣ демократіи. Имъ пришлось обратиться не къ наиболѣе передовому и сознательному «единственно до конца революціонному классу» съ призывомъ не отрываться отъ основной толщи демократіи, не до конца революціонныхъ классовъ, а, наоборотъ,—призывать послѣдніе, вопреки своей классовой природѣ и клас-

совымъ задачамъ,—«идти въ полнѣйшемъ союзѣ съ пролетаріатомъ». Большевики поставили все—и свое прошлое, и свое будущее, и судьбы россійской демократіи, и революціи—не на сознательность предового отряда демократіи, а на стихію ея низовъ. «Надвигающійся голодъ, разруха, военныя пораженія способны необычайно ускорить поворотъ въ сторону перехода власти къ пролетаріату, поддержанному бѣднѣйшимъ крестьянствомъ»,—мечталъ Ленинъ наканунѣ октябрьскаго переворота. Переворотъ большевикамъ удался. Можно ли сказать, что, стремясь достигнуть всего, они не достигли для себя ничего?..

II.

Первоучителемъ, пророкомъ и первосвященникомъ большевизма возвѣщено было еще въ апрѣлѣ: «не парламентарная республика, а республика Совѣтовъ»... Пять мѣсяцевъ уже прошло съ тѣхъ поръ, какъ эта «благая вѣсть» получила свое осуществленіе. Но и сейчасъ, какъ и прежде, мудрено сказать положительно, что такое представляетъ изъ себя эта «высшая форма» демократизма, это «сокровище, котораго нѣтъ нигдѣ въ мірѣ», по выраженію упоенныхъ своими цивическими добродѣтелями оффиціальныхъ «Извѣстій» Стеклова.

Мы видимъ хаотическое нагроможденіе органовъ, на старые—новыхъ, на высшіе—еще болѣе высшихъ («чрезвычайныхъ»), переплетеніе ихъ вѣдомствъ, постоянное столкновеніе безчисленнаго множества ихъ агентовъ съ «чрезвычайными полномочіями» и съ естественнымъ желаніемъ каждаго изъ нихъ стать выше всѣхъ остальныхъ. «Наблюдается небывалое въ старое доброе время перепроизводство законодательныхъ и распорядительныхъ органовъ въ центрахъ при небывало маломъ численно и слабомъ по работѣ существованіи органовъ исполнительныхъ на мѣстахъ. Всѣ распоряжаются—никто распоряженій не исполняетъ. Маховыя колеса работаютъ, но безъ приводнаго ремня». Это видятъ и это наблюдаютъ не враги совѣтской республики, а ея идеологи и апологеты,—«само» «Знамя Труда». Только на шестомъ мѣсяцѣ своего бытія, «верховный органъ» республики Совѣтовъ Центральный Исполнительный Комитетъ, послушно вновь повторившій за своимъ предсѣдателемъ, что «остатки буржуазнаго парламен-

таризма должны быть безпощадно устранены», одновременно съ тѣмъ призналъ необходимость выработки «точно зафиксированной конституціи совѣтской республики».

Безплодно спрашивать, къ чему надо копировать буржуазные образцы «паршивенькихъ республикъ» и «точно фиксировать конституцію»,—разъ всѣ «остатки буржуазнаго парламентаризма» подлежатъ «безпощадному устраненію»—?

Тщетны были бы всѣ запросы творцамъ новыхъ цѣнностей, что же они, въ концѣ концовъ, сотворили: «совѣтскую республику» или «республику совѣтовъ»? Живемъ ли мы, по большевистскому представленію, въ единой россійской, федеративной, совѣтской, соціалистической республикѣ или въ республикѣ великорусскихъ совѣтовъ, входящей въ числѣ многихъ въ общую конфедерацію соціалистическихъ совѣтовъ? Въ одномъ и томъ же высокооффиціальномъ актѣ, въ пресловутой «деклараціи правъ трудящагося и эксплоатируемаго народа», предъявленной Учредительному Собранію ультимативно для одобренія,—одновременно и рядомъ говорится объ объявленіи Россіи «республикой совѣтовъ» и о «совѣтской республикѣ», при чемъ послѣдняя «учреждается на основѣ свободнаго союза свободныхъ націй, какъ федерація совѣтскихъ національныхъ республикъ». Если высшая государственная мудрость свелась къ провозглашенію общаго и внутри противорѣчиваго положенія: «вся власть въ центрѣ и на мѣстахъ принадлежитъ совѣтамъ», если въ теченіе пяти мѣсяцевъ не удосужились даже задуматься надъ тѣмъ, гдѣ кончаются «мѣста», и гдѣ начинается «центръ», одинъ ли центръ или нѣсколько, и т. д.,—если только теперь въ спѣшномъ порядкѣ вырабатывается конституція существующей уже шестой мѣсяцъ «высшей формы» правленія,—мудрено ли, что сами правители не видятъ ничего, кромѣ «хаотическаго нагроможденія органовъ», «всѣ распоряжаются, и никто распоряженій не исполняетъ»?

Форму правленія, въ которой мы нынѣ живемъ, вообще нельзя опредѣлить положительно; ее приходится опредѣлять отрицательными признаками. Она покоится не на всеобщемъ избирательномъ правѣ, не на равномъ, не на прямомъ и не на тайномъ голосованіи. Въ

нашей республикѣ, если допустить, что это—республика, правительственная власть не подконтрольна и не подотчетна представительнымъ органамъ: не правительство подъ представительствомъ, а представительство при правительствѣ. «Сліяніе» управленія съ законодательствомъ осуществлено въ небывалой для республики формѣ подчиненія органовъ законодательства органамъ управленія. Словомъ, передъ нами—не подлинный демократизмъ и парламентаризмъ, а демократизмъ и парламентаризмъ наизнанку.

Основное условіе демократическаго строя—всеобщность и равенство правъ и обязанностей; нѣтъ правъ безъ обязанностей, какъ нѣтъ обязанностей безъ правъ—большевистская республика нарушаетъ много разъ. И не только тогда, когда она, руководясь ново-коммунистическимъ тезисомъ «свобода не для всѣхъ, а только для трудящихся, эксплоатируемыхъ массъ», автоматически исключаетъ «эксплоататорскіе классы» въ пользованіи какими бы то ни было правами, предоставляя имъ въ удѣлъ однѣ лишь обязанности. Всеобщность и равенство самымъ жестокимъ образомъ нарушаются при распредѣленіи избирательныхъ правъ среди самихъ же трудящихся и эксплоатируемыхъ.

Фактически лишена избирательныхъ правъ не только вся буржуазія: крупная, средняя и мелкая, безъ различія и безъ остатка; фактически лишены правъ: трудовая, «бѣднѣйшая» интеллигенція, какъ таковая; рабочіе одиночки; незанятыя на фабрикахъ и заводахъ жены рабочихъ; безработные; разбросанное среди полей, неорганизованное въ совѣты крестьянство; и т. д. Всѣ эти чрезвычайно многочисленные кадры трудящихся и эксплоатируемыхъ безжалостно обойдены «высшей формой» республики.

При образованіи верховныхъ органовъ республики—съѣзда Совѣтовъ и Центр. Исполн. Комитета нарушается не только принципъ всеобщности, но и принципъ равенства. Число рабочихъ депутатовъ приравнено къ числу крестьянскихъ, несмотря на то, что число рабочихъ избирателей во много разъ меньше избирательнаго корпуса крестьянъ. Одни и тѣ же избиратели принимаютъ уча-

стіе въ образованіи совѣтской воли при выборахъ и въ деревнѣ, и на фабрикѣ. Одни и тѣ же солдаты избирали на съѣздъ и солдатскихъ депутатовъ, и крестьянскихъ. Одни и тѣ же рабочіе пользуются правомъ имѣть своихъ представителей и въ качествѣ рабочихъ на заводѣ, и въ качествѣ членовъ профессіональныхъ союзовъ. Одни рабочіе, столь же безспорно «трудящіеся и эксплоатируемые», но занятые въ другихъ предпріятіяхъ или въ менѣе многочисленномъ профессіональномъ союзѣ, лишены такого двойного представительства, тогда какъ привиллегія другихъ разрядовъ рабочихъ спеціально въ партійно-большевистскихъ цѣляхъ, поднимается до тройного представительства. Такъ, напримѣръ, при послѣднихъ перевыборахъ московскаго совѣта, неблагонадежные, съ большевистско-партійной точки зрѣнія, рабочіе кооперативы и больничныя кассы, какъ таковые, не были надѣлены непосредственнымъ представительствомъ въ совѣтѣ; а вѣрноподанные профессіональные союзы были взысканы большевистской милостью вдвойнѣ: они получили представительство и, какъ таковые, каждый въ отдѣльности, и въ своей совокупности—какъ объединеніе профессіональныхъ союзовъ, центральному бюро котораго представлено было особое представительство. Другой примѣръ. Тѣ избиратели, изъ трудящихся и нетрудящихся, которые голосовали на выборахъ въ Учредительное Собраніе за большевиковъ и лѣвыхъ эсъ-эровъ и одержали на выборахъ побѣду,—послѣ разгона Учредительнаго Собранія получили «возмѣщеніе»—въ видѣ допущенія на съѣздъ совѣтовъ съ рѣшающимъ голосомъ. Такимъ образомъ избиратели тѣхъ большевиковъ и лѣвыхъ эсъ-эровъ, которые «автоматически» сдѣлались членами третьяго съѣзда совѣтовъ, оказались пожалованными двойнымъ представительствомъ не въ примѣръ тѣмъ избирателямъ, которые тоже подавали свой голосъ на выборахъ въ Учредительное Собраніе за большевиковъ и лѣвыхъ эсъ-эровъ, но побѣды на выборахъ не одержали.

Устраняя отъ избирательнаго права численно ничтожные, по сравненію съ трудящимися классами, «классы эксплоататорскіе», большевизмъ вступаетъ въ непримиримое противорѣчіе съ элементарнымъ принципомъ народо-

правства. Нарушеніемъ основныхъ устоевъ народоправства—признанія всеобщаго гражданства и равноправія—выбивается твердая почва изъ подъ ногъ строителей жизни и взамѣнъ яснаго до самоочевидности принципа утверждается случай и усмотрѣніе. «Высшая форма» республики, не давая ничего реальнаго трудовымъ классамъ, возвращается къ худшимъ временамъ прошлаго, когда государство различалось и дѣлилось на сословія, классы и касты безправныхъ, полноправныхъ и привиллегированныхъ и соотвѣтственно съ этимъ организовывало не всеобщее представительство равноправныхъ гражданъ, а куріальное представительство отдѣльныхъ «чиновъ», сословій и т. д.

Вмѣстѣ съ всеобщностью и равенствомъ избирательнаго права общепризнанными предпосылками народоправства донынѣ считались прямые выборы и тайная подача голосовъ.

Большевистская республика утвердилась не на прямомъ представительствѣ, а на косвенномъ, трехъ—и даже болѣе многостепенномъ представительствѣ: крестьяне, рабочіе и солдаты выбираютъ своихъ депутатовъ отъ фабрикъ, деревень, заводовъ и т. д., депутаты въ своей совокупности образуютъ мѣстные совѣты; совѣты избираютъ своихъ представителей на съѣзды; и только съѣзды избираютъ уже членовъ Центральнаго Исполнительнаго Комитета Совѣтовъ—номинально «верховнаго органа» республики.

Также и съ тайной подачей голосовъ, которая всегда и повсюду признавалась гарантіей свободы выборовъ, ограждающей избирателя отъ давленія со стороны классовыхъ или политическихъ его противниковъ. Рѣдкіе, даже среди либеральныхъ писателей, противники тайнаго голосованія, вродѣ Георга Мейера, нападали на него на томъ основаніи, что тайная подача голосовъ «воспитываетъ въ народѣ безхарактерность» и «оказываетъ на избирателей развращающее вліяніе». Большинство же авторовъ, а среди демократовъ и соціалистовъ всѣ, единодушны въ томъ, что именно при открытомъ голосованіи особенно легко оказать «развращающее вліяніе» на избирателя, контролируя волю избирателя и тѣмъ самымъ оказывая прямое давленіе на его свободу и совѣсть. Открытое голосо-

ваніе способствуетъ сохраненію status quo, т. е. того положенія или тѣхъ избранниковъ, которые избраны были раньше. Оно всегда и повсюду увеличиваетъ число воздерживающихся отъ голосованія. Именно поэтому, для обезпеченія свободы выбора и во избѣжаніе репрессіи или давленія со стороны властъ имущихъ, въ экономическомъ, политическомъ, даже партійномъ отношеніяхъ подлинный демократизмъ требуетъ тайнаго голосованія, и оно примѣняется на выборахъ даже во внутрипартійныя и соціалистическія учрежденія.

Большевистскій режимъ не исключилъ тайны голосованія, но измѣнилъ ея смыслъ и природу: онъ удержалъ ее не для избирателей, а для избранниковъ. При послѣднихъ перевыборахъ членовъ московскаго совѣта, бывшій его предсѣдатель, пріобрѣвшій нынѣ міровую извѣстность проф. Покровскій настоялъ на отказѣ отъ тайнаго голосованія, какъ превзойденнаго буржуазнаго предразсудка. И тотъ же буржуазный предразсудокъ соблюдается въ совѣтской республикѣ въ полной мѣрѣ, когда требуется оградить свободу депутатовъ отъ контроля и давленія со стороны ихъ избирателей—рабочихъ, крестьянъ и солдатъ. Центральный исполнительный комитетъ и съѣздъ совѣтовъ неоднократно отвергали предложеніе оппозиціи объ открытомъ, поименномъ голосованіи наиболѣе отвѣтственныхъ вопросовъ, а когда и принимали таковое, наприм., при ратификаціи брестскаго «мира»,—то не опубликовывали именныхъ списковъ голосовавшихъ за и противъ. Такимъ образомъ, тѣхъ, кто, дѣйствительно, требуетъ обезпеченія свободы выборовъ отъ давленія властъ имущихъ, «высшая форма» республики не ограждаетъ, тѣхъ же, кто по самому положенію своему подлежитъ контролю и давленію, та же республика бронируетъ сугубо.

Въ «паршивенькихъ буржуазныхъ республикахъ» и не только въ нихъ, а и въ представительныхъ монархіяхъ правительство всегда подконтрольно и подотчетно органу представительства, передъ нимъ отвѣтственно. Въ «высшей формѣ» республики положеніе обратное, хотя на словахъ большевики въ этомъ пунктѣ отдаютъ полностью дань старымъ, буржуазнымъ представленіямъ.

Въ первомъ же актѣ, изданномъ Совѣтомъ Народныхъ

Комиссаровъ о самомъ себѣ, всероссійскому съѣзду совѣтовъ приписывается слѣдующее постановленіе: «контроль надъ дѣятельностью народныхъ комиссаровъ и право смѣщенія ихъ принадлежатъ всероссійскому съѣзду совѣтовъ рабоч., крестьянск. и солд. депутатовъ и его центральн. исполн. комитету». (См. подлинный обвинительный актъ противъ большевиковъ, подъ заглавіемъ «Сборникъ узаконеній и распоряженій временн. рабоч. и крестьянск. правительства, за періодъ октябрь—декабрь 1917 г.»—стр. 9, —составленный обвиняемыми). На дѣлѣ же обстоитъ совсѣмъ иначе. Достаточно напомнить, что всѣ, рѣшительно всѣ наиболѣе существенные акты свои «рабоче-крестьянское правительство» учиняло самостоятельно, не по рѣшенію Ц. И. К. или съѣзда Совѣтовъ, а до такого рѣшенія, ставя контролирующее его, по декрету, учрежденіе предъ уже совершившимся фактомъ. Такъ было въ темную ночь съ 24 на 25 октября, когда накануне второго съѣзда совѣтовъ совершена была «соціальная революція»; такъ было и 6 января, когда «было распущено» Учредительное собраніе накануне третьяго съѣзда совѣтовъ.

Уходя изъ Учредительнаго Собранія, большевики огласили заявленіе, кончавшееся словами: «Не желая прикрывать преступленія враговъ народа, мы заявляемъ, что покидаемъ Учредительное Собраніе съ тѣмъ, чтобы передать советской власти окончательное рѣшеніе вопроса объ отношеніи къ контръ-революціонной части Учредительнаго Собранія». Когда большевики дѣлали свое заявленіе, они уже порѣшили покончить съ Учредительнымъ Собраніемъ, формально «распущеннымъ» черезъ нѣсколько часовъ декретомъ народныхъ комиссаровъ, изданнымъ безъ вѣдома и одобренія Ц. И. К. Интересна, при этомъ мелкая, но характерная подробность. Подлинникъ заявленія, переданный послѣ оглашенія секретарю Учред. Собранія, былъ отпечатанъ на пишущей машинкѣ. Въ подлинникѣ слова «совѣтской власти» надписаны карандашемъ взамѣнъ первоначально отпечатанныхъ, затѣмъ зачеркнутыхъ словъ: «Ц. И. К. Совѣтовъ Р. С. и К. депутатовъ». Предрѣшенность разгона Учредит. Собранія и лицемѣріе большевиковъ, уже тогда рѣшившихъ собственной, «совѣтской» властью расправиться съ

«контръ-революціонной частью» Учред. Собранія, не дожидаясь и не справляясь съ тѣмъ, что скажетъ «Ц. И. К. Совѣтовъ Р. С. и К. депутатовъ»,—выразительно подчеркиваются этой небезынтересной и для исторіи перваго дня Учредительнаго Собранія деталью.

То же повторилось и съ «геніальнымъ маневромъ»,—не миръ и не война,—передъ которымъ оказался поставленнымъ Ц. И. К. въ февралѣ и который не замедлилъ обратиться въ свою противоположность—и миръ, и война,—представшіе какъ фактъ, нуждающійся лишь въ ратификаціи, передъ четвертымъ съѣздомъ.

Не представительный органъ—Центр. Испол. Комитетъ или съѣздъ Совѣтовъ—осуществляетъ бюджетныя полномочія по отношенію къ «правительству», а, наоборотъ, послѣднее пользуется государственнымъ бюджетомъ, чтобы держать въ своихъ рукахъ послушные «Совнаркому» совѣты. Не Ц. И. К. держитъ ключъ отъ кошелька, не онъ ассигнуетъ средства Совѣту Народныхъ Комиссаровъ, а послѣдній ассигнуетъ средства на содержаніе Ц. И. К. Такимъ образомъ, контролирующій «верховный органъ» совѣтской республики, которому правительство на словахъ какъ будто бы подотчетно, на дѣлѣ оказывается на содержаніи, на положеніи оплачиваемаго правительствомъ чиновничества, всецѣло зависимаго отъ усмотрѣнія начальства. Можно цыфрами иллюстрировать эту зависимость: изъ 5 милл. 300 тыс. р., составившихъ бюджетъ Ц. И. К. за первые три мѣсяца текущаго года, только ничтожная сумма въ 72 тыс. поступила въ видѣ «добровольныхъ отчисленій и пожертвованій рабочихъ и солдатъ». Всю остальную сумму, свыше 5 милл., составили «поступленія» отъ Совѣта Народныхъ Комиссаровъ и иныя подачки изъ казеннаго сундука.

Декретомъ о провинціальныхъ комиссарахъ, опубликованномъ 16/3 сего апрѣля, провинціальные совѣты, тѣ самые, у которыхъ «на мѣстахъ вся власть», ставятся въ формальное подчиненіе и зависимость отъ правительственныхъ агентовъ. Пунктъ четвертый декрета предписываетъ: «Совѣты оказываютъ безусловную поддержку всѣмъ чрезвычайнымъ и инымъ комиссарамъ, если они назначены Совѣтомъ Народныхъ Комиссаровъ. Исполненіе рас-

поряженій такихъ комиссаровъ обязательно для всѣхъ мѣстныхъ совѣтовъ».

«Рабоче-крестьянское правительство» не избиралось представительнымъ органомъ рабочихъ, солдатъ и крестьянъ, не избирается и не смѣщается имъ и понынѣ. Какъ во время самаго переворота, такъ и позднѣе, «правительство» составлялось, смѣщалось и пополнялось путемъ самоназначенія состоявшихъ въ центральномъ комитетѣ большевистской партіи лицъ. Назначенные «народные комиссары» уже post factum, «пропускались» черезъ Ц. И. К., въ порядкѣ общей вермишели, только для свѣдѣнія и молчаливаго одобренія.

«Высшая форма» республики съ парламентаризмомъ и демократизмомъ, дѣйствительно, не имѣетъ ничего общаго. Личный режимъ Ленина и его кружка, ворочающихъ, по преувеличеннымъ исчисленіямъ Ленина, «двумя стами тысячъ «большевиковъ», выдающихъ себя за всю Россію и весь трудовой народъ и терпящихъ при себѣ мѣстные и центральные органы представительства лишь постольку, поскольку они не противорѣчатъ Ленинской указкѣ,—ничѣмъ инымъ, какъ парламентаризмомъ и демократизмомъ наизнанку, конечно, быть не можетъ.

III.

Большевизмъ объявилъ демократію—внѣ закона, «врагомъ народа». Одно упоминаніе о демократическихъ принципахъ, самое слово «демократія» вызываетъ острые припадки mania furiosa у бывшихъ соціалъ-демократовъ, нынѣшнихъ «коммунистовъ». И не только никому невѣдомые Бушуевы, Мены и прочіе «литераторы»—имена коихъ ты, Господи, вѣси,—пишутъ: «Демократія, «народовластіе»—есть буржуазная ложь... Идея народнаго суверенитета глубоко реакціонна»; «Демократія», т. е. оппортунизмъ... «демократія»—разруха... «демократія»—теперь это саботажъ... «демократія»—погромная агитація» (Ср. «Правда» отъ 17 февр. с. г.),—то же съ еще большимъ цинизмомъ твердятъ наиболѣе авторитетные вожди и идеологи большевизма. Ленинъ на третьемъ съѣздѣ совѣтовъ, собравшемся тотчасъ послѣ разгона Учредительнаго Собранія, наставительно поучалъ аудиторію: «Демократія—одна изъ формъ буржуазнаго государства, за которую стоятъ всѣ измѣнники

истиннаго соціализма. Пока революція не выходила изъ рамокъ буржуазнаго строя,—мы стояли за демократію, но какъ только первые проблески соціализма мы увидѣли во всемъ ходѣ революціи,—мы стали на позиціи, твердо и рѣшительно отстаивающія диктатуру пролетаріата». А Троцкій, вторя Наполеону III, который послѣ декабрьскаго переворота говорилъ: «я нарушилъ законность для того, чтобы вернуться къ праву»,—Троцкій послѣ своего октябрьскаго переворота и разгона Учредит. Собранія заявляетъ: «мы попрали принципы демократіи для болѣе высокихъ принциповъ соціальной революціи».

Взглядъ большевизма на демократію строится на силлогизмѣ: соціализмъ исключаетъ демократію; въ Россіи—соціализмъ; ergo—въ ней нѣтъ мѣста демократіи, и за нее «стоятъ всѣ измѣнники истиннаго соціализма».

Въ этомъ силлогизмѣ выводъ ложенъ не только потому, что фактически невѣрна малая посылка: о соціализмѣ въ Россіи, какъ фактѣ, могутъ говорить лишь одержимые; онъ ложенъ и потому, что теоретически невѣрна и большая посылка. Соціализмъ не исключаетъ демократіи, а ее предполагаетъ. Демократія—предпосылка соціализма. Демократія, какъ опредѣленная соціальная категорія, къ которой принадлежатъ не только наемные рабочіе, но и всѣ живущіе своимъ трудомъ, слѣдовательно, и трудовая интеллигенція, и мелкое крестьянство,—является субъективно *носителемъ* соціалистической идеи, резервуаромъ, изъ котораго почерпаетъ соціалистическое движеніе своихъ адептовъ. Демократія, какъ опредѣленный политическій строй, какъ форма самоуправленія и самодѣятельности населенія, является *объективно* условіемъ осуществленія соціалистическаго строя. Можно признавать демократію и отрицать соціализмъ. Но нельзя отрицать демократію и въ то же время клясться соціализмомъ. Отвергая демократію, отвергаютъ и соціализмъ, ибо внѣ демократіи нѣтъ и соціализма.

Не только государственникъ Лассаль въ своей «Программѣ работниковъ», вслѣдъ за Руссо, отстаивалъ «принципъ участія всѣхъ въ опредѣленіи воли государства», полагая, что «всеобщее избирательное право есть не только *политическій* принципъ рабочихъ, но и ихъ *соціаль-*

ный принципъ, коренное условіе всякаго соціальнаго улучшенія». Но и Марксъ, отдавшій въ молодости дань вліянію Бланки, въ томъ же Коммунистическомъ Манифестѣ, изъ котораго большевики кощунственно выхватываютъ отдѣльные слова и лозунги, искажая ихъ духъ и смыслъ,—и Марксъ «одной изъ первыхъ и важнѣйшихъ задачъ борющагося пролетаріата» провозгласилъ завоеваніе всеобщаго избирательнаго права демократіи.

Освобожденіе рабочаго класса должно стать дѣломъ самого рабочаго класса,—это, можно сказать, одинъ изъ символовъ вѣры каждаго соціалиста. Но было бы полнымъ извращеніемъ соціализма, приниженіемъ «идеи четвертаго сословія» и опошленіемъ исторической миссіи рабочаго движенія утверждать, что рабочій классъ только въ своемъ интересѣ стремится къ освобожденію, котораго ему не можетъ дать никакой другой классъ. Освобожденіе рабочаго класса включаетъ въ себя эмансипацію всего человѣчества; борясь за свою свободу, рабочій классъ борется за освобожденіе всего общества. «Только во имя правъ всего общества, говоритъ Марксъ, можетъ отдѣльный классъ предъявлять требованіе на свое господство». «Въ качествѣ господствующаго класса,—гласитъ заключительный параграфъ II отдѣла Коммунистическаго Манифеста,—пролетаріатъ устранитъ и тѣ условія, которыя вызываютъ антагонизмъ классовъ, и свое собственное господство, какъ классовое господство... Свободное развитіе каждаго будетъ служить условіемъ свободнаго развитія всѣхъ». И уже по одному тому, что большевизмъ предъявляетъ требованіе на господство не во имя правъ «всего общества», a priori можно сказать, что за нимъ стоитъ не классъ, а своекорыстная, сравнительно многочисленная кучка, въ своемъ партійномъ, эгоцентрическомъ интересѣ приведшая въ движеніе охлосъ и заявляющая претензію осуществлять диктатуру не партіи, а класса.

Диктатура большевиковъ есть ничѣмъ не прикрытая диктатура меньшинства надъ большинствомъ. Это слѣдуетъ не только изъ идеологіи «маленькой, но хорошо организованной вооруженной и централизованной силы», которую проповѣдывалъ Ленинъ, подготовляя захватъ власти, но и изъ тѣхъ фактовъ, которые имѣли мѣсто послѣ

октября. Послѣ разгона городскихъ думъ, земствъ и Учредительнаго Собранія, избранныхъ всенароднымъ голосованіемъ, которое дало для большевиковъ неблагопріятные результаты,—большевики даже въ моментъ наибольшаго своего успѣха не рискнули провѣрить симпатій къ себѣ избирателей во всероссійскомъ и всенародномъ масштабѣ. На ряду съ этимъ, неугодные большевикамъ совѣты или съѣзды попросту разгонялись, а тамъ, гдѣ перевыборы въ совѣты, послѣ долгаго противодѣйствія, все-таки имѣли мѣсто, тамъ они обставлялись по-большевистски: по худшимъ образцамъ буржуазной избирательной географіи и геометріи, съ созданіемъ особо благопріятной для большевистскихъ кандидатовъ «обстановочки», съ образованіемъ спеціальныхъ совѣтско-большевистскихъ органовъ, вѣдающихъ выборы, съ искусственнымъ отборомъ избирателей благонадежныхъ отъ неблагонадежныхъ, расчетомъ—«локаутомъ» отдѣльныхъ категорій рабочихъ, якобы за остановкой работъ на нѣкоторыхъ казенныхъ, не всецѣло большевистски настроенныхъ заводахъ, съ предоставленіемъ представительства не по праву, а въ видѣ награды, какъ то было, напримѣръ, съ желѣзнодорожниками, которымъ обѣщано было представительство на третьемъ съѣздѣ совѣтовъ лишь въ томъ случаѣ, если они «найдутъ общій языкъ съ подлинными представителями желѣзно-дорожнаго пролетаріата», и т. д. и т. п.

Демократія, это—большинство. Отказываясь опираться на демократію, большевизмъ отвергаетъ принципъ большинства и встаетъ на путь насильственнаго удержанія власти меньшинствомъ. Эту диктатуру меньшинства большевизмъ склоненъ называть диктатурой пролетаріата. Но врядъ ли приходится пространно доказывать, что вооруженное до зубовъ меньшинство, на которое опирается большевизмъ, состоитъ не изъ одного какого-ниб. опредѣленнаго класса, а изъ разнообразныхъ классовъ: крестьянъ, рабочихъ, мѣщанъ, интеллигентовъ и, по преимуществу, изъ деклассированныхъ, оторванныхъ отъ производительнаго труда долголѣтней войной солдатъ, дезертировавшихъ съ фронта, изъ тыловыхъ гарнизоновъ, и воинствующихъ моряковъ, давно уже переставшихъ плавать и сражающихся лишь на сушѣ, на внутреннемъ фронтѣ.

Даже если, вопреки очевидности, утверждать, что въ октябрѣ произошелъ не одинъ изъ многихъ бывшихъ и будущихъ переворотовъ, закончившихся успѣшнымъ для заговорщиковъ захватомъ власти, а подлинная соціальная революція, то и тогда, «на другой день послѣ соціальной революціи», какъ это было предуказано Каутскимъ еще въ 1902 г., пролетаріатъ долженъ былъ бы въ первую очередь осуществить и закрѣпить общедемократическія мѣропріятія, выставляемыя не только соціалистическими, но и демократическими, вплоть до буржуазно-радикальныхъ, партіями. Всеобщее, равное, тайное избирательное право, политическія свободы, самоопредѣленіе областей и всеобщее вооруженіе народа должны были быть проведены пролетаріатомъ потому, что только наиболѣе передовой классъ можетъ осуществить въ неурѣзанномъ видѣ исторически назрѣвшія общедемократическія нужды.

Диктатура пролетаріата въ марксистской концепціи есть этапъ, чрезъ который исторія должна пройти наканунѣ соціальной революціи, когда развившійся капитализмъ, достигнувъ апогея въ процессѣ все увеличивающейся концентраціи капитала, на одной сторонѣ, и пролетаризаціи массъ, на другой, вызываетъ соціальную катастрофу, «Zusammenbruch», какъ результатъ международнаго движенія пролетаріата, которое, по выраженію Коммунистическаго Манифеста, «есть движеніе огромнаго большинства въ интересахъ огромнаго большинства». Диктатура пролетаріата по марксистской концепціи являлась диктатурой большинства въ интересахъ всѣхъ противъ численно ничтожнаго меньшинства эксплоататоровъ—«бунтовщиковъ». Это положеніе было рельефно выражено Энгельсомъ въ его извѣстномъ предисловіи къ послѣднему изданію марксовой «Классовой борьбы во Франціи въ 1848—1850 гг.».

«Общая форма всѣхъ предшествующихъ революцій была такова, что онѣ были революціями меньшинства» такъ писалъ Энгельсъ въ 1895 г. почти тѣми же словами, которыя нынѣ повторяетъ Ленинъ. Но далѣе онъ пишетъ то, что Ленинъ сознательно ставитъ на голову и что огненными словами должно быть выжжено на могильныхъ плитахъ всѣхъ октябрьскихъ насильниковъ, которые произ-

вели свою «соціальную революцію» въ ночной тиши такъ, что «обыватель даже не замѣтилъ», какъ хвасталъ «на другой день послѣ соціальной революціи» одинъ изъ главныхъ ея импрессаріо Троцкій... «Если условія измѣнились для международной войны, то не въ меньшей мѣрѣ они измѣнились и для классовой борьбы. Время революцій, осуществляемыхъ путемъ неожиданнаго захвата власти незначительными сознательными меньшинствами во главѣ безсознательныхъ массъ, миновало. Гдѣ на очереди полное преобразованіе общественнаго строя, тамъ сами массы должны въ этомъ участвовать сознательно, онѣ сами должны понимать, о чемъ идетъ дѣло. Этому научила насъ исторія послѣдняго полувѣка. А чтобы массы поняли, въ чемъ дѣло, и чему онѣ должны содѣйствовать, для этого требуется длинная и выдержанная работа, которую мы теперь выполняемъ съ успѣхомъ, приводящимъ въ отчаяніе нашихъ противниковъ». Это неоднократно цитировавшееся политическое завѣщаніе Энгельса, оставленное имъ послѣдующимъ поколѣніямъ марксистовъ, какъ конечный выводъ своего жизненнаго опыта и размышленій, сохранило всю силу злободневности для печальнаго «опыта», переживаемаго нынѣ нами. И наиболѣе авторитетному изъ современныхъ марксистовъ, учителю школы, Каутскому, когда, за двѣ недѣли до разгона Учредительнаго Собранія, онъ счелъ своимъ долгомъ предупредить большевиковъ относительно ихъ «ложныхъ» «пагубныхъ» и роковыхъ «не только для русскаго, но и для международнаго соціализма» шаговъ —оставалось лишь развить и популяризировать мысли Энгельса.

Диктатура пролетаріата и демократія, повторяетъ Каутскій элементарное, казалось бы, для каждаго марксиста положеніе, «означаетъ въ развитомъ современномъ государствѣ господство достигшей классоваго сознанія народной массы надъ меньшинствомъ эксплоататоровъ. Если же демократическая революція разражается въ экономически отсталомъ государствѣ, гдѣ еще нѣтъ условій для диктатуры большинства народа, то идея пролетарской диктатуры должна отступить передъ идеей демократіи». «Если образовавшееся гдѣ-либо соціалъ-демократическое правительство не имѣетъ за собой большинства народа, то это свидѣтель-

ствуетъ или о томъ, что его политика ошибочна, или же о томъ, что страна для введенія соціализма еще не созрѣла». Если революціонное соціалистическое правительство «пытается насильственно подавить оппозицію путемъ урѣзыванія демократическихъ правъ народа», то «такой режимъ неизбѣжно рушится, и при томъ не какъ жертва одолѣвшаго его насилія, не со славой мученика, для котораго выше всего его убѣжденія,—нѣтъ, онъ гибнетъ, осыпаемый проклятіями, какъ измѣнившій собственнымъ принципамъ ради удержанія власти, какъ обманщикъ, увеличившій нужду и нищету, разрушившій демократическія завоеванія народа». (См. «Рабочій интернаціоналъ» № 2 стр. 61, 56 и 58).

Такъ писалъ Каутскій до разгона большевиками Учредительнаго Собранія и до заключенія ими брестскаго мира, считая почему-то нужнымъ подчеркнуть, что, хотя имѣющіяся въ его распоряженіи свѣдѣнія о «новѣйшей фазѣ большевизма» недостаточны и ненадежны, однако «само собою разумѣется (?..), мы должны живѣйшимъ образомъ пожелать большевикамъ успѣха». Мы, обладавшіе съ самаго начала достаточно надежными свѣдѣніями о теоріи и практикѣ большевизма, и раньше, и теперь въ новѣйшую и наиновѣйшую фазы его развитія успѣха ему, конечно, не желали и не пожелаемъ. Ибо для насъ уже давно было ясно, что большевизмъ примкнулъ къ «новой школѣ въ марксизмѣ»—къ анархо-синдикализму.

Въ томъ «новомъ словѣ», съ которымъ выступилъ Ленинъ въ апрѣлѣ и которое ленинская партія претворила въ жизнь въ октябрѣ,—въ этомъ «новомъ» для насъ старина слышится. Отрицаніе большевизмомъ парламентаризма и демократизма лишь повторяетъ старые нападки французскаго синдикализма противъ «разлагающейся демократіи» и парламента, превратившагося въ своего рода примирительную камеру и мѣсто сдѣлокъ и соглашеній различныхъ классовъ. Какъ и синдикализмъ, большевизмъ отрицаетъ возможность «мирной» парламентской борьбы классовъ, не допуская никакой «передышки» и междуклассовыхъ соглашеній, на «внутреннемъ фронтѣ». Отрицая, согласно своему синдикалистскому прообразу всеобщее избирательное право, парламентъ, парламентаризмъ и демо-

кратію, большевизмъ и въ положительныхъ своихъ построеніяхъ, поскольку вообще можно говорить о положительныхъ сторонахъ большевистскаго коммунизма, идетъ по тому же, проложенному анархо-синдикализмомъ, пути. Анархо-синдикализмъ ставитъ на мѣсто общедемократическихъ органовъ органы классовые—синдикаты, профессіональные союзы, образующіе въ своемъ развитіи скелетъ будущаго общества. Большевизмъ, отступая въ этомъ отъ синдикализма, на то же мѣсто ставитъ видимость классовыхъ организацій трудящихся: рядомъ съ совѣтами рабочихъ и крестьянъ стоятъ «синдикаты» солдатъ, а профессіональное движеніе, какъ таковое, почти исчезло съ политической арены, всѣ совѣты и союзы существуютъ постольку, поскольку они законопослушны большевистской власти.

Внутреннее, неистребимое противорѣчіе россійскаго анархо-синдикализма состоитъ въ томъ, что, отрицая демократію, парламентъ и другія государственно-правовыя учрежденія, онъ фактически ставитъ на ихъ мѣсто не классъ, не экономическія организаціи, а организацію политическую, т.-е. тоже государственно-правового, хотя и односторонняго характера,—партію. Въ 1905 г., когда впервые сложились совѣты рабочихъ депутатовъ, большевизмъ отнесся къ нимъ недоброжелательно, какъ къ конкуренту партіи, «соглашающему» непримиримость и опредѣленность партійныхъ организацій. Въ 1917 г., наоборотъ, подъ лозунгомъ «вся власть совѣтамъ» и подъ эгидой «совѣтской республики» большевизмъ контрабандой провозитъ, по существу, партійныя цѣнности, близкія и дорогія только для большевиковъ: совѣтская власть давно уже превратилась во власть большевистскую.

Большевизмъ отвергъ демократію, какъ изжитый буржуазный предразсудокъ. Теперь очередь демократіи преодолѣть большевизмъ, какъ недостойное демократическое теченіе, недостигшее элементарной политической зрѣлости. Большевизму можетъ проститься все, но никогда не простится ему хулы на «духа святого», на основу общежитія—демократію, породившую и своего хулителя—большевизмъ. Мнимая диктатура пролетаріата, которая претендуетъ занять мѣсто демократіи, ни въ какой мѣрѣ не опере-

жаетъ, а, наоборотъ, отстаетъ отъ нея, возвращаетъ ее вспять, къ дѣйствительно уже изжитому порядку, гдѣ права и обязанности не были достоянiемъ всѣхъ, а распредѣлялись, какъ кара и награда, по разному между различными группами и слоями населенiя соотвѣтственно особому цензу и степени политической благонадежности. Большевизмъ копируетъ методы прошлаго, примѣняя для своихъ политическихъ враговъ такiя же правоограниченiя, какiя до него примѣнялъ абсолютизмъ просвѣщенный и непросвѣщенный.

И въ этомъ рокъ большевизма, осуждающiй его на вырожденiе и безславную гибель и предвѣщающiй неизбѣжное торжество демократiи.

Маркъ Вишнякъ.

Большевики и Всероссійское Учредительное Собраніе.

Учредительное Собраніе распущено декретомъ «коммунистическаго» правительства, и демонстрировавшіе въ честь его толпы рабочихъ разогнаны и разстрѣляны толпой вооруженныхъ солдатъ, красногвардейцевъ и матросовъ.

Кто еще недавно въ Россіи повѣрилъ бы, что мечту и надежду десятковъ поколѣній русскихъ гражданъ, такъ грубо, такъ безжалостно осквернитъ власть, именующая себя «рабочимъ и крестьянскимъ правительствомъ»? Что именно эта власть пойдетъ по стопамъ Столыпина и посягнетъ на полномочное представительство всего русскаго народа? Никто не повѣрилъ бы этому, и прежде всего не повѣрили бы сами большевики...

А между тѣмъ такое посягательство произошло. Невѣроятно, но фактъ. Многими неожиданностями подарила насъ развертывающаяся панорама событій трагичнѣйшей изъ революцій. Но эта неожиданность останется наибольшей изъ всѣхъ.

Нужно быть русскимъ, чтобы въ полной мѣрѣ понять и представить себѣ, чѣмъ была до сихъ поръ для каждаго русскаго демократа и соціалиста идея всенароднаго Учредительнаго Собранія,—дѣтища побѣдоносной революціи,—полновластнаго органа, избраннаго на основѣ всеобщаго избирательнаго права для выработки основныхъ законовъ свободнаго демократическаго государственнаго строя. Впервые идея эта была провозглашена въ знаменитомъ «письмѣ» Исполнительнаго Комитета партіи Народной Воли, обра-

щенномъ къ царю Александру III-му въ 1881 году, черезъ нѣсколько дней послѣ казни Александра II-го. И вотъ, съ тѣхъ самыхъ поръ въ продолженіи 37 лѣтъ борьбы русскаго народа съ самодержавіемъ царей требованіе созыва Учредительнаго Собранія являлось основнымъ политическимъ требованіемъ въ программахъ всѣхъ безъ исключенія революціонныхъ партій въ Россіи. Всѣмъ поколѣніямъ русскихъ демократовъ Учред. Собраніе представлялось вѣнцомъ революціи, закрѣпляющимъ въ законодательной формѣ всѣ соціально-политическія завоеванія революціоннаго народа.

Россія, при той жалкой политической роли, которую играла въ ней до сихъ поръ буржуазія всѣхъ ранговъ,—была и останется страной трудового населенія, по преимуществу, страной пролетаріата и трудового крестьянства. Было, поэтому, очевидно, что Учредительное Собраніе, избранное всѣмъ народомъ, будетъ, во всякомъ случаѣ, плотью отъ плоти народной трудовой революціи и, будучи само народно-трудовымъ парламентомъ, приведетъ къ благополучному завершенію тѣ историческія заданія, которыя лягутъ въ основу революціи.

Всегда и среди всѣхъ направленій русскаго соціализма жило довѣріе къ всенародному Учред. Собранію—равносильное довѣрію къ народу, вѣрѣ въ народъ. Не то, чтобы при выборахъ народъ, неопытный въ политикѣ, не могъ сдѣлать ошибокъ. Но вѣдь еще Лассаль сказалъ, что всеобщая подача голосовъ есть оружіе, которое само же залѣчиваетъ тѣ раны, которыя можетъ нанести неумѣющимъ обращаться съ нимъ. И вотъ почему по отношенію къ идеѣ Учредительнаго Собранія вплоть до революціи 1917 года не было никакихъ различій среди всѣхъ фракцій и направленій россійскаго соціализма. Было различное пониманіе характера и обыкновенныхъ цѣлей грядущей революціи, но, несмотря на это, всѣ соціалистическія фракціи—и обѣ фракціи соціалдемократіи: большевики и меньшевики, и соціалисты-революціонеры и соціалистическія группы, стоявшія правѣе и даже лѣвѣе этихъ партій (максималисты)—всѣ онѣ сходились на безусловномъ признаніи Учред. Собранія. Большевики старались даже въ этомъ отношеніи выказать себя болѣе преданными ему, чѣмъ какая либо другая партія. Когда меньшевики въ годы реакціи, наступившей послѣ револю-

ціи 1905—06 гг., находили возможнымъ и цѣлесообразнымъ сузить программу ближайшихъ и конкретныхъ достиженій демократіи и найти какіе-то этапы, не включавшіе полностью «демократической Республики» и «Учред. Собранія», то большевики обвинили ихъ въ измѣнѣ с.-д. программѣ. Они тогда утверждали, что никакого иного требованія, кромѣ созыва Учред. Собранія, соціалъ-демократъ выставлять не имѣетъ права. Всякій, хотя бы временный, отказъ отъ этихъ лозунговъ, они заклеймили именемъ «ликвидаторства». Теперь, сами выступивъ въ той же роли, они могутъ въ свое оправданіе сказать развѣ лишь то, что они занимаются «ликвидаторствомъ с-л ѣ в а»...

Но ликвидаторство все же остается ликвидаторствомъ. И недаромъ большевики, въ концѣ концовъ, ликвидировали въ самомъ имени своей партіи терминъ «соціалъ-демократизмъ», замѣнивъ его «коммунизмомъ».

Когда 27 февраля 1917 года въ Россіи грянулъ революціонный взрывъ, и рушился старый государственный строй, то необходимость созыва Учред. Собранія была очевидной, само собой подразумѣвающейся для всѣхъ соціалистовъ Россіи. Въ первомъ же соглашеніи, заключенномъ на другой день послѣ переворота между Исполнит. Комитетомъ Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ и Исполн. Комитетомъ Государственной Думы была совершенно ясно и категорически формулирована необходимость скорѣйшаго созыва этого учрежденія, подготовить и провести выборы въ него было главнѣйшей задачей образованнаго въ результатѣ этого соглашенія Временнаго Революціоннаго Правительства. Должно было, однако, пройти восемь долгихъ и чреватыхъ событіями мѣсяцевъ, прежде, чѣмъ граждане Россіи могли приступать къ выборамъ. Отвѣтственность за эту «задержку», въ значительнѣйшей мѣрѣ послужившую первопричиною всѣхъ дальнѣйшихъ бѣдствій и золъ революціи,—не можетъ быть исключительно и цѣликомъ возложена на какую нибудь одну политическую партію. Это въ значительной степени общая вина,—а болѣе всего общая бѣда. Различіе между отдѣльными партіями скорѣе было количественнымъ. За

болѣе отдаленные сроки созыва высказывались цензовики, частью озабоченные болѣе безупречной съ формальной стороны организаціей всего дѣла, частью уповавшіе на то, что уляжется, наконецъ, революціонная лихорадка, и выборы произойдутъ въ болѣе спокойной атмосферѣ. Но своя доля вины въ замедленіи лежитъ на всѣхъ насъ, на всѣхъ партіяхъ, на всѣхъ вообще учрежденіяхъ и органахъ только что родившагося демократическаго государства. И грѣхъ этой задержки былъ въ значительной степени невольнымъ грѣхомъ, невольной данью, какъ тому необычайно сложному сцѣпленію политико-государственныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ должна была протекать революція, такъ и той медлительности всѣхъ творчески-организаціонныхъ процессовъ, которая вообще являлась и является характернѣйшей чертой русской жизни.

Сложность политическаго узора, развернутаго русской революціей, острота вопроса о созданіи государственной власти, пользующейся признаніемъ всего населенія, необходимость скорѣйшаго разрѣшенія въ законодательномъ порядкѣ наиболѣе назрѣвшихъ и важныхъ революціонныхъ реформъ, множество внѣшнихъ и внутреннихъ осложненій, возникшихъ въ ходѣ попытокъ этого разрѣшенія, хотя, съ одной стороны, и заставляли чувствовать огромный пробѣлъ, въ видѣ отсутствія «полновластнаго хозяина земли русской»—но, съ другой стороны, поглощали и отвлекали все вниманіе, всѣ силы участниковъ событій, и тѣмъ самымъ отодвигали и тормазили работы по созыву. Даже буржуазія, въ массѣ своей (исключенія, конечно, были, но не мѣняли общей картины) сознавала,—можетъ быть, скрѣпя сердце,—что Учредительное Собраніе—единственное средство разрѣшить безболѣзненно великій споръ, возникшій между обоими соціальными лагерями, споръ о власти въ странѣ, споръ, сводившійся къ болѣе глубокому спору о цѣляхъ и задачахъ происходящей въ Россіи революціи. Всеобщее голосованіе признавалось «послѣдней инстанціей.» На благопріятное для себя рѣшеніе этой инстанціи не теряли надежды обѣ спорившія стороны.

Въ той агитаціи вокругъ и за Учред. Собраніе, которая открыта была въ странѣ на другой же день послѣ революціоннаго переворота, большевики приняли не только живѣйшее участіе, но даже старались взять самыя высокія ноты въ общемъ хорѣ, и въ погонѣ за популярностью въ массахъ неоднократно старались показать и внушить народу, что именно они, большевики, и являются самыми революціонными защитниками лозунга скорѣйшаго созыва Учред. Собранія. Какъ же можно было выдѣлиться изъ ряда вонъ въ такомъ вопросѣ, по которому была единодушна вся демократія? Да очень просто: изобрѣсти несуществующихъ враговъ и «саботажниковъ» этого собранія и повести противъ нихъ кампанію, дышащую ненавистью и злобой.

Если правительство Львова-Милюкова и было повинно въ замедленіи созыва У. С., то косвенно, поскольку оно медлило съ земской реформой, ибо въ составленіи избирательныхъ списковъ—самой большой, сложной и кропотливой работѣ—новыя земскія учрежденія были осью всей работы. Но большевики къ закону о мѣстномъ самоуправленіи, нынѣ имъ разрушенномъ, съ самаго начала отнеслись съ суверенньмъ презрѣніемъ (стоитъ вспомнить лишь рѣчь Троцкаго въ Петроградскомъ Совѣтѣ Р. и С. Д., когда онъ третировалъ такія мѣры, какъ волостное земство и всероссійская поземельная перепись). Запозданіе въ приступѣ къ работамъ особаго собранія по выработкѣ закона о выборахъ обусловлено было отчасти медлительностью и соц. партій и самаго Совѣта Р. и С. Д., не сразу приславшихъ въ него своихъ представителей. Съ тѣхъ же поръ, какъ оно начало свои работы, большевики, какъ непосредственные участники работъ, могли воочію убѣдиться, что всѣ партіи лойяльно въ нихъ сотрудничаютъ. Если и наблюдались нѣкоторыя, быть можетъ, излишнія, медлительность и скрупулезность въ работахъ Совѣщанія—какъ и въ томъ планѣ избират. кампаніи, который былъ выработанъ этимъ Совѣщаніемъ—то вина въ этомъ распредѣляется между всѣми участниками.

Съ осени (сентябрь) работы Особаго Совѣщанія закончились, законъ о выборахъ былъ выработанъ и избирательная кампанія фактически въ провинціи уже началась. Дальнѣйшее ускореніе темпа работъ по приближенію срока выборовъ отнынѣ зависѣло, такимъ образомъ, уже не столько отъ центральнаго правительства, сколько отъ мѣстной власти—отъ органовъ земскаго и городскаго самоуправленія. Формированіе этихъ органовъ запоздало не только потому, что поздно изданы были законы о новыхъ земскихъ учрежденіяхъ, но и потому, что «страна наша велика и обильна, а порядку въ ней нѣтъ», и всякіе лозунги, даваемые изъ центра, крайне не скоро докатываются до периферіи, слабѣя и замедляясь прямо пропорціонально разстоянію. И вотъ почему выборовъ не удалось произвести въ назначенный срокъ. Никто иной, какъ мѣстные органы самоуправленія, ходатайствовали о томъ, чтобы выборы были нѣсколько отсрочены, и они назначены были, наконецъ, на 12 ноября. И вотъ, когда до перваго дня выборовъ оставалось уже какихъ нибудь три недѣли—большевики совершенно внезапно заявили, что буржуазія составила заговоръ для срыва Учредительнаго Собранія, и что правительство Керенскаго виновно въ соучастіи съ нею. Троцкій, покидая вмѣстѣ со своими политическими друзьями предпарламентъ, именно этимъ обвиненіемъ мотивировалъ свое рѣшеніе о демонстративномъ уходѣ, которое могло означать только объявленіе войны и переходъ съ пути легальности на путь переворота. Вѣрили ли эти люди сами въ то, что говорили? Это болѣе, чѣмъ сомнительно. Но заявить, что во имя спасенія Учредительнаго Собранія надо свергнуть временное правительство,—о, это было такъ удобно для того, чтобы собрать вокругъ своего знамени широкія народныя массы, и съ полною удачей произвести, наконецъ, 24 октября 1917 года свой, давно задуманный, переворотъ. Начиная съ сентябрьскаго Демократическаго Собранія и въ теченіе всѣхъ первыхъ трехъ недѣль октября большевистская пропоганда шла въ гору съ необычайной, сказочной быстротой. Почва для ея успѣха была подготовлена давно. Сознательный отказъ коалиціоннаго правительства послѣднихъ составовъ отъ проведенія въ жизнь широкихъ революціон-

ныхъ реформъ до момента созыва полномочнаго народнаго представительства; недостаточно энергичная мирная политика; неустойчивость власти ввиду разнороднаго въ соціальномъ отношеніи ея состава, частые министерскіе кризисы, рядъ частныхъ промаховъ, безтактностей и ошибокъ, — все это подрывало авторитетъ Временнаго Правительства въ широкихъ массахъ рабочихъ, крестьянъ и солдатъ. Корниловская эпопея и послѣдующія за нею разоблаченія довели общественную смуту до крайнихъ предѣловъ. Травля на Совѣты справа озлобила массы; Корниловскій мятежъ взбаломутилъ армію; стихійный подъемъ демократическихъ чувствъ и страстей не нашелъ нормальнаго удовлетворенія въ правительственныхъ актахъ; развѣтвленія корней, пущенныя корниловщиной въ правительственныя сферы, нанесли послѣдній, непоправимый ударъ престижу и авторитету власти. Большевики использовали все это съ большимъ политическимъ темпераментомъ и рѣдкой энергіей. Съ середины октября большевистская партія начинаетъ обращаться къ массамъ съ открытыми призывами къ совершенію революціоннаго переворота и встрѣчаетъ сочувственный резонансъ въ низахъ и довольно вялое противодѣйствіе другихъ партій. Несмотря на наличіе въ составѣ правительства соціалистическихъ министровъ—персонально наименѣе яркихъ и авторитетныхъ—отношеніе этихъ партій къ политикѣ правительства становилось все болѣе и болѣе холоднымъ, а поддержка ея—натянутой и лишенной всякаго одушевленія. Партія с.-р. и с.-д. меньшевики отнюдь не были въ восторгѣ отъ status quo, но скорѣе сознательно предпочитали, скрѣпя сердце, «претерпѣть» его въ теченіи того короткаго времени, какое оставалось до созыва Народнаго представительства. Предпочитая не осложнять остающихся до прихода «хозяина» земли трехъ-четырехъ недѣль политическими пертурбаціями и возможной гражданской междоусобицей, соціалистическія партіи старались все же подчеркнуть, что въ ихъ отношеніи къ мирной проблемѣ и къ земельной реформѣ они идутъ единственно-разумнымъ путемъ къ тому же, чего хотятъ добиться рискованными экспериментами и азартной политической игрой большевики. Въ декларацін, съ которой выступили эти пар-

тіи въ Совѣтѣ Республики, было указано, что они ставятъ своей цѣлью добиться даже отъ правительства Керенскаго вполнѣ опредѣленныхъ мѣропріятій въ области внѣшней и земельной политики.

Что касается третьяго большевистскаго лозунга—созыва въ срокъ Учредительнаго Собранія, то о немъ спорить не приходилось: до того очевидны были для всѣхъ его безспорность и нарочитая искусственность выдвиганія его въ этотъ моментъ большевиками... Тѣми самыми большевиками, которые въ своей партійной прессѣ уже обсуждали вопросъ о постановкѣ ему—въ случаѣ успѣха переворота—ультиматума: либо подчиниться, либо быть разогнаннымъ.

Позиція небольшевистской части соціалистической оппозиціи, лицомъ къ лицу съ лозунгами переворота, по существу, была выгодной: ей предстояло отвратить массы отъ революціоннаго безумія всего за три недѣли до выборовъ полномочнаго «хозяина» Россіи—Учред. Собранія. Къ чему, говорили мы, всѣ ужасы новой революціи, новой гражданской войны, разъ всѣ тѣ цѣли, ради которыхъ готовится революція, безболѣзненно и во много разъ болѣе успѣшно могутъ быть осуществлены полномочнымъ представительствомъ всего народа? Вы хотите, говорили мы петроградскимъ большевикамъ, мира и земли? Но неужели вы полагаете, что трудовой народъ Россіи пошлетъ въ Учред. Собраніе такихъ депутатовъ, которые не захотятъ добиваться скорѣйшаго мира, передачи земли крестьянамъ и всѣхъ тѣхъ реформъ, которыя въ то же время являются и нашими реформами? Будьте спокойны, народъ русскій сумѣетъ избрать своихъ представителей, и если вы, большевики, полагаете, что большинство трудового населенія идетъ именно за вами, а не за кѣмъ другимъ, то вамъ и предстоитъ случай попытать свое счастье на предстоящихъ выборахъ. Не безуміе ли—безцѣльное пролитіе крови, если споръ, ради котораго вы готовы пролить эту кровь, и можетъ и долженъ быть разрѣшенъ черезъ какихъ-нибудь нѣсколько недѣль самимъ народомъ?

Однако, всѣ эти, неотразимые по своей логикѣ, аргументы разбивались, какъ горохъ объ стѣну, объ одно возраженіе большевиковъ: «да, мы не вѣримъ, что Учред.

Собранiе будетъ созвано!» И вотъ тутъ то наша позицiя умѣренной части русской социалистической демократiи, становилась довольно безнадежной. Въ самомъ дѣлѣ, убѣждать самихъ большевиковъ было напраснымъ трудомъ, ибо съ ихъ стороны это былъ простой маневръ, а вовсе не искреннее убѣжденiе. Что же касается до темной массы солдатъ, измученныхъ войной и желавшихъ добиться мира какой угодно цѣной, части рабочихъ Петрограда и Москвы, «разочарованныхъ» въ правительствѣ Керенскаго,—то въ нихъ проснулось все вѣковое, затаенное недовѣрiе къ «чистой публикѣ», къ «верхамъ». Большевики апеллировали именно къ этому первобытному, темному инстинкту, твердя съ упорствомъ опытныхъ гипнотизеровъ: «васъ обманываютъ! вамъ измѣняютъ! васъ предаютъ! Сбросьте всѣхъ долой, сами возьмите все въ свои руки: и власть, и миръ, и хлѣбъ!»

Въ нѣдрахъ большевистской партiи, въ верхахъ ея, къ этому времени уже довольно замѣтнымъ стало идейное перерожденiе. Изъ социалистовъ и марксистовъ большевики превратились въ крайнихъ максималистовъ, изъ демократовъ въ проповѣдниковъ диктатуры. Диктатуры надъ пролетарiатомъ, выдаваемой за диктатуру пролетарiата. Какъ извѣстно, Ленинъ уже давно продѣлалъ лично эту эволюцiю, но его собственные сторонники терялись и не сразу могли рѣшиться сдѣлать вмѣстѣ съ нимъ этотъ «прыжокъ въ неизвѣстное». И самый октябрьскiй переворотъ протекалъ еще внѣ лозунга «Совѣтской Республики», переросшей демократiю, чтобы идти на всѣхъ парахъ къ социализму. Оффицiальнымъ партiйнымъ credo все это стало уже позже переворота—въ ноябрѣ и даже въ декабрѣ мѣсяцѣ. Въ это время, опьяненные побѣдой и властью, большевики шли за своими вождями куда только имъ было угодно.

И, все таки, чтобы облегчить сомнѣвающимся и колеблющимся дѣло прiятiя лозунговъ «красной столыпинщины» и разгона Учредительнаго Собранiя, потребовалась переходная стадiя. Вооруженный переворотъ первоначально былъ выставленъ, какъ лучшее средство, стоя у кормила власти, повести энергичную предметную пропаган-

ду своей программы рядомъ декретовъ, идущихъ безъ оглядокъ навстрѣчу всѣмъ самымъ популярнымъ лозунгамъ и чаяніямъ массъ. И большевики, рядовые большевики, въ массѣ своей вѣрили, что берутся за оружіе не для того, чтобы сорвать, а лишь для того, чтобы «заполонить» собой Учредительное Собраніе, побѣдить во что бы то ни стало на предстоящихъ всенародныхъ выборахъ.

Большевики къ октябрю мѣсяцу представляли собой уже весьма серьезную и внушительную силу, въ особенности, въ столицахъ и въ арміи. Но во всей странѣ—они далеко не были «первой партіей». Надо было, слѣдовательно, популяризировать себя передъ всей страной. Истекшее время достаточно показало, въ чемъ главная сила самыхъ популярныхъ партій. Нужно было не постѣсняться обобрать ихъ: напр., взять эсеровскую земельную программу и внушить крестьянамъ увѣренность, что большевики идутъ дальше самихъ с.-р-овъ въ смыслѣ удовлетворенія крестьянскихъ интересовъ, что они, большевики,—люди дѣла, а с.-р.-ы говоруны, и что получатъ крестьяне землю изъ рукъ большевиковъ, а не с.-р-овъ. А если, къ тому же, еще добиться какой угодно цѣной мира—то, понятно, населеніе не выдержитъ, и, обстрѣливаемое со всѣхъ сторонъ самыми соблазнительными съ виду декретами, пошлетъ и во Всероссійское Учредительное Собраніе своихъ новыхъ благодѣтелей-владыкъ, щедрыхъ большевиковъ.

Выборы, какъ извѣстно, начались въ назначенный срокъ—12, 13 и 14 ноября. Но большевистскій мятежъ, какъ и слѣдовало ожидать, ввергъ всю страну въ состояніе хронической гражданской войны. И послѣдствія этой войны и связаннаго съ нею полнаго развала всего государственнаго аппарата—не замедлили сказаться и на ходѣ выборовъ. Вмѣсто предполагавшихся одной—двухъ недѣль, выборы растянулись почти на три мѣсяца и въ нѣкоторыхъ избирательныхъ округахъ еще не были закончены, когда само Учредительное Собраніе было уже распущено и разогнано.

Растянувшись на многія недѣли, выборы въ Учредительное Собраніе не могли, разумѣется, сразу обнаружить свои результаты. Первыя вѣсти стали поступать объ исходѣ выборовъ въ городахъ, Городскіе выборы были благо-

пріятны двумъ крайнимъ крыльямъ россійскаго соціально-политическаго міра: кадетамъ и большевикамъ, причемъ послѣдніе по числу полученныхъ голосовъ шли все-таки впереди кадетовъ *).

Это окрылило надежды большевиковъ. Но, увы, эти надежды были преждевременны... Когда стали приходить извѣстія о результатахъ голосованія деревни—а именно деревнѣ принадлежитъ рѣшающій голосъ въ конечномъ исходѣ выборовъ,—то оказалось, что деревня, подавляющее большинство многомиллюннаго крестьянства, по-прежнему высказывается за партію соціалистовъ-революціонеровъ.

На всероссійскихъ всенародныхъ выборахъ побѣдила именно эта партія. Конечные итоги выборовъ весьма показательны и для большевиковъ, претендующихъ на то, что за ними шло и идетъ огромное большинство трудового народа Россіи—прямо-таки убійственны. По свѣдѣніямъ, публикуемымъ нами въ отдѣльной брошюрѣ*) изъ 36 милліоновъ голосовавшихъ въ 54 избирательныхъ округахъ, за с.-р-овъ разныхъ національностей голосовало всего 20 милліоновъ избирателей, что составитъ 57% всѣхъ поданныхъ на выборахъ голосовъ. За большевиковъ же голосовало всего 9 милліоновъ избирателей или 24%.

Изъ 703 избранныхъ депутатовъ*) по спискамъ русской партіи с.-р. прошло 338 депутатовъ, по спискамъ с.-р. другихъ національностей—99, по спискамъ с.-д. меньшевиковъ—18, по другимъ соціалистическимъ спискамъ—16, по спискамъ буржуазныхъ націон. группъ и партій—64 и, наконецъ, по спискамъ большевиковъ—168.

Отсюда видно, что большевики на всероссійскихъ выборахъ и въ самомъ Учредительномъ Собраніи не получили и ¼ всѣхъ депутатскихъ полномочій. Учредительное Собраніе ускользало изъ рукъ большевиковъ, оно не могло стать слѣпымъ орудіемъ въ осуществленіи ихъ доктринерскихъ прожектовъ. Такое положеніе дѣла диктовало большевикамъ необходимость покончить съ сомнѣніями и колебаніями и занять по отношенію къ Учредительному Собранію ярко-враждебную позицію. Исходъ выборовъ, какъ уже

*) См. мою брошюру „Итоги выборовъ“ (Изд-во „Земля и Воля“).

было сказано, опредѣлился не сразу. Пораженіе на выборахъ большевистской партіи стало очевидно для всѣхъ тоже не сразу. Кромѣ того, въ составѣ тѣхъ депутатовъ с.-р.-овъ, которые прошли по спискамъ партіи с.-р., было нѣкоторое количество такъ-называемыхъ лѣвыхъ с.-р.-овъ, стоявшихъ на большевистской позиціи и съ момента октябрьскаго переворота заключившихъ съ большевиками тѣсный блокъ. Такихъ с.-р-овъ, однако, оказалось очень немного. Но лѣвые эсеры успѣли внушить большевикамъ вѣру въ свои силы. Если бы эта вѣра оправдалась, выходъ былъ бы сравнительно простъ. Если бы вмѣстѣ съ лѣвыми эсерами большевики составили—пусть не абсолютное большинство Учредительнаго Собранія, а лишь группу, численностью своею превышающую соединенныя силы меньшевиковъ и партійныхъ с.-р.-овъ,—тогда можно было бы пустить въ ходъ маневръ, долго обсуждавшійся въ Смольномъ у новоиспеченныхъ союзниковъ. Совѣтская власть должна была объявить кадетъ «врагами народа» и организовать давленіе на Учредительное Собраніе извнѣ съ цѣлью ихъ исключенія. Пока же, до того момента, когда соотношеніе силъ окончательно опредѣлится—большевикамъ ничего не оставалось дѣлать, какъ занять выжидательную позицію, постепенно подготовляя «низы» къ тому, что Учредительное Собраніе лучше всего «держать подъ подозрѣніемъ» и заставить его «служить народу». Этимъ дѣломъ и были заняты большевики и лѣвые с.-р.-ы весь ноябрь и декабрь мѣсяцы, медовые мѣсяцы своего торжества, популярности и безраздѣльной, хотя и узурпаторской власти. Тѣмъ временемъ обнаружилось эфемерность надеждъ лѣвыхъ с.-р.-овъ. Стало яснымъ, что большинства въ Учредительное Собраніе нельзя натянуть никакими неправдами. Оставалось опорочить все Учредительное Собраніе, и, прежде всего—опорочить данный составъ его, опорочить итоги выборовъ.

Придраться, казалось, было такъ просто. Вѣдь кандидатскіе списки для выборовъ были составлены партіей с.-р. еще до раскола: лѣвые с.-р.-ы не успѣли выставить своихъ самостоятельныхъ списковъ на выборахъ. Этимъ то и можно было воспользоваться, заявивъ, что партійные с.-р.-ы или «центровики» (большевики, разумѣется съ упорствомъ

опытныхъ гипнотизеровъ называли ихъ «правыми с.-р.-ами») прошли контрабандой, цѣпляясь за популярность «лѣвыхъ». Придирка была явно несостоятельна. Во-первыхъ, послѣ того, какъ большевики приняли эсеровскую земельную программу, что мѣшало крестьянамъ голосовать прямо за большевиковъ тамъ, гдѣ с.-р.-скій списокъ состоялъ изъ «правыхъ»? Во-вторыхъ, если большинство с.-р-ской массы стояло за ушедшими изъ партіи «лѣвыми», то какъ могло случиться, что не изъ нихъ были составлены списки кандидатовъ въ Учредительное Собраніе? Вѣдь списки эти составлялись не изъ центра партіи, а мѣстными организаціями партіи и мѣстными (губернскими) совѣтами крестьянскихъ депутатовъ на равныхъ другъ съ другомъ основаніяхъ. И организація партіи и, въ особенности, губернскіе совѣты несомнѣнно отражали настроеніе крестьянской массы, почему въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ это настроеніе было лѣвымъ, вѣрнѣе—большевистскимъ—списки партіи и оказались составленными изъ лѣвыхъ с.-р.-овъ. Въ результатѣ, изъ 338 депутатовъ, прошедшихъ по спискамъ партіи с.-р.—39 депутатовъ оказались «лѣвыми с.-р-ми», основавшими въ Учредительномъ Собраніи свою самостоятельную фракцію, дружескую большевикамъ. Въ другихъ же мѣстахъ лѣвые с.-р-ы пытались выступить со своими конкурирующими списками противъ партійныхъ, и что же оказалось? Число голосовъ, полученныхъ ими тамъ, гдѣ они открыто выступали, какъ партійные раскольники, оказалось совершенно ничтожнымъ. И, осмѣлься лѣвые с.-р.-ы вездѣ выступить такъ же съ «открытымъ забраломъ», они прошли бы въ Учредительное Собраніе въ еще меньшемъ количествѣ. Для нихъ было счастье, что кое гдѣ они успѣли использовать авторитетъ партійной фирмы. И они это сами понимали. Будь иначе, что бы помѣшало большевикамъ—вѣдь у нихъ была «своя рука владыка»—разрѣшить, въ виду измѣнившихся обстоятельствъ, разъединеніе с.-р-скихъ списковъ?

По мѣрѣ выясненія неблагопріятнаго для большевиковъ исхода избирательной кампаніи, послѣдніе все болѣе и болѣе вплотную придвигались къ проблемѣ насильственнаго разгона Учредительнаго Собранія. Разъ большевики не могли опереться въ своихъ quasi-соціалистическихъ и анти-

государственныхъ экспериментахъ на всенародное представительство, и разъ въ тоже время они рѣшились удерживать власть въ своихъ рукахъ какой угодно цѣной—имъ ничего не оставалось болѣе, какъ пойти на открытую борьбу съ волей народа, разсчитывая на его утомленіе въ результатѣ войны на фронтѣ и войны гражданской. Созданная ими къ этому времени анти-демократическая идеологія облегчала ихъ враждебныя дѣйствія по отношенію къ Учредительному Собранію. Понятіе «весь народъ» почиталось уже категоріей буржуазной, принципы народовластія считались уже пройденными ступенями въ развитіи революціи. Противъ «демократіи» выдвинули «трудократію». Россійское государство должно представлять изъ себя «Республику Совѣтовъ», въ которой политическими правами пользуется лишь трудовое населеніе. Но трудовой народъ имѣетъ уже свои парламенты—«Совѣты рабочихъ, крестьянскихъ и солдатскихъ депутатовъ». Отъ добра, какъ говорится, добра не ищутъ—зачѣмъ еще трудовому народу какое-то Учредительное Собраніе?

Но вѣдь широкія массы помнятъ еще, какъ распинались за это Собраніе сами же большевики? Приходилось, слѣдовательно, показать, что не съ легкимъ сердцемъ рѣшается большевистская власть на такую мѣру какъ разгонъ Учредительнаго Собранія. «Разгонъ» былъ бы принятъ населеніемъ легче, если бы былъ изобрѣтенъ какой-нибудь—хотя бы и завѣдомо непріемлемый для Учред. Собранія—компромиссъ, принять который это Собраніе «злостно» отказалось бы и тѣмъ самымъ само пошло бы навстрѣчу разгону.

Такой компромиссъ большевиками былъ найденъ. Пріоритетъ большевистскихъ Совѣтовъ какъ верховнаго государственнаго органа для большевиковъ былъ, конечно, непоколебимъ. Но и Учредительное Собраніе, на худой конецъ, большевики стали бы «терпѣть», если бы это Учред. Собраніе признало за Совѣтскими органами всю полноту законодательной и исполнительной власти. Въ этихъ цѣляхъ, Учред. Собраніе должно было, съ одной стороны, признать власть Совѣта Народныхъ Комиссаровъ, а, съ другой стороны, въ своей законодательной работѣ слѣдовать программѣ и предначертаніямъ Центральнаго Ис-

полнительнаго Комитета Совѣтовъ. Другими словами изъ верховнаго органа, обладающаго всей полнотой власти, учредительной, законодательной, исполнительной и судебной—Учред. Собраніе должно было стать второстепеннымъ въ государствѣ учрежденіемъ, безвластнымъ и законосовѣщательнымъ.

Таковы были послѣднія условія, продиктованныя Совѣтской властью народному представительству... Они и были ему предъявлены большевиками и лѣвыми с-р-ми въ первое же и пока единственное засѣданіе Учредительнаго Собранія, въ памятный историческій день 5-го января.

Сбылась мечта поколѣній россійскихъ демократовъ—Всероссійское Учредительное Собраніе было открыто... Но въ какихъ же, поистинѣ, діавольскихъ условіяхъ суждено было осуществиться этой мечтѣ...

У входа въ зданіе Таврическаго дворца народныхъ избранниковъ ожидали уже пулеметы и вооруженныя банды солдатъ и матросовъ. На улицахъ разстрѣливали безоруженныхъ демонстрантовъ—рабочихъ,—въ первую голову пострадали обуховцы. Внутри зданія была подобрана самая «твердокаменная» анархобольшевистская «публика» и такой же отборный «караулъ» изъ матросовъ, солдатъ и красногвардейцевъ, «готовый на все». Внутри зданія депутаты наткнулись сразу на грубѣйшія оскорбленія, и всяческія препятствія, издѣвательства. Самый залъ засѣданія представлялъ изъ себя невиданную еще картину разнузданныхъ страстей и неприличнаго бѣснованія на одной половинѣ—большевистской—и сосредоточеннаго спокойствія, мрачнаго углубленія въ себя—на скамьяхъ большинства, на скамьяхъ депутатовъ-соціалистовъ. Залъ засѣданія Учред. Собранія былъ охваченъ не обычной атмосферой страстной политической борьбы, а атмосферой намѣреннаго грубаго и тупого глумленія. Большевики не только рѣшились пойти на разгонъ народнаго представительства, но и сочли возможнымъ совершить этотъ разгонъ въ обстановкѣ оскорбительной и недостойной для всякаго приличнаго собранія. Они какъ бы старались показать и подчеркнуть, что въ ихъ рукахъ власть, и что имъ нипочемъ поиздѣваться и разогнать народныхъ избранниковъ. Такъ

поступаютъ ничтожные людишки, у которыхъ совѣсть не чиста...

Учред. Собраніе, конечно, сочло для себя недостойнымъ даже обсуждать условія, предъявленныя Совѣтской властью. Не добившись постановки на обсужденіе этого вопроса, большевики и лѣвые эсеры покинули залъ засѣданія...

Оставшіеся депутаты глубокой ночью продолжали засѣдать и, несмотря на угрозы ареста и разстрѣла изъ наведенныхъ съ хоровъ матросскихъ ружей,—обсуждали вопросы о мирѣ и о землѣ. Въ моментъ, когда собраніе приступило къ чтенію закона о землѣ, въ залу ворвалась рота вооруженныхъ матросовъ и потребовала, чтобы собраніе разошлось, ибо они, матросы—охрана дворца—устали, и, кромѣ того, имѣютъ такую «инструкцію». Это произошло въ 5 ч. утра 6-го января.

«Никто не можетъ помѣшать Учредительному Собранію слушать законъ о землѣ» отвѣтствовалъ предсѣдатель матросамъ. Собраніе продолжало слушать «законъ» и подъ наведенными ружьями. Только подъ угрозой, что будетъ тотчасъ же потушено электричество, оно ускорило темпъ своей работы, и, только принявъ основныя положенія закона о землѣ, а затѣмъ проголосовавъ резолюцію о мирѣ, обращеніе къ союзникамъ и декретъ о формѣ правленія, постановило объявить перерывъ до пяти часовъ вечера того же числа.

Этотъ перерывъ продолжается вотъ уже три мѣсяца. Всенародное Учред. Собраніе замерло. Но настанетъ моментъ и оно очнется отъ временной летаргіи. Покуда будетъ существовать государство—оно не сможетъ обойтись безъ Народнаго представительства. Кто бы и когда бы не ополчался на демократію—царизмъ или большевизмъ—побѣдитъ всегда демократія. Большевизмъ—преходящъ и ничтоженъ. А идея всенароднаго представительства—вѣчная!

Н. В. Святицкій.

Въ защиту мѣстнаго самоуправленія.

Однимъ изъ самыхъ страшныхъ ударовъ, нанесенныхъ странѣ большевистскомъ режимомъ, является прекращеніе ея мѣстнаго самоуправленія. Изъ того скуднаго наслѣдства, которое предшествовавшей тысячелѣтней исторіей оставлено новой революціонной Россіи, одну изъ самыхъ крупныхъ цѣнностей составляютъ слагавшіеся навыки самоуправленія и тотъ своеобразный и цѣнный типъ сельской культуры, который сложился въ русской жизни подъ вліяніемъ земской работы. Работа земскаго самоуправленія преемственно переходила отъ старой Россіи къ новому демократическому строю страны. Ни одна отрасль общественной жизни не ощущала въ предшествовавшую эпоху самодержавнаго режима въ такой сильной степени настоятельной необходимости въ политической свободѣ и демократическомъ строѣ, какъ земское и городское самоуправленіе. Мѣстное самоуправленіе въ процессѣ своего развитія направляло страну къ политической свободѣ и демократіи, и недаромъ наиболѣе дальновидные слуги самодержавія высказывались за несовмѣстимость земскаго самоуправленія и самодержавнаго строя. Мѣстное самоуправленіе появилось на развалинахъ крѣпостной Россіи, оставившей въ наслѣдіе пореформенному періоду невѣжественное, забитое населеніе, чуждое всякой культуры. Поголовно безграмотная масса, окутанная туманомъ суевѣрій, лишенная какой бы то ни было медицинской помощи, кромѣ знахарскаго искусства заговоровъ и нашептываній, безъ аптекъ, безъ больницъ, безъ дорогъ, вымиравшая сельская Русь—вотъ тотъ фонъ, на которомъ начали свою работу піонеры русской культуры, первые дѣятели русскаго земства. Наканунѣ всемірной катастрофы въ 1914 г. русское земство праздновало пятидесятилѣтній юбилей своего

возникновенія и съ гордостью могло оглянуться на пройденный хотя и тернистый, но славный путь. Не велики тѣ силы, которыя были допущены къ земской работѣ ревнивой къ власти и подозрительной бюрократіей, ограничены и убоги были тѣ права и средства, опираясь на которыя могло развить земство свою работу. Однако самоотверженной дѣятельностью земскихъ работниковъ, по преимуществу изъ состава трудовой интеллигенціи, удалось и съ этими убогими средствами достигнуть крупныхъ результатовъ, а, главное, намѣтить правильные пути развитія мѣстной культуры въ сторону самодѣятельности населенія къ повышенію его матеріальнаго и духовнаго благосостоянія. Только присмотрѣвшись къ общему направленію въ развитіи отдѣльныхъ отраслей земской дѣятельности, мы будемъ въ состояніи вскрыть тотъ неустранимый процессъ демократизаціи мѣстнаго самоуправленія, который диктовался самымъ ходомъ этого чисто дѣлового развитія. Съ особымъ интересомъ относились органы мѣстнаго самоуправленія къ вопросамъ народнаго образованія. Земская школа, это—совершенно своеобразное явленіе русской культуры; бѣдная своими матеріальными средствами, подавленная своимъ безправнымъ положеніемъ, она была сильна культурнымъ воодушевленіемъ работниковъ школьнаго дѣла и тѣмъ духомъ свободы и гуманности, который зародился и развился въ ея убогихъ стѣнахъ. Основной вопросъ, стоявшій передъ народной школой наканунѣ возникновенія войны, заключался въ достиженіи всеобщаго обученія и въ повышеніи продолжительности пребыванія учащихся въ школѣ. Осуществленіе этого плана было сопряжено съ широкимъ развитіемъ школьнаго строительства и съ организаціей снабженія школы необходимыми принадлежностями, инвентаремъ и учебными пособіями. Умноженіе численности школъ, повышеніе ихъ вмѣстительности, эти чисто внѣшнія стороны учебнаго дѣла уже не могли получить надлежащаго развитія безъ дѣятельнаго участія самого заинтересованнаго населенія въ дѣлѣ правильной постановки школьнаго хозяйства. Для дѣятелей народнаго образованія съ каждымъ годомъ становилась все болѣе и болѣе яснымъ сознаніе безусловной необходимости участія самого населенія во всей той совокупности работъ,

съ которой связаны какъ школьное строительство, такъ и правильное функціонированіе школьной жизни. Чтобы спасти школу отъ неизбѣжной бюрократизаціи, представлялось настоятельно необходимымъ установить болѣе тѣсное соприкосновеніе между школой и населеніемъ. Единственнымъ путемъ къ достиженію этой цѣли была демократизація земскаго самоуправленія, обезпечивающая привлеченіе родителей учащихся къ жизни самоуправляющагося органа, вѣдующаго школьное дѣло. До сего времени населеніе отдавало своихъ дѣтей въ земскую школу, мало интересуясь условіями существованія этой школы, не считая эту школу своей, а какъ бы данной благодѣтельствующимъ начальствомъ. При такомъ пассивномъ отношеніи населенія къ школѣ, послѣдняя не могла получить дальнѣйшаго развитія въ уровень нароставшимъ требованіямъ жизни. Къ тому же само населеніе не дооцѣнивало значенія школьнаго образованія. Поэтому трудно было ожидать крупныхъ практическихъ послѣдствій отъ повышенія продолжительности курса начальной школы, такъ какъ и при трехгодичной школѣ большинство дѣтей не заканчивало курса и оставляло школу, получивъ минимальные элементы грамотности. Только съ того момента, когда населеніе будетъ школу считать своей, когда жизнь школы сольется съ отдѣльными сторонами жизни окрестнаго населенія, и когда само населеніе освоится со школой, какъ существеннымъ элементомъ своей культурной жизни, только тогда откроется дальнѣйшій путь къ развитію земской школы. Этой задачи старое цензовое земство выполнить было не въ состояніи: оно преемственно передало эту по содержанію своему демократическую задачу новому демократическому земству.

Если старое цензовое самоуправленіе было въ состояніи достигнуть крупныхъ результатовъ въ дѣлѣ школьнаго образованія, то въ области в н ѣ ш к о л ь н а г о о б р а з о в а н і я работа мѣстнаго самоуправленія не давала прочныхъ и осязательныхъ результатовъ. Много помѣхъ для успѣшной дѣятельности органовъ мѣстнаго самоуправленія въ этой области создавала исключительная по своей стѣснительности правительственная регламентація. Но не только въ этихъ внѣшнихъ препятствіяхъ заключалась причина

неуспѣха земской дѣятельности въ области внѣшкольнаго просвѣщенія народныхъ массъ. Была и другая важная и существенная сторона, препятствовавшая углубленію общественной работы въ дѣлѣ постановки отдѣльныхъ отраслей внѣшкольнаго образованія. Земство въ своей цензовой и территоріальной постановкѣ было слишкомъ отдалено отъ народныхъ массъ, между тѣмъ, безъ самодѣятельности населенія въ этой области мѣстной просвѣтительной работы трудно было ожидать сколько-нибудь прочныхъ и осязательныхъ результатовъ. Этотъ крупный и неизбѣжный дефектъ въ земской дѣятельности стремилась заполнить, почти наканунѣ революціи, другая организація, территоріально болѣе близкая къ населенію, а именно кооперація. Этотъ видъ экономической организаціи хозяйствующаго населенія, требующій самодѣятельности населенія, самостоятельно создавалъ въ жизни, какъ условіе успѣшности развитія своихъ мѣропріятій, потребность въ широкомъ развитіи просвѣщенія именно среди взрослаго хозяйствующаго населенія, входящаго въ кооперацію. Единственный путь къ такому просвѣщенію былъ развитіе внѣшкольнаго образованія. Въ силу указанныхъ обстоятельствъ и при наличности отсутствія планомѣрной дѣятельности въ этомъ направленіи со стороны органовъ мѣстнаго самоуправленія, дѣятели коопераціи сосредоточили свое усиленное вниманіе на развитіи средствъ внѣшкольнаго образованія. Этотъ родъ дѣятельности, столь мало свойственный органамъ частно-хозяйственнаго порядка, не обладающимъ принудительной властью и средствами, принудительно собранными съ имущественныхъ классовъ, какъ нельзя болѣе свидѣтельствовалъ объ острой и неустранимой нуждѣ въ развитіи этой стороны народнаго образованія при посредствѣ самого населенія. Среди органовъ внѣшкольнаго образованія на первое мѣсто сталъ выдвигаться народный домъ, какъ сосредоточіе культурно-просвѣтительныхъ учрежденій соотвѣтствующей мѣстности. Функціонированіе народнаго дома не мыслилось безъ самостоятельнаго участія въ этой дѣятельности самого населенія. Народный домъ былъ мыслимъ народнымъ не только по названію, но и по фактическому своему заполненію самимъ народомъ, проявляющимъ въ его стѣнахъ какъ свои куль-

турно-просвѣтительные порывы, такъ и удовлетворяющимъ свои духовные запросы. Библіотека, курсы, театръ, культурно-просвѣтительные кружки и т. д. могли получить свое развитіе только при томъ условіи, если населеніе будетъ принимать не только пассивное участіе въ качествѣ читателей, зрителей или слушателей, но также если активно войдетъ въ жизнь просвѣтительныхъ учрежденій въ качествѣ организатора, хозяйствующаго наблюдателя и исполнителя. Необходимы были даже такія элементарныя условія, какъ пробужденіе въ населеніи сознанія, что, напр., книга, которую оно получаетъ изъ общественной библіотеки, представляетъ такую же часть его достоянія, какъ и орудіе его хозяйственной дѣятельности и не можетъ быть уничтожаема по прихоти всякаго читателя. Развить всѣ эти стороны самодѣятельности населенія было мыслимо исключительно въ условіяхъ демократическаго самоуправленія.

Крупныхъ результатовъ достигло мѣстное самоуправленіе въ дѣлѣ медицины. Здѣсь на первомъ мѣстѣ стоитъ земская медицина, представляющая собой несомнѣнно болѣе высокій типъ организаціи, чѣмъ тѣ формы медицинской помощи нуждающемуся населенію, которыя могла развить западно-европейская буржуазная культура. Общественная организація содѣйствія всѣмъ нуждающимся во врачебной помощи составляетъ крупное идейное достиженіе, которымъ обязано болящее человѣчество русской земской медицинѣ. Самая идея общественной медицинской помощи всякому страдающему человѣку, внѣ принадлежности этого человѣка къ тому или иному классу, сложилась какъ то сама собой въ дѣятельности земской медицины. Начиная свою дѣятельность помощи больнымъ въ средѣ поголовно неимущаго сельскаго населенія, земскій врачъ и не могъ себѣ мыслить какихъ либо формъ платной врачебной помощи. Убогая жилищная обстановка преобладающей массы населенія и полная недоступность врачебной помощи на дому, выдвинули стаціонарную систему врачебной помощи и сознаніе необходимости дополнить амбулаторію госпиталемъ. Такъ подъ давленіемъ жизненной необходимости сложился типъ земской больницы, дополненной родовспомогательнымъ заведеніемъ, баракомъ для

остро-заразныхъ больныхъ, пріютами для хрониковъ и т. п. На просторѣ сельскихъ условій русской жизни стали появляться небольшіе культурные городки, предназначенные къ обслуживанію окрестнаго больного населенія. И, помимо непосредственнаго предоставленія помощи болящимъ, какое огромное гуманизирующее вліяніе должны были вносить эти культурные центры въ среду окружающаго населенія, воспитывая въ массахъ культъ человѣчности. Передъ земскими учрежденіями, наканунѣ войны и революціи, въ области медицинскихъ достиженій стоялъ вопросъ организаціи общедоступной врачебной помощи при посредствѣ приближенія врачебныхъ учрежденій къ населенію. Въ данномъ случаѣ была поставлена на разрѣшеніе огромная задача хозяйственнаго порядка: широкая строительная дѣятельность и оборудованіе лѣчебныхъ учрежденій инвентаремъ и средствами врачебной помощи.

Изъ спеціальныхъ видовъ врачебной помощи заслуживаетъ особаго вниманія организація психіатрической помощи населенію. На зарѣ земской дѣятельности, въ тѣхъ первобытныхъ условіяхъ жизни, съ психически больными обращались, какъ со звѣрями, такъ, напр., сажаніе на цѣпь въ случаяхъ буйнаго помѣшательства было явленіемъ заурядным для русской деревни. Задача, поставленная общественной психіатріей—взять на учетъ все наличное число психически-больныхъ и размѣстить послѣднихъ по соотвѣтствующимъ учрежденіямъ, приспособленнымъ для ихъ содержанія и лѣченія,—была дѣломъ не только врачебной помощи, но и подвигомъ гуманитарнаго воспитанія населенія въ его отношеніи къ несчастнымъ согражданамъ.

Въ дѣлѣ организаціи патронажа и призрѣнія хрониковъ различныхъ категорій, эпилептиковъ, идіотовъ и т. п. общественная медицина, независимо отъ организаціи врачебной помощи при содѣйствіи спеціалистовъ, встрѣчается съ необходимостью организованнаго содѣйствія со стороны самого населенія въ формѣ оказанія помощи въ наблюденіи за широко разсѣянными въ пространствѣ больными членами общества. Независимо отъ непосредственной помощи этимъ категоріямъ наиболѣе безпомощныхъ больныхъ, отъ которыхъ съ такой зоологической жестокостью отмахивалась русская деревня, какую могучую и дѣятельную проповѣдь

человѣколюбія и общественности содержали въ себѣ всѣ эти учрежденія попечительства о наиболѣе безпомощныхъ членахъ гражданскаго общества. И какъ далеко отъ всей этой атмосферы гуманности, которой была наполнена земская жизнь предшествовавшей эпохи, отошла современная русская дѣйствительность человѣконенавистничества, злобы и убійства. Но если въ области лѣчебной помощи земство такъ или иначе справлялось и оставляло крупные, видимые слѣды въ жизни, то въ области санитаріи оно встрѣчалось съ той косностью населенія, которая могла быть разбита не иначе какъ самодѣятельностью этого населенія въ органахъ мѣстнаго демократическаго самоуправленія. Надзоръ за соблюденіемъ санитарныхъ требованій и еще въ большей степени внутреннее сознаніе своей гражданской обязанности въ соблюденіи санитарныхъ предписаній могли быть воспитаны въ массахъ только длительной практикой самодѣятельности и самоуправленія. Предстоялъ еще немалый путь культурнаго развитія отъ недавнихъ холерныхъ погромовъ къ сознательному примѣненію профилактическихъ мѣръ. Одной изъ очередныхъ задачъ санитарной организаціи послѣднихъ лѣтъ являлось распространеніе гигіеническихъ знаній въ народѣ. Но здѣсь земскіе дѣятели встрѣчались со всѣми тѣми трудностями, которыя были уже отмѣчены при обзорѣ условій распространенія внѣшкольнаго образованія среди населенія, при наличности пассивнаго отношенія къ дѣлу самихъ народныхъ массъ. На самомъ дѣлѣ, какую огромную школу культурнаго развитія долженъ бы представить собою опытъ привитія населенію той домашней и общественной гигіены, которая составляетъ необходимую принадлежность общежитія культурнаго народа. Въ этой области начинались только первые шаги, первые проблески. Весь путь былъ впереди и шелъ черезъ демократическое земство, при самодѣятельности населенія на всѣхъ поприщахъ мѣстной общественной жизни.

Въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ общественной медициной расположилась общественная ветеринарія, оригинальное и самостоятельное созданіе русской общественности. Заболѣваемость животныхъ и распространеніе среди нихъ заразныхъ болѣзней въ одинаковой степени гро-

зитъ и здоровью и благосостоянію населенія. Обширная русская равнина съ областями первобытнаго кочевого скотоводства нерѣдко поражалась самыми опустошительными эпизоотіями, и въ дѣлѣ борьбы съ этими бѣдствіями общественной ветеринаріи, созданной органами мѣстнаго самоуправленія, принадлежитъ почетное мѣсто. Совокупность мѣропріятій, направленныхъ къ прекращенію и предупрежденію эпизоотій, составила содержаніе ветеринарно-санитарной дѣятельности. Успѣшность ветеринарно-санитарныхъ мѣропріятій точно также обезпечивается сознательнымъ отношеніемъ населенія къ предписаніямъ ветеринарнаго надзора. Въ качествѣ мѣры ветеринарной профилактики явилось добровольное страхованіе животныхъ отъ падежа, создававшее условія къ заинтересованности населенія въ доведеніи до свѣдѣнія ветеринарнаго надзора о случаяхъ падежа животныхъ въ цѣляхъ полученія страхового вознагражденія. Однако развитіе такой полезной мѣры, какъ страхованіе скота, не могло получить достаточно широкаго распространенія безъ непосредственнаго участія населенія въ этомъ дѣлѣ. Солидно поставленное страхованіе могло получить осуществленіе исключительно въ условіяхъ широкой заинтересованности самихъ страхователей въ его результатахъ, а достигнуть такой заинтересованности возможно только въ мелкихъ страховыхъ ячейкахъ, перестрахующихъ свои риски въ болѣе крупныхъ страховыхъ объединеніяхъ. Такія страховыя товарищества, въ которыхъ могла бы проявиться съ достаточной полнотой самодѣятельность населенія, представляютъ собою наилучшую школу ветеринарной профилактики, такъ какъ только изъ такой заинтересованной самодѣятельности могло бы возникнуть болѣе культурное отношеніе къ трупамъ падшихъ животныхъ, къ прививкамъ и различнымъ предупредительнымъ мѣрамъ противъ распространенія эпизоотій.

Необходимо вообще отмѣтить, что экономическія мѣропріятія, въ успѣхѣ которыхъ непосредственно и притомъ матеріально заинтересовано населеніе, представляютъ вообще наиболѣе подходящую школу для развитія навыковъ самодѣятельности широкихъ массъ населенія. На этой именно почвѣ развилась кооперативная самодѣятель-

ность населенія, направленная къ удовлетворенію его матеріальныхъ потребностей. Кооперація была подготовительной школой къ демократическому самоуправленію, но школой односторонней, хотя и необходимой. Земскія учрежденія, при проведеніи въ жизнь своихъ экономическихъ мѣропріятій, при отсутствіи болѣе мелкой самоуправляющейся ячейки, чѣмъ уѣздъ, вынуждены были опираться на кооперативную организацію и въ ней искать свой исполнительный органъ. Кооперативное движеніе въ земской Россіи сложилось въ значительной степени подъ вліяніемъ земской агрономической дѣятельности, какъ средство и путь къ проведенію агрономическихъ мѣропріятій. Въ области экономическихъ мѣропріятій самодѣятельность населенія является не только условіемъ, обезпечивающимъ успѣхъ общественной работы, но и результатомъ соотвѣтствующей системы мѣропріятій. Экономическія мѣропріятія ставятъ своей задачей вызвать самодѣятельность населенія въ границахъ его собственной хозяйственной дѣятельности. Проявленіе самодѣятельности населенія, направленной въ сторону улучшенія его собственнаго хозяйства, реализуетъ успѣшность экономическихъ мѣропріятій общественныхъ учрежденій. Поэтому въ области мѣропріятій экономическаго характера, основное содержаніе дѣятельности земскихъ агентовъ было направлено къ организаціи различнаго рода хозяйственныхъ ячеекъ, въ которыхъ могла бы найти свое проявленіе эта самодѣятельность по улучшенію различныхъ сторонъ сельскаго хозяйства.

Необходимо однако отмѣтить, что экономическая самодѣятельность населенія выливалась преимущественно въ форму кооперативной организаціи исключительно за отсутствіемъ другихъ болѣе демократическихъ формъ проявленія этой самодѣятельности. Въ первоначальной стадіи своего развитія экономическія мѣропріятія цѣликомъ входили въ сферу земской дѣятельности и только въ результатѣ своего послѣдовательнаго расширенія, не встрѣчая на пути своего развитія болѣе мелкихъ и болѣе демократическихъ органовъ самоуправленія, чѣмъ уѣздъ, по неизбѣжности перерождались въ различныя формы кооперативной дѣятельности. Несмотря на всѣ положительныя стороны коопераціи, она остается частно-хозяйственнымъ союз-

зомъ, преслѣдующимъ интересы обособленной, хотя и многочисленной группы населенія, входящей въ соотвѣтствующее кооперативное объединеніе. Въ дѣлѣ послѣдовательнаго обобществленія отдѣльныхъ сторонъ народнаго хозяйства, представляется наименѣе цѣлесообразнымъ допускать присвоеніе такими союзами орудій производства, такъ какъ такое присвоеніе въ свое исключительное пользованіе средствъ сельскохозяйственнаго или иного вида производства, создаетъ видимыя преимущества для кооперированной части населенія. Болѣе цѣлесообразнымъ представляется другой путь обобществленія: это—муниципализація. Среди экономическихъ мѣропріятій, наскоро проводимыхъ совѣтской властью, мы нерѣдко встрѣчаемъ національзаціи отдѣльныхъ предпріятій, чаще въ качествѣ карательной мѣры, направленной противъ отдѣльныхъ непокорныхъ предпринимателей. Въ этихъ колоссальныхъ конфискаціяхъ, производимыхъ безъ всякаго плана и системы, отсутствуетъ духъ творческой организаторской энергіи. Но повидимому остается совершенно неизвѣстной современнымъ организаторамъ народнаго хозяйства могущественная сила при переходѣ къ коллективизму—муниципализація предпріятій, обслуживающихъ нужды населенія опредѣленной мѣстности. Между тѣмъ, въ экономической дѣятельности демократическихъ органовъ мѣстнаго самоуправленія политикѣ муниципализаціи должно быть отведено видное мѣсто. Въ особенности крупная роль принадлежитъ муниципальнымъ предпріятіямъ въ области городского хозяйства. Эта муниципализація въ своемъ послѣдовательномъ развитіи должна коснуться вопросовъ снабженія мѣстнаго населенія всѣмъ необходимымъ: не только водой, освѣщеніемъ и средствами передвиженія, но также и продуктами массоваго потребленія. Поэтому нельзя не считать съ точки зрѣнія интересовъ коллективизма глубоко реакціоннымъ декретъ отъ 11 апрѣля 1918 г. о потребительскихъ кооперативныхъ организаціяхъ. Муниципальная организація рынка и торговли должна возникнуть изъ демократическаго самоуправленія, какъ посредствующій шагъ къ коллективизму. Еще болѣе широкое распространеніе муниципализація экономическихъ мѣропріятій должна была бы получить въ условіяхъ русской сельской жизни. При господ-

ствѣ мелкаго сельскохозяйственнаго производства, многочисленныя формы объединенія отдѣльныхъ производителей могутъ осуществляться не только въ порядкѣ кооопераціи, но также и въ порядкѣ муниципализаціи. Какъ примѣръ преимущества муниципальной формы предпріятія передъ кооперативной, можно привести крупное меліоративное мѣропріятіе. Осушеніе мѣстности можетъ быть выполнено товариществомъ отдѣльныхъ хозяевъ, которые въ конечномъ итогѣ и будутъ въ состояніи использовать произведенное коренное улучшеніе почвы въ своихъ собственныхъ личныхъ интересахъ, въ качествѣ вознагражденія за свою предпріимчивость. При муниципальномъ порядкѣ выполненія того же предпріятія, возникаетъ право со стороны самоуправляющейся муниципіи на установленіе спеціальнаго обложенія, т. е. налога на особыя выгоды, возникшія для отдѣльныхъ хозяевъ въ результатѣ общественнаго меліоративнаго предпріятія. При такой организаціи дѣла, коренныя земельныя улучшенія служатъ не къ обогащенію отдѣльныхъ группъ населенія, а къ извлеченію выгоды изъ общественныхъ мѣропріятій для всего населенія той самоуправляющейся единицы, распоряженіемъ которой выполнена соотвѣтствующая операція. Это свойство муниципализированныхъ предпріятій обслуживать потребности всѣхъ гражданъ и дѣлаетъ изъ процесса муниципализаціи необходимую переходную ступень къ коллективизму т.-е. такую форму обобществленія средствъ производства, при которой все общество извлекаетъ непосредственныя выгоды и равномѣрно распространяетъ эти выгоды на всѣхъ гражданъ. Колыбелью муниципализаціи является демократическое самоуправленіе.

Тѣ же начала обобществленія выгодъ, вытекающихъ изъ общественныхъ сооруженій, должны лежать въ основѣ д о р о ж н а г о д ѣ л а. Улучшенія путей сообщенія, выполняемыя общественными организаціями, должны служить интересамъ и выгодамъ всего общественнаго цѣлаго. Достигается соотвѣтствующій результатъ примѣненіемъ той же системы спеціальнаго обложенія, съ которой мы познакомились на приведенномъ выше примѣрѣ общественныхъ меліорацій. Такое обобществленіе выгодъ отъ улучшенія путей сообщенія должно явиться наиболѣе могущественнымъ сти-

муломъ къ развитію дорожнаго дѣла органами мѣстнаго демократическаго самоуправленія. При наличности такой системы, затраты на дорожное строительство окупаются выгодами, извлекаемыми всѣмъ обществомъ, и равномѣрно распредѣляются между отдѣльными гражданами, причемъ обобществленіе достигается при посредствѣ бюджета соотвѣтствующей самоуправляющейся единицы, а матеріальныя выгоды, возникающія изъ спеціальнаго обложенія, реализуются въ расходахъ на покрытіе общественныхъ потребностей.

Какъ далеко отъ этой системы стоитъ декретъ 25 февраля 1918 г. объ организаціи мѣстнаго дорожнаго строительства, бюрократизирующій дорожное дѣло при Высшемъ Совѣтѣ Народнаго Хозяйства и осуществляющій давнишніе чаянія и идеалы губернскихъ правленій!—Самостоятельную отрасль общественнаго хозяйства составляетъ организація общественнаго призрѣнія, организація общественной помощи тѣмъ членамъ общества, которые лишены средствъ и способностей къ самостоятельному существованію. За періодъ войны этотъ контингентъ гражданъ весьма значительно расширился за счетъ многочисленныхъ инвалидовъ войны. Потребность приближенія общественной помощи къ нуждающимся была до такой степени наглядной и неизбѣжно необходимой, что вызвала къ жизни суррогатъ мелкой земской единицы въ видѣ попечительствъ о бѣдныхъ. На почвѣ демократизаціи мѣстнаго самоуправленія дѣло общественнаго призрѣнія должно было получить широкое развитіе и вылиться въ цѣломъ рядѣ учрежденій различныхъ видовъ помощи нуждающимся гражданамъ.

Послѣдній годъ, годъ революціи, поставилъ передъ органами мѣстнаго общественнаго самоуправленія новыя крупныя задачи въ связи съ развитіемъ соціальнаго страхованія. Отдѣльныя отрасли соціальнаго страхованія близко соприкасаются съ дѣятельностью органовъ мѣстнаго самоуправленія. Эпидемическія заболѣванія не знаютъ классовыхъ перегородокъ, и санитарныя мѣропріятія достигаютъ своей цѣли только въ томъ случаѣ, если они распространяются на все общество. Поэтому и чисто классовыя организаціи больничныхъ кассъ могутъ развить надлежащимъ образомъ свою дѣятельность, если санитарный надзоръ и профилактическія мѣропріятія распространяются

не только на рабочій классъ, но также и на все общество, независимо отъ его классовыхъ перегородокъ. На этомъ примѣрѣ легко убѣдиться, насколько даже такія чисто классовыя мѣропріятія, какъ институтъ соціальнаго страхованія рабочаго класса, неизбѣжно сливаются съ дѣятельностью общественныхъ учрежденій мѣстнаго самоуправленія, разъ только этотъ институтъ ставитъ передъ собой на первое мѣсто интересы человѣческой личности.

Развитіе дѣятельности органовъ мѣстнаго самоуправленія находится въ тѣсной зависимости отъ организаціи мѣстныхъ финансовъ. Наиболѣе раціональной основой мѣстныхъ финансовъ является самообложеніе, гарантирующее наиболѣе осторожное и бережливое расходованіе матеріальныхъ средствъ и въ то же время обезпечивающее большую равномѣрность въ удовлетвореніи общественныхъ нуждъ по отдѣльнымъ мѣстностямъ, охраняющее вмѣстѣ съ тѣмъ независимость самоуправляющихся демократій отъ матеріальнаго и политическаго давленія государственнаго центра. Тѣ общественныя потребности, которыя удовлетворяются мѣстными органами самоуправленія, являются относительно равномѣрно распредѣленными по пространству страны и соотвѣтствуютъ прежде всего численности населенія. Между тѣмъ, мѣстные источники общественныхъ доходовъ распредѣлены далеко неравномѣрно по территоріи страны. Въ особенности сильно выражена эта неравномѣрность въ территоріальномъ распредѣленіи имуществъ, могущихъ быть источникомъ земскаго обложенія, у насъ въ Россіи, гдѣ наряду съ мѣстностями, густо усѣянными крупными промышленными предпріятіями, мы встрѣчаемъ обширныя территоріи, совершенно лишенныя иного источника мѣстнаго обложенія, кромѣ земельныхъ имуществъ. Поэтому основа самообложенія покоится по отдѣльнымъ мѣстностямъ далеко не на одинаковыхъ ресурсахъ. Промышленныя мѣстности обладаютъ болѣе мощными мѣстными средствами по удовлетворенію общественныхъ потребностей, чѣмъ мѣстности чисто земледѣльческія и въ особенности районы съ малоплодородной почвой и большой отдаленностью отъ рынка. Еще неравномѣрнѣе распредѣлена поддающаяся отчетности доходность оборотнаго капитала, улавливаемая въ налоговыхъ цѣляхъ подо-

ходнымъ обложеніемъ. Крупнѣйшія предпріятія облагаются по мѣстонахожденію ихъ правленій, а личные доходы по мѣстожительству лица, подлежащаго обложенію. На этомъ основаніи подоходный налогъ является наименѣе приспособленной формой мѣстнаго обложенія. Вся нецѣлесообразность подоходнаго обложенія въ дѣлѣ организаціи мѣстныхъ финансовъ можетъ быть иллюстрирована финансовой практикой совѣтской власти въ дѣлѣ установленія единовременнаго подоходнаго обложенія по г. Москвѣ. Въ Москвѣ сосредоточены правленія крупнѣйшихъ акціонерныхъ предпріятій, разбросанныхъ по всей странѣ, и подоходное обложеніе, проведенное въ цѣляхъ покрытія расходовъ на мѣстныя чисто московскія потребности, подрываетъ источники мѣстнаго обложенія тѣхъ районовъ, гдѣ расположены соотвѣтствующія промышленныя предпріятія. Такъ, напр., облагая для удовлетворенія потребностей г. Москвы, Тверскую мануфактуру единовременнымъ подоходнымъ обложеніемъ, президіумъ московскаго совѣта рабочихъ депутатовъ, устанавливающій этотъ налогъ, понижаетъ на всю сумму оклада мѣстные тверскіе источники средствъ обложенія. Эта несправедливость наиболѣе сильно поражаетъ какъ разъ рабочій классъ, такъ какъ, благодаря московскому мѣстному обложенію на удовлетвореніе чисто мѣстныхъ потребностей москвичей, тверскіе рабочіе лишаются возможности реализаціи значительной доли созданныхъ ими цѣнностей въ формѣ удовлетворенія ихъ общественныхъ нуждъ. На этомъ основаніи наиболѣе раціональной системой мѣстнаго обложенія представляются не личные, а реальные налоги, взимаемые по мѣстонахожденію облагаемыхъ имуществъ. Источники же, получаемые отъ подоходнаго обложенія, распредѣляются по отдѣльнымъ самоуправляющимся единицамъ прямо пропорціонально степени напряженности ихъ мѣстнаго обложенія по удовлетворенію мѣстныхъ общественныхъ нуждъ. Цѣнной стороной реальныхъ налоговъ является также и то обстоятельство, что, только опираясь на эти налоги, можно осуществить систему самообложенія гражданъ на удовлетвореніе ихъ общественныхъ нуждъ.

Эта система самообложенія является въ то же время наилучшей школой гражданской общественности, воспи-

тывая въ населеніи финансово-хозяйственные навыки, столь необходимые для правильнаго веденія финансоваго хозяйства органовъ мѣстнаго самоуправленія. При томъ низкомъ уровнѣ гражданственности, который наблюдается въ Россіи, развитіе сознательнаго отношенія къ общественнымъ средствамъ является необходимымъ условіемъ культурнаго развитія страны. Подобное сознательное отношеніе можетъ получить развитіе только при наличности доступной наглядности къ полученію правильнаго представленія объ источникахъ происхожденія общественныхъ суммъ. При наличности притока денежныхъ средствъ извнѣ и при господствѣ принциповъ о безпощадномъ обложеніи буржуазіи тѣми, кто обладаетъ физической силой, при беззастѣнчивомъ переложеніи различныхъ контрибуцій на плечи демократическаго потребителя, эта наглядность источника происхожденія денежныхъ средствъ на мѣстахъ теряется. При такихъ условіяхъ происходитъ перекачиваніе болѣе сильными организаціями мѣстныхъ средствъ отъ периферіи къ центру, какъ мы это могли констатировать на примѣрѣ единовременнаго подоходнаго налога по г. Москвѣ.

На предшествующихъ страницахъ былъ сдѣланъ краткій обзоръ основного содержанія дѣятельности органовъ мѣстнаго самоуправленія и тѣхъ господствующихъ принциповъ, которыми по преимуществу руководствовалась эта дѣятельность. Однимъ изъ коренныхъ принциповъ, получившихъ наиболѣе яркое развитіе въ условіяхъ земской дѣятельности, является начало общедоступности разныхъ видовъ общественной помощи для всего населенія. Принципъ общедоступности, являющійся по содержанію своему глубоко демократичнымъ, черпаетъ свою силу въ условіяхъ общественной дѣятельности, направляемой на удовлетвореніе общечеловѣческихъ нуждъ и потребностей. Всеобщая потребность въ грамотности, лѣчебной помощи и другихъ формахъ общественнаго содѣйствія неизбѣжно развиваетъ въ самой общественной организаціи, посвящающей свои силы этому дѣлу, гуманитарные принципы общественнаго равенства и внѣклассовой характеръ общественной помощи. Общественной дѣятельности органовъ мѣстнаго самоуправленія приходится соприкасаться съ такими

сторонами гражданскаго общества, когда классовыя перегородки, расчленяющія это общество, или не успѣли сложиться, благодаря возрасту, какъ напр. въ школьномъ дѣлѣ, или по неизбѣжности стираются, какъ напр. въ случаяхъ врачебной помощи. Школьный возрастъ, въ общественной народной школѣ въ особенности, представляетъ наиболѣе благодарную почву общечеловѣческаго, внѣклассового воспитанія. Тамъ, гдѣ на первомъ мѣстѣ стоитъ человѣкъ, съ его общечеловѣческими духовными запросами къ элементамъ знанія и просвѣщенія, необходимо особое предрасположеніе къ человѣконенавистничеству, чтобы внести въ это дѣло начало классовой борьбы и классоваго угнетенія. Школа должна навсегда остаться политически нейтральной, достигнуть же этого идеала она можетъ только въ демократически организованномъ обществѣ. Народная школа, равно доступная всѣмъ классамъ общества, можетъ возродиться и получить надлежащее развитіе только въ свободной демократіи, ревниво оберегающей права человѣка и гражданина. Всѣ средства школьнаго и внѣшкольнаго образованія, раціонально поставленнаго, должны быть направлены на возможно болѣе глубокое пріобщеніе народныхъ массъ къ общечеловѣческой культурѣ и къ тѣмъ проявленіямъ національнаго генія, которыя находятъ свое выраженіе въ родной литературѣ, музыкѣ и искусствѣ. Классовыя перегородки стираются среди болящаго человѣчества, и грозныя эпидеміи могутъ проникать также и въ жилища зажиточныхъ классовъ, въ особенности при политикѣ старательнаго уплотненія жилищъ.

Осуществленіе общедоступности различныхъ видовъ общественной помощи требуетъ, какъ это было ясно изъ предыдущаго изложенія, проявленія самодѣятельности населенія на всѣхъ поприщахъ мѣстной общественной работы. Однако, сознательное проявленіе самодѣятельности мыслится при условіи массоваго культурнаго подъема населенія. Дѣятельность демократическихъ органовъ мѣстнаго самоуправленія и представляетъ наилучшую школу къ массовому культурному подъему населенія. Если потребность въ достиженіи общедоступности общественныхъ мѣропріятій толкаетъ съ необходимостью къ демократизаціи органовъ мѣстнаго самоуправленія, то демократизація

органовъ мѣстнаго самоуправленія создаетъ въ свою очередь необходимыя условія къ культурному подъему населенія и къ развитію въ его средѣ навыковъ гражданственности. Культурность пріобрѣтается въ самодѣятельности, а самодѣятельность развиваетъ культурную гражданственность. Этотъ параллелизмъ развитія представляетъ собою необходимое послѣдствіе демократизаціи мѣстнаго самоуправленія.

Основныя задачи созиданія въ мѣстной жизни источниковъ матеріальной и духовной культуры требуютъ пріобщенія къ этой культурной работѣ тѣхъ членовъ общества, которые представляютъ собою исторически сложившійся болѣе культурный слой. Невозможно организовать дѣло народнаго просвѣщенія безъ участія лицъ широко образованныхъ и культурно развитыхъ; невозможно организовать медицину и санитарію безъ врачей, а содѣйствіе къ подъему сельскаго хозяйства—безъ участія агрономовъ. Источники культуры имѣютъ общечеловѣческое происхожденіе и представляютъ собою результатъ историческаго накопленія искусства, опыта и знаній всего человѣчества различныхъ эпохъ, совершенно несходныхъ между собою по формамъ классоваго расчлененія общества и преемственно связанныхъ между собою эволюціей духовной культуры человѣчества.

Тѣсная связь основной дѣятельности органовъ мѣстнаго самоуправленія съ задачами общечеловѣческой культуры придаетъ всей этой дѣятельности высокій уровень гуманности, повышающій уваженіе къ человѣческой личности, какъ основѣ всякаго культурнаго общежитія.

Организація органовъ мѣстнаго самоуправленія по самому содержанію стоящихъ передъ ними задачъ не могла быть и фактически никогда не была организаціей властвованія и классоваго угнетенія. Съ особенной силою эта черта внѣклассоваго, или, правильнѣе, надклассоваго характера общественнаго самоуправленія нашла свое выраженіе въ той роли, которую сыграла внѣклассовая интеллигенція въ исторіи русскаго земства. То идейное руководство земской работой, которое принадлежало «третьему элементу», наложило свой опредѣленный выясненный выше отпечатокъ на все направленіе земской дѣятельности. Земская ин-

теллигенція черпала свое воодушевленіе не изъ стремленія къ утвержденію господства дворянско-земледѣльческаго класса, преобладавшаго въ земскомъ представительствѣ, а въ своихъ демократическихъ идеалахъ и въ сознаніи своего долга передъ народомъ.

Революція 1917 г. принесла полную демократизацію русскаго земства и фактически осуществила эту демократизацію въ наиболѣе независимыхъ, въ наиболѣе демократически организованныхъ органахъ мѣстнаго самоуправленія. Для всей русской интеллигенціи, для всего русскаго культурнаго общества предстояла грандіозная работа по организаціи фактическаго народоправства въ области мѣстнаго общественнаго управленія на путяхъ, уже проложенныхъ піонерами земской работы. Этотъ грандіозный, невиданный въ исторіи опытъ къ культурному подъему населенія черезъ органы его народоправства потерпѣлъ однако полную неудачу. Слабые ростки великой общечеловѣческой культуры не выдержали напора темныхъ, некультурныхъ силъ. Демократическое самоуправленіе страны пало, и населеніе въ своихъ демократическихъ массахъ было устранено отъ участія въ разрѣшеніи своихъ собственныхъ общественно-хозяйственныхъ дѣлъ. Переворотъ этотъ совершился помимо какого-бы то ни было законодательнаго акта господствовавшей въ это время совѣтской власти. Вопросы объ упраздненіи самоуправленія разрѣшались на мѣстахъ по партійной указкѣ изъ центра путемъ простого захвата при содѣйствіи темной вооруженной силы. Упраздненіе самоуправленія не входило даже въ планъ октябрьскаго переворота. Наоборотъ, на первыхъ порахъ совѣтская власть, видимо, стремилась найти санкцію октябрьскаго переворота во всеобщемъ голосованіи населенія по наиболѣе крупнымъ городскимъ центрамъ. При роспускѣ Петроградской и Московской городскихъ думъ, были назначены дни новыхъ выборовъ, въ Петроградѣ эти выборы были произведены, и даже собиралась нѣсколько разъ новая большевистская городская дума. Когда выяснился полный провалъ большевистской избирательной кампаніи по Петрограду на перевыборахъ въ городскую думу, когда подавляющее большинство населенія воздержалось отъ подачи избирательныхъ бюллетеней и тѣмъ самымъ высказа-

лось за насильственно распущенную думу, и когда совершенно опредѣленнымъ образомъ выяснились перспективы еще болѣе грандіознаго большевистскаго провала на перевыборахъ въ Московскую городскую думу, господствующая партія отмѣнила перевыборы. Послѣ того, какъ выяснилось, что даже въ крупнѣйшихъ городскихъ центрахъ населеніе въ подавляющемъ своемъ большинствѣ настроено противъ большевистскаго господства въ городскомъ хозяйствѣ, послѣ того, какъ результаты всенароднаго голосованія при выборахъ въ Учредительное Собраніе съ опредѣленностью показали, что страна противъ октябрьскаго переворота,—наступила эпоха голаго захвата власти, при посредствѣ вооруженной силы. Вслѣдъ за утвержденіемъ партійно-большевистской олигархіи въ центрѣ и при выяснившейся безнадежности получить партійное преобладаніе въ органахъ мѣстнаго самоуправленія при посредствѣ всеобщаго голосованія, демократическія учрежденія на мѣстахъ представляли собой слишкомъ яркое противорѣчіе господствующей олигархической системѣ управленія и въ то же время казались опасными для тиранической и подозрительной власти. Хотя государственная власть и находилась въ рукахъ захватчиковъ, однако не было примѣнено законодательное разрѣшеніе вопроса объ реорганизаціи органовъ мѣстнаго самоуправленія, и разрушеніе демократическихъ учрежденій проводилось по усмотрѣнію мѣстной совѣтской власти. Наиболѣе тяжелый ударъ отъ выполненнаго переворота испытали городскія общественныя управленія Москвы и Петрограда. Муниципальная интеллигенція, полная того безграничнаго идеализма, который былъ свойственъ русской интеллигенціи по преимуществу, не могла допустить въ своихъ мысляхъ длительнаго торжества того темнаго и злого дѣла, которое было начато въ несчастные дни октября 1917 г.; она продолжала вѣрить въ святость и неприкосновенность основъ народоправства и въ незыблемость достигнутыхъ правъ политической свободы, въ неувядаемую силу своихъ политическихъ идеаловъ и близкое конечное ихъ торжество. Поэтому представители трудовой интеллигенціи, въ огромной своей массѣ, во всѣхъ тѣхъ наиболѣе чуткихъ ея элементахъ, которые слили дѣло своей личной жизни съ

дѣломъ общественныхъ самоуправленій, вынуждены были оставить любимую работу съ готовностью пожертвовать своими личными интересами во имя торжества попираемой демократіи. Самоуправленіе русскихъ столицъ лишилось за этотъ періодъ наиболѣе выдающихся работниковъ, крупнѣйшихъ спеціалистовъ муниципальнаго дѣла, и людей, наиболѣе преданныхъ общественнымъ интересамъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, и виднѣйшія отрасли муниципальной дѣятельности оказались разрушенными. Какъ это отразится на жизнедѣятельности крупнѣйшихъ русскихъ городовъ, покажетъ ближайшее будущее.

Планомѣрная и повсемѣстная ликвидація демократическихъ органовъ мѣстнаго самоуправленія наступила только послѣ разгона Учредительнаго Собранія. Планъ этой ликвидаціи былъ выполненъ повсемѣстно болѣе или менѣе одинаково. Прекращалось функціонированіе представительныхъ органовъ мѣстной демократіи—земскихъ собраній и городскихъ думъ,—управы арестовывались и устранялись. Въ управленіе земскимъ или городскимъ хозяйствомъ вступали комиссары по назначенію мѣстной совѣтской власти. Въ значительной части, это были лица, совершенно чуждыя мѣстному самоуправленію и отличавшіяся только готовностью выполнить какія угодно разрушенія по указкѣ своего партійнаго начальства.

Самымъ существеннымъ послѣдствіемъ разрушительнаго переворота въ дѣятельности мѣстнаго самоуправленія было устраненіе мѣстнаго населенія отъ участія въ общественной дѣятельности. Мѣстные органы совѣтской власти сложились исключительно по бюрократическому типу, при устраненіи мѣстнаго населенія отъ непосредственнаго завѣдыванія его общественно-хозяйственными нуждами. По большинству губерній эта бюрократизація земскихъ учрежденій нашла свое выраженіе даже во внѣшней конструкціи, въ видѣ распредѣленія отдѣловъ земскаго хозяйства по отдѣльнымъ вѣдомствамъ. Старые органы бюрократическаго управленія поглотили спеціальныя отрасли земскаго хозяйства, разорвавъ ту взаимную связь отдѣльныхъ отраслей земской работы, которая составляла отличительную черту земскаго управленія. Интересно отмѣтить, что съ большевистскимъ переворотомъ въ мѣстномъ управленіи

произошла мѣстами реставрація стараго губерискаго чиновничества, получившаго нынѣ свой реваншъ за разгромъ февральской революціи. Въ идеѣ предполагалось реорганизовать мѣстное самоуправленіе на началахъ классоваго господства рабочихъ и бѣднѣйшихъ крестьянъ въ мѣстной общественной жизни. Поэтому распорядительная власть по организаціи мѣстнаго общественнаго управленія была передана въ органы классоваго представительства, въ совѣты рабочихъ и крестьянскихъ депутатовъ. Идея классоваго господства, отъ кого бы это господство не исходило, представляется совершенно непримѣнимой къ условіямъ работы мѣстныхъ органовъ общественнаго самоуправленія, такъ какъ начало классоваго господства противорѣчитъ тому принципу самодѣятельности населенія, безъ осуществленія котораго задачи, стоящія передъ органами мѣстнаго самоуправленія, какъ это выяснилось изъ предшествовавшаго изложенія, остаются невыполнимыми. Если изъ всей массы населенія выдѣляется отдѣльный классъ на положеніи господствующаго, то этотъ классъ управляетъ и властвуетъ независимо отъ населенія, самодѣятельность котораго тѣмъ самимъ упраздняется. Но самой отрицательной стороной произведеннаго переворота въ мѣстномъ самоуправленіи является разрывъ преемственности съ гуманитарнымъ направленіемъ общечеловѣческой культуры. Всѣ элементы предшествовавшей духовной и матеріальной культуры становятся какъ бы излишними. Произошелъ скачекъ «изъ царства необходимости въ царство свободы», всѣ законы человѣческаго развитія отмѣнены, и общественная жизнь начинаетъ строиться на основахъ чистаго разума, Что можетъ значить для этихъ посвященныхъ строителей, вышедшихъ какъ бы за границы пространства трехъ измѣреній, все остальное несчастное человѣчество, вынужденное подчиняться законамъ историческаго развитія?

Какое значеніе можетъ имѣть весь его историческій опытъ и вся его культура, выращенная въ пережитомъ царствѣ необходимости! Вся враждебность подобнаго квіэтизма началамъ общечеловѣческой культуры обрекаетъ населеніе на продолжительное господство духовной некультурности и матеріальное убожество.

Какъ уже было выше выяснено, опору мѣстной общест-

венной дѣятельности составляютъ мѣстные финансы, организованные на началахъ самообложенія самоуправляющагося населенія. Происшедшимъ переворотомъ въ финансовомъ вопросѣ былъ созданъ безвыходный кругъ противорѣчій. Переворотъ, какъ извѣстно, ставитъ своей окончательной цѣлью переходъ къ соціалистическому строю и въ качествѣ переходныхъ мѣропріятій разрушаетъ всѣ источники нетрудового дохода. Обложеніе трудового дохода, при томъ невысокомъ состояніи матеріальной культуры, которое наблюдается въ нашей странѣ, не можетъ дать сколько-нибудь значительныхъ рессурсовъ къ поддержанію мѣстнаго общественнаго хозяйства, да къ тому же и въ корнѣ противорѣчитъ соціалистическому началу переворота. Наиболѣе раціональной системой организаціи мѣстныхъ финансовъ, на путяхъ къ соціализму, было бы развитіе собственныхъ общественныхъ предпріятій органами мѣстнаго самоуправленія. Однако, широкое общественное предпринимательство связано съ затратой крупныхъ средствъ, которыя могутъ быть получены не иначе какъ путемъ займовъ. Анулированіе долговъ закрыло этотъ путь развитія. При такихъ условіяхъ, мѣстная общественно-хозяйственная жизнь обречена на вымираніе и постепенное угасеніе, и нетрудно уже въ настоящее время предвидѣть тѣ огромныя опустошительныя послѣдствія для мѣстной культуры, которыя возникаютъ въ результатѣ этого участія. Какъ бы ни были колоссальны бумажныя ассигнованія изъ центра, они не въ состояніи предупредить грозныхъ признаковъ общественнаго упадка. Пустѣющія школы, расхищаемыя библіотеки, закрываемыя больницы, разгромленныя учрежденія сельскохозяйственнаго учебнаго и опытнаго дѣла—грозные вѣстники надвигающейся культурной катастрофы. Этой катастрофы намъ уже не избыть. Приходится думать о будущемъ строительствѣ мѣстной жизни, которая во всякомъ случаѣ идетъ черезъ самодѣятельность мѣстнаго населенія въ демократическихъ органахъ самоуправленія и, прежде всего, къ наиболѣе близкой населенію и наиболѣе демократической организаціи мелкой земской единицы, отъ будущности которой въ значительной степени зависитъ будущность русской культуры.

П. В. Кирожанвъ.

Большевизмъ и интеллигенція.

„Русская интеллигенція, каковы бы ни были ея недостатки, отличается нравственной брезгливостью: по загаженнымъ путямъ она не ходитъ".

Ивановъ-Разумникъ.

I.

Интеллигенція... Какъ много говоритъ это слово уму и сердцу русскаго человѣка изъ... интеллигенціи! Оно объвѣяно поэзіей радостныхъ и скорбныхъ думъ о смыслѣ жизни, о назначеніи человѣка, о служеніи истинѣ и справедливости; оно подернуто дымкой своеобразнаго, чисто русскаго романтизма, въ которомъ неудержимая тяга къ вольницѣ тѣсно сплелась съ благородною мечтой о подвижничествѣ; оно—символъ всего разумнаго, честнаго, совѣстливаго, готоваго итти на все, на крестъ и висѣлицу, во имя свѣтлаго идеала освобожденной отъ узъ и цѣпей жизни.

И въ этомъ пониманіи нѣтъ, по существу, ничего иллюзорнаго, фантастическаго. Оно опредѣляется не только субъективнымъ настроеніемъ русской интеллигенціи, но и объективною оцѣнкой роли интеллигенціи вообще въ событіяхъ міровой исторіи.

Историческій процессъ, какъ одно изъ наиболѣе могучихъ и яркихъ проявленій жизни, есть творчество. И въ сложномъ переплетѣ условій, опредѣляющихъ темпъ, характеръ и направленіе историческаго процесса, роль сознанія—различныхъ формъ его—огромна: этого не отрицаютъ сейчасъ даже ортодоксальнѣйшіе изъ сторонниковъ «историческаго» или «экономическаго матеріализма», уразумѣвшихъ, повидимому, наконецъ, глубоко-драматическій смыслъ сѣтованій Фауста:

Съ полуистлѣвшихъ стѣнъ смѣются надо мной
Винты и рычаги, машины и колеса.
Я думалъ: къ истинѣ вы ключъ надежный мой.
Но если ключъ блеститъ отдѣлкой мастерской,
Все жъ, бѣдному, ему не разрѣшить вопроса...

А если это такъ, то огромна, неопровержима въ процессѣ «дѣланья исторіи» и роль интеллигенціи, какъ воплощенія высшихъ формъ сознанія—моральнаго, интеллектуальнаго и эстетическаго. Она неустанно творитъ духовныя цѣнности: я говорю о цѣнностяхъ, а не о побрякушкахъ и бездѣлушкахъ прихотливой игры ума и чувства. Она—одинъ изъ наиболѣе дѣйственныхъ «факторовъ» общечеловѣческаго прогресса,—«сила», регулирующая и направляющая «стихійный», «естественный ходъ вещей»,—свѣтозарный факелъ, указующій человѣчеству путь къ «великимъ достиженіямъ» во славу «цѣлямъ» не міроздания, не природы, а самого человѣка. Она—носительница идеаловъ общественной справедливости, которые, въ концѣ концовъ, mutatis mutandis, понимаются, какъ соціализмъ, какъ царство свободнаго труда, раскрѣпощенной личности и тріединой правды—«истины, добра и красоты».

Такова историческая миссія и идеологическая природа интеллигенціи—независимо отъ ея происхожденія и соціальной обстановки, въ которой ей приходилось дѣйствовать. Всегда вѣрная самой себѣ, полная тревожныхъ, но безкорыстныхъ исканій, идущая навстрѣчу многообразнымъ запросамъ духа, она была и остается внѣклассовой, надклассовой, несмотря на то, что классъ и эпоха, выдвинувшіе ее на арену общественной жизни, безспорно накладывали на идеологію ея нѣсколько специфическій налетъ и всемѣрно старались использовать ее въ своихъ интересахъ, въ своихъ цѣляхъ. Но специфическое тонуло въ общемъ, классовое нивеллировалось общечеловѣческимъ, преходящее покрывалось «вѣчнымъ»—поскольку понятіе «вѣчности» совмѣстимо съ представленіемъ о созданіяхъ человѣческаго генія. Вотъ почему «Діалоги» Платона и «Міръ» Шопенгауера, максимы Будды, Паскаля и Канта, соціальныя исканія Аристотеля, Томаса Мора и Маркса, художественныя устремленія творцовъ «Пѣсни пѣсней», «Гамлета» и «Манфреда», научныя построенія Гераклита, Коперника

и Дарвина равно близки и дороги человѣческому духу, отмѣчены печатью однихъ и тѣхъ же исканій, однѣхъ и тѣхъ же эмоцій. Все, что идетъ подъ знакомъ этихъ именно исканій и эмоцій, все, что созвучно откликается на трепетъ души, томящейся въ поискахъ гармоніи между «правдой теоретическаго неба» и «правдой многострадальной земли», все это и есть подлинная интеллигенція, цвѣтъ человѣчества. А остальное, какими бы громкими именами оно не прикрывалось, либо фальсификатъ, либо суррогатъ интеллигенціи: представители полуобразованной обывательщины и квалифицированнаго умственнаго труда, находящагося на службѣ у буржуазіи или у демократіи—смотря по обстоятельствамъ, въ зависимости отъ господствующаго «духа времени»...

II.

Задачи, устремленія и судьбы русской интеллигенціи во многомъ совпадаютъ съ задачами и судьбами интеллигенціи западно-европейской. Но у нея есть нѣчто свое, притомъ значительное: исходитъ это нѣчто отъ своеобразныхъ особенностей нашей исторіи, нашего быта, и исчерпывается роковымъ для русской жизни противопоставленіемъ двухъ понятій—интеллигенціи и народа.

Въ другихъ странахъ, у другихъ культурныхъ націй, антитеза «интеллигенція и народъ» выросла въ итогѣ «естественнаго хода вещей», общественнаго разслоенія, совершавшагося по типу органическаго развитія. И потому этотъ процессъ протекалъ здѣсь постепенно, сравнительно нормально—если вообще можно назвать его нормальнымъ!—и безболѣзненно, не порождая въ душѣ «верховъ» общественной пирамиды тяжелыхъ переживаній, обусловленныхъ острымъ сознаніемъ несправедливости своего привиллегированнаго положенія и отвѣтственности передъ «низами» ея.

Нѣсколько иначе шло дѣло у насъ.

Русская интеллигенція — цвѣтокъ иноземнаго происхожденія. Попалъ онъ на родную почву, напитавшись вволю соками общечеловѣческой культуры и уже отравленный ядомъ думъ и сомнѣній, волновавшихъ избранниковъ западной интеллигенціи.

Но эти «думы» и этотъ «ядъ»—ядъ недовольства существующимъ укладомъ жизни, въ корнѣ неразумнымъ и безнравственнымъ,—пришлись не ко двору «россійской государственности», крѣпостнической, деспотичной, сроднившейся съ мыслью о дѣленіи людей на соль и пыль людскую. И клевреты ея, въ цѣляхъ самозащиты и самосохраненія искусственно выдвигали стѣну между русскою интеллигенціей и русскимъ народомъ. Была глубокая межа, ровъ, вырытый естественнымъ процессомъ общественной дифференціаціи. Но выросла къ тому же и стѣна. Ровъ углублялся, сталъ пропастью. Стѣна бронировалась. А въ результатѣ—отчужденность, вѣковой разрывъ между народомъ и интеллигенціей при наличіи естественной тяги къ свѣту, съ одной стороны, и самоотверженной готовности «раствориться въ сермяжной массѣ со свѣточемъ знанія въ рукахъ», съ другой. Отсюда—мучительная душевная драма на фонѣ борьбы между «сущимъ и должнымъ», у однихъ, и равнодушіе или, въ лучшемъ случаѣ, сторожкое любопытство, у другихъ: любопытство, готовое при подходящихъ обстоятельствахъ претвориться въ отпоръ, исполненный безсознательной, стихійной вражды.

Кульминаціоннымъ пунктомъ этой вѣковой трагедіи нужно считать тѣ непереносно жуткіе и безгранично горькіе для русской интеллигенціи моменты, когда ее объявляютъ «врагомъ народа».

«Враги народа»—это они, вѣчно сознававшіе свою неоплатную задолженность передъ народомъ и отдававшіе на служеніе ему лучшіе годы своей жизни, лучшія силы своей души!

«Враги народа»—это тѣ, что изъ поколѣнья въ поколѣнье, томимые ненасытною жаждой общенія съ народомъ, неутомимые въ трудѣ, самоотверженные, рыцарски-безстрашные и вѣчно гонимые, несли въ народные массы свѣтъ истины, надежду на раскрѣпощеніе, мечту объ очеловѣченной жизни!

«Враги народа»—это Новиковъ и Радищевъ, Пестель и Рылѣевъ, Герценъ и Чернышевскій, Лавровъ и Михайловскій, всѣ ихъ единомышленники, послѣдователи, прозелиты и апологеты!

«Враги народа»—это лучшіе представители русской журналистики и художественной литературы, русской поэзіи, русскаго искусства, да и вся вообще безымянная интеллигентная Русь, поскольку основнымъ двигателемъ ея творческой дѣятельности были и остаются нужды и интересы трудового народа!

Страна моя родная! Когда бъ хоть для тебя я могъ еще
пожить!..
Твой песъ сторожевой, я-бъ жилъ одной тобой,
Дышалъ твоимъ дыханьемъ, горѣлъ твоимъ стыдомъ,
болѣлъ твоей тоской...

Этотъ крикъ—крикъ русской интеллигенціи, той самой интеллигенціи, которой уже не разъ бросали безчеловѣчно-жестокую кличку: «враги народа»!

Но кто бросалъ? Самодержавная власть и иже съ нею. Царскій режимъ и все, что цѣпко держалось за него. Разсчетъ былъ правильный, политично продуманный, ибо покоился онъ на мудромъ совѣтѣ: divide et impera—разъединяй, сѣй рознь, вражду, и властвуй!

Шли годы. Усиліями интеллигенціи и наиболѣе сознательныхъ элементовъ народа,—рабочей и крестьянской интеллигенціи—въ «стѣнѣ» пробивались бреши. «Пропасть» заполнялась... нерѣдко трупами погибшихъ за народное дѣло. Кровь, пролитая во имя лучшей доли, сближала два искусственно и нарочито созданныхъ лагеря. Отчужденность смѣнялась взаимнымъ пониманіемъ, сознаніемъ общности стремленій.

Пало, наконецъ, самодержавіе. Рухнула и стѣна, разъединявшая народъ и интеллигенцію. А пропасть... Казалось бы, и она должна исчезнуть навсегда.

Но вотъ пришли новые самодержцы, быстро усвоившіе всѣ навыки и повадки старыхъ,—пришли и, чтобы утвердить бытіе свое, пустили въ ходъ испытанный вѣками пріемъ: divide et impera!—благо «пропасть», къ величайшему несчастью и народа и интеллигенціи, осталась de facto далеко не заполненной, надо только «углубить» ее. И русская интеллигенція—огромная, подавляющая часть ея, не пожелавшая итти подъ стягомъ большевизма—вновь очутилась въ положеніи «врага народа» и была объявлена «внѣ закона».

III.

Какъ это случилось?

Être c'est lutter, vivre c'est vaincre—говоритъ извѣстный французскій біологъ, Ле-Дантекъ.

Существовать—значитъ бороться, жить—значитъ побѣждать. Но для побѣды въ политической, какъ и во всякой иной, борьбѣ есть только два пути.

У начала одного изъ нихъ стоитъ предательская надпись: Приспособляйся! Принизь себя до уровня среды. Окрасься въ цвѣтъ ея. Прими ее со всѣми ея пороками и недостатками, съ мыслью, непросвѣтленной лучами истины, съ душой измятой, опустошенной вѣковымъ произволомъ, вѣками накоплявшейся ненавистью. И благо тебѣ будетъ: симъ побѣдиши! Ибо тогда—и только тогда—прихотливая волна стихійнаго процесса взметнетъ тебя на свой клокочущій, брызжущій пѣною гребень.

А на второмъ пути развѣвается знамя съ гордымъ единственно достойнымъ человѣка, девизомъ: Приспособляй! Не сгибайся передъ средой, а подымай ее до уровня своихъ заданій. Очищай ее отъ вѣками накоплявшейся скверны, пріобщай къ чистому источнику познанія добра и зла, увлекай мечтой о «царствіи божьемъ на землѣ». И благо тебѣ будетъ: быть можетъ, и погибнешь, станешь искупительною жертвой исторіи, но за тобой придутъ другіе, подхватятъ знамя, дрогнувшее въ слабѣющихъ рукахъ, и понесутъ его впередъ, все дальше, все выше и выше... Большевизмъ—я говорю сейчасъ не о «толпѣ», а о «герояхъ» его, при чемъ употребляю эти слова не въ уничижительномъ и не въ хвалебномъ смыслѣ, а такъ, какъ понималъ ихъ Михайловскій—большевизмъ избралъ себѣ первый изъ этихъ двухъ путей. Онъ пошелъ по линіи наименьшаго сопротивленія въ надеждѣ на наибольшій успѣхъ. И не ошибся въ разсчетѣ своемъ. Пусть это будетъ успѣхъ временный, эфемерный, купленный дорогою цѣной. Онъ все же, coute que coute, успѣхъ.

Правда, во имя «побѣды», «героямъ» большевизма пришлось объявить всю небольшевистскую, инакомыслящую русскую интеллигенцію сборищемъ «саботажниковъ», «со-

глашателей», «предателей», «контръ-революціонеровъ» и просто «буржуевъ»; правда, во-имя успѣха, имъ пришлось натравить большевистски-настроенную «толпу» на всѣхъ, кто не такъ, какъ они, расцѣниваетъ русскую революцію и не по-ленински понимаетъ теорію и практику соціализма; правда, не нынче-завтра можетъ начаться распродажа—оптомъ и въ розницу—русской интеллигенціи на сторону, въ Китай, Канаду и Сѣверную Америку, которые собираются закабалить къ себѣ на службу нашихъ земскихъ врачей, агрономовъ и техниковъ, оставшихся не у дѣлъ по волѣ «совѣтской» власти. Но стоитъ ли волноваться изъ-за такихъ пустяковъ? Суть дѣла вѣдь въ томъ, чтобъ укрѣпить свои политическія позиціи, чтобъ развернуть полностью свою изувѣрски-сектантскую программу, чтобъ дать вольную волюшку своему пугачевскому нутру. А для этого всѣ средства хороши—всѣ, вплоть до апологіи босячества и диффирамбовъ идейному и и тактическому хулиганству. Благо русская дѣйствительность, все наше проклятое прошлое и, въ частности, трижды проклятая война надлежащимъ образомъ отпрепарировали тотъ матеріалъ, который играетъ коронную роль при выполненіи воли «героевъ» большевизма. И думается мнѣ, что тутъ именно—въ специфической подготовкѣ русской «толпы» и въ безпредѣльномъ приспособленчествѣ большевизма—кроется ключъ къ объясненію успѣховъ послѣдняго; равно какъ и охлажденіе «толпы» къ эсъ-эрамъ или, если хотите, разочарованіе ими, смѣнившее почти повальное увлеченіе, началось съ того момента, какъ только партія наша открыто заявила, что «приспособляться» она вовсе не намѣрена, и что въ ея глазахъ далеко не «всѣ средства хороши»...

«Героемъ, писалъ давно ужъ Михайловскій, мы будемъ называть человѣка, увлекающаго своимъ примѣромъ массу на хорошее или дурное, благороднѣйшее или подлѣйшее, разумное или безсмысленное дѣло... Самъ по себѣ онъ можетъ быть и полоумнымъ, и негодяемъ, и глупцомъ; ни мало не интереснымъ... Толпой мы будемъ называть массу, способную увлекаться примѣромъ, опять-таки высоко-благороднымъ или низкимъ, или нравственно-безразличнымъ».

Основнымъ моментомъ въ психологіи «толпы», играющей такую колоссальную роль въ такъ-называемыхъ массовыхъ движеніяхъ, а, стало быть, и въ революціяхъ, является неудержимая склонность подчиняться велѣніямъ «героевъ», заражаться ихъ примѣромъ, подражать имъ невольно, безсознательно. Но, чтобы «подражать невольно, безсознательно» необходимъ нѣкоторый параличъ воли, относительное помраченіе сознанія. И то и другое находится въ прямой связи съ «оскудѣніемъ личной жизни»; а это послѣднее, въ свою очередь, обусловливается хроническимъ однообразіемъ впечатлѣній, монотоннымъ режимомъ каждо-дневнаго существованія, крайнею узостью интересовъ и занятій, сведенною къ minimum'у духовною дѣятельностью. Позволю себѣ напомнить то, что мнѣ уже однажды привелось писать: «Чѣмъ проще формула жизни, которая выпала на долю людей, образующихъ «толпу», чѣмъ уже кругъ ихъ впечатлѣній, чѣмъ меньше струнъ звучитъ въ ихъ душѣ и чѣмъ интенсивнѣе, наконецъ, направляется ихъ сознаніе на ограниченный кругъ интересовъ, тѣмъ больше тенденціи подражать и тѣмъ больше готовности слѣдовать, очертя голову, за какимъ-бы то ни было «героемъ» обнаруживаетъ толпа». А, согласитесь, что формула жизни русской «толпы»—и особенно солдатской «толпы» была и остается въ достаточной таки мѣрѣ «простой» и «узкой». Вотъ почему эта «толпа» такъ легко поддалась «пассамъ» большевистскихъ «гипнотизеровъ». Вотъ почему она такъ слѣпо исполняетъ волю большевистскихъ ясновидцевъ, лжепророковъ, факировъ и юродивыхъ. Ей говорятъ: Учредительное Собраніе—фетишъ, и она послушно повторяетъ: «фетишъ». Ей внушаютъ: всѣ, кто не съ большевиками — буржуи, контръ-революціонеры. И она, омеряченная, бездумно вторитъ: «контръ-революціонеры». Ей шепоткомъ подсказываютъ: грабь награбленное, гони саботажниковъ въ окопы, разстрѣливай соглашателей. И она, загипнотизированная, продѣлываетъ всѣ отвѣчающіе этимъ «наказамъ» жесты и тѣлодвиженія —«мимовольно, безсознательно»...

Я больше чѣмъ далекъ отъ мысли утверждать, будто вся наша революція большевистскаго періода укладывается въ рамки только-что указанной схемы. Я знаю очень хо-

рошо, что тутъ параллельно дѣйствуютъ и другія причины, какъ соціальныя, такъ и психологическія. Но одинъ изъ важнѣйшихъ Leitmotiv'овъ, несомнѣнно, тотъ, который установленъ Михайловскимъ въ ученіи о «Герояхъ и толпѣ». А другой изъ нихъ указанъ мною ниже.

IV.

Есть у Иванова-Разумника небольшая, но интересно написанная книжка, подъ заглавіемъ «Что такое махаевщина?» Читалъ я эту книжку лѣтъ десять тому назадъ. И вотъ теперь, задумываясь надъ существомъ большевизма вообще и отношеній его къ интеллигенціи, въ особенности, я вспомнилъ работу Иванова-Разумника, вновь перечиталъ ее и пришелъ къ твердому убѣжденію, что большевизмъ есть самая доподлинная, распустившаяся махровымъ цвѣтомъ... махаевщина! Совѣтую уважаемому Разумнику Васильевичу просмотрѣть свою книжку, и я не сомнѣваюсь, что онъ, какъ человѣкъ съ чуткою интеллектуальною совѣстью, согласится съ правильностью моего, возможно, не совсѣмъ пріятнаго для него, открытія...

Отвѣчая на вопросъ, что такое махаевщина, Ивановъ-Разумникъ пишетъ:

«Махаевщина есть идеологія Lumpen-proletariat'a, идеологія чернорабочихъ, идеологія неквалифицированныхъ рабочихъ, идеологія безработныхъ; въ такомъ опредѣленіи во всякомъ случаѣ болѣе вѣрнаго, чѣмъ въ махаевскомъ саморекламированьи себя истинно-рабочей идеологіей».

Если вспомнить—спокойно, объективно, sine ira et studio и, главное, по совѣсти и чести—на кого собственно опирается сейчасъ большевизмъ, кого онъ вдохновляетъ, кѣмъ держится на тронѣ—если вспомнить всѣхъ этихъ «деклассированныхъ» спекулянтовъ въ чуйкахъ, «спинджакахъ», косовороткахъ и сѣрыхъ шинеляхъ, всѣхъ «мѣшочниковъ», всѣхъ «сухопутныхъ матросовъ», наемныхъ янычаровъ и просто звѣрей, имѣющихъ по какому-то недоразумѣнію обликъ человѣка, то, volens-nolens, придется согласиться, что безпардонно рекламирующій себя большевизмъ есть та же махаевщина, т.-е. «идеологія Lumpen-proletariat'a» прежде всего и больше всего.

Охотно представляю, какъ тяжко чувствовать себя въ тискахъ noblesse oblige и потому прекрасно понимаю, что Иванову-Разумнику трудно, очень трудно, согласиться со мной. Еще труднѣе ему, конечно, примѣнить къ большевизму хотя бы слѣдующія строки: «Махаевщина есть соединеніе въ одно аморфное цѣлое ближайшей и конечной цѣли соціализма».

Въ тѣ дни—десять лѣтъ тому назадъ—когда даровитый историкъ «русской общественной мысли» писалъ это, онъ строго различалъ ближайшія и конечныя цѣли соціализма и, несомнѣнно, сурово осуждалъ всякую попытку «соединять ихъ въ одно аморфное цѣлое»; а теперь онъ сталъ снисходителенъ и, повидимому, не только спокойно, но и одобрительно смотритъ на чисто махаевскіе эксперименты большевизма въ этомъ направленіи.

Да развѣ только въ этомъ направленіи!

Послушайте, напримѣръ, какъ сердито квалифицируетъ онъ тактику махаевщины:

«Хочетъ или не хочетъ махаевщина, но она является типичной демагогіей, что и должно создать ей взаимную симпатію всѣхъ босяковъ, лобузовъ и хулигановъ».

Посмотрите, какъ насмѣшливо относится онъ къ надеждамъ махаевцевъ на «всемірную рабочую революцію», осуществляемую путемъ «международной конспираціи и единодушной акціи», и съ какою тонкою ироніей онъ вопрошаетъ, что будетъ «на другой день махаевской революціи», нисколько самъ при этомъ не сомнѣваясь, что «на другой день будетъ, вѣроятно, сильная неразбериха», ибо «захватить власть и имущество» не трудно, при наличіи опредѣленной силы, но... «какъ организовать тогда производство, какъ устроить общественную жизнь»?

Прочувствуйте надлежащимъ образомъ тотъ саркастическій тонъ, съ которымъ Ивановъ-Разумникъ говоритъ о «выборныхъ делегатскихъ комитетахъ въ каждой мастерской, отъ каждой фабрики», долженствующихъ, согласно принципамъ махаевской организаціи, покрыть густою сѣтью всю Россію, весь міръ, и символизировать собою «рабочую волю».

Прочтите, наконецъ, съ какимъ негодованіемъ и гнѣвомъ обрушивается онъ на махаевщину за ея непочтитель-

ное отношеніе къ парламентаризму и всякимъ Habeas Corpus Act'амъ: «И это пишется—восклицаетъ Ивановъ-Разумникъ—въ самый разгаръ дѣятельности военно-окружныхъ и военно-полевыхъ судовъ, въ періодъ всеобщаго, равнаго, явнаго и массоваго убійства и разстрѣла россійскихъ гражданъ всѣхъ классовъ и всѣхъ сословій!.. И это говорится въ такое время, когда безработица гонитъ рабочаго на безумную, отчаянную экспропріацію, въ финалѣ которой виднѣется петля палача... По истинѣ нужна большая... отвага, чтобы въ такое время относиться съ высоты махаевскаго (не большевистскаго ли? В. Л.) величія хотя бы къ Habeas Corpus Act'у, каковы бы ни были «язвы» буржуазно-демократическаго строя»...

Да, другъ Горацію, много непредвидѣнныхъ, но поразительно созвучныхъ совпаденій бываетъ въ семъ подлунномъ мірѣ. Опростоволосились, до кретинизма и явной пошлости опростоволосились махаевцы. И понесли въ свое время вполнѣ заслуженную кару отъ «Зигфрида»,*) испробовавшаго крѣпость своихъ соціалистическихъ «мечей» о наковальню махаевщины. Все это непреложно и никакому спору не подлежитъ. Ну, а большевики?

Развѣ не они объявили параментаризмъ «буржуазнымъ предразсудкомъ», а Учредительное Собраніе просто презрѣнною «Учредилкой»? Развѣ не они упразднили всѣ Habeas Corpus Act'ы, въ «самый разгаръ всеобщаго, равнаго, явнаго и массоваго убійства и разстрѣла россійскихъ гражданъ всѣхъ классовъ и сословій»? Развѣ не большевистская «Республика совѣтовъ» пытается утвердить на Руси «рабочую волю» при помощи цѣлой сѣти чисто махаевскихъ «выборныхъ делегатскихъ комитетовъ»? Развѣ не большевики наболтали цѣлый ворохъ безотвѣтственныхъ фразъ о «всемірной рабочей революціи» и «единодушной акціи» на фонѣ «международной конспираціи»? А кто «на другой день» октябрьскаго переворота превратилъ всю россійскую дѣйствительность въ одну сплошную «неразбериху»? Кто, захвативши въ свои руки и власть и имущество, оказался злостнымъ банкротомъ въ дѣлѣ «организаціи производства» и «устройства общественной жизни»? Кто, наконецъ, всю

*) Употребляю образъ самого Иванова-Разумника.

тактику свою—вплоть до использованія такихъ сладкозвучныхъ титуловъ, какъ «рабоче-крестьянское правительство»—базировалъ на «типичной демагогіи» съ цѣлью расположить, привлечь и привязать къ себѣ «всѣхъ босяковъ, лобузовъ и хулигановъ»? Кто, если не они же—большевики?

Почему же Ивановъ-Разумникъ молчитъ? Почему не смѣется, не иронизируетъ, не возмущается, не бичуетъ, не мечетъ громовъ и молній? Почему?..

Или его критическаго чутья хватило только на безпощадный разносъ махаевщины, и «мечъ Зигфрида» безпомощно опустился передъ лицомъ «дракона-Фавнера», перевоплотившагося въ большевизмъ? Тогда я позволю себѣ указать на отношеніе большевизма къ интеллигенціи. Быть можетъ это выпрямитъ истолкователя интеллигентской «души», сорветъ съ глазъ его повязку, разсѣетъ чары. И авторъ книгъ «О смыслѣ жизни» и «Великія исканія» снова найдетъ самого себя; подыметъ «мечъ» и нанесетъ большевизму за отношеніе его къ интеллигенціи такой же сильный ударъ, какимъ онъ наградилъ за то же преступленіе махаевщину десять лѣтъ тому назадъ, когда... «такъ хороши, такъ свѣжи были розы»...

V.

Въ эту, до-большевистскую, полосу своей литературно-общественной дѣятельности Ивановъ-Разумникъ считалъ сущимъ вздоромъ, плодомъ «невѣжества» и «маніакальности» такое, примѣрно, утвержденіе махаевцевъ: «Исторія есть классовая борьба за шкурные интересы; за шкурные же свои интересы борется и интеллигенція, которая не можетъ бороться за «народные интересы», противоположные ея интересамъ».

Въ ту пору Ивановъ-Разумникъ прекрасно понималъ, что интеллигенція есть понятіе «соціально-этическое», а не «соціально-экономическое», и потому считалъ ультранелѣпостью и «типичною демагогіей» заявленіе махаевцевъ, будто «интеллигенція есть классъ эксплуататорскій и типично анти-пролетарскій».

Тогда Ивановъ-Разумникъ съ чувствомъ естественной брезгливости расцѣнивалъ такіе, примѣрно, адаманты

и перлы махаевской мысли: «Грабежомъ живутъ не только владѣльцы земли и фабрикъ, но и все образованное общество. Паразитную жизнь обезпечиваетъ не только владѣніе капиталомъ, но и владѣніе образованіемъ».

Тогда, приводя логически ad absurdum «маніакальную» увѣренность махаевцевъ, будто только они являются «ангельски-нелицепріятной интеллигентской группой», а всѣ не-махаевцы—просто «эксплуататоры и обманщики», Ивановъ-Разумникъ очень остроумно билъ махаевщину ея же добромъ и, собравши въ одинъ букетъ всѣ ругательскіе эпитеты, которыми махаевцы характеризовали интеллигенцію, писалъ: «Махаевщина дурачитъ и растлѣваетъ довѣрившихся ей рабочихъ, пользуясь самымъ вульгарнымъ бахвальствомъ, всевозможными обманными формулами и лживыми обѣщаніями».

Тогда Ивановъ-Разумникъ не находилъ достаточно словъ для квалификаціи того «истинно-махаевскаго» политическаго шантажа, который сводился къ попыткѣ убѣдить рабочихъ, будто въ іюньскіе дни революціи 1848 года въ роли усмирителя французскаго пролетаріата, на ряду съ кулаками и лавочниками, выступилъ и цвѣтъ французской націи—революціонная интеллигенція, студенчество, учащаяся молодежь. Но... «это было давно»... А теперь, когда, взамѣнъ махаевщины, пришелъ большевизмъ, который, подобно шигалевщинѣ Достоевскаго, «Цицерону вырѣзываетъ языкъ, Копернику выкалываетъ глаза, Шекспира побиваетъ камнями»—и все это, несмотря на сантиментально-елейныя рѣчи и истерическіе аллюры августѣйшаго Іудушки—Луначарскаго; теперь, когда, волею вождей большевизма, вся русская интеллигенція—за исключеніемъ, конечно, большевистской—разсматривается, какъ классъ, борющійся за свои шкурные интересы, противоположные народнымъ интересамъ; теперь, когда только идеологи большевизма, трактуются, какъ представители «ангельски-нелицепріятной интеллигентской группы», а всѣ остальные интеллигенты объявляются во всеуслышаніе врагами рабоче-крестьянскаго населенія Россіи; теперь, когда съ легкой, но запятнанной кровью руки тѣхъ же «идеологовъ», внѣдряется въ сознаніе широкихъ народныхъ массъ преступно-подлая мысль, будто цвѣтъ русской націи, русская ин-

теллигенція, выступала и выступаетъ въ роли «усмирительницы» рабочихъ; теперь, когда большевизмъ дѣйствительно выродился въ шигалевщину—«дурачитъ и растлѣваетъ довѣрившихся ему рабочихъ, пользуясь самымъ вульгарнымъ бахвальствомъ, всевозможными обманными формулами и лживыми обѣщаніями»—почему же теперь молчитъ Ивановъ-Разумникъ?.. Или онъ еще не видитъ этого? Или онъ живетъ на Марсѣ?

VI.

Въ своей «Исторіи русской общественной мысли» Ивановъ-Разумникъ квалифицируетъ все содержаніе исторіи русской интеллигенціи, какъ борьбу съ мѣщанствомъ во имя индивидуализма.

«Мѣщанство, пишетъ онъ, это—узость, плоскость, безличность... Интеллигенція и мѣщанство, это двѣ силы, дѣйствующія въ діаметрально-противоположныхъ направленіяхъ, двѣ непримиримо враждебныя силы».

Запомнимъ твердо эти слова. Они обязываютъ. Мало того. Они проливаютъ свѣтъ и на волнующую насъ сейчасъ проблему—проблему взаимоотношеній между большевизмомъ и интеллигенціей. А пока предлагаю вашему вниманію нижеслѣдующій бурно-пламенный отрывокъ, которымъ заканчивается статья Иванова-Разумника—нынѣшняго Разумника,—статья «Двѣ Россіи», напечатанная во второмъ номерѣ «Скиѳовъ»: «Да, восклицаетъ онъ,—на Руси крутитъ огненный вихрь. Въ вихрѣ соръ, въ вихрѣ пыль, въ вихрѣ смрадъ. Вихрь несетъ весеннія сѣмена. Вихрь на Западъ летитъ. Старый Западъ закрутитъ, завьетъ нашъ скиѳскій вихрь. И у кого есть крылья—тотъ перелетитъ въ Міръ Новый... Борьба безкрылыхъ съ крылатыми—исторія Міра, исторія человѣчества, исторія революціи. И этой борьбой раздѣлены мы всѣ теперь несоединимо. Два стана, два завѣта, двѣ правды, двѣ Россіи».

Да. Безспорно. Два стана, два завѣта, двѣ Россіи. Но только не двѣ правды. Правда одна. А другая либо просто кривда—за нею весь Старый Міръ!—либо кривда прикрашенная, принаряженная въ кричащія одежды, безкрылая, хотя и воображающая себя крылатой: ее то Разумникъ, ослѣпленный вихремъ русской революціи, ея соромъ и

пылью, отождествилъ съ подлинною правдой и очутился въ томъ станѣ, гдѣ всѣмъ верховодитъ воинствующій большевизмъ...

Почему наша интеллигенція полтораста лѣтъ такъ страстно мечтала о революціи, такъ самоотверженно, съ эпическимъ героизмомъ, боролась за приходъ ея? Да только потому, что въ ней видѣла она проявленіе соборной воли къ творчеству новыхъ формъ общественнаго бытія, воли къ всестороннему раскрѣпощенію личности, къ могучему натиску «индивидуализма» на «мѣщанство». Не забывайте, что интеллигенція и мѣщанство двѣ непримиримо враждебныя силы». А разъ вы этого не забыли, не въ силахъ забыть, то для васъ обязательнымъ становится непримиримо враждебное отношеніе и къ... большевизму. Ибо большевизмъ есть до извѣстной степени прикровенная, а потому и самая зловредная, форма мѣщанства, коллективнаго, массоваго, того самого мѣщанства, которое такъ зло и геніально бичевалъ одинъ изъ самыхъ геніальныхъ представителей русской интеллигенціи, Герценъ. «Эта коллективная посредственность—писалъ онъ,—ненавидитъ все рѣзкое, самобытное, выступающее; она проводитъ надъ всѣмъ общій уровень»; она подобна «паюсной икрѣ, сжатой изъ миріадъ мѣщанской мелкоты»; она заполонила собою всю жизнь, сверху донизу: «съ одной стороны мѣщане-собственники, упорно отказывающіеся поступиться своими монополіями, съ другой—неимущіе мѣщане, которые хотятъ вырвать изъ ихъ рукъ ихъ достояніе».

Такъ сказано у Герцена про Западъ—тотъ самый «Старый Западъ», куда сейчасъ будто бы летитъ нашъ «вихрь», несущій «весеннія сѣмена». Ну, а что можемъ мы сказать о Россіи? Есть ли у насъ серьезныя основанія думать, что она уцѣлѣла отъ язвы всенивеллирующаго, алчнаго, прильнувшаго къ землѣ мѣщанства? Еще недавно, до пришествія и воцаренія большевизма, казалось, что—да, уцѣлѣла. Тогда на самомъ дѣлѣ и вѣрилось и думалось: два завѣта у насъ, двѣ Россіи, Россія ветхаго и Россія новаго человѣка. А теперь, въ пору разцвѣта оголенныхъ до цинизма инстинктовъ, когда въ замирающихъ волнахъ «огненнаго вихря» бурлитъ лишь мутъ да накипь, а все подлинно человѣческое либо молчитъ, безвольное и расте-

рянное, либо силится выпрямить свою измученную, охаенную душу,—теперь начинает брать сомнѣніе: гдѣ два завѣта? гдѣ двѣ Россіи? Какъ будто нѣтъ ихъ. Затуманились. Поблекли въ «смрадѣ» «огненнаго вихря». И четко вырисовываются только два стана—не тѣ, что были раньше, съ двумя завѣтами Россіи стараго и Россіи новаго міра, а самые вульгарные, прозаичные: въ одномъ—мѣщане-собственники, задыхающіеся отъ затаенной ненависти и невысказанной злобы, а въ другомъ—неимущіе мѣщане, эфемерные господа положенія съ плоскою, воистину мѣщанскою, большевистскою «правдой» въ головѣ.

Я больше чѣмъ далекъ отъ настроенія блистать парадоксами: не до парадоксовъ теперь. Но пусть люди, не заглушившіе въ себѣ безповоротно способности критически мыслить, пусть скажутъ мнѣ, чѣмъ собственно большевизмъ «красенъ», что дѣлаетъ его близкимъ сердцу большевистскихъ массъ, гдѣ не всѣ же представители Lumpenproletariat'a, а имѣются и настоящіе квалифицированные пролетаріи? Для меня отвѣтъ тутъ можетъ быть только одинъ: его «узкая и плоская» идеологія; его тенденція все подвести «подъ общій уровень»; его готовность, по крайней мѣрѣ, на словахъ, все сложить подъ нози «неимущихъ мѣщанъ»; или, короче: его мѣщанство. Мѣщанствомъ, на мой взглядъ, пропитанъ онъ насквозь; хотя и исполненъ фанатизма. Это—не contradictio. Это—печальная правда. Ибо есть, должны быть, и фанатики мѣщанства, какъ есть, напримѣръ, мѣщане соціализма. Большевизмъ фанатиченъ въ своемъ мѣщанствѣ отъ соціализма. Онъ неистовствуетъ. И это его неистовство расцѣнивается порою, какъ революціонное дерзаніе, какъ «огненный вихрь», какъ титаническое устремленіе въ «Новый Міръ». Пустыя, жалкія слова! Слѣпое, смѣшное увлеченье! Минутами просто диву даешься, видя до какихъ геркулесовыхъ столбовъ слѣпоты доходитъ это увлеченье. Возьмите хотя бы того же Иванова-Разумника. Онъ пресерьезно думаетъ, что всѣ, кто не со «скиѳами», представляютъ собой ни больше ни меньше, какъ «утиное стадо», которое «испугано грозой и бурей революціи», «въ грозѣ видитъ только грязь, не чуетъ за грязью живительнаго вихря, несущаго весеннія сѣмена» и посему... «злобно щиплетъ ле-

бедей». Такъ прямо и пишетъ: «лебедей», не допуская даже и возможности нескромнаго вопроса: Кто жъ эти «лебеди»? Укажите, ради Бога! Облегчите истомленную въ поискахъ душу...

Итакъ:

Большевизмъ является идеологіей не только Lumpenproletariat'а, но и «неимущихъ мѣщанъ». Этимъ опредѣляется его отношеніе къ интеллигенціи. Этимъ же опредѣляется и ея отношеніе къ нему. Не забудемъ, что «интеллигенція и мѣщанство—двѣ непримиримо враждебныя силы»...

VII.

Возвращаюсь вновь къ сопоставленію большевизма сегодняшнихъ дней съ махаевщиной.

Все тотъ же Ивановъ Разумникъ, характеризуя пріемы мышленія и аргументаціи вождей махаевщины, писалъ:

«Итакъ, иногда пренебреженіе къ фактамъ, иногда подтасовка фактовъ и чрезвычайно «своеобразное» (то юмористическое, то вызывающее брезгливость) ихъ толкованіе—вотъ двѣ постоянныя внѣшнія черты махаевщины».

Или: «Пренебреженіе къ фактамъ, извращеніе и замалчиванье ихъ—самое сильное оружіе въ махаевскомъ арсеналѣ; нѣкоторымъ объясненіемъ и оправданіемъ этого можетъ служить истинно-махаевское невѣжество» (въ другомъ мѣстѣ слово «невѣжество» замѣнено словами «научная безграмотность»).

И наконецъ: «Извращеніе исторической перспективы—постоянный махаевскій пріемъ».

Я утверждаю, что все, сказанное здѣсь о махаевщинѣ, можно полностью примѣнить къ большевизму. Считаю однако необходимымъ сдѣлать одну существенную поправку къ резолюціи Иванова-Разумника.

Пренебреженіе къ фактамъ, искаженіе, подтасовка, замалчиванье ихъ врядъ ли можетъ считаться только «внѣшнею чертой», и врядъ ли эта дѣйствительно «своеобразная» черта можетъ быть объяснена только невѣжествомъ, хотя бы и «истинно-махаевскимъ». Нѣтъ, думается мнѣ, дѣло тутъ будетъ посерьезнѣе, и объясняется оно, въ первую голову, если не полнымъ отсутствіемъ, то, во всякомъ случаѣ, весьма слабымъ развитіемъ двухъ внут-

ренних чертъ, наиболѣе характерныхъ для душевнаго склада интеллигентовъ: я имѣю въ виду совѣсть вообще и интеллектуальную совѣсть, въ частности.

Итакъ, невѣжество—а иногда и просто «научная безграмотность»—и совѣсть на ущербѣ, совѣсть вообще и интеллектуальная, въ частности,—вотъ «двѣ постоянныя» внутреннія черты махаевщины. Онѣ же, повторяю, типичны для большевизма нашихъ дней. И здѣсь я имѣю опять таки въ виду не «толпу» большевизма, а его интеллигенцію всѣхъ ранговъ и степеней,—лидеровъ, вождей, пропагандистовъ и агитаторовъ, идеологовъ, публицистовъ и сотрудниковъ «совѣтской» прессы.

Что прежде всего бросается въ глаза при сколько-нибудь внимательномъ и, главное, честномъ, непредвзятомъ отношеніи къ ихъ рѣчамъ и писаніямъ? Упрощенность мысли, нарочитая тенденція къ примитивамъ и въ постановкѣ вопросовъ, и въ рѣшеніи ихъ, и въ аргументахъ; затѣмъ: столь же нарочитое упрощеніе и искаженіе идей и аргументаціи политическихъ противниковъ большевизма; и наконецъ: безцеремонная, эквилибристически-«свободная» игра такими понятіями, какъ интернаціоналъ, соціализмъ, революція, гражданская война, демократія, народовластіе, диктатура, международная солидарность, классовые интересы и т. д. и т. д.—все въ зависимости отъ общеполитическаго момента, все въ цѣляхъ демагогіи, т. е. наиболѣе успѣшнаго и быстраго использованія устремленій и вожделеній взбунтовавшейся стихіи.

И такому содержанію рѣчей и писаній всецѣло отвѣчаетъ форма ихъ—циничный, наглый тонъ и хлесткій, вульгарный языкъ во вкусѣ героевъ Хитрова рынка и въ духѣ балаганнаго острословія. Маломальски—культурному, интеллигентному человѣку достаточно просмотрѣть два-три десятка номеровъ «Правды» или «Соціалъ-демократа», не говоря уже о «Красной Газетѣ», чтобы восчувствовать просто хотя бы только обоняніемъ—всю объективную правду моихъ словъ и отъ души пожалѣть прекрасный русскій языкъ за то безпримѣрное издѣвательство, которое надъ нимъ учиняетъ большевистская «интеллигенція»; до такого приспособленія къ навыкамъ площади и рынка ни одна партія въ мірѣ—даже партія «Русскаго Знамени» и

«Кузькиной Матери»—еще не доходила. И въ этомъ отношеніи манера мышленія и форма рѣчи коронованныхъ вождей большевизма, Ленина и Троцкаго, является лишь недосягаемымъ идеаломъ для ихъ «учениковъ» и прозелитовъ. Даже наиболѣе, казалось бы, культурные изъ нихъ слились полностью съ «толпой» рѣшительно во всемъ: и мыслями, и настроеніемъ, и способами «выраженія ощущеній» своихъ. За доказательствами далеко ходить не придется. Вотъ, напримѣръ, отрывокъ изъ статьи М. Покровскаго—человѣка, какъ мнѣ еще недавно думалось, дѣйствительно и умнаго, и образованнаго, и совѣстливаго—противъ эсъ-эровъ и меньшевиковъ съ Л. Мартовымъ во главѣ: «Партія «пролетаріата» въ ковычкахъ идетъ вмѣстѣ съ партіей богатаго мужика безъ всякихъ ковычекъ. Партія вчерашняго интернаціоналиста Мартова связала себя съ партіей вчерашнихъ калединцевъ и сегодняшняго Савинкова. Люди, въ октябрѣ прятавшіе свою политическую трусость подъ заявленіемъ, что они «не хотятъ проливать крови рабочихъ», подаютъ руки тѣмъ, чьи руки по локоть въ крови. Чтобы не смыть (не смоешь никогда), а хоть замазать эту Кровь, нужна лавина грязи—и Л. Мартовъ источаетъ грязь изо всѣхъ поръ». Здѣсь вѣдь, что ни слово, то пошлый, затасканный трафаретъ, нищенски-жалкая безвкусица, уличный лубокъ, краски для котораго можно свободно, по самой сходной цѣнѣ, достать въ любой москательной лавочкѣ вульгарнѣйшаго «большевизма» (въ ковычкахъ)). И это пишетъ интеллигентный человѣкъ, ученый, авторъ серьезныхъ трудовъ по исторіи! Неужели М. Покровскій вѣритъ тому, что написалъ? Сомнѣваюсь что-то. Или онъ просто въ горячечномъ бреду и нуждается въ помощи гуманнаго психіатра...

Слѣдуетъ ли изъ всего здѣсь сказаннаго о большевистской интеллигенціи, что нѣтъ въ ея средѣ людей научно-грамотныхъ, образованныхъ, или же искренно убѣжденныхъ въ правотѣ своей и просто честныхъ?

Ну, разумѣется, ничуть не слѣдуетъ, и я вовсе не думаю изображать всѣхъ большевистскихъ интеллигентовъ какими-то романтическими злодѣями. Нисколько. Во-первыхъ, потому, что всякое правило имѣетъ исключеніе. А, во вторыхъ, кому неизвѣстно, что иногда ущербленная

мысль прекрасно сочетается съ несомнѣнною, порой фанатическою убѣжденностью, а ущербленная совѣсть—если не просто безсовѣстность—великолѣпно уживается съ недюжиннымъ умомъ и разносторонней научной эрудиціей? Въ этомъ отношеніи станъ большевистскихъ «идеологовъ» особенно богатъ яркими иллюстраціями. Настолько яркими, что, вспоминая ихъ, невольно задаешься вопросомъ: а не имѣлъ ли гетевскій Мефистофель въ виду вождей нашего большевизма, когда обратился къ «Духу свѣта» со слѣдующимъ саркастическимъ упрекомъ на счетъ человѣка:

Ein wenig besser würd'er leben,
Hätt'st du ihm nicht das Himmelslicht gegeben;
Er nennt's Vernunft und braucht's allein,
Nur thierischer als jedes Thier zu sein?

Чтобы доставить удовольствіе большевикамъ, я процитировалъ эти строки по-нѣмецки; въ вольномъ же переводѣ Холодковскаго на русскій языкъ онѣ гласятъ:

Когда бы ты его не вздумалъ одарить
Хваленой «искрою святого разумѣнья»,
Чтобъ изъ семьи скотовъ скотиной первой быть,
Онъ лучше бъ жилъ стократъ, безъ всякаго сомнѣнья...

Возможно, что я и ошибаюсь; но, оцѣнивая съ доступнымъ мнѣ спокойствіемъ, рѣчи, писанія и особенно дѣйствія «идеологовъ» и «политиковъ» большевизма, я все больше и больше прихожу къ выводу, что они, въ лучшемъ случаѣ, люди ненормальные, нѣчто вродѣ ломброзовскихъ маттоидовъ, отличавшихся «децентрализаціей я, распаденіемъ индивидуальности, какъ бы возстаніемъ низшихъ индивидуальностей противъ законнаго господства цѣлаго *я*» (Н. К. Михайловскій). И вотъ, думая такъ, вновь задаешься вопросомъ: а есть ли у большевиковъ подлинная интеллигенція? Не является ли большевистская интеллигенція понятіемъ соціально-патологическимъ, а отнюдь не соціально-этическимъ?..

VIII.

Разрѣшите подвести краткіе итоги.

Идейно большевизмъ выродился въ идеологію Lumpenproletariat'а и пролетарскаго мѣщанства; тактически

онъ—типичная демагогія. Нарочитая упрощенность мысли и столь же нарочитая прямолинейность дѣйствій обезпечили «героямъ» большевизма временный успѣхъ у специфически отпрепарированной всѣмъ ходомъ русской жизни «толпы». Симплицизмъ и нищета большевистской «теоріи» дѣлаетъ ее доступной и близкой темнымъ, безсознательнымъ и малосознательнымъ массамъ. А недобросовѣстность и аморализмъ большевистской «практики» открываетъ полный просторъ свободному выявленію примитивныхъ и ирраціональныхъ влеченій тѣхъ же массъ. Склонивши предъ взбунтовавшейся стихіей и разумъ, и волю, и совѣсть, и честь, большевизмъ пошелъ по пути всесторонняго приспособленія къ «естественному ходу вещей» и тѣмъ самымъ отказался отъ той роли, которая падаетъ на долю сознанія въ процессѣ «дѣланья исторіи». А это, неизбѣжно, должно было поставить его въ непримиримо-враждебныя отношенія ко всему, что идетъ и дѣйствуетъ въ жизни подъ знакомъ и подъ стягомъ двуединаго сознанія—истины и справедливости. Отсюда—его маніакальная увѣренность въ томъ, что нѣтъ интеллигенціи внѣ большевизма; отсюда его садически-дикія гоненія на интеллигенцію, приравненную къ «буржуямъ»; отсюда же, наконецъ, и ущербленность его собственной интеллигенціи.

Большевизмъ долженъ преслѣдовать интеллигенцію. Ибо она—тормазъ его успѣхамъ, угроза его власти, источникъ живой воды, раскрѣпощающей «толпу» отъ большевистскаго гипноза, и въ то же время—не менѣе живой укоръ для самой большевистской интеллигенціи, поскольку въ ней теплятся еще остатки безкорыстной мысли и неопороченной совѣсти.

Большевизмъ не можетъ равнодушно, безъ злопыхательства и злобы—относиться къ тому соціально этическому слою русскаго общества, которому Михайловскій посылалъ свое высоко-человѣчное напутствіе: «Блаженны вы, если не промѣняли рубля на ярко вычищенный грошъ, если не продали будущаго ради интересовъ минуты и вершка; блаженны вы даже, если поносятъ васъ, и изженутъ, и рекутъ всякъ золъ глаголъ, на вы лжуще».

Большевизмъ обязанъ—и ex officio, и спасенія жи-

вота своего ради—называть всю инакомыслящую соціалистическую интеллигенцію сборищемъ «саботажниковъ», «контръ-революціонеровъ», «враговъ народа». Ибо для большевизма «саботажники» всѣ, кто отказывается сознательно, по чувству чести и долга—дѣлать или хотя бы только поддерживать его разрушительное дѣло. Ибо людямъ, поставившимъ на карту всѣ завоеванія русской революціи, удобно, выгодно называть «контръ-революціонерами» всѣхъ, кто вскрываетъ подлинное нутро азартныхъ, зарвавшихся, безумныхъ игроковъ. Ибо кому же называть насъ «врагами народа», какъ не подлиннымъ врагамъ демоса и друзьямъ Lumpenproletariat'а—его идеологамъ, панегиристамъ, попустителямъ и высокимъ покровителямъ? Но пусть. Пусть «поносятъ, и изженутъ, и рекутъ всякъ золъ глаголъ на мы лжуще». Исторія насъ разсудитъ. А напутствіе учителя укрѣпитъ нашъ духъ. Исполняя его завѣтъ—нетрудно жить, легко и умирать...

В. В. Лункевичъ.

Финансовая политика большевистской власти.

I.

«Глазомѣръ, быстрота и натискъ!» вотъ характерныя особенности большевистской политики и тактики.

«Не обсуждая», въ нѣсколько минутъ, они въ Брестѣ подмахнули смертный приговоръ надъ будущностью Россіи, а через недѣлю на тысячномъ съѣздѣ Совѣтовъ менѣе, чѣмъ въ теченіе полусутокъ ратификовали его, да ужъ, кстати, перенесли столицу изъ Петрограда въ Москву и избрали новый «законодательный» органъ, именуемый Центральнымъ Исполнительнымъ Комитетомъ.

Эту тактику большевики перенесли и въ свое «святая святыхъ», въ интимныя тайники своей партіи.

Собрались, преимущественно изъ Петрограда, 42 большевика-делегата, объявили себя общепартійнымъ съѣздомъ, и съ головокружительной быстротой покончили съ крупнѣйшими для всякой политической партіи вопросами: 1) одобрили внѣшнюю, фактически предательскую и для Россіи, и для союзниковъ нашихъ, и для всего международнаго пролетаріата политику своихъ вождей; 2) перестали называть себя соціалъ-демократической рабочей партіей и объявили себя «коммунистами»; сначала измѣнивъ программѣ, они тутъ же измѣнили эту программу: эти бывшіе соціалъ-демократы, нынѣшніе коммунисты, видите ли, не являются противниками парламентскаго республиканскаго режима, построеннаго на основѣ всеобщаго избирательнаго права, но высшей, архидемократической формой государственнаго устройства считаютъ республику Совѣтскую, гдѣ верховная власть принадлежитъ классовымъ, революціоннымъ Совѣтамъ Рабочихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ.

Не только наука государственнаго права, но и международная социалистическая мысль обогатилась волею коммунистической партіи новымъ юридическимъ понятіемъ. Для иностранныхъ социалистовъ, не исключая и крайнихъ лѣвыхъ, Совѣтская Республика безъ опредѣленія избирательныхъ принциповъ даже въ предѣлахъ рабочаго класса, является, дѣйствительно, новымъ, совершенно неожиданнымъ государственно-правовымъ институтомъ, особенно въ пониманіи коммунистовъ-большевиковъ.

Мы, русскіе, имѣли несчастье убѣдиться на горькомъ, роковомъ опытѣ, что значитъ Совѣтская власть въ рукахъ большевиковъ. Вся Россія, отъ мала до велика, знаетъ теперь, что Совѣтская власть не есть власть рабочихъ и крестьянъ, не есть власть даже болѣе или менѣе значительной группы рабочаго класса, а есть власть центральнаго комитета партіи коммунистовъ (большевиковъ). Отсюда и «всѣ качества» ея. Мы не будемъ ихъ перечислять. Но большевистская Совѣтская власть выявила одно качество, мимо котораго никакъ нельзя пройти.

Пятимѣсячная политика большевистской власти отчетливо показала всѣмъ и каждому, что это есть власть самодержавная, ни передъ чѣмъ и ни передъ кѣмъ не отвѣтственная. Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ, именуя себя «рабоче-крестьянскимъ правительствомъ», въ конечномъ итогѣ правитъ страной по собственному произволу и усмотрѣнію. Онъ не только не считается съ волею рабочихъ и крестьянъ, не только не даетъ имъ никакого отчета о своей дѣятельности, не спрашиваетъ ихъ согласія, ихъ мнѣнія при рѣшеніи важнѣйшихъ, роковыхъ для страны и революціи вопросовъ, но не даетъ отчетовъ даже Съѣздамъ Совѣтовъ, даже избранному ими Центральному Исполнительному Комитету.

II.

Но нигдѣ безотвѣтственность, безконтрольность такъ ни гибельна, такъ ни пагубна для страны, какъ въ области государственной финансовой политики. Гласность, публичность, подконтрольность государственнаго бюджета—слишкомъ общепризнанное, элементарное требованіе, чтобы въ нынѣшнее время, да еще въ «социалистическомъ отечествѣ»

напоминать о немъ. Однако приходится сказать, что въ данномъ случаѣ даже правительство Николая Романова, какого-нибудь шаха персидскаго или султана турецкаго поступало и поступаетъ куда демократичнѣе, чѣмъ правительство Ленина и Троцкаго. Большевики пять мѣсяцевъ хозяйничаютъ въ странѣ, безъ счета и мѣры расходуютъ колоссальныя денежныя суммы изъ государственнаго, нынѣ народнаго, сундука. Между тѣмъ, никто, даже Совѣты, которымъ по дѣйствующей большевистской конституціи принадлежитъ вся полнота власти въ центрѣ и на мѣстахъ, не знаетъ, откуда Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ беретъ огромныя денежныя суммы, какъ велики наши государственные доходы и расходы, куда, на что, кѣмъ и по какимъ основаніямъ тратятся рессурсы народной казны.

Обо всемъ этомъ въ «соціалистическомъ государствѣ» приходится судить по догадкамъ, предположеніямъ, по случайнымъ свѣдѣніямъ офиціальной печати, по разнымъ косвеннымъ признакамъ.

«Разсудку вопреки» большевики полной тайной окружили свою финансовую политику. Но деньги очень сильное и опасное средство. Нельзя допустить, чтобы этимъ средствомъ свободно, по собственному усмотрѣнію и произволу, распоряжались органы государственной власти. Вездѣ и всюду, даже въ странахъ съ неограниченной самодержавной властью, считается обязательнымъ добываніе государственныхъ средствъ, пріемы, формы и способы ихъ расходованія поставить въ извѣстные предѣлы, въ рамки, заранѣе опредѣленныя тѣмъ или инымъ закономъ. Нѣтъ во всемъ мірѣ государства, не имѣющаго того или иного бюджетнаго права.

Лишь большевистская, соціалистическая, архидемократическая власть обходится безъ такого права. Правда, время боевое, революціонное, нѣтъ ни времени, ни возможности большевикамъ обзаводиться какими-то бюджетными законами. Власть исполнительная и власть законодательная вся въ рукахъ своихъ, надежныхъ людей; они сумѣютъ сговориться и впослѣдствіи... по домашнему, какъ-будто дѣло идетъ объ ихъ собственномъ кошелкѣ!

Но даже большевики чувствуютъ, что, живя бокъ-о-бокъ

съ демократизированными западно-европейскими государствами, нельзя править страной безъ всякаго, даже только для виду установленнаго, контроля надъ государственными финансовыми операціями. И большевистская конституція предусматриваетъ финансовый контроль со стороны Центральнаго Исполнительнаго Комитета Совѣтовъ, но только контроль «послѣдующій». Такой контроль предусматривался и пресловутой Булыгинской конституціей. Право послѣдующаго контроля надъ государственными доходами и расходами было милостиво предоставлено и приснопамятной Государственной Думѣ. Но даже тогда дѣло обстояло демократичнѣе, потому что было какое-то бюджетное право. Послѣдующій контроль безъ бюджетныхъ законовъ, на языкѣ людей, не лишенныхъ простого здраваго смысла, означаетъ полное отсутствіе какого-бы то ни было финансоваго контроля.

Фактически большевики орудуютъ съ огромными денежными рессурсами народной казны въ темную.

III.

Между тѣмъ, доподлинно извѣстно, что большевики мало стѣсняются съ государственными денежными средствами, черпаютъ деньги изъ казеннаго сундука полной «хозяйской рукой», расходуютъ не сотни милліоновъ, не милліарды, а десятки милліардовъ рублей. По крайней мѣрѣ, въ «Извѣстіяхъ» чернымъ по бѣлому было напечатано, что «если сейчасъ заключимъ миръ и демобилизуемъ всю армію, то на 1918-й годъ потребуется на общіе расходы 26 милліардовъ рублей».

Миръ заключенъ, армія демобилизована; большевики обязались нѣмцамъ въ теченіе 6 мѣсяцевъ заплатить подъ видомъ разныхъ «возмѣщеній» контрибуцію въ 8 милліардовъ рублей. Россія никакъ не сможетъ, очевидно, узнать, въ какой валютѣ придется уплачивать контрибуцію—въ бумажной или въ золотой. Допустимъ лучшій, мало вѣроятный случай, что съ нѣмцами мы тоже будемъ расплачиваться бумажками. Тогда на 1918 годъ совѣтской власти потребуется ни больше, ни меньше, какъ 34—35 милліардовъ рублей. Цыфра прямо-таки сказочная, умопомрачительная!

Однако комиссаръ по финансовымъ дѣламъ г. Гуковскій недавно въ засѣданіи Центральнаго Исполнительнаго Комитета опредѣлилъ расходы на 1918-й годъ въ суммѣ 80—100 милліардовъ рублей. Это ужъ, дѣйствительно, цыфры «астрономическія». И напрасно г. Бухаринъ назвалъ докладъ Гуковскаго обычнымъ министерскимъ докладомъ. Врядъ-ли въ исторіи всей Европы можно разыскать такого другого министра финансовъ, который осмѣлился бы выпалить такія сногсшибательныя цыфры.

На голову каждаго гражданина Россійской Совѣтской Федеративной республики безъ Арменіи, Украйны, Бессарабіи, Польши, Литвы, Курляндіи, Лифляндіи, Эстляндіи и Финляндіи придется въ 1918 году не менѣе 1000 рублей государственныхъ расходовъ; на крестьянскую семью въ 8 человѣкъ падетъ этихъ расходовъ за годъ восемь тысячъ рублей.

Только большевистская фантазія способна переварить подобную финансовую эквилибристику.

Въ довоенное время вся наша ежегодная національная доходность исчислялась въ суммѣ 15 милліардовъ рублей. Послѣ Брестскаго мира, отторгнувшаго отъ Россіи третью и богатѣйшую часть, національная доходность понизилась по меньшей мѣрѣ до 6 милліардовъ рублей. Если учесть почти полное крушеніе фабрично-заводской промышленности, сильное пониженіе производительности сельскаго хозяйства, то самые правовѣрные коммунисты не рискнутъ опредѣлить размѣры народнаго дохода на 1918-й годъ въ суммѣ, превышающей и 5 милліардовъ рублей золотомъ, приблизительно 50 милліардовъ рублей по теперешнему курсу бумажнаго рубля.

Если бы все сплошь населеніе нашего соціалистическаго отечества отказалось на цѣлый годъ отъ пищи, питья, одежды и всѣхъ прочихъ расходовъ, а только работало бы день и ночь и всѣ свои доходы отдавало бы въ полное распоряженіе большевистской власти, то послѣдняя еле собрала бы и половину потребной ей денежной суммы.

За первые пять мѣсяцевъ своего владычества большевистской власти, помимо покрытія «общихъ расходовъ», пришлось содержать и демобилизовать огромную армію на внѣшнемъ фронтѣ, пришлось вести непрерывную ожесто-

ченную войну по всему необъятному внутреннему фронту, и не безуспѣшно. А вѣдь еще Наполеонъ сказалъ, что для военныхъ успѣховъ необходимы всего лишь три вещи: во-первыхъ, деньги, во-вторыхъ, деньги и, въ третьихъ, деньги.

А потому мы врядъ-ли ошибемся, если скажемъ, что за первые пять мѣсяцевъ своего управленія страной большевики истратили по меньшей мѣрѣ 15 милліардовъ рублей. Большевистская власть за пять мѣсяцевъ израсходовала на 3 милліарда больше, чѣмъ правительство Николая II —за первый, 1915-й, годъ войны, и на полмилліарда больше, чѣмъ потрачено было за весь второй, 1916-ый, военный годъ.

Столь ненавистное большевикамъ Временное Правительство Керенскаго и Чернова тратило народныхъ денегъ ежемѣсячно вдвое меньше, чѣмъ правительство Ленина и Троцкаго. Откуда же брала и продолжаетъ брать большевистская совѣтская власть безумно огромныя, чудовищныя денежныя суммы?

IV.

Временное Правительство приняло власть въ тотъ моментъ, когда казначейскіе сундуки оказались совершенно пустыми, обремененными лишь огромными внѣшними и внутренними долговыми обязательствами, когда разбойничій податной насосъ самодержавной власти вытянулъ изъ народа послѣдніе соки.

Между тѣмъ, расходы предстояли огромные: надо было перестраивать жизнь громаднаго государства сверху до низу, вести внѣшнюю войну силами 10—12 милліонной арміи. Безъ денегъ, и большихъ денегъ, нельзя было обойтись ни одного дня, ни одного часа, ни одной минуты.

Потребовалось огромное напряженіе силъ, чтобы миновать полнаго финансоваго краха. Сейчасъ же было приступлено къ кореннымъ реформамъ въ области податного обложенія, имѣвшимъ въ виду переложить тяжесть податного бремени съ ослабленныхъ плечъ трудящихся массъ на имущія группы населенія. Декретами Временнаго Правительства былъ введенъ высокій налогъ на военную прибыль торговцевъ, фабрикантовъ и заводчиковъ, удвоены ставки прогрессивно-подоходнаго обложенія, вводилась вы-

сокая пошлина на наслѣдства. Имѣлось въ виду націонализировать цѣлый рядъ промышленныхъ отраслей. Однако, чтобы всѣ эти мѣропріятія ощутительно оказали свое вліяніе на состояніе государственныхъ финансовъ, необходимо было создать соотвѣтствующій своему назначенію служебный податной аппаратъ, необходимо было организованное содѣйствіе населенія всей страны. На все это требовалось время, а деньги нужны были ежеминутно, ежечасно.

Въ трудныя критическія минуты на экстренныя военныя нужды пришлось прибѣгать къ внѣшнимъ займамъ въ союзныхъ намъ странахъ. Въ тѣ времена Россія заграницей еще пользовалась кредитомъ, въ тяжелыя минуты получала оттуда помощь, хотя сравнительно въ ограниченныхъ размѣрахъ.

Чтобы такъ или иначе пополнить пустовавшій казенный сундукъ, Временное Правительство выпустило внутренній заемъ, такъ-называемый «Заемъ Свободы», въ 3 милліарда рублей номинальныхъ на условіяхъ, сравнительно очень льготныхъ для покупателей облигацій.

«Заемъ Свободы» могъ имѣть двоякое значеніе. Онъ далъ бы въ руки Правительства денежныя средства, безъ которыхъ немыслимы ни на минуту закрѣпленіе военныхъ завоеваній и вооруженная защита свободы и независимости страны отъ нападеній извнѣ.

Успѣхъ «Займа Свободы» удержалъ бы революціонную власть отъ новыхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ, чѣмъ въ значительной степени предотвратилась бы та безумная, бѣшеная скачка вверхъ цѣнъ на всѣ товары, какую намъ и теперь приходится наблюдать. Въ то же время не ухудшились бы условія для возстановленія нормальнаго положенія денежнаго обращенія внутри страны, что въ наши дни должно быть альфой и омегой внутренней здоровой экономической политики. Однако, заемъ шелъ туго. Русская буржуазія, еще недавно благословлявшая разбойничью финансовую политику старой самодержавной власти, встрѣтила заемъ чрезвычайно холодно и сдержанно; она, нынѣ начинающая заигрывающе поглядывать въ сторону большевистской власти, не хотѣла давать своихъ капиталовъ правительству, наполовину состоявщему изъ представителей крестьянъ и рабочихъ.

Съ другой стороны, противъ «Займа Свободы» повели ожесточеннѣйшую агитацію большевики и большевиствующіе лѣвые с.-р., стремившіеся во что бы то ни стало, за какую угодно цѣну, поставить Правительство въ безвыходное положеніе и свалить его.

Это дѣлали тѣ самые большевики, которые потомъ, очутившись у власти и аннулировавши всѣ государственные займы,—облигаціи «Займа Свободы» объявили кредитными билетами, чѣмъ неожиданно подарили растерявшейся, оторопѣвшей русской буржуазіи больше двухъ милліардовъ рублей.

Въ результатѣ двойного саботажа подписка на заемъ шла медленно, безъ всякаго оживленія и подъема.

А деньги нужны были сейчасъ же, безъ всякаго промедленія. И новая власть, подъ давленіемъ тяжелой безысходной необходимости, принуждена была обратиться къ роковому печатному станку.

За восемь мѣсяцевъ управленія страной Временное Правительство выпустило бумажныхъ денегъ всѣхъ родовъ и видовъ въ общемъ на сумму почти въ 7 милліардовъ рублей.

По послѣднему отчету Государственнаго банка на 23 октября 1918 года, въ странѣ обращалось бумажныхъ денегъ уже на сумму 18.917 милліоновъ рублей.

Въ результатѣ чрезвычайнаго выпуска бумажныхъ денегъ значительно понизился курсъ рубля на внутреннемъ и внѣшнемъ рынкахъ, вздорожали всѣ товары. Всякій дальнѣйшій выпускъ бумажныхъ денегъ—прямая угроза катастрофой всей промышленной экономической жизни страны, угроза полнаго крушенія всѣхъ устоевъ русской революціи. Наступилъ моментъ жертвенности, героическихъ усилій всего живого, творческаго, центростремительнаго.

V.

Совершился октябрьскій переворотъ, пришла новая власть съ многообѣщающими, широковѣщательными, соблазнительными лозунгами. Съ первыхъ же шаговъ ей потребовались сказочныя по размѣрамъ денежныя суммы. Гдѣ и какъ ихъ взять?

Чтобы хоть сколько-нибудь смягчить катастрофиче-

скую гипертрофію нашего бумажно-денежнаго обращенія—диктовалось съ непреложной ясностью опредѣленное направленіе русской финансовой политики: сократить до возможнаго минимума дальнѣйшій выпускъ кредитныхъ билетовъ, мобилизовать всѣ силы страны къ постепенному изъятію изъ обращенія бумажныхъ денежныхъ знаковъ.

Большевистская же власть, вольно и невольно, «разсудку вопреки» приняла прямо обратный, до очевидности гибельный для нея самой, для всей страны и революціи, курсъ. Свою, отнынѣ незабвенную въ исторіи, финансовую соціалистическую политику большевики начали въ того, что объявили Россію полнымъ банкротомъ.

Государственная задолженность наша, дѣйствительно достигла небывалыхъ, колоссальныхъ размѣровъ — 64 милліардовъ рублей, изъ которыхъ 16 милліардовъ составляютъ долги внѣшніе, 48 милліардовъ—прямыя и косвенныя внутреннія долговыя обязательства. Только процентовъ по этимъ долговымъ обязательствамъ надо платить не меньше $3^1/_2$ милліардовъ рублей въ годъ, что равняется всему нашему довоенному годовому государственному бюджету.

Раздѣлаться съ такой чудовищной задолженностью обычными, доселѣ практиковавшимися пріемами и путями представляется совершенно невозможнымъ и физически невыполнимымъ. Явно назрѣвала необходимость какого-то международнаго соглашенія о погашеніи взаимныхъ долговыхъ обязательствъ, тѣмъ болѣе, что въ связи съ міровой военной катастрофой страшно выросла задолженность не только государствъ, непосредственно втянутыхъ въ военный водоворотъ, но даже странъ нейтральныхъ.

Большевики поступили иначе, по-своему, по методу карахановскому. Не долго думая и почти «не обсуждая», Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ 1 января 1918 года принялъ декретъ, объявляющій всѣ государственные долги Россіи, сдѣланные до большевистскаго переворота, недѣйствительными, подлежащими уничтоженію, аннулированію.

Революціоннѣе, рѣшительнѣе такого акта довольно трудно что нибудь придумать даже для большевистской власти. Казалось—на другой же день поднимется цѣлая буря въ буржуазномъ мірѣ всего свѣта, сейчасъ же цѣна на русскія цѣнныя бумаги скатится внизъ до нуля.

Ничуть не бывало! Даже русская буржуазія чрезвычайно слабо реагировала на собственное, казалось, ограбленіе. А въ послѣднее время, въ связи съ нѣмецкимъ наступленіемъ, на нелегальной биржѣ отмѣченъ былъ нѣкоторый ажіотажъ съ русскими дивидендными бумагами. За границей русскія бумаги принизились въ цѣнѣ очень незначительно, иностранныя правительства по-прежнему безъ колебаній оплачиваютъ купоны нашихъ бумагъ. Въ чемъ это? Да просто въ безсмысленности большевистскаго декрета, въ его лёгкомысліи, граничащемъ съ государственнымъ преступленіемъ, въ «безвластьѣ большевистской власти». Никто не вѣритъ въ прочность и долговѣчность большевистскаго владычества въ Россіи, а, стало быть, въ серьезность опубликованнаго декрета объ одностороннемъ аннулированіи внѣшнихъ и внутреннихъ займовъ. Для всего міра декретъ большевиковъ, добровольно обезоруживших Россію и отдавшихъ ее на потокъ и разграбленіе хищнаго имперіализма, просто показался смѣхотворнымъ. Имперіализмъ всѣхъ странъ располагаетъ достаточнымъ количествомъ дѣйствительныхъ средствъ, чтобы взыскать не съ большевиковъ, а съ несчастной «соціалистической» Россіи по своимъ векселямъ съ лихвою.

Если же суждено большевикамъ долго продержаться у власти, то, несомнѣнно, они сами же, волей-неволею тѣмъ или инымъ путемъ сведутъ на нѣтъ всю силу своего декрета. Вѣдь такъ и начинаетъ происходить. Совѣтская власть облигаціи «Займа Свободы» объявила кредитными билетами. Фонды большевиковъ въ глазахъ буржуазіи поднялись. По Брестскому договору всѣ нѣмецкіе подданные возстанавливаются во всѣхъ своихъ правахъ и преимуществахъ. Вотъ уже значительная доля аннулированныхъ внутреннихъ и внѣшнихъ займовъ вновь воскресаетъ. Испуганной большевистскими окриками, наиболѣе трусливой части буржуазіи никто не мѣшаетъ, пока не поздно, цѣнныя государственныя бумаги перепродать по сходнымъ цѣнамъ своимъ многочисленнымъ, теперь ликующимъ, друзьямъ изъ Берлина. Число воскресшихъ финансовыхъ мертвецовъ растетъ и теперь не по днямъ, а по часамъ. Изъ Лондона тоже доносится грозный окрикъ, призывающій истерзанную Россію къ исполненію своихъ обязательствъ

по отношенію къ британскому народу. Англичане на вѣтеръ словъ не бросаютъ. Есть ли у большевиковъ та революціонная сила, которая въ состояніи поддержать дѣйствительность ихъ декрета объ аннулированіи долговыхъ государственныхъ обязательствъ? Нѣтъ. Ну, и придется вспомнить народное присловье: заемныя денежки зубасты...

Такимъ образомъ, аннулированье большевиками займовъ оказалось холостымъ выстрѣломъ въ воздухъ. И вся ихъ декретно-словесная шумиха кончилась тяжкими для страны и революціи—послѣдствіями: 1) дальнѣйшимъ пониженіемъ курса рубля на внѣшнемъ и, особенно, на внутреннемъ рынкахъ; 2) закрытіемъ какого бы то ни было кредита и внѣ, и внутри страны. Значитъ, одна изъ техническихъ возможностей для финансовой политики по урегулированію бумажно-денежнаго обращенія для большевистской власти отметается безповоротно.

VI.

Для соціалистической совѣтской власти естественнымъ и, пожалуй, единственнымъ источникомъ государственныхъ доходовъ должны быть прямые налоги, отчасти—различныя государственныя имущества и предпріятія.

О первомъ финансовомъ источникѣ большевики совсѣмъ забыли. Среди безконечнаго числа всевозможныхъ звонкихъ декретовъ нѣтъ ни одного, который, хотя бы косвенно, указывалъ, что тамъ, въ нѣдрахъ большевистской финансовой мысли, начинается разработка плана системы прямого податного обложенія. Старые податные законы, правда, не отмѣнены, но ихъ всѣ какъ-то невольно похоронили, и никто никакихъ налоговъ не платитъ и платить не собирается. Правда, время отъ времени, спорадически, въ мѣстныхъ рамкахъ, большевистскія власти облагаютъ буржуазію то штрафами, то экстренными налогами; матросско-красногвардейскіе отряды по многимъ градамъ и весямъ Россійской Федеративной Совѣтской республики облагаютъ «буржуевъ» контрибуціей, иногда настолько чувствительной, что «буржуи» предпочитаютъ сидѣть въ тюремномъ бестѣ! Казнѣ отъ такихъ финансовыхъ красногвардейскихъ налетовъ ни тепло, ни холодно. Уязвляются отдѣльные представители или группы капиталистовъ, но

буржуазія, какъ соціальная группировка, какъ классъ въ цѣломъ, въ конечномъ итогѣ отъ дѣйствія налоговаго пресса до сихъ поръ освобождается и отъ большевистскаго угнетенія уклоняется. Съ одними красногвардейскими отрядами, хотя бы и до зубовъ вооруженными, большевикамъ дѣйствительной налоговой системы не создать и въ жизнь не провести.

Еще хуже обстоитъ дѣло съ государственными имуществами и предпріятіями. Вмѣсто доходовъ, въ рукахъ большевиковъ они приносятъ огромнѣйшіе убытки. Примѣромъ могутъ послужить такія доходныя предпріятія, какъ желѣзныя дороги. Спеціалисты съ безстрастными цифрами въ рукахъ доказываютъ, что если въ желѣзнодорожномъ мірѣ ничего не измѣнится къ лучшему, то тамъ 1918 годъ сулитъ принести казнѣ дефицитъ не менѣе 8 милліардовъ рублей. Чтобы только свести концы съ концами, желѣзныя дороги должны въ двадцать разъ повысить всѣ тарифныя ставки. А это—равносильно полному прекращенію товарнаго и пассажирскаго движенія.

VII.

Попробовали большевики использовать еще одинъ источникъ денежныхъ рессурсовъ—захватить въ свои руки всѣ частные банки и банкирскія конторы, но и здѣсь сорвалось.

Идею «національизаціи банковъ» большевики еще задолго до октябрьскаго переворота сдѣлали однимъ изъ крупнѣйшихъ козырей своей агитаціи и пропаганды въ массахъ. И, очутившись у власти, они въ первую очередь поспѣшили осуществить эту идею. Однако, и содержаніе декрета о націонализаціи банковъ, и самое введеніе контроля надъ банками, напоминающее простой красногвардейскій налетъ, отчетливо говорятъ, что большевики въ первую голову искали здѣсь для казны денежныхъ запасовъ, а самая націонализація была для нихъ дѣломъ второстепеннымъ.

Никто изъ русскихъ соціалистовъ не отрицалъ, что банковское дѣло давнымъ давно должно быть взято подъ общественно-государственный контроль. Банки своей дѣятельностью наложили своеобразную печать на всю послѣд-

нюю стадію капитализма, выдвигая финансовый капиталъ на первое мѣсто въ организаціи крупной промышленности и торговли, синдицируя механически производство, придавая ему сугубо паразитарный характеръ.

Финансируя промышленность и торговлю, пуская въ ходъ подкупъ, заводя «газеты-рептиліи»—банки собирали золотую дань съ трудящихся, сами почти ничего не дѣлая по упорядоченію народнаго хозяйства и по организаціи развитія производительныхъ силъ. Банки, если обстоятельства тому благопріятны, сплошь и рядомъ могутъ предпочитать сложнымъ организаціоннымъ заданіямъ—грубѣйшую, поверхностную эсплуатацію, живя паразитами на народно-хозяйственномъ организмѣ.

Особенно ярко развернулись отрицательныя стороны частной банковской «инициативы» за время войны. Банки монополизировали сахарное, хлѣбное дѣло, регулировали по своему усмотрѣнію ввозъ и вывозъ товаровъ; за банкирскими конторами свила себѣ гнѣздо та злостная спекуляція, которая въ значительной степени повинна въ бѣшеномъ ростѣ цѣнъ на всѣ товары.

Поэтому обузданіе «инициативы» частныхъ банковъ, націонализація ихъ, контроль надъ ними черезъ единый финансовый центръ—государственный національный банкъ—очередная задача не только соціалистической, но и всякой демократической финансовой политики.

Задача государственнаго контроля надъ частными кредитными учрежденіями состоитъ въ томъ, чтобы прежде всего устранить ихъ отъ непосредственной торговой дѣятельности, упорядочить финансированіе торговли и промышленности, разъ навсегда прекратить биржевую игру и спекуляцію, заставить банки служить не хищническимъ, паразитарнымъ, узко-классовымъ интересамъ буржуазной аристократіи, а цѣлямъ дѣйствительнаго развитія производительныхъ силъ страны, интересамъ всего народнаго хозяйства, интересамъ всей страны, всего населенія.

Самая сложность и важность общественно-экономической задачи, возлагаемой по организаціи контроля надъ банками, повелительно диктовала осторожный, осмотрительный подходъ къ дѣлу, всестороннюю, вдумчивую предварительную разработку его, умѣлое проведеніе въ

жизнь; и прежде всего необходимо было создать соотвѣтствующій своему назначенію государственный аппаратъ; иначе контроль надъ банками—новое общественное бѣдствіе, новое испытаніе рабочему классу.

Что сдѣлали большевики? Они осуществили контроль надъ банками въ грубой, дикой формѣ красногвардейскаго налета. Они всѣ входы и выходы банковскихъ помѣщеній заняли вооруженными матросами, ввели внутрь невѣжественныхъ комиссаровъ, и сразу парализовали тонкій, сложный, чрезвычайно деликатный финансовый аппаратъ, сразу обезкровили всю промышленную дѣятельность въ странѣ.

Банковскіе тузы сравнительно спокойно, безъ всякой паники встрѣтили большевистскій финансовый экспериментъ, а многіе даже облегченно вздохнули.

Дѣло въ томъ, что финансированіе промышленности и торговли за послѣднее время стало дѣломъ чрезвычайно труднымъ. Предстояла демобилизація промышленности, переходъ ея къ формамъ мирнаго времени, между тѣмъ, денежный кризисъ въ странѣ изо дня въ день обострялся; отошли для банковскихъ дѣятелей «золотые денечки» сказочной наживы; рабочій классъ, сильный политически, грозно напоминалъ банкирамъ объ ихъ обязанностяхъ передъ страной и революціей. Спрятаться въ борьбѣ съ трудящимся за спину государственной власти стало уже невозможнымъ, поле спекулятивной работы все больше суживалось уже по тому одному, что всѣ финансовыя операціи, въ силу рыночной денежной коньюнктуры, приходилось вести почти цѣликомъ черезъ Государственный банкъ.

Выручили большевики. Безсмысленнымъ, дикимъ, легкомысленымъ по существу и лишь вызывающимъ по формѣ захватомъ банковъ большевики сняли съ буржуазіи тяжелую обузу, освободили отъ огромной государственной обязанности. Сама «Правда» созналась, что съ захватомъ банковъ дѣло, дѣйствительно, сорвалось.

«Никакихъ наличныхъ денегъ мы не получили. А получили мы обязательство расплачиваться съ сотнями тысячъ рабочихъ. Слѣдовательно, отъ занятія банковъ получился для насъ колоссальный расходъ».

Зачѣмъ же было огородъ городить, обманывать рабо-

чихъ, демагогически пускать имъ социалистическую пыль въ глаза?

Фактически подписаніемъ мирнаго договора большевики отказались даже отъ этой «социалистической пыли». По мирному договору нѣмецкіе подданные возстанавливаются во всѣхъ своихъ правахъ и преимуществахъ. Нѣмецкимъ империалистамъ ничто не мѣшаетъ въ Россійской Совѣтской Федеративной Республикѣ открывать свои банки и банкирскія конторы, которые будутъ финансировать русскую промышленность и торговлю и, стало быть, и управлять ей. Въ несгораемые шкафы нѣмецкихъ банкировъ будутъ стекаться всѣ русскія мелкія и крупныя цѣнности.

Да что помѣшаетъ любому россійскому банковскому тузу обзавестись за приличную плату въ качествѣ фирмы своимъ человѣчкомъ изъ Берлина; а это вполнѣ достаточно, чтобы изъять свое предпріятіе изъ сферы вліянія не въ мѣру ретивой большевистской матросско-красногвардейской власти.

Въ лучшемъ случаѣ нѣмецкій капиталъ, который въ изобиліи запасся доброкачественными русскими кредитными билетами, скупитъ болѣе или менѣе значительную часть русскихъ банковскихъ акцій и по большевистскому мирному договору потребуетъ съ Россійской Совѣтской Федеративной Республики выкупа. Кто будетъ расплачиваться? Конечно, тѣ рабочіе и крестьяне, именемъ которыхъ большевики кощунственно творятъ свое черное дѣло. Въ послѣднее время когда будто и сами вожди большевизма начинаютъ въ области банковской политики бить отбой; усиленно говорятъ о возможности денаціонализаціи банковъ, смягченія большевистскаго банковскаго режима.

Недаромъ дѣловая буржуазія за послѣднее время начинаетъ въ политикѣ придерживаться курса большевистско-нѣмецкой оріентаціи.

VIII.

Итакъ, съ банками сорвалось. Въ результатѣ большевистской націонализаціи получилось лишь полное разстройство финансоваго аппарата, анархическая дезорганизація промышленности и торговли, интенсивный ростъ безработицы со всѣми ея грядущими ужасами.

Пути внутреннихъ и внѣшнихъ займовъ для большевиковъ закрыты, налоговъ никто не платитъ, государственныя предпріятія и имущества приносятъ огромнѣйшіе убытки, банковская красногвардейская операція дала лишь непріятное «обязательство расплачиваться съ сотнями тысячъ рабочихъ».

Откуда же большевистская власть беретъ колоссальныя денежныя суммы, которыя расходуетъ безъ мѣры и счета? «И новое народное правительство продолжаетъ печатать бумажки», сознаются офиціальныя «Извѣстія». Какъ это скромно сказано! Нѣтъ, ужъ говорить, такъ все выговаривать. Роковой печатный станокъ—вотъ единственный источникъ доходовъ большевистской власти. Печатаніе цвѣтныхъ бумажекъ всѣхъ родовъ и видовъ, именуемыхъ кредитными билетами,—единственная область, гдѣ большевики за короткій сравнительно срокъ сумѣли создать небывалый подъемъ производительности. Печатаются главнымъ образомъ бумажки самаго упрощеннаго образца, безъ раздѣленія на серіи, безъ нумераціи, съ примитивнымъ, легко поддающимся поддѣлкѣ, рисункомъ, которыя лишь по недоразумѣнію называются не «ленинками», а «керенками». Печатаются кредитки не только въ государственныхъ, но и въ частныхъ типографіяхъ, печатаются въ Петроградѣ, скоро будутъ печататься въ Пензѣ. На какую фантастичекую сумму напечатано денегъ «ленинокъ», —вѣроятно, не знаетъ и самъ Ленинъ.

Но даже наличныхъ типографскихъ силъ не хватаетъ, чтобы удовлетворить денежную нужду Совѣтской власти. Волею большевиковъ обращены въ размѣнные денежные знаки: неоплаченные купоны государственныхъ займовъ, облигаціи займа свободы безъ купоновъ, серіи и кратковременныя срочныя обязательства государственнаго казначейства.

Непроницаемой тайной большевики окружили производство денегъ. Со времени октябрьскаго переворота Россія не имѣетъ абсолютно никакихъ офиціальныхъ данныхъ, сколько бумажныхъ денегъ выпущено въ обращеніе, сколько ихъ выпускается теперь, сколько будетъ и впредь выпускаться.

По послѣднему опубликованному отчету государствен-

наго банка на 23 октября 1917 года было выпущено въ обращеніе кредитныхъ билетовъ на сумму въ 18.917 милліоновъ рублей. Судя по размаху финансовыхъ операцій большевистской власти, въ настоящее время (1 апрѣля 1918 г. по н. с.) наше бумажно-денежное обращеніе доведено по меньшей мѣрѣ до суммы въ 35 милліардовъ рублей. Такая цифра называется почти единодушно всей печатью и рядомъ спеціалистовъ финансоваго дѣла. Между тѣмъ, для нормальнаго торговаго оборота требуется денежныхъ знаковъ не болѣе, какъ на 2,5 милліарда рублей.

Золотой государственный запасъ теперь немногимъ превышаетъ милліардъ рублей. Слѣдовательно, на покрытіе одного бумажнаго рубля имѣется въ самомъ лучшемъ случаѣ не болѣе 3 копеекъ золотыхъ.

Приведенныя цыфры лучше всякихъ разсужденій свидѣтельствуютъ, до какого ужаснаго, кошмарнаго состоянія большевики довели народную казну. Есть надъ чѣмъ призадуматься даже не искушенному, мирному обывателю.

Каковы же тѣ экономическія послѣдствія, которыя необходимо слѣдуютъ отъ чрезмѣрнаго выпуска бумажныхъ денегъ даже въ «соціалистическомъ отечествѣ»?

Прежде всего, изобиліе бумажныхъ денегъ катастрофически понизило ихъ рыночную цѣну, почти совершенно обезцѣнило ихъ, лишило ихъ покупательной силы. Причемъ обезцѣненіе нашего рубля далеко не одинаково на русскомъ и заграничномъ рынкахъ.

Какъ это ни странно, руководящіе заграничные рынки разцѣниваютъ русскій рубль значительно выше, чѣмъ цѣнится онъ у себя на родинѣ, въ предѣлахъ Совѣтской Федеративной Республики.

Оставимъ въ сторонѣ такія государства, какъ Швейцарія и Персія, гдѣ цѣна нашему рублю 2—5 копеекъ. Тонъ попрежнему задаетъ лондонская биржа. Тамъ въ апрѣлѣ прошлаго года русскій рубль цѣнился въ 73 коп., въ августѣ — 58 копеекъ, въ апрѣлѣ текущаго года—въ 25 коп., а нѣмцы въ настоящее время платятъ за нашъ бумажный рубль отъ 50 до 62 коп.

Въ чемъ дѣло? Почему нѣмцы и англичане питаютъ особенную любовь къ русскимъ деньгамъ? Почему граждане Совѣтской Федеративной Республики недовѣрчиво,

подозрительно относятся къ денежнымъ знакамъ большевистской власти, почти не цѣнятъ ихъ, пресловутыя «ленинки» совсѣмъ отказываются брать, а нѣмцы, англичане берутъ охотно, и даже по сравнительно высокой цѣнѣ. Вѣдь нѣмцы, напримѣръ, рискуютъ тѣмъ, что не одинъ милліардъ русскихъ бумажныхъ рублей къ нимъ перекочуетъ!

Нельзя, конечно, такое явленіе объяснить «доброжелательствомъ», «высокимъ идеализмомъ» бывшихъ нащихъ союзниковъ съ одной стороны и великодушіемъ нѣмца-побѣдителя, съ другой. Причина гораздо проще и прозаичнѣе. Послѣ Брестской мирной эпопеи, Россія, волею большевистской власти, открыто превратилась изъ субъекта въ «объекта» международной политики. Она, обезоруженная, обезкровленная, обезсиленная, истерзанная внутренней гражданской войной, отдана большевиками на потокъ и разграбленіе международнаго имперіализма съ германскимъ наиболѣе воинствующимъ, имперіализмомъ въ авангардѣ. Въ то время, когда грохочутъ пушки на поляхъ сраженій, рѣкою льется человѣческая кровь, несутся неумолчно стоны сотенъ тысячъ раненыхъ и умирающихъ, финансовые дѣльцы заканчиваютъ выработку плана безпримѣрнаго въ исторіи имперіалистическаго завоеванія поверженной въ прахъ, униженной, оплеванной, отсталой, полудикой Россіи. На картѣ Россіи, несомнѣнно, уже точно размѣчено, гдѣ пройдутъ новыя желѣзныя дороги, откуда будутъ вывозиться каменный уголь, желѣзо, мѣдь, платина, золото, хлѣбъ, сахаръ, лѣсъ, нефть, кожа и т. п. И финансовые тузы международнаго имперіализма, нисколько не сомнѣваясь въ осуществимости своихъ плановъ, охотно скупаютъ русскія деньги, чѣмъ и можно только объяснить сравнительно высокій курсъ русскаго рубля на заграничномъ рынкѣ. Здѣсь по винѣ большевистской власти уже готовится мертвая петля для русскаго рабочаго класса.

На внутреннемъ же рынкѣ цѣна бумажныхъ денегъ падаетъ съ катастрофической интенсивностью, доходитъ чуть не до стоимости той краски, той бумаги, изъ которыхъ штампуются кредитные билеты.

Во многихъ мѣстахъ «ленинокъ» отказываются принимать. Уже давнымъ давно ихъ не берутъ на Украинѣ,

въ Финляндіи, на Дону и Кавказѣ, съ большимъ недовѣріемъ относится къ такимъ бумажкамъ деревня и за последнее время упорно отказывается что-либо на нихъ обмѣнивать.

Недалекъ тотъ моментъ, когда большевистская власть безсильна будетъ снабжать хлѣбомъ города и голодающія губерніи. Мужикъ трудомъ добываетъ хлѣбъ. Хлѣбъ имѣетъ производственную и высокую потребительную цѣнность. А продовольственная управа предлагаетъ ему за это ничего-нестоющія «ленинки», на которыя не купишь и гвоздя заржавленнаго. И мужикъ имѣетъ свои резоны, когда съ вилами и дрекольями выходитъ противъ красногвардейскихъ штыковъ въ защиту собственнаго трудового хлѣба.

Ни диктатура Троцкаго, ни штыки, ни пушки, ни пулеметы красногвардейскіе дѣлу не помогутъ. Надо съ корнемъ вырвать самую причину ужаснаго настоящаго и грядущаго бѣдствія.

Изобиліемъ бумажныхъ денегъ, ихъ почти полнымъ обезцѣненіемъ, парализованъ внутренній товарообмѣнъ. При такомъ состояніи денежнаго рынка нельзя дѣлать никакихъ разсчетовъ, строить планы. А потому немыслима творческая работа въ области промышленной, немыслимо возрожденіе и ростъ производительныхъ силъ. Наоборотъ, если это будетъ обстоять такъ же и дальше, неминуемо рушится и все то, что еще чудомъ сохранилось, что продолжаетъ кое-какъ жить, работать.

Гдѣ же выходъ, гдѣ спасеніе? Да и есть-ли это спасеніе для измученной, истерзанной Россіи? Выходы изъ финансоваго тупика, съ такимъ усердіемъ созданнаго большевиками, конечно, окончательно и безповоротно еще не закрыты. Финансисты-теоретики и практики сейчасъ же предложатъ рядъ мѣропріятій, которыми можно смягчить остроту гипертрофіи бумажно-денежнаго обращенія, вывести наши государственные финансы на путь постепеннаго оздоровленія. Но... развѣ здоровая финансовая политика по плечу политическимъ налетчикамъ? Какова власть, таковы и финансы. Недаромъ народъ молвитъ, что «рыба начинаетъ тухнуть съ головы». Вырожденіе власти есть грозный предвѣстникъ общаго вырожденія Россіи...

Прежде всего, надо перестроить самую власть. Во главѣ страны на мѣсто фактически уже разложившейся, безвластной большевистской власти должна стать новая власть, авторитетная, сильная не штыками и пулеметами, а признаніемъ и неограниченнымъ довѣріемъ всей страны, всего населенія. Только такая власть и оздоровитъ финансы Россіи. Требовать этого отъ большевиковъ—это значитъ ждать «отъ каменнаго попа—желѣзной просфоры».

Д. Ф. Раковъ.

Большевизмъ и кооперація.

Въ прилагаемомъ здѣсь очеркѣ мы не будемъ останавливаться на потеряхъ, понесенныхъ русской кооперацiей отъ гражданской войны, факелъ которой былъ такъ безразсудно брошенъ большевиками въ народныя массы. Это общее бѣдствіе достаточно будетъ освѣщено въ другихъ статьяхъ сборника, и скорбный листъ погибшихъ кооператоровъ и разоренныхъ кооперативныхъ учрежденій не прибавитъ къ общей критикѣ народныхъ бѣдствій въ этомъ отношеніи ни одной новой типичной черты.

Но въ отношеніяхъ между большевизмомъ и кооперацiей имѣются другія стороны, тѣсно связанныя съ кооперативной дѣйствительностью и чрезвычайно характерныя для полосы переживаемаго нами безумія. Это именно всѣ тѣ эксперименты «соціальнаго» строительства, которые являлись угрозой уничтожить кооперацію, какъ широкое народное движеніе. Вотъ на этихъ-то сторонахъ дѣятельности большевистскаго правительства мы и считаемъ необходимымъ почти исключительно сосредоточить вниманіе читателя въ настоящемъ очеркѣ.

Изъ опытовъ «соціальнаго творчества» совѣтской власти, непосредственно касающихся кооперации, рѣшающее значеніе для нее должны имѣть націонализація банковъ и проектируемый декретъ о потребительныхъ коммунахъ. Правда, декретъ о національизаціи банковъ былъ отмѣненъ по отношенію къ главному всероссійскому кооперативному банку—Московскому Народному Банку,—но тѣмъ не менѣе многочисленныя телеграммы съ разныхъ пунктовъ Россійской Республики свидѣтельствуютъ о томъ, что для представителей провинціальной совѣтской власти вообще законъ не писанъ, и кооперативные кредитные союзы, а

мѣстами и первичныя кредитныя ячейки подвергаются всякаго рода насиліямъ, при которыхъ никакая планомѣрная работа немыслима.

Мы хорошо понимаемъ, что вопросъ о національизаціи банковъ—одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, которые должны быть поставлены жизнью, но эта коренная реформа въ области кредита, играющаго такую огромную роль въ народно-хозяйственной жизни настоящаго времени, должна быть проведена съ большою обдуманностью и послѣ серьезной и сложной предварительной подготовки для того, чтобы не разбить весь сложный и хрупкій аппаратъ банковскаго дѣла.

А этой-то осторожности, подготовленности и осмотрительности въ дѣйствіяхъ совѣтской власти въ данномъ случаѣ какъ разъ и не имѣется. Сущность національизаціи банковъ заключается въ превращеніи всѣхъ банковъ изъ самостоятельныхъ кредитныхъ аппаратовъ въ отдѣленія государственнаго банка, управляемыя по одному общему плану изъ одного общаго центра черезъ посредство соотвѣтствующей бюрократіи. Само собой разумѣется, что такая огромная единая кредитная организація можетъ дѣйствовать только при одномъ условіи: если она обезпечена въ совершенно достаточной мѣрѣ денежными знаками, и если ея организаціонная машина хорошо налажена до послѣдняго винтика. Конечно, ожидать этого отъ нашей расхлябанной, растасканной, расхищенной государственной машины нельзя. И вотъ съ самаго начала она начинаетъ шататься, скрипѣть, работать съ тяжкими перебоями. Уже въ январѣ московская контора Государственнаго банка два раза (одинъ разъ на неопредѣленное время) закрывала свои двери и прекращала свои функціи за недостаткомъ денежныхъ знаковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ замирала и вся экономическая жизнь страны.

Отъ всѣхъ этихъ экспериментовъ, само собой разумѣется, больше всего страдала кооперація. Не надо забывать, что именно кооперативныя организаціи въ этотъ періодъ общей разрухи не только сохранили, но и безпрерывно стремились развить свою торговую и промышленную дѣятельность. Въ то самое время, когда частный промышленный и торговый капиталы спѣшили уйти съ арены

экономическаго дѣйствія, кооперативы, и особенно ихъ союзы, открывали тысячами новыя торговыя и сотнями— фабрично-заводскія предпріятія. Во многихъ случаяхъ единственная надежда на полученіе въ ближайшее время самыхъ необходимыхъ товаровъ для трудового народа была самымъ тѣснымъ образомъ связана съ дѣятельностью кооперацiи. Достаточно указать на огромное количество фабрично-заводскихъ предпріятій, открытыхъ въ 1917 г. союзами потребительныхъ обществъ и кредитныхъ объединеній, чтобы понять ту колоссальную работу, которую русской кооперации предстояло выполнить за текущую зиму и предстоящую весну. По весьма неполной анкетѣ Центросоюза, къ началу 1918 года было зарегистрировано болѣе 450 кооперативныхъ производствъ (мельницъ, пекаренъ, кузницъ, мыловаренныхъ заводовъ, производствъ обуви, кожевенныхъ заводовъ, заводовъ сельско-хозяйственныхъ машинъ и т. д.). Достаточно перечислить далѣе хотя бы тѣ операціи, которыя должны были пріостановиться въ концѣ 1917 года при попыткѣ большевистской власти захватить Московскій Народный Банкъ. Именно, въ этотъ самый моментъ Московскимъ Народнымъ Банкомъ производились операціи по заготовкѣ сѣменного овса для всей сѣверной половины Россіи въ количествѣ болѣе 7 милліоновъ пудовъ; именно, въ этотъ самый моментъ производилась работа по закупкѣ клеверныхъ сѣмянъ, а также сѣмянъ ячменя, ржи и др. злаковъ,—все также въ огромномъ масштабѣ; именно, въ эту зиму Московскій Народный Банкъ долженъ былъ провести большой и сложный планъ по снабженію населенія минеральными удобреніями и по закупкѣ листового и сортоваго желѣза; именно, въ эту зиму Московскій Народный Банкъ долженъ былъ сосредоточить свои силы на пріобрѣтеніи огромнаго количества уборочныхъ машинъ, которымъ предстояло сыграть въ нынѣшній сельско-хозяйственный періодъ огромную роль въ виду обѣдненія населенія лошадьми и волами (однѣхъ жатокъ было закуплено Московскимъ Народнымъ Банкомъ до 50 тысячъ). Наконецъ, ударъ по Народному Банку отражался самымъ чувствительнымъ образомъ и на кооперативномъ сбытѣ льна и на оборотахъ Важскихъ смолокуренныхъ артелей и на многихъ другихъ кооперативныхъ организа-

ціяхъ, тѣсно связавшихъ свою экономическую судьбу съ судьбою Московскаго Народнаго Банка. Такимъ образомъ, мы видимъ, что дѣятельность Московскаго Народнаго Банка дѣйствительно ведется съ начала до конца въ интересахъ широкихъ массъ трудового народа и имѣетъ въ виду самыя злободневныя и абсолютно неотложныя его судьбы.

Но то, что дѣлается Московскимъ Народнымъ Банкомъ въ огромномъ всероссійскомъ масштабѣ, кредитными союзами и первичными кредитными ячейками выполняется только въ меньшихъ районныхъ и мѣстныхъ размѣрахъ. Всѣ они несутъ на своихъ плечахъ тяжкую по нынѣшнему времени работу по снабженію населенія потребительными товарами и средствами производства. Не надо забывать, что молодая русская кооперація, выросшая съ необычайной быстротою послѣ перваго революціоннаго періода 1905 года и особенно развернувшаяся за время войны и послѣдней революціи, чрезвычайно бѣдна своими собственными капиталами, которыхъ она не имѣла ни времени, ни возможности накопить. При такихъ условіяхъ правильно поставленный кооперативный кредитъ является главнымъ фундаментомъ всей торговой и производительной дѣятельности коопераціи. Нигдѣ нѣтъ такихъ неблагопріятныхъ отношеній между собственнымъ и оборотнымъ капиталами, какъ въ нашихъ кооперативныхъ предпріятіяхъ. Только осторожная и вдумчивая экономическая программа, только подборъ въ общей массѣ честныхъ и идейныхъ тружениковъ, только широкая гласность, которая составляетъ самую сущность кооперативнаго дѣйства, только крайняя народная нужда въ цѣломъ рядѣ товаровъ, которымъ организованное трудовое населеніе обезпечиваетъ вѣрный рынокъ, только эти обстоятельства и открываютъ довѣріе частныхъ мелкихъ капиталистовъ и позволяютъ коопераціи черезъ посредство своего центральнаго всероссійскаго кооперативнаго банка (Московскаго Народнаго Банка) входить въ постоянныя и тѣсныя сношенія съ общимъ денежнымъ рынкомъ, не теряя своей кооперативной сущности. Вотъ почему всякая власть, не исключая и большевистской, должна была бы не только остановиться передъ захватомъ Московскаго Народнаго Банка (отъ чего позд-

нѣе она и сама была вынуждена отказаться), но и прежде, чѣмъ приступить къ націонализаціи банковъ, должна была выработать планъ, по которому функціи частныхъ банковъ, кредитовавшихъ частью своихъ средствъ кооперативныя организаціи, были бы своевременно приняты Государственнымъ банкомъ и его отдѣленіями. Но ничего подобнаго сдѣлано не было. Какъ истинные дурни народной сказки, большевики однимъ взмахомъ ножа зарѣзали курицу, несшую золотыя яйца, и, совершенно естественно, внутри ея не нашли ничего такого, что могло бы ихъ утѣшить. Они не нашли въ реквизированныхъ банкахъ даже сколько-нибудь достаточнаго количества денежныхъ знаковъ, такъ какъ активъ банковъ естественно слагается изъ долговыхъ обязательствъ разныхъ лицъ и предпріятій,—обязательствъ, по которымъ еще надо ухитриться получить соотвѣтствующія суммы,—а пассивъ реквизированныхъ кредитныхъ учрежденій цѣликомъ зависитъ отъ притока вкладовъ, который по мановенію волшебной палочки большевиковъ немедленно прекратился. Не получивъ необходимаго количества денежныхъ знаковъ, на что большевистская власть съ такимъ легкомысліемъ разсчитывала отъ націонализаціи банковъ, она, тѣмъ не менѣе, разстроила весь кредитный оборотъ въ то самое время, когда по всѣмъ закупкамъ требовались непремѣнно впередъ и наличными огромныя удесятиренныя суммы. Сложность этого положенія отягчалась еще больше мудрымъ постановленіемъ большевистскаго правительства, чтобы по текущимъ счетамъ никому не выдавалось въ день болѣе 5000 рублей, т. е. убивалась всякая возможность сколько нибудь крупныхъ закупочныхъ операцій.

Такова картина тѣхъ условій, въ которыя была поставлена торгово-промышленная дѣятельность страны, сохранившаяся главнымъ образомъ въ рукахъ русской кооперации, безразсуднымъ актомъ націонализаціи банковъ, совершенномъ большевистской властью безъ всякаго плана и безъ всякаго знанія дѣла.

Но если бы націонализація банковъ проводилась большевиками даже съ полнымъ знаніемъ того, что они хотѣли сдѣлать, то и въ этомъ случаѣ смѣшеніе въ одну об-

щую кучу кредитныхъ учрежденій всѣхъ видовъ несомнѣнно являлось бы преступною ошибкою со стороны большевистскихъ заправилъ.

Въ самомъ дѣлѣ, только пошлый поверхностный взглядъ, неспособный анализировать сущности явленій, рѣшится брать за однѣ скобки и коммерческое кредитное предпріятіе и кооперативную кредитную организацію только потому, что внѣшніе признаки того и другого оказываются столь совпадающими; большія помѣщенія, многочисленный штатъ служащихъ, несгораемые шкафы со всякими денежными обязательствами, большой денежный оборотъ и т. д. Но какъ глубоко различіе смысла и организацій этихъ двухъ видовъ кредитныхъ учрежденій! Возьмомъ для примѣра тотъ же Московскій Народный Банкъ, который по внѣшнимъ своимъ признакамъ представляется, пожалуй, наиболѣе капиталистическимъ предпріятіемъ изъ всѣхъ кооперативныхъ учрежденій. Начать съ того, что Московскій Народный Банкъ кредитуетъ только кооперативныя учрежденія (за 1917 годъ болѣе, чѣмъ на 400 милліоновъ рублей). Его капиталы состоятъ главнымъ образомъ изъ акцій или паевъ (по 260 руб. каждый), которые составляли сумму къ 1-ому января 1918 года около 10 милліоновъ рублей. Владѣльцами этихъ акцій являются 110 кредитныхъ союзовъ, 56 союзовъ потребительныхъ обществъ, 137 другихъ кооперативныхъ союзовъ, 2039 кредитныхъ и ссудо-сберегательныхъ товариществъ, 1069 потребительныхъ обществъ, 758 другихъ кооперативныхъ организацій,—всего эти 4.449 кооперативныхъ организацій имѣютъ акцій на 9.830.000 рублей, и только около 162.000 рублей (величина, сравнительно, совершенно ничтожная), принадлежатъ 170 частнымъ лицамъ (въ громадномъ большинствѣ извѣстнымъ кооператорамъ—основателямъ банка, въ настоящее же время всякая дальнѣйшая продажа или передача акцій частнымъ лицамъ воспрещена). Такимъ образомъ мы видимъ, что основной финансовый фундаментъ Московскаго Народнаго Банка цѣликомъ находится въ рукахъ кооперативныхъ организацій или ихъ союзовъ, представляющихъ въ свою очередь настоящія экономическія республики, въ которыхъ преобладаетъ принципъ: «Одинъ человѣкъ—одинъ голосъ». И вся судьба Московскаго Народнаго

Банка, размахъ его дѣятельности, направленіе работы, характеръ операцій цѣликомъ зависятъ отъ представителей этихъ экономическихъ республикъ. Мы можемъ поэтому съ увѣренностью сказать, что съ точки зрѣнія своей экономической структуры Московскій Народный Банкъ является учрежденіемъ—и безъ вмѣшательства большевистской или какой либо другой власти,—соціализированнымъ, находящимся въ полномъ распоряженіи у самого трудового народа и служащимъ его непосредственнымъ и кровнымъ интересамъ. Это положеніе мы имѣемъ право выдвигать съ тѣмъ большей настойчивостью, что кооперація является учрежденіемъ открытымъ и свободнымъ для каждаго.

Чтобы устранить возможныя возраженія иного характера мы должны здѣсь показать, что та главнѣйшая функція, которую призванъ исполнять Московскій Народный Банкъ, какъ центральное всероссійское кооперативное учрежденіе,—а именно связывать кооперативный денежный рынокъ съ общимъ денежнымъ рынкомъ,—эта функція нисколько не ставитъ его въ зависимость ни отъ капиталистическихъ, ни отъ государственныхъ воздѣйствій. Въ самомъ дѣлѣ, тотъ небольшой основной капиталъ (акціонерный, складочный капиталъ), который служилъ фундаментомъ всей экономической мощи Московскаго Народнаго Банкъ, какъ центральное всероссійское кооперативное учрегода около 150 милліоновъ рубл. вкладовъ, главнымъ образомъ, отъ частныхъ лицъ, которыя по структурѣ банка не имѣютъ никакого вліянія на его финансовыя операціи. Этотъ огромный приливъ частныхъ вкладовъ (по сравненіи съ небольшимъ складочнымъ капиталомъ), представляетъ собою замѣчательное явленіе и можетъ быть объясненъ только тѣмъ довѣріемъ, которое Московскій Народный Банкъ за короткое время своего существованія (6 лѣтъ) сумѣлъ отвоевать себѣ въ дѣловыхъ кругахъ. И, дѣйствительно, довѣріе это построено не на пескѣ: послѣдній годъ показалъ, что Московскій Народный Банкъ, несмотря на свой скромный складочный капиталъ, переносилъ самыя тяжкія минуты, вызванныя общей экономической разрухой, неизмѣримо легче, чѣмъ частныя коммерческія кредитныя предпріятія, поставленныя на болѣе солидный финансовый фундаментъ—и этимъ своимъ привиллегированнымъ

положеніемъ онъ обязанъ ничему иному, какъ своей кооперативной структурѣ.

Наоборотъ, вся сумма займовъ Народнаго Банка въ частныхъ банкахъ выражается буквально въ ничтожной суммѣ (по сравненію со вкладами),—въ 12 милліоновъ рублей ($^1/_{14}$ всѣхъ средствъ банка!), и всѣ операціи съ ними сводятся лишь къ переучету векселей. Что же касается Государственнаго банка, то сумма обязательствъ по отношенію къ послѣднему почти покрывается государственными бумагами, пріобрѣтенными Народнымъ Банкомъ, какъ для себя, такъ и для другихъ кооперативныхъ учрежденій.

Подводя общій итогъ сказанному, мы должны прежде всего установить, что большевистскій наскокъ на кредитное дѣло въ Россіи отразился, благодаря легкомыслію и неподготовленности совѣтской власти, очень тяжко на работѣ русской кооперацін,—тѣмъ больше, что провинціальные недоросли спеціальнаго большевистскаго «коммунизма» идутъ гораздо дальше и прямолинейнѣе, чѣмъ ихъ пророки и поэты въ Петроградѣ и Москвѣ. Мы видимъ, что даже при разумно поставленной національзаціи банковъ потребовалось бы къ кооперативнымъ кредитнымъ учрежденіямъ иное отношеніе, чѣмъ къ частнымъ капиталистическимъ предпріятіямъ ввиду того, что по самому существу своей структуры кредитные кооперативы и безъ того непосредственно принадлежатъ трудовому народу, а по своимъ функціямъ цѣликомъ служатъ интересамъ того же трудового народа. Но для того, чтобы понять это, нужно видѣть немного дальше и глубже, чѣмъ это доступно правительству большевизма, и быть хоть сколько нибудь серьезно знакомымъ съ кооперативнымъ движеніемъ.

Все, что нами сказано о Народномъ Банкѣ и показано на его организаціи и функціяхъ,—все это въ меньшемъ масштабѣ приложимо къ областнымъ, районнымъ и первичнымъ кредитнымъ кооперативнымъ организаціямъ.

Вотъ тѣ доводы, на основаніи которыхъ мы имѣемъ право и обязанность считать большевистскіе опыты съ націонализаціей банковъ,—опыты, сваливающіе въ одну ку-

чу частно-капиталистическія и кооперативныя организаціи,—не только глубоко ошибочными, но и преступными.

Если такъ дѣло обстоитъ съ вопросомъ о національзаціи банковъ, то еще гибельнѣе для коопераціи совершенно несуразная затѣя г. Шлихтера съ его потребительными коммунами, которыя должны вытѣснить и уничтожить не только всю частную торговлю, но и всѣ кооперативныя потребительскія организаціи.

Въ основныхъ чертахъ этотъ удивительный проектъ о потребительныхъ коммунахъ сводится къ слѣдующему:

„1) Всѣ граждане государства должны принадлежать къ мѣстному потребительскому обществу, объединяющему всѣхъ жителей каждаго населеннаго пункта.

„Примѣчаніе. Установленіе территоріи потребительскаго объединенія предоставляется Мѣстнымъ Совѣтамъ рабочихъ, крестьянскихъ и солдатскихъ депутатовъ, а гдѣ пока таковыхъ нѣтъ—Общимъ Собраніямъ всѣхъ потребителей мѣстнаго пункта, имѣющихъ не менѣе 18 лѣтъ отъ роду и находящихся въ моментъ рѣшенія вопроса въ данномъ населенномъ пунктѣ.

„Кромѣ территоріальной группировки допускается потребительское объединеніе семей по профессіональнымъ, или производотчетнымъ, признакамъ, напр., профессіональныхъ союзовъ или фабрикъ, но съ тѣмъ условіемъ, что каждая семья ходитъ лишь въ одно какое нибудь потребительное общество: или территоріальное или профессіональное.

„2) Существующія потребительскія общества національзируются, обязуясь включить въ свой составъ все населеніе данной мѣстности поголовно. Территорія, подлежащая такому включенію, опредѣляется мѣстными Совѣтами рабочихъ, солдатскихъ и крестьянскихъ депутатовъ".

„3) Каждому потребительному обществу предоставляется автономное право производить закупку и распредѣленіе любыхъ продуктовъ потребленія съ соблюденіемъ слѣдующихъ ограничительныхъ условій (для нашего анализа эти условія не ущественны — потому мы ихъ выпускаемъ).

„Примѣчаніе. Для удешевленія накладныхъ расходовъ по закупкѣ и перевозкѣ продуктовъ потребительныя общества могутъ вступать въ союзныя объединенія, каковыя располагаютъ всѣми правами, предоставляемыми, настоящимъ декретомъ отдѣльнымъ потребительнымъ обществамъ.

„4) Каждый членъ потребительнаго общества можетъ покупать продукты только въ томъ складѣ, къ какому онъ приписанъ мѣстнымъ комитетомъ снабженія.

„5) Кромѣ закупки и распредѣленія продуктовъ каждое потребительное общество вѣдаетъ дѣло сбора мѣстныхъ продуктовъ.

„6) Продукты эти производителями обязательно отдаются въ мѣстный комитетъ снабженія по вольнымъ цѣнамъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда устанавливаются закономъ твердыя цѣны. Деньги, слѣдующія въ уплату за продуктъ, записываются на текущій счетъ собствен-

ника (онъ же членъ мѣстнаго потребительнаго общества) въ мѣстномъ (сельскомъ, городскомъ, фабричномъ и пр.) отдѣленіи народнаго (государственнаго) банка.

. . . .

„8) Учетъ потребностей населенія въ продуктахъ первой необходимости, распредѣленіе ихъ по территоріи страны и осуществленіе всѣхъ, связанныхъ съ этими задачами, организаціонно-административныхъ функцій возлагаются на комитеты снабженія.

. . . .

„10) Средства для закупки продуктовъ и на разные операціонные расходы отпускаются изъ государственной казны въ видѣ безпроцентныхъ возвратныхъ ссудъ.

. . . .

„12) Каждый Совѣтъ рабочихъ, солдатскихъ и крестьянскихъ депутатовъ обязанъ составить группы контролеровъ, ревизоровъ и инструкторовъ для содѣйствія населенію въ устройствѣ потребительныхъ обществъ и для провѣрки ихъ отчетности, а равно всего веденія ими.

Если обратить вниманіе на подчеркнутыя нами мѣста этого удивительнаго по своей безграмотности и невѣжеству проекта декрета, то мы увидимъ, что имъ совершенно уничтожается все потребительское движеніе, которое къ началу текущаго года дало уже не менѣе 25 тысячъ первичныхъ ячеекъ съ нѣсколькими милліонами членовъ, съ нѣсколькими сотнями союзовъ и крупныхъ фабрично-заводскихъ предпріятій, съ 5 милліардами рублей годового оборота и съ широко налаживающейся культурно-просвѣтительной дѣятельностью. Въ самомъ дѣлѣ, сущность потребительскаго кооператива заключается въ добровольномъ вступленіи въ союзъ его членовъ. Проектъ же г. Шлихтера загоняетъ всѣхъ жителей территоріи поголовно въ потребительское стойло, которое онъ называетъ потребительной коммуной. Кромѣ того положеніе потребителя становится еще болѣе трагичнымъ благодаря тому, что всѣ предметы потребленія онъ вынужденъ покупать только въ тѣхъ складахъ, къ которымъ онъ будетъ приписанъ начальствомъ. Далѣе, сущность потребительскаго общества заключается въ демократической постановкѣ его органовъ управленія, при чемъ главнымъ хозяиномъ всего дѣла считается общее собраніе, передъ которымъ и несутъ отвѣтственность всѣ остальные органы управленія. Въ проектѣ г. Шлихтера ничего не говорится, ни объ общихъ собраніяхъ потребителей данной территоріи, ни о правленіи потребительнаго общества, ни объ его

ревизіонной комиссіи. Повидимому, всѣмъ этимъ органамъ потребительской кооперации рѣшительно нечего дѣлать при томъ режимѣ каторжнаго соціализма, который насаждается съ такимъ усердіемъ большевиками. Напротивъ того, въ жизнь потребительской организаціи, выдуманной г. Шлихтеромъ, ежечасно можетъ вторгаться цѣлая свора безотвѣтственныхъ контролеровъ, ревизоровъ и инструкторовъ, созданныхъ посторонней для потребительской организаціи властью. Стѣсненныя въ своихъ повседневныхъ функціяхъ, эти новыя потребительскія организаціи оказываются, какъ это видно изъ проекта, лишенными всей творческой дѣятельности по учету потребностей въ продуктахъ и распредѣленію ихъ по территоріи страны, такъ какъ организаціонно-административныя функціи въ этой области возлагаются на безчисленныя чиновничьи канцеляріи въ видѣ уѣздныхъ, волостныхъ и сельскихъ комитетовъ снабженія.

Наконецъ, основнымъ условіемъ для всякой правильной потребительской организаціи является ея матеріальная независимость. Эта независимость совершенно устраняется пунктомъ 10, обѣщающимъ покрывать всѣ средства для закупокъ продуктовъ и на разныя операціонныя расходы изъ государственной казны въ видѣ безпроцентной ссуды. Этотъ мудрый параграфъ возбуждаетъ еще цѣлый рядъ другихъ сомнѣній. Что будетъ съ многочисленными паевыми капиталами потребительныхъ обществъ, исчисляемыми въ настоящее время, вѣроятно, не менѣе, какъ въ полъ-милліарда рублей? Разъ государственное казначейство беретъ на себя всѣ расходы по закупкамъ и другимъ операціямъ хотя бы въ видѣ безпроцентныхъ ссудъ, само собою разумѣется, паевые капиталы окажутся совершенно безполезными, тогда какъ въ потребительской кооперации они то и являются основнымъ фондомъ всего коммерческаго оборота. Разъ они оказываются излишними, то судьба ихъ, конечно, предрѣшена: они будутъ расхищены и развѣяны ненасытными слугами совѣтской власти. Съ другой стороны, подумалъ ли серьезно г. Шлихтеръ о томъ, какихъ огромныхъ затратъ потребуетъ отъ государственнаго казначейства финансированіе всего потребительскаго оборота всей страны? Если потребительные кооперативы за 1917 годъ сдѣлали

оборотъ въ 5 милліардовъ рублей, обслуживая, и то далеко не полно, лишь приблизительно третью часть населенія, то мы не ошибемся, если будемъ считать весь оборотъ по проекту г. Шлихтера не менѣе, какъ въ 40—50 милліардовъ рублей въ годъ. Если, далѣе, принять во вниманіе, что отношеніе основного капитала къ оборотному, которое очень колеблется по типу, по размаху и по районамъ, въ среднемъ равняется въ потреб. коопераціи 1:20, а въ казенныхъ лавочкахъ г. Шлихтера, которыя, конечно, не будутъ отличаться такою гибкостью, какъ истинно демократическія потребительскія общества, капиталъ будетъ въ состояніи дѣлать гораздо меньшій оборотъ, вѣроятно, 1:10, а, можетъ быть, 1:5, то мы увидимъ, что для финансированія лавочекъ г. Шлихтера потребуется основной капиталъ не менѣе какъ въ 5—10 милліардовъ рублей, и то при томъ условіи, что государственная организація потребленія не будетъ сопровождаться тѣмъ хищничествомъ и грабежомъ, которые пока что типичны для предпріятій совѣтской власти. При такихъ условіяхъ расхищеніе складочныхъ капиталовъ потребительскихъ обществъ, достигающихъ, повторяемъ, вѣроятно, до полу-милліарда рублей, очень мало поможетъ дѣлу. Откуда же, все-таки, взять эти деньги? Изъ подъ печатнаго станка или изъ запаса фальшивыхъ кредитокъ, обильно запасенныхъ для насъ услужливой германской промышленностью? Но оба эти источника и безъ того уже достаточно использованы совѣтской властью, и хотя она до сихъ поръ стыдливо умалчиваетъ о количествѣ выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ, тѣмъ не менѣе мы можемъ имѣть достаточно ясное представленіе объ этомъ по тому катастрофическому паденію, которому подвергается нашъ рубль со времени восшествія на престолъ господина Владиміра Ульянова-Ленина. Но, быть можетъ, г. Шлихтеръ совершенно правильно надѣется, что наступила пора не накачивать страну безконечнымъ количествомъ безконечно ничтожныхъ кредитокъ, а выкачивать ихъ изъ страны и увеличивать значеніе рубля, усиливая его производительныя функціи? Дѣйствительно, выкачать изъ страны въ этомъ отношеніи предстоитъ очень много малоцѣнныхъ денегъ. Только контрибуціями, накладываемыми въ безпредѣльномъ безпорядкѣ совѣтской властью

на буржуазію, тутъ дѣлу поможешь мало, ибо «однихъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече»: одни уже достаточно раззорены, а другіе сумѣли защитить свои капиталы переводомъ въ иностранныя бумаги, передъ которыми безсильны вся необузданная фантазія г. Ленина и все безмѣрное фразерство г. Троцкаго. Конечно, остается еще путь привлеченія колоссальныхъ денежныхъ средствъ, разсѣянныхъ въ настоящій моментъ по странѣ въ безчисленныхъ мелкихъ хозяйствахъ, сумѣвшихъ сдѣлать эти накопленія и благодаря невольному временному сокращенію въ своихъ хозяйствахъ, и благодаря оплатѣ реквизированнаго скота, и пайкамъ мобилизованныхъ семей, и высокимъ цѣнамъ на предметы потребленія, и запрещенію продажи спиртныхъ напитковъ. Но достать эти суммы изъ глубины деревни, размѣщенныя отчасти въ традиціонныхъ чулкахъ, зарытыхъ кладами и запрятанныхъ въ соломенныя крыши,—это подвигъ, который не по плечу никакому герою древности, а не только нашимъ большевикамъ. Эти деньги стекутся сами собою въ свободныя кооперативныя организаціи, работа которыхъ у всѣхъ на виду, а органы управленія состоятъ не изъ людей, завоевавшихъ себѣ всеобщее презрѣніе, а изъ людей, пользующихся всеобщимъ довѣріемъ. И то это движеніе крестьянскихъ денегъ начнется только тогда, когда въ странѣ водворится порядокъ, судъ и самоуправленіе, и когда, конечно, г. Шлихтеръ со своими удивительными проектами окажется не у дѣлъ. Такимъ образомъ вопросъ о финансированіи колоссальнаго предпріятія остается висѣть въ воздухѣ. Но могутъ ли такіе пустяки безпокоить г. Шлихтера и ему подобныхъ? Они вѣдь стоятъ выше всего этого и съ упорствомъ, достойнымъ лучшаго употребленія, будутъ проводить свой декретъ въ жизнь на гибель и разореніе единственной еще сохранившейся организаціи русскаго народа.

Въ своемъ анализѣ этого проекта мы могли бы ограничиться сказаннымъ, но его опасность для русской кооперации такъ велика, а его безграмотность и безсмысленность такъ поразительны, что нѣтъ возможности отказаться отъ нѣсколькихъ еще довольно существенныхъ штриховъ.

Въ своемъ усердіи разрушить потребительскую кооперацію г. Шлихтеръ доходитъ до того, что лишаетъ ее

права самой опредѣлять территорію, обслуживаемую каждой кооперативною ячейкой. Это должны сдѣлать все тѣ же пресловутые совѣты рабочихъ, крестьянскихъ и солдатскихъ (?) депутатовъ, а тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ (оказывается, что на Руси еще есть подобные, позабытые оазисы—тамъ такую работу должны произвести собранія всѣхъ потребителей мѣстнаго пункта. Здѣсь все великолѣпно; здѣсь все заслуживаетъ страницъ записокъ сумасшедшаго. Въ самомъ дѣлѣ, а какъ быть, если совѣты раскромсаютъ территорію, благодаря своему невѣжеству и неопытности, на совершенно непріемлемые съ точки зрѣнія разумной организаціи потребленія клочья?

Гдѣ и у кого искать защиты? А если сосѣдніе совѣты не поладятъ между собой въ раздѣлѣ этихъ лакомыхъ кусочковъ, которыми имъ предоставлено руководить? Какъ будутъ разрѣшены эти столкновенія? Но всего лучше предписаніе, касающееся тѣхъ позабытыхъ оазисовъ, которые лишены счастья имѣть свои собственные совѣты! Здѣсь, какъ мы видѣли, организуется общее собраніе всѣхъ потребителей м ѣ с т н а г о п у н к т а для того, чтобы опредѣлить территорію этого пункта. Такимъ образомъ, совершенно неизвѣстно, кто же будетъ составлять это удивительное собраніе, изъ котораго во всеоружіи должна выйти потребительская коммуна, простирающая свое дѣйствіе на опредѣленную территорію. Не трудно предугадать, какого рода столкновенія должны будутъ происходить на этой почвѣ, тѣмъ болѣе, что въ декретѣ нѣтъ ни малѣйшаго намека относительно того, при какихъ условіяхъ указанное собраніе для выбранной имъ территоріи можетъ считаться правомочнымъ. Мы неоднократно упоминали относительно той борьбы, которая можетъ возникнуть вокругъ процесса насажденія потребительныхъ коммунъ. Воистину надо быть настоящей большевистской головой для того, чтобы забыть всѣ тѣ выгоды, которыя связаны съ назначеніемъ мѣстъ для продовольственныхъ пунктовъ. Эти пункты, какъ прекрасно знаетъ это исторія русской потребительской коопераціи, тѣсно связаны съ цѣлымъ рядомъ чрезвычайно подвижныхъ экономическихъ и бытовыхъ факторовъ. Возьмите хотя бы всю сложную исторію распредѣлительныхъ пунктовъ и мелкорайонныхъ объединеній въ

жизни сибирской кооперацiи,—и вы увидите тамъ, что проведенiе какой-нибудь желѣзнодорожной вѣтви или шоссе тотчасъ же вызываетъ перегруппировку потребителей относительно пунктовъ, откуда они стремятся получать свои предметы потребленiя. Возьмите также всѣ эти бытовыя условiя, которыя притягиваютъ потребителя къ извѣстнымъ пунктамъ въ извѣстные моменты на ярмарки, торги и переторжки и съ которыми связанъ тѣсно цѣлый рядъ бытовыхъ навыковъ и привычекъ. Само собою разумѣется, что если потребитель можетъ получать свои предметы потребленiя только изъ указаннаго ему склада, вся частная торговля этимъ самымъ обрекается на полное уничтоженiе, а, вмѣстѣ съ нею, и всѣ эти ярмарки, торги и переторжки, черезъ которые ежегодно легко и свободно протекаетъ колоссальное количество всякихъ товаровъ отъ производителя къ потребителю. Подумалъ ли, наконецъ, г. Шлихтеръ о томъ колоссальномъ количествѣ амбаровъ и складочныхъ помѣщенiй, которые потребуются для того, чтобы прiурочить все потребленiе каждой территорiи къ одному пункту. Подумалъ ли онъ, наконецъ, о томъ, насколько забавнымъ является его пунктъ 6, по которому всѣ мѣстные продукты отдаются въ мѣстный комитетъ по вольнымъ цѣнамъ (какимъ же аппаратомъ устанавливаются эти вольныя цѣны, когда устранена вся вольная продажа?), и продавецъ получаетъ не деньги, а запись на текущiй счетъ, который для него можетъ представить слишкомъ мало утѣшенiя, такъ какъ каждому въ настоящее время уже достаточно извѣстно, какъ совѣтская власть разрѣшаетъ пользоваться и потребителю и производителю своими текущими счетами и сберегательными книжками, а въ грядущемъ вѣдь здѣсь еще великое множество всякихъ неисчерпанныхъ возможностей; ибо вѣдь у нихъ «своя рука—владыка». Кромѣ того, еще помимо сѣти казенныхъ лавочекъ, которымъ предстоитъ замѣнить и частную торговлю, и потребительскiе кооперативы, придется, такимъ образомъ, создать еще не менѣе густую сѣть новыхъ чиновничьихъ аппаратовъ въ видѣ безчисленныхъ мѣстныхъ отдѣленiй народнаго (государственнаго) банка съ весьма сложной канцелярской волокитой, обязанной обслуживать миллiоны текущихъ счетовъ на пятокъ яицъ, принесенныхъ

злополучной бабой, на блюдечко земляники, собранной деревенской дѣвченкой наканунѣ праздника, на десять пирожковъ съ лотка горемычной торговки. Не надо забывать, что все это, по проекту г. Шлихтера, должно проходить черезъ его потребительныя коммуны, ибо «каждый членъ потребительнаго общества можетъ покупать продукты только въ томъ складѣ, къ какому онъ приписанъ мѣстнымъ комитетомъ снабженія».

Чтобы покончить съ этими истинными записками сумасшедшаго, укажемъ еще, что проектъ декрета навязываетъ потребительскимъ организаціямъ совершенно несоотвѣтствующія имъ функціи,—организацію сбыта.

Въ заключеніе укажемъ, что и культурно-просвѣтительной дѣятельности союзовъ наносится проектомъ декрета также тяжелый ударъ. Говоря о союзахъ потребительскихъ кооперативовъ, проектъ декрета замѣчаетъ только, что потребительныя общества могутъ вступать въ союзныя объединенія для удешевленія накладныхъ расходовъ по закупкѣ и перевозкѣ продуктовъ... и только... О культурно-просвѣтительной дѣятельности ни слова. А это при нынѣшнемъ наборѣ нашихъ совѣтскихъ законодателей чрезвычайно опасно не только потому, что сами они очень мало понимаютъ въ культурѣ и его значеніи, но и потому еще, что они проявляютъ склонность къ самому безпощадному насилію надъ культурой (закрытіе газетъ, травля учителей и т. д.).

Подведемъ же итогъ всей этой новой рискованной затѣѣ большевиковъ.

Ихъ декретомъ совершенно уничтожается потребительская кооперація и уничтожается именно въ такой моментъ, когда ей суждено оставаться единственной организованной общественной силой среди полнаго развала и разрухи всѣхъ остальныхъ элементовъ русскаго общества. Устраненіе кооперацiи съ арены экономической борьбы окажетъ гибельныя послѣдствія въ ближайшемъ же будущемъ. Декретъ имѣетъ явную тенденцію уничтожить вмѣстѣ съ потребительской коопераціей и всю частную торговлю. Но уничтожить потребительскую кооперацію нетрудно уже по одному тому, что она, какъ общественное дѣло, у всѣхъ на виду, что она не можетъ и не захочетъ

пойти какими нибудь обходными путями. Другое дѣло—торговля частная. Она, конечно, не дастъ себя монополизировать... Вспомнимъ хотя бы всю эту безплодную борьбу съ «мѣшечниками», которая не вплететъ ни единаго побѣднаго лавра въ вѣнокъ нашей государственности. Всѣ результаты борьбы въ настоящее время сводятся только къ тому, что цѣны на муку и хлѣбъ выросли до неслыханныхъ, чудовищныхъ размѣровъ. И чѣмъ строже будетъ въ этомъ отношеніи государство, тѣмъ больше за эту строгость будетъ расплачиваться... потребитель, такъ какъ, съ повышеніемъ риска доставки, будетъ повышаться и цѣна на продуктъ. Вспомнимъ борьбу съ ростовщичествомъ, которая нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ велась съ неукоснительной свирѣпостью.

Развѣ она дала государству побѣду?—Нисколько... Побѣда,—и побѣда полная,—была достигнута только при помощи правильной постановки банковъ, обслуживающихъ торгово-промышленный міръ, и кредитной коопераціи, взявшей подъ защиту трудовую деревню. Уничтожить частную торговлю большевикамъ не удается никакими декретами, хотя бы они были еще въ сто разъ глупѣе того, который вышелъ изъ подъ пера г. Шлихтера. Но, повторяемъ, потребительскую организацію уничтожить путемъ наглаго и неслыханнаго насилія вы сумѣете. Въ результатѣ, когда жизнь начнетъ разбивать ваши безумныя измышленія, частная торговля быстро и пышно расцвѣтетъ на развалинахъ коопераціи, потому что торговцы сумѣютъ во время припрятать капиталы и во время выдвинуть ихъ, а капиталы потребительской коопераціи жадная свора вашихъ прихлебателей сумѣетъ раскрасть въ самое короткое время; частная торговля быстро оправится и потому еще, что она широко всегда пользуется тѣми коммерческими методами (фальсификація, обмѣръ, обвѣсъ), на которые кооперація никогда не пойдетъ; и потому еще, что у ней всегда наготовѣ достаточно опытный собственный персоналъ, состоящій въ огромномъ количествѣ случаевъ только изъ самого хозяина лавки и его домочадцевъ или, въ крайнемъ случаѣ, изъ приказчиковъ, эксплоатація которыхъ доведена до послѣдней степени, а потребительная кооперація должна имѣть особый, квалифицированный, воспитанный въ обще-

ственномъ духѣ персоналъ, который вы сумѣете разогнать своимъ дикимъ походомъ противъ культуры;—и, наконецъ, еще потому, что за этотъ періодъ выступленія потребительской коопераціи частная торговля и сама многому научилась: посмотрите, съ какой быстротой мелочные лавочники усваиваютъ методы кооперативныхъ организацій, конечно, съ единственной цѣлью защитить свои хищническіе интересы; посмотрите на всѣ эти союзы защиты мелкой торговли, и если вы путемъ новаго насильственнаго наскока на нѣсколько мѣсяцевъ разгоните ихъ, то они только притаятся въ подпольѣ, откуда вы ихъ не достанете ни разстрѣлами, ни всѣми агентами тайной полиціи, которыхъ вы сумѣли привлечь себѣ на службу. Надо твердо помнить также, что противъ коопераціи,—въ частности потребительской,—чрезвычайно сильно настроенъ и крупный капиталъ, какъ это показываетъ опытъ западно-европейскихъ странъ, гдѣ крупные заводчики и фабриканты нерѣдко открыто, а чаще тайно выступаютъ противъ коопераціи. А мы вступаемъ въ такую полосу, когда крупному иностранному капиталу придется играть у насъ важную роль. Еще въ прошломъ году образовались многія сотни акціонерныхъ обществъ съ сотнями милліоновъ складочнаго капитала для эксплоатаціи природныхъ силъ и населенія нашей родины. Само собою разумѣется, что эти капиталисты гораздо охотнѣе заведутъ всякія связи съ частными предпріятіями, чѣмъ съ ненавистными имъ потребительскими кооперативами.

Вотъ при какихъ условіяхъ придется возрождаться русской потребительской коопераціи, если ей суждено подвергнуться разгрому, который пріуготованъ въ проектѣ декрета г. Шлихтера.

И за это не «скажетъ спасибо вамъ русскій народъ».

И естественно, что проектъ этотъ долженъ былъ сильнѣйшимъ образомъ встревожить кооперативный міръ. Общее настроеніе кооперативныхъ дѣятелей прекрасно выражено въ одномъ изъ постановленій кооперативнаго съѣзда, засѣдавшаго въ Москвѣ въ началѣ февраля нынѣшняго года. Въ постановленіи этомъ мы читаемъ слѣдующее:

„Съѣздъ признаетъ проектъ о потребительныхъ коммунахъ во всѣхъ отношеніяхъ несостоятельнымъ съ дѣловой точки зрѣнія и гибельнымъ для

кооперацiи. Обративъ вмѣстѣ съ тѣмъ вниманiе на многочисленные случаи насилiя, совершаемые мѣстной властью надъ отдѣльными кооперативными организацiями и ихъ союзами, съѣздъ считаетъ необходимымъ установить:

1) что достоянiе кооперативныхъ организацiй, объединяющихъ трудовое населенiе, является народнымъ достоянiемъ, и что оно не можетъ подлежать ни полной, ни частичной экспропрiацiи или реквизицiи, такъ какъ таковыя экспропрiацiи или реквизицiи являются прямымъ нарушенiемъ интересовъ трудового населенiя;

2) что непремѣннымъ условiемъ успѣшнаго, въ интересахъ трудового населенiя, развитiя кооперацiи является полная самостоятельность и независимость кооперативныхъ организацiй, и что всякое нарушенiе этого основного начала гибельно для самоуправляющейся, демократической по своему существу, кооперацiи;

3) что надъ кооперацiей, приближающей въ постепенномъ своемъ развитiи осуществленiе соцiализма, никакихъ принудительныхъ опытовъ соцiализацiи или нацiонализацiи производимо быть не должно".

Но дѣло не ограничилось одними протестами. Цѣлый рядъ крупныхъ кооперативныхъ учрежденiй и извѣстныхъ кооперативныхъ дѣятелей вступилъ на путь переговоровъ и соглашательства съ совѣтской властью. Въ результатѣ всѣхъ этихъ сношенiй были приняты постановленiя, которыя въ своихъ существенныхъ чертахъ сводятся къ слѣдующему:

Кооперативныя организацiи обслуживаютъ въ каждомъ районѣ ихъ дѣятельности все населенiе на равныхъ началахъ какъ членовъ, такъ и нечленовъ. Сфера дѣйствiя каждаго кооператива распространяется на опредѣленную территорiю, при чемъ на этой территорiи можетъ быть допущенъ только одинъ еще классовый рабочiй кооперативъ. Представители кооперацiи входятъ во всѣ государственные органы снабженiя, руководительству которыхъ подчиняются всѣ частныя торговыя предпрiятiя. Кооперативы принимаютъ всѣ мѣры для скорѣйшаго вовлеченiя всего населенiя въ свои организацiи. Съ согласiя соотвѣтственныхъ государственныхъ органовъ, кооперативы постепенно получаютъ въ свое вѣдѣнiе всю технику распредѣленiя между населенiемъ предметовъ личнаго потребленiя. Когда кооперативы будутъ обезпечены въ достаточной мѣрѣ продуктами, то будетъ приступлено къ введенiю выдачи работающему населенiю заработка не деньгами, а особыми свидѣтельствами, которыя будутъ давать держателямъ ихъ право на полученiе изъ кооператива опредѣленныхъ пред-

метовъ потребленія. Наконецъ, кооперативы обязуются способствовать всячески при посредствѣ своихъ кассъ обратному притоку денежныхъ знаковъ въ Государственное Казначейство.

Конечно, эти пункты соглашенія являются большимъ шагомъ впередъ въ дѣлѣ охраненія самого существованія потребительскихъ кооперативовъ. Такъ, потребительскіе кооперативы здѣсь уже не превращаются въ потребительныя коммуны. Такъ, контроль и всякаго рода попеченія о кооперативахъ посторонними имъ элементами совершенно устранены. Такъ, нѣтъ уже пышныхъ, но безсодержательныхъ и вредныхъ для коопераціи обѣщаній финансировать все дѣло закупокъ изъ Государственнаго Казначейства. Такъ, отброшены всѣ обязательства, которыя возлагались на кооперативныя организаціи въ дѣлѣ сбора предметовъ потребленія и способа уплаты за нихъ записями въ текущіе счета. Правда, всего этого нѣтъ,—но тѣмъ не менѣе положеніе потребительской коопераціи и при наличности даннаго соглашенія остается чрезвычайно неопредѣленнымъ. Не видно, напримѣръ, въ какихъ пропорціяхъ будутъ слагаться органы управленія изъ представителей власти и коопераціи. Не обозначено, какимъ образомъ будутъ опредѣляться территоріи дѣйствія первичныхъ потребительскихъ организацій; не опредѣлены способы рѣшенія возможныхъ споровъ по тѣмъ или другимъ техническимъ вопросамъ между кооперативными первичными ячейками и потребительными коммунами, которыя, очевидно, будутъ все же введены, по крайней мѣрѣ, на тѣхъ участкахъ, на которые не будетъ простираться дѣйствіе кооперативныхъ ячеекъ; не указано путей для дальнѣйшаго роста кооперативнаго движенія, и не упомянуто о способахъ замѣны потребительныхъ коммунъ потребительскими обществами, и, обратно, невыяснена возможность появленія потребительныхъ коммунъ на мѣстѣ неудавшихся или закрывшихся потребительскихъ обществъ. Наконецъ, и по этому проекту соглашенія въ потребительный кооперативъ вводится насильственно все населеніе каждой территоріи, при чемъ остается совершенно невыясненнымъ вопросъ о томъ, какими же преимуществами будутъ пользоваться члены передъ нечленами. Мы мо-

жемъ допустить, хотя соглашеніе объ этомъ прямо и не говоритъ, что за членами остается прежнее право участія въ управленіи, но это право становится фикціей при наличности все же полной матеріальной зависимости кооператива отъ государственныхъ органовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, та самая часть населенія, которая будетъ загнана въ кооперативъ и не пожелаетъ сдѣлать паевого взноса, будетъ, очевидно, пользоваться такими же матеріальными благами, какъ и члены кооператива, отвѣчающіе за успѣхъ дѣла хотя бы своими паями. Очевидно, что при такихъ условіяхъ отпадутъ всѣ психологическіе мотивы у населенія принимать какое-либо участіе въ потребительскомъ движеніи. Къ чему хлопотать объ общественномъ дѣлѣ, къ чему рисковать хотя бы и маленькимъ паемъ, если все устроится само собою? Все это неизбѣжнымъ образомъ и приведетъ потребительскую кооперацію къ гибели. Соглашатели въ конечномъ результатѣ ничего не добьются, и потребительныя коммуны захватятъ всю область потребленія обходнымъ путемъ. Соглашеніе это можетъ имѣть значеніе только при томъ молчаливомъ условіи, что совѣтская власть недолговѣчна, и всѣ ея «соціальные» опыты эфемерны. Во избѣжаніе недоразумѣній, мы должны оговориться, что мы ничего не могли бы возразить противъ подобной національзаціи торговли, если бы совѣтской власти съ одной стороны удалось предварительно національзировать производство, а съ другой — изолировать Россійскую Республику отъ мірового рынка, который упорно желаетъ оставаться въ рамкахъ денежнаго хозяйства и не проявляетъ ни малѣйшей склонности отказаться отъ употребленія денежныхъ знаковъ. Но попытки національзировать производство путемъ введенія рабочаго контроля окончились, какъ извѣстно, полной неудачей, признанной и самими большевиками, а обѣщанія міровой соціальной революціи пока что остаются пустыми фразами, которыми гг. Троцкіе и Ленины тѣшатъ свою невзыскательную аудиторію. Глубокая соціальная перестройка, которая связана съ проведеніемъ соціализма, требуетъ еще огромной подготовительной общественной работы, не только во всероссійскомъ, но и въ міровомъ масштабѣ. Но и въ этой работѣ кооперации должно быть отведено видное мѣсто.

Вотъ почему, мы должны отчетливо и ясно возставать противъ всякихъ попытокъ разбить кооперативную работу и не допускать, чтобы путемъ сомнительнаго соглашательства была замаскирована истинная сущность и истинная цѣнность большевистскихъ вздорныхъ фантазій.

Изложенное соглашеніе не удовлетворило самого г. Ленина, на высочайшее усмотрѣніе котораго оно было представлено. Г. Ленинъ совершенно правильно разсудилъ, что надо же чѣмъ нибудь отдѣлить членовъ кооперацiи отъ нечленовъ, и постановилъ наказать этихъ послѣднихъ увеличенной оплатой предметовъ потребленія на 5%, причемъ таковой излишекъ долженъ поступать не кооперативамъ, а въ пользу государства. Далѣе, г. Ленинъ нашелъ необходимымъ освободить отъ всякаго вступного и паевого взноса въ кооперативъ всѣхъ лицъ, которыя получаютъ въ мѣсяцъ менѣе 150 руб. дохода въ какомъ бы то ни было видѣ, причемъ съ истинно большевистскимъ легкомысліемъ не потрудился указать, кто и какъ будетъ выполнять эту египетскую работу по опредѣленію доходовъ, получаемыхъ членами кооперацiи. Г. Ленинъ также, на этотъ разъ правильно, полагаетъ, что въ предѣлахъ каждой территоріи можетъ быть только одинъ кооперативъ и такимъ образомъ устраняетъ возможность образованія спеціально классовыхъ кооперативовъ. Онъ, далѣе, требуетъ введенія контроля надъ кооперативами со стороны государства и, наконецъ, ставитъ условіемъ, чтобы въ правленіяхъ кооператива лица, имѣющія хотя бы одного наемнаго рабочаго, не составляли болѣе 1/3, и такимъ образомъ вмѣшивается въ самоуправленіе кооперативной организаціи. Не трудно видѣть всю вздорность поправокъ «самого» Ленина, но онѣ поучительны въ томъ отношеніи, что обнаруживаютъ значительное упорство со стороны большевизма въ проведенiи его утопическаго соціализма: какъ видимъ, за мелкой фигурой г. Шлихтера скрываются персонажи болѣе крупнаго калибра, и при такихъ условіяхъ никакъ нельзя вѣрить, что большевистская власть останется вѣрна тѣмъ соглашеніямъ, которыя она сама подпишетъ: вѣдь измѣнять своему слову—это стало второй ея натурой, а пользоваться предосудительными и нечестными способами борьбы—обычнымъ ея методомъ.

Дальнѣйшимъ шагомъ по пути соглашательства является докладъ г. Хинчука, который онъ предложилъ Всероссійскому Съѣзду Рабочей Коопераціи, засѣдавшему въ Москвѣ въ началѣ апрѣля с./г. и который въ общихъ чертахъ и былъ принятъ этимъ съѣздомъ. Въ этомъ додокладѣ мы находимъ слѣдующія положенія:

„1) Проектъ декрета о потребительскихъ коммунахъ въ настоящей его постановкѣ непріемлимъ для рабочей коопераціи, уничтожая ее цѣликомъ и растворяя ее во всесословной, а равно и непріемлимъ для коопераціи вообще, ибо уничтожаетъ самую сущность коопераціи вообще".

. . . .

„3) Потребительская кооперація въ лицѣ своихъ союзныхъ организацій можетъ въ опредѣленный срокъ увеличить сѣть своихъ лавокъ — распредѣлительныхъ пунктовъ такъ. чтобы фактически все населеніе могло ими обслуживаться. Сѣть эта можетъ быть выработана кооперативными союзами совмѣстно съ Совѣтами рабочихъ и крестьянскихъ депутатовъ".

„4) Регулированіе возникновенія новыхъ кооперативовъ должно производиться кооперативными центрами. Вступленіе потребителей въ составъ членовъ кооперативовъ должно быть предоставлено ихъ желанію".

„5) Каждая семья, по снабженію ее продуктами питанія и потребленія должна быть приписана къ опредѣленной территоріи; прикрѣпленіе внутри этой территоріи (района дѣйствій кооперативнаго районнаго объединенія) къ отдѣльнымъ складамъ должно быть предоставлено уже кооперативной организаціи.

Остальные пункты доклада касаются организаціи оптовыхъ закупокъ и постановки производства предметовъ первой необходимости и для насъ здѣсь не представляютъ интереса.

Повторяемъ, докладъ этотъ идетъ еще дальше въ смыслѣ защиты интересовъ коопераціи, чѣмъ тезисы вышеприведеннаго соглашенія: онъ уже явно говоритъ объ обслуживаніи всего потребленія кооперативными организаціями и столь же явно отрицаетъ наличность потребительныхъ коммунъ. Онъ передаетъ выработку сѣти распредѣлительныхъ пунктовъ, создаваемыхъ кооперативами, самой коопераціи, хотя почтительно и прибавляетъ, что эта сѣть можетъ быть разработана кооперативами совмѣстно съ Совѣтами рабочихъ и крестьянскихъ депутатовъ; онъ поручаетъ все дѣло прикрѣпленія отдѣльныхъ семей къ складамъ также коопераціи. Но и при этихъ условіяхъ кооперативъ оказывается заполненнымъ массой обывателей, загнанныхъ туда принудительнымъ образомъ и вынужденныхъ в с ѣ предме-

ты потребленія получать изъ кооперативнаго склада. Это, конечно, лучше, чѣмъ тѣ казенныя лавочки, которыя были выдуманы г. Шлихтеромъ, но это тѣмъ не менѣе все же совершенно недопустимое смѣшеніе муниципальнаго и кооперативнаго началъ,—смѣшеніе, которое должно отразиться самымъ гибельнымъ образомъ на судьбахъ потребительской кооперации. Наконецъ, опять-таки, эта организація принудительнаго распредѣленія предшествуетъ государственной организаціи производства, и такимъ образомъ смѣшиваетъ всѣ карты соціалистическаго плана. Не можемъ не отмѣтить еще одного безусловнаго достоинства этого послѣдняго соглашенія—отстраненіе всѣхъ задачъ, не связанныхъ непосредственно съ задачами распредѣленія предметовъ потребленія, какъ это имѣетъ мѣсто и въ самомъ проектѣ декрета и въ первомъ актѣ соглашенія (см. пунктъ 9).

На этомъ мы и покончимъ исторію попытокъ покоренія большевиками кооперации. Пока кооперація еще достаточно упорно отбивается, но позиціи большевиками еще не сданы, и въ этомъ царствѣ государственнаго хаоса, о которомъ можно сказать словами поэта: «тамъ чудеса, тамъ лѣшій бродитъ», конечно, съ необычайной легкостью и чрезвычайной неожиданностью можетъ разыграться всякая скверная исторія, а, слѣдовательно, можетъ оказаться реализованнымъ и законодательный уродецъ г. Шлихтера.

Но, пока въ столицахъ гремятъ витіи, ведется словесная борьба и враждебными станами проливаются моря чернилъ, провинція по нынѣшнимъ временамъ не дремлетъ.

Ленинъ какъ-то сказалъ по поводу Камкова, что «одинъ дуракъ можетъ надавать сразу столько вопросовъ, что на нихъ не сумѣютъ отвѣтить и десять мудрецовъ»; если мы вспомнили объ этомъ высочайшемъ анекдотѣ здѣсь, то конечно, не для того, чтобы возстановлять честь г. Камкова, до котораго намъ очень мало дѣла, а для того, чтобы попенять г. Ленину на счетъ того, что онъ долженъ былъ бы почаще вспоминать о тѣхъ сотняхъ а, быть можетъ, тысячахъ дураковъ, которые, захвативъ въ провинціи аппаратъ совѣтской власти, озорують надъ обывателемъ безъ всякой мѣры и совѣсти. И отъ этого озорства, само собой разумѣется, не мало страдаетъ и провинціальная коопера-

ція. Въ провинціи стонъ стоитъ отъ продѣлокъ всѣхъ этихъ глупцовъ отъ коммунизма, которые, однимъ ухомъ подхвативъ мечты г. Шлихтера и Ленина, съ ослиной прямолинейностью начинаютъ проводить ихъ въ жизнь. Безобразія, чинимыя ими надъ кооперацiей, достигли такихъ размѣровъ, что, наконецъ, протестамъ и самой провинціальной кооперацiи, и Совѣта Всероссійскихъ Кооперативныхъ Съѣздовъ и депутаціи Всероссійскаго Съѣзда рабочей кооперацiи начинаютъ внимать и большевистскія власти. «Предсѣдатель Высшаго Совѣта Народнаго Хозяйства Милютинъ, — какъ сообщаетъ меньшевистская газета «Впередъ»,—въ присутствiи депутаціи (Всероссійскаго Съѣзда рабочей кооперацiи) послалъ пермскому совдепу телеграмму, предлагая впредь до полученія декрета никакихъ мѣръ по отношенію къ кооперацiи не принимать. То же самое обѣщано сообщить и прочимъ Совдепамъ. Обѣщано также «разъяснить», что рабочій контроль не долженъ затрагивать кооперативы». Нельзя не одобрить этого, хотя и запоздалаго, распоряженія, но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя быть увѣреннымъ, что оно будетъ добросовѣстно проведено въ жизнь.

Таковы главнѣйшие акты большевистской власти по отношенію къ кооперацiи. Эти акты были направлены прямо на кооперацію, и она страдала отъ нихъ непосредственно. Но, само собою разумѣется, что, въ качествѣ хозяйственной организацiи, кооперація много потерпѣла и еще больше должна будетъ потерпѣть косвеннымъ путемъ отъ всякой разрухи, вносимой большевистскими властями въ экономическую и общественную жизнь нашего народа. Уничтоженіе кредита и вызванная этимъ необходимость уплачивать впередъ наличными деньгами бѣшеныя цѣны при закупкахъ товара; отсутствіе денежныхъ знаковъ въ достаточномъ количествѣ для торговаго оборота страны, колоссальное безтоваріе; развалъ транспорта и, въ частности, неслыханныя, невѣроятныя хищенія на желѣзныхъ дорогахъ; отсутствіе судовъ, а слѣдовательно и возможности регистраціи новыхъ кооперативовъ, безъ чего пріостанавливается дальнѣйшее союзное строительство; наси-

лiе надъ печатью и свободой слова и собраній, упраздненіе основныхъ элементовъ неприкосновенности личности и жилища,—вся эта вакханалія экономическаго и политическаго разгула тяжело бьетъ по работѣ кооперацiи, и она съ нескрываемой ненавистью относится къ баскакамъ большевизма и открыто въ большинствѣ своей прессы и на многихъ съѣздахъ заявляетъ себя сторонницей созыва Учредительнаго Собранія, какъ единственнаго выхода изъ невыносимаго историческаго тупика.

А. Николаевъ.

Экономическія послѣдствія основного закона о соціализаціи земли.

Тѣ земельныя отношенія, которыя сложились въ русской деревнѣ передъ революціей 1905 г., привели къ необходимости приступить къ законодательному разрѣшенію аграрнаго вопроса. Первая и вторая Государственныя Думы поставили аграрный вопросъ въ центрѣ своей законодательной дѣятельности. Однако, земельный вопросъ былъ разрѣшенъ безъ участія народнаго представительства, указомъ 9 ноября 1906 г., поставившимъ разрѣшеніе земельной проблеммы совершенно въ иную плоскость по сравненію съ планами и намѣреніями первыхъ двухъ Государственныхъ Думъ. Земельные законы Столыпинскаго правительства были кодифицированы III Государственной Думой и выразились въ положеніи 14 іюня 1910 г.

Основное содержаніе аграрнаго законодательства Столыпина было ярко выражено самимъ вдохновителемъ аграрной политики междуреволюціоннаго періода въ одной изъ его рѣчей: Это—ставка на сильныхъ. Разрушеніе общины и выдѣлъ изъ общины на правахъ мелкихъ частныхъ землевладѣльцевъ наиболѣе сильныхъ экономически элементовъ составляло основную задачу землеустроительнаго законодательства, проводившагося въ жизнь съ рѣшительностью и неуклонностью рѣдкой въ государственной дѣятельности этой эпохи. Дѣятелей землеустроительной политики вдохновляли не столько экономическіе, сколько политическіе мотивы: устроить вокругъ безземельнаго и малоземельнаго крестьянства мощный баръеръ зажиточныхъ собственниковъ, которые могли бы противопоставить свою матеріальную силу аграрнымъ стремленіямъ народныхъ массъ.

Политика «ставки на сильныхъ» была ликвидирована революціей 1917 г., и всѣ юридическія основы столыпинскаго землеустройства были отмѣнены указами Временнаго Правительства. Оставались однако въ жизни тѣ экономическіе мотивы, которые давали матеріальный базисъ столыпинской землеустроительной политики, а тѣ условія, которыя были созданы войной, открывали новыя перспективы для индивидуалистическихъ стремленій отдѣльныхъ болѣе зажиточныхъ группъ земледѣльческаго населенія русской деревни. Рыночныя конъюнктуры, созданныя всемірнымъ истощеніемъ продовольственныхъ рессурсовъ, открывали широкое поле развитія для мѣнового хозяйства, и рыночная оріентація создавала условія для успѣшнаго развитія крупныхъ крестьянскихъ хозяйствъ мѣнового типа. Тѣ уравнительно-трудовыя тенденціи, которыя господствовали въ программахъ по организаціи регулированнаго трудового землепользованія на началахъ новаго земельнаго права, противорѣчили тенденціи къ развитію тѣхъ мелкокапиталистическихъ хозяйствъ, которымъ предстояли крупные барыши при работѣ на всемірный рынокъ. Однако, намѣчавшаяся тенденція въ развитіи сельско-хозяйственнаго производства могла получить свою реализацію исключительно при побѣдѣ столыпинскаго направленія поземельной политики, политики «ставки на сильныхъ». Такому направленію въ развитіи сельскохозяйственнаго процесса противорѣчили интересы широкихъ массъ безземельнаго и малоземельнаго населенія деревни, для которыхъ наиболѣе существенное значеніе получала реализація уравнительности, право на пользованіе общенароднымъ земельнымъ достояніемъ.

При наличности борьбы двухъ теченій въ дѣлѣ разрѣшенія земельной проблемы: стихійнаго, возникающаго изъ нерегулированной борьбы интересовъ, которое стремилось использовать въ своихъ особыхъ политическихъ цѣляхъ столыпинская землеустроительная политика, и регулируемаго государствомъ новаго земельнаго правопорядка, направленнаго къ борьбѣ съ малоземельемъ на основѣ уравнительнаго распредѣленія земли въ средѣ трудового земледѣлія—представляетъ рѣшающее значеніе, значеніе политическаго мѣропріятія, опредѣленіе, на чью сторону въ этой

борьбѣ теченій становится законодатель. Если исходить, при политической оцѣнкѣ экономическихъ мѣропріятій, изъ лозунговъ и заявленій руководящихъ политическихъ партій, то казалось бы не можетъ быть и не должно быть сомнѣній, на чьей сторонѣ стоитъ законодатель. Однако, въ сферѣ экономическихъ отношеній лозунги имѣютъ наименьшее значеніе, и нерѣдко наиболѣе опредѣленныя заявленія приводятъ въ процессѣ своего развитія къ діаметральнопротивоположнымъ результатамъ, независимо отъ намѣреній законодателя, берущаго на себя нерѣдко совершенно непосильную задачу регулированія экономическихъ отношеній. Съ этой точки зрѣнія пріобрѣтаетъ особое значеніе изслѣдованіе содержанія основного закона о соціализаціи земли, принятаго 3-мъ Всероссійскимъ съѣздомъ совѣтовъ рабочихъ, солдатскихъ и крестьянскихъ депутатовъ.

Первыми четырьмя статьями основного закона о соціализаціи земли отмѣняются существующія формы землевладѣнія. При отмѣнѣ всякой собственности на землю, нѣдра, воды, лѣса и даже живыя силы природы, (ст. 1) земля безъ всякаго выкупа, явнаго или скрытаго, передается въ пользованіе всего трудового народа (ст. 2), при чемъ право пользованія землей, безъ ограниченія поломъ, вѣроисповѣданіемъ, національностью или подданствомъ, принадлежитъ лишь тѣмъ; кто обрабатываетъ ее собственнымъ трудомъ (ст. 3 и 4). Содержаніемъ приведенныхъ 4 статей отмѣняется существующее право въ области земельныхъ отношеній.

Новыя земельныя правоотношенія опредѣляются ст. 13 основного закона: «общимъ и основнымъ источникомъ права на пользованіе землей сельскохозяйственнаго значенія является личный трудъ». Никакихъ иныхъ формъ пріобрѣтенія правъ на землю закономъ не допускается. Право на пользованіе землею не можетъ никоимъ образомъ и ни при какихъ обстоятельствахъ пріобрѣтаться ни куплей, ни арендой, ни путемъ даренія и наслѣдства, ни вообще путемъ какой-бы то ни было частной сдѣлки (ст. 39 примѣч.). Право пользованія землей прикрѣплено къ лицу черезъ посредство сельскохозяйственнаго труда, прилагаемаго къ участку. Но и личность земледѣльца прикрѣплена къ земельному участку его пользованія, такъ какъ никто

не можетъ передать правъ на пользованіе находящимся у него участкомъ земли другому лицу, хотя бы и для трудового использованія земли. Наемный трудъ въ индивидуальномъ трудовомъ хозяйствѣ представляется недопустимымъ, и въ случаѣ использованія даннаго участка земли способомъ, закономъ недозволеннымъ, напр., тайнымъ примѣненіемъ наемнаго труда, право пользованія земельнымъ участкомъ прекращается (ст. 53). Земельный фондъ страны становится предметомъ трудового использованія отграниченной группы земледѣльческаго населенія, прилагающаго къ землѣ свой трудъ. Никакихъ иныхъ правовыхъ притязаній на землю основной законъ не признаетъ, не допуская признанія земли общенароднымъ достояніемъ. Это программное положеніе партіи соціалистовъ-революціонеровъ основнымъ закономъ о «соціализаціи земли» не признается. Наоборотъ, основныя положенія вновь создаваемаго земельнаго права рѣшительнымъ образомъ отвергаютъ общенародный характеръ того земельнаго достоянія, которое возникаетъ въ результатѣ отмѣны частной собственности на землю. Обращеніе всей земли во всенародное достояніе обѣщалъ также и декретъ о землѣ, принятый на съѣздѣ совѣтовъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ 26-го октября 1917 г.

Такимъ образомъ основной законъ о землѣ отвергаетъ обращеніе земли въ общенародное достояніе. Соотвѣтственно съ тѣмъ, наблюдается и глубокое принципіальное различіе въ той суммѣ правъ, которая предоставляется гражданамъ республики въ ихъ отношеніи къ земельному фонду по декрету о землѣ и по основному закону. По декрету (ст. 6) право пользованія землей получаютъ всѣ граждане (безъ различія пола) Россійскаго государства, желающіе обрабатывать ее своимъ трудомъ, при помощи своей семьи, или въ товариществѣ, и только до той поры, пока они въ силахъ ее обрабатывать. По основному закону (ст. 3), право пользованія землей принадлежитъ лишь тѣмъ, кто обрабатываетъ ее собственнымъ трудомъ. Послѣднее положеніе создаетъ болѣе ограниченную сумму правовыхъ притязаній на землю со стороны отдѣльныхъ гражданъ. По декрету, право на пользованіе землей распространяется на всѣхъ гражданъ, желающихъ приложить свой

трудъ къ землѣ. По основному закону право пользованія землей ограничивается лишь тѣми гражданами, которые обрабатываютъ ее собственнымъ трудомъ. Если декретъ о землѣ дѣлаетъ шагъ назадъ по сравненію съ формулировкой права на землю всякаго гражданина, устанавливаемой законопроектомъ, внесеннымъ во вторую Государственную Думу партіей с.-р., то «основной законъ о соціализаціи земли» совершенно устраняетъ начало субъективно-публичнаго права всякаго гражданина на землю. Это искорененіе правового начала изъ области регулированія земельныхъ отношеній проходитъ красною нитью черезъ весь законъ.

Организовать земельную площадь страны въ цѣляхъ сельскохозяйственнаго производства возможно или въ порядкѣ правового регулированія землепользованія, или въ порядкѣ землеустройства. Въ первомъ случаѣ законодатель въ основу земельнаго распорядка кладетъ правовыя нормы и защиту земельныхъ правъ гражданъ сосредоточиваетъ въ органахъ, охраняющихъ существующій правопорядокъ т.-е. въ органахъ судебнаго порядка. Въ этомъ случаѣ административные органы землеустройства играютъ чисто-техническую вспомогательную роль исполнительнаго порядка. Во второмъ случаѣ, при организаціи земельной площади въ порядкѣ землеустройства, центръ тяжести распорядительной дѣятельности переносится въ административные органы землеустройства. Примѣромъ законодательства перваго порядка можетъ служить арендное законодательство Ирландіи, аграрные законы Новой Зеландіи и т. п. Классическій образецъ законодательства второго порядка мы найдемъ въ столыпинскихъ земельныхъ законахъ.

Соотвѣтственно съ общимъ направленіемъ земельнаго законодательства по тому или иному руслу, земельныя нормы, опредѣляющія порядокъ распредѣленія земли между отдѣльными хозяйствами, выражаютъ собою или объемъ правовыхъ притязаній отдѣльныхъ гражданъ на землю, или роль землеустроительнаго аппарата, развертывающаго землю въ порядкѣ выполненія административно намѣченнаго плана. Если мы обратимся къ основному закону о соціализаціи земли и прослѣдимъ общее направленіе мысли законодателя при опредѣленіи нормативныхъ началъ земле-

пользованія, то передъ нами выяснится съ большой рельефностью чисто землеустроительное направленіе аграрнаго законодательства 3-го Всероссійскаго съѣзда совѣтовъ крестьянскихъ, рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. «Распредѣленіе земли между трудящимися должно производиться на уравнительно-трудовыхъ началахъ такъ, чтобы потребительно-трудовая норма, примѣняясь въ данномъ районѣ къ исторически сложившейся системѣ землепользованія, не превышала трудоспособности наличныхъ силъ каждаго отдѣльнаго хозяйства и, въ то же время, давало бы возможность безбѣднаго существованія семьѣ земледѣльца» (ст. 12.). Вотъ то опредѣленіе, которое дается закономъ основному нормативному принципу при распредѣленіи земли между трудящимися на уравнительно-трудовыхъ началахъ.

Прежде, чѣмъ приступить къ анализу тѣхъ условій, въ которыхъ должно найти себѣ примѣненіе цитированное законодательное положеніе, необходимо выяснить себѣ внутреннее содержаніе приведенной ст. 12. Какъ видно изъ текста, потребительно-трудовой нормѣ предъявляется двоякое требованіе: во-первыхъ, требуется, чтобы норма не превышала трудоспособности наличныхъ силъ *каждаго отдѣльнаго хозяйства*, и, во-вторыхъ, давала бы возможность безбѣднаго существованія семьѣ земледѣльца. Въ приведенныхъ двухъ требованіяхъ, несомнѣнно, заключается внутреннее противорѣчіе.

Для обширныхъ областей Россіи, въ ея нечерноземной полосѣ и въ особенности въ центральной промышленной области, эти требованія явно невыполнимы, такъ какъ при существующей производительности земледѣльческаго труда въ этихъ областяхъ результаты трудового земледѣльческаго хозяйства не въ состояніи обезпечить безбѣдное существованіе семьи земледѣльца. Потребительная норма превышаетъ трудовую норму; на этомъ основаніи въ границахъ промышленной области и получили столь значительное развитіе промысловыя занятія населенія, при чемъ повышеніе размѣровъ землепользованія, не устраняя необходимости въ дополнительномъ промысловомъ трудѣ, оказываетъ только вліяніе на форму приложенія промысловаго труда и выборъ промысловыхъ занятій.

Второе невыполнимое требованіе, которое ставится совѣтскимъ законодательствомъ къ «потребительно-трудовой» нормѣ, заключается въ томъ, чтобы норма не превышала трудоспособности наличныхъ силъ каждаго отдѣльнаго хозяйства. Самое понятіе «нормы» противорѣчитъ представленію объ индивидуальныхъ хозяйствахъ. Норма—это среднее отношеніе, собирающее вокругъ себя большинство хозяйствъ въ ихъ наиболѣе общихъ типичныхъ чертахъ. Въ процессѣ практическаго примѣненія, норма налагается на каждое отдѣльное хозяйство и опредѣляетъ собою мѣру отступленія хозяйствъ отъ установленной нормы.

Неясность представленія о томъ, что такое земельная норма и въ чемъ заключается ея назначеніе, не могла не отразиться и на способахъ, предлагаемыхъ законодательствомъ къ исчисленію нормы. Въ основной законъ о соціализаціи земли особымъ раздѣломъ (раздѣлъ IV) въ видѣ приложенія къ ст. 25 включена «Инструкція для установленія потребительно-трудовой нормы землепользованія на земляхъ сельско-хозяйственнаго значенія». Инструкція эта заключаетъ въ себѣ 24 параграфа и съ большой подробностью останавливается на опредѣленіи пріемовъ исчисленія нормы. Принимая во вниманіе то рѣшающее значеніе, которое получаетъ, въ силу основного закона, потребительно-трудовая норма въ дѣлѣ распредѣленія земли между отдѣльными категоріями населенія, необходимо остановиться съ нѣкоторою подробностью на пріемахъ исчисленія нормы.

По инструкціи вся земледѣльческая Россія распредѣляется на такое число поясовъ, сколько различныхъ системъ полеводства (переложная, трехпольная, восьмипольная, многопольная, плодосмѣнная и др.) исторически сложились въ данный хозяйственный періодъ. Эти пояса, по которымъ предписано основнымъ закономъ исчисленіе нормъ, играютъ крупное значеніе во всемъ землеустройствѣ, предуказанномъ тѣмъ же закономъ, а именно исчисленіе контингента населенія, нуждающагося въ дополнительномъ надѣленіи, производится по поясамъ (§ 20 инструкціи); границами поясовъ опредѣляется порядокъ разселенія и переселенія (ст. 27) и т. п.

При томъ исключительномъ значенiи, которое придается дѣленiю на пояса въ порядкѣ землеустройства, представляется изумительной та неясность опредѣленiй, которая заключена въ § 1 Инструкцiи. Для автора инструкцiи было совершенно неясно понятiе системы полеводства, такъ какъ въ инструкцiю, при перечисленiи системъ полеводства, включены самыя различныя понятiя. Системы полеводства различаются по способу добыванiя продукта, что прежде всего выражается тѣмъ, между какими растенiями и въ какомъ отношенiи раздѣлена эксплуатируемая хозяйствомъ почва. Система полеводства опредѣляется отношенiемъ, съ одной стороны, пашни вообще къ другимъ видамъ угодiй (выгонамъ, лугамъ и лѣсамъ), съ другой—частей пашни, занятыхъ различными группами культурныхъ растенiй, между собою. Авторъ инструкцiи различаетъ системы полеводства по числу полей,—трехпольную, восьмипольную, многопольную. Число полей,—это только одинъ изъ признаковъ сѣвооборота,—не выражая даже въ цѣломъ сѣвооборота, а только одинъ изъ его признаковъ—абсолютно ничего не говоритъ о системѣ полеводства. Кромѣ того, классификацiя системъ полеводства, при игнорированiи системы хозяйства, почти ничего не выражаетъ въ дѣлѣ установленiя нормальныхъ размѣровъ землепользованiя. Системы же хозяйства, зерновая, скотоводческая, техническая, опредѣляются тѣмъ продуктомъ, который доставляется хозяйствомъ на рынокъ. И для использованiя земельной территорiи не является безразличнымъ, съ какой системой хозяйства связана та или иная система полеводства.

Авторамъ инструкцiи осталось совершенно неизвѣстной та колоссальная работа мысли, которая была выполнена цѣлымъ рядомъ русскихъ ученыхъ и практиковъ земской статистики въ дѣлѣ изученiя признаковъ дѣленiя Россiи на сельскохозяйственные районы, и не мало нужно было смѣлости незнанiя, чтобы думать возможнымъ осуществить такое территорiальное дѣленiе по признаку числа полей въ сѣвооборотѣ. Въ какой степени неосвѣдомленъ авторъ инструкцiи въ тѣхъ условiяхъ, подъ влiянiемъ которыхъ слагается система полеводства, свидѣтельствуетъ § 2 того же документа. Внутри пояса норма можетъ измѣняться въ

зависимости отъ климата, естественнаго плодородія почвы, а равно въ зависимости отъ близости къ рынку. Слѣдовательно, предполагается, что система полеводства не находится въ зависимости отъ указанныхъ выше условій, въ дѣйствительности же дѣло обстоитъ какъ разъ наоборотъ, и система хозяйства, а вслѣдъ за ней и система полеводства, слагаются въ сильнѣйшей степени подъ давленіемъ указанныхъ выше условій. Въ дальнѣйшемъ обнаруживается, что и плотность населенія не является такимъ признакомъ, въ зависимости отъ котораго слагается система полеводства. На основаніи § 5 Инструкціи, при опредѣленіи нормы для даннаго пояса, берется среднее по размѣромъ хозяйство одного изъ уѣздовъ этого пояса съ плотностью населенія низшей для этого пояса и съ такимъ соотношеніемъ различныхъ земельныхъ угодій, которое по мнѣнію населенія (областного или губернскаго съѣзда земельныхъ отдѣловъ Совѣтовъ) будетъ признано наиболѣе нормальнымъ, т.-е. наиболѣе благопріятнымъ для веденія такого типа хозяйства, какой преобладаетъ въ этомъ поясѣ. Изъ этого параграфа Инструкціи мы узнаемъ, что, по мнѣнію ея составителей, потребительско-трудовая норма есть среднее по размѣрамъ хозяйство, взятое въ границахъ опредѣленнаго района, что соотношеніе угодій, наиболѣе нормальное для даннаго типа хозяйства, опредѣляется не самымъ типомъ хозяйства, а мнѣніемъ населенія, что возможно найти въ конкретной дѣйствительности такой уѣздъ, который бы удовлетворялъ и объективному признаку наименьшей плотности населенія и субъективному мнѣнію съѣздовъ земельныхъ комитетовъ о наиболѣе нормальномъ соотношеніи угодій. Всѣ приведенныя мнѣнія поражаютъ своей исключительной оригинальностью, такъ какъ противорѣчатъ всей предыдущей работѣ русской аграрной мысли въ дѣлѣ разрѣшенія поставленныхъ передъ нею проблемъ поземельнаго устройства.

Душевая норма землепользованія, разсчитанная на одну душу населенія при опредѣленіи потребительской нормы и на одного работника при исчисленіи трудовой нормы, не является отвлеченнымъ изобрѣтеніемъ работавшихъ по аграрному вопросу, а заимствованно изъ уравнительно-передѣльной практики русскихъ трудовыхъ земледѣльцевъ.

И, дѣйствительно, уравнять землепользованіе возможно только по душевой нормѣ, учитывающей потребительный и трудовой спросъ на землю. Найти конкретно такой уѣздъ, который удовлетворилъ бы требованіямъ, предъявленнымъ основнымъ закономъ къ способу исчисленія нормы, не представляетъ какой-либо возможности. Любой уѣздъ, какъ бывшей великой демократической республики, такъ и ея мелкаго осколка, въ видѣ республики совѣтской, включаетъ въ свой составъ различныя группы хозяйства съ весьма разнообразнымъ соотношеніемъ угодій. Итакъ, передъ совѣтскими землеустроителями стоятъ, при исчисленіи нормъ, двѣ конкретно недостижимыя цѣли: дѣленіе Россіи на пояса по системѣ полеводства, и поиски внутри поясовъ уѣздовъ съ наименьшей густотой населенія и съ наиболѣе нормальнымъ соотношеніемъ угодій. При этомъ остается совершенно открытымъ вопросъ, а какъ быть въ томъ случаѣ, если внутри пояса оказалось бы нѣсколько типовъ хозяйства?

Для исчисленія нынѣ существующаго крестьянскаго землевладѣнія въ уѣздѣ, взятомъ за отправный пунктъ всего пояса, требуется опредѣленіе средней по качеству и урожайности десятины, при чемъ эта средняя должна составить «частное отъ дѣленія суммы урожаевъ съ различныхъ въ почвенномъ отношеніи десятинъ на число почвенныхъ категорій» (§ 18). Содержаніе этого параграфа не вполнѣ ясно, такъ какъ взятое въ тѣхъ выраженіяхъ, которыя употреблены въ основномъ законѣ, противорѣчитъ правиламъ ариѳметики; а, именно, при дѣленіи суммы урожаевъ на число почвенныхъ категорій въ частномъ получится не средняя десятина, какъ думаютъ авторы закона, а величина средняго урожая. По всей вѣроятности, мы имѣемъ здѣсь дѣло не столько съ ариѳметической, сколько со стилистической погрѣшностью. Составители инструкціи, повидимому, столь неудачно выразили по существу правильную мысль, что при исчисленіи размѣровъ землепользованія необходимо принимать не только количественную, но и качественную сторону землепользованія, не имѣя однако въ своемъ распоряженіи тѣхъ наличныхъ знаній, которыя могли бы указать тотъ путь, слѣдуя которому легко было бы достигнуть поставленной себѣ цѣли.

А между тѣмъ, какъ много сдѣлала земская статистика въ дѣлѣ разработки пріемовъ качественной оцѣнки земель! Даже кадастровыя работы 40-хъ годовъ прошлаго столѣтія, выполненныя въ мрачную эпоху николаевскаго царствованія на земляхъ государственныхъ крестьянъ, стояли, по своимъ понятіямъ и пріемамъ, неизмѣримо выше кадастровыхъ понятій тѣхъ земельныхъ реформаторовъ, которые приложили печать своего исключительнаго невѣжества къ основному закону о землѣ.

Переходимъ далѣе къ выясненію, въ какомъ порядкѣ предположено примѣнить эту норму къ разрѣшенію тѣхъ многочисленныхъ земельныхъ отношеній, которыя послѣдовательно сложились въ условіяхъ русской дѣйствительности.

По основному закону о землѣ, весь земельный фондъ страны распадается на двѣ неравныя половины: 1) основной земельный фондъ—площадь фактическаго крестьянскаго землепользованія до 1917 г.—земли надѣльныя, купленныя крестьянскими обществами, товариществами, отдѣльными лицами и арендуемыя, и 2) земли запаснаго земельнаго фонда, въ составъ котораго входятъ земли всѣхъ частновладѣльческихъ нетрудовыхъ хозяйствъ, находившихся до этого времени въ фактическомъ владѣніи у казны, частныхъ банковъ, монастырей, удѣловъ, помѣщиковъ (§ 8 инструкціи). Такимъ образомъ, размѣръ земельнаго запаснаго фонда, предназначаемаго основнымъ закономъ для дополнительнаго надѣленія трудовыхъ земледѣльцевъ, опредѣлается границами фактическаго крестьянскаго трудового землепользованія до 1917 г. Все то, что выходило за эти границы и находилось въ непосредственномъ пользованіи нетрудовыхъ землевладѣльцевъ и обрабатывалось владѣльческимъ инвентаремъ, войдетъ въ составъ запаснаго земельнаго фонда.

Все содержаніе основного закона о соціализаціи земли касается вопросовъ землеустройства на запасномъ земельномъ фондѣ и совершенно не затрагиваетъ вопросовъ землепользованія на основномъ земельномъ фондѣ. Найденная указаннымъ выше способомъ средняя норма предназначена, согласно § 19 Инструкціи, служить основой при равненіи отдѣльныхъ хозяйствъ за счетъ земель за-

паснаго земельнаго фонда по всему поясу. Изъ цитированнаго параграфа становится ясно, что новѣйшій законодатель даетъ опредѣленное назначеніе запасному земельному фонду служить цѣлямъ земельнаго поравненія отдѣльныхъ хозяйствъ. Достигнуть этой цѣли предполагается, по всѣмъ признакамъ, не затрагивая земель основного земельнаго фонда. Дальнѣйшее содержаніе Инструкціи, какъ напр. § 20, указывающій способъ опредѣленія количества земли разныхъ угодій, потребнаго для дополнительнаго надѣленія малоземельныхъ, и § 23, отмѣчающій тѣ случаи, когда при дополнительномъ надѣленіи землей отдѣльныхъ хозяйствъ надѣлъ долженъ былъ увеличенъ,—опредѣленнымъ образомъ указываетъ, что законодатель имѣетъ въ виду организовать земельную территорію на началахъ дополнительнаго надѣленія изъ запаснаго земельнаго фонда, не вводя въ общій передѣлъ не только земель надѣльныхъ и купленныхъ крестьянами, но также и арендованныхъ ими. Отсюда можно видѣть, что потребительно-трудовая норма примѣняется къ землямъ коренного крестьянскаго землепользованія не въ цѣляхъ уравнительнаго перераспредѣленія этихъ земель на одинаковыхъ основаніяхъ съ землями запаснаго земельнаго фонда, а исключительно въ цѣляхъ отграниченія земель крестьянскаго трудового землепользованія отъ земель бывшаго крупнаго землевладѣнія. Въ границахъ же коренного крестьянскаго землепользованія распредѣленіе земель ничѣмъ не регулируется, и эти земли остаются въ томъ же распредѣленіи, какъ ихъ застала основная «земельная реформа».

Подтвержденіе нашего заключенія мы находимъ точно также въ содержаніи § 20 Инструкціи, согласно которому для опредѣленія количества земли разныхъ угодій, потребнаго для дополнительнаго надѣленія малоземельныхъ, слѣдуетъ количество десятинъ земли, приходящееся въ уѣздѣ на одну рабочую силу, помножить на сумму рабочихъ земледѣльческихъ силъ даннаго пояса и вычесть изъ произведенія наличное количество земли у крестьянъ-тружениковъ. При такомъ порядкѣ опредѣленія количества десятинъ земли, поступающей изъ запаснаго земельнаго фонда въ дополнительное надѣленіе,

сохраняются въ неприкосновенности всѣ сверхнадѣльные земельные верхи, остающіеся въ пользованіи многоземельныхъ крестьянскихъ дворовъ. Дѣйствительно, при исчисленіи потребности въ количествѣ земли для осуществленія дополнительнаго надѣленія, уменьшаемое опредѣляется путемъ уменьшенія средней нормы на наличное число рабочихъ силъ, а вычитаемое включаетъ въ себя все наличное землепользованіе вмѣстѣ съ землями крестьянскихъ семей, имѣющихъ въ пользованіи количество земель свыше нормы. При такомъ порядкѣ исчисленія разности, выражающей количество земли дополнительнаго надѣленія, землепользованіе, превышающее норму, пойдетъ въ зачетъ недостающихъ количествъ земель для дополнительнаго надѣленія малоземельныхъ, не подвергаясь фактическому перераспредѣленію.

Благодаря такому способу исчисленія, недостающее количество земли сильно преуменьшается на все то количество сверхнадѣльныхъ излишковъ, которые зачитываются въ дополнительное надѣленіе, оставаясь въ фактическомъ пользованіи своихъ прежнихъ владѣльцевъ. Опредѣливъ указаннымъ выше явно ошибочнымъ способомъ количество земли, необходимое для дополнительнаго надѣленія малоземельныхъ, Инструкція (§ 21) рекомендуетъ сопоставить эту цифру съ количествомъ земли, имѣющейся въ запасномъ фондѣ и опредѣлить количество семей, подлежащихъ разселенію въ границахъ даннаго пояса и нуждающихся въ переселеніи въ другой поясъ. Примѣненіе правилъ, выраженныхъ въ Инструкціи, неизбѣжно будетъ приводить къ преувеличенію количества семей, могущихъ быть удовлетворенными землею въ границахъ даннаго пояса, и къ преуменьшію количества земли, необходимаго для дополнительнаго надѣленія. Какъ видно изъ приведеннаго законодательства, земельное перераспредѣленіе совершается органами землеустройства, при чемъ права отдѣльныхъ гражданъ на дополнительное надѣленіе ничѣмъ не ограничены и всегда могутъ быть произвольно нарушены.

Распредѣленіемъ земель сельскохозяйственнаго значенія на указанныхъ выше основаніяхъ, между трудящимися вѣдаютъ сельскіе, волостные, уѣздные, губернскіе, обла-

стные, главные и федеральные отдѣлы Совѣтовъ въ зависимости отъ значенія этихъ земель (ст. 9). Такимъ образомъ, функціи землеустроительныхъ органовъ предоставлены земельнымъ отдѣламъ Совѣтовъ рабочихъ и крестьянскихъ депутатовъ. На эти органы выпадаетъ задача выполнить дополнительное надѣленіе землей малоземельныхъ семей землями запаснаго земельнаго фонда.

Переходимъ далѣе къ выясненію, къ какимъ послѣдствіямъ для отдѣльныхъ районовъ приведетъ установленная выше система дополнительнаго надѣленія. Какъ уже было выше выяснено, количественные размѣры запаснаго земельнаго фонда, предназначеннаго къ выполненію задачи дополнительнаго надѣленія, опредѣляются площадью земель, находящихся въ нетрудовомъ пользованіи и обрабатывающихся наемнымъ трудомъ. Такимъ образомъ запасъ земель для дополнительнаго надѣленія представляется тѣмъ болѣе обширнымъ, чѣмъ сильнѣе была распространена экономическая запашка въ соотвѣтствующемъ районѣ. Если принять во вниманіе также и тѣ губерніи, которыя нынѣ выдѣлены въ составъ украинской народной республики, но которыя во всякомъ случаѣ имѣлись въ виду при составленіи основного земельнаго закона федеральной республики, то получится слѣдующая картина. Наибольшее развитіе экономическая запашка получила въ свеклосахарномъ районѣ, по губерніямъ Подольской и Кіевской, гдѣ на каждыя 100 десятинъ крестьянскихъ посѣвовъ приходилось въ 1916 г. болѣе 40 дес. подъ экономическимъ посѣвомъ, при наличности средняго на Евр. Россіи отношенія 12 на 100 дес. На второмъ мѣстѣ стояли граничащія съ поименованными выше губерніи Херсонская, Волынская и Полтавская и особо расположенная Лифляндская губернія, гдѣ на каждыя 100 крестьянскихъ десятинъ приходится 21—40 дес. частновладѣльческаго посѣва. Слѣдующая группа губерній съ отношеніемъ 14—20 дес. помѣщичьихъ на 100 дес. крестьянскихъ въ территоріальномъ отношеніи разбивается на двѣ подгруппы: южныя губерніи, примыкающія къ упомянутымъ ранѣе губерніямъ первыхъ двухъ группъ—Бессарабская, Екатеринославская, Харьковская и Таврическая, и изъ центральныхъ черноземныхъ губерній—Тамбовская, Курская, Пензенская и, особо, Эстляндская губернія. Кромѣ упомянутыхъ уже губерній, соотношеніе частновладѣльче-

скихъ площадей съ крестьянскими выше средняго по Е. Россіи только по Орловской и Могилевской губ.

Такимъ образомъ, наиболѣе обширный запасный земельный фондъ возникаетъ по юго западнымъ и южнымъ губерніямъ и, слѣдовательно, по означеннымъ губерніямъ можетъ быть въ наибольшей степени осуществлено дополнительное надѣленіе землей малоземельныхъ крестьянъ. Экономическая запашка и возникающій изъ нея запасный земельный фондъ, получивъ наибольшее развитіе въ западной половинѣ черноземной полосы, послѣдовательно понижается по мѣрѣ движенія на востокъ, по мѣрѣ повышенія земельнаго простора. Получается коренное противорѣчіе, ставящее вверхъ ногами всю земельную реформу: запасный земельный фондъ организуется не въ районахъ абсолютно и относительно наиболѣе многоземельныхъ, а въ мѣстностяхъ, наиболѣе густо населенныхъ. При такомъ порядкѣ образованія запаснаго земельнаго фонда впередъ можно предвидѣть, что эти земли будутъ цѣликомъ поглощены мѣстнымъ безземельнымъ и малоземельнымъ населеніемъ и не могутъ послужить матеріаломъ къ разрѣшенію междурайонныхъ земельныхъ отношеній. Ограниченность территоріи запаснаго земельнаго фонда на многоземельномъ юговостокѣ обусловлена системой зачисленія земель въ запасный земельный фондъ. Всѣ земли, находившіяся въ трудовомъ крестьянскомъ пользованіи до 1917 г., надѣльныя, купленныя и арендованныя, перераспредѣленію не подлежатъ и сохраняются за ихъ прежними пользователями и въ составъ земельнаго запаснаго фонда, согласно § 8 Инструкціи, не зачисляются. Ни въ одномъ параграфѣ основного закона и включенной въ него Инструкціи не имѣется указаній на порядокъ регулированія земельныхъ отношеній на земляхъ, находившихся въ трудовомъ пользованіи крестьянъ до 1917 г. По отношенію къ этой категоріи земель, составляющихъ подавляющую долю въ составѣ земельнаго фонда страны, находятъ себѣ примѣненіе исключительно отрицательныя постановленія закона объ отмѣнѣ частной собственности на эти земли, о воспрещеніи перехода земель изъ рукъ въ руки и примѣненія наемнаго труда на этихъ земляхъ. Весь вопросъ о перераспредѣленіи земель разрѣшается въ порядкѣ до-

полнительнаго надѣленія малоземельныхъ изъ запаснаго земельнаго фонда. Существующее распредѣленіе земель внутри крестьянскаго трудового землепользованія принимается какъ фактъ, и къ означенному зафиксированному распредѣленію приспособляется разверстка земель, бывшихъ ранѣе во владѣльческой запашкѣ. Чтобы выяснить тѣ послѣдствія, которыя получаются въ результатѣ примѣненія отмѣченнаго выше порядка распредѣленія земель, прежде всего необходимо обратить вниманіе на глубокую разницу въ распредѣленіи земель различныхъ категорій (надѣльныхъ, купленныхъ, арендованныхъ) между отдѣльными группами крестьянскаго населенія. Наиболѣе богатый матеріалъ въ этомъ отношеніи даетъ намъ книга В. Ильина «Развитіе капитализма въ Россіи». Приводимъ нѣсколько таблицъ, заимствуемыхъ нами изъ этой весьма поучительной книги*).

Днѣпровскій уѣздъ Таврической губ.

(Средній посѣвъ на 1 хоз. 16,5 дес.)

Группы хозяйствъ	% дворовъ по группѣ	% населенія	% земель въ группѣ			Всего въ пользованіи
			надѣльн.	купчихъ	арендован.	
Бѣдныя (до 10 дес. посѣва)	39.9	32.6	25.5	6	6	12.4
Среднія (10—25 дес. посѣва	41.7	42.2	46.5	16	35	43
Зажиточныя (25 и бол. дес.)	18.4	25.2	28	78	59	46
	100	100	100	100	100	100

*) Утверждаютъ, что В. Ильинъ, авторъ книги „Развитіе капитализма въ Россіи", и подписавшійся подъ основнымъ закономъ о соціализаціи земли В. Ульяновъ (Н. Ленинъ)—одно и то же лицо. Если такое утвержденіе достовѣрно, то мы несомнѣнно встрѣчаемся съ интереснѣйшимъ фактомъ раздвоенія личности.

Камышинскій уѣздъ Саратовской губерніи.

(Средній посѣвъ на 1 хоз. 10,8 дес.)

Группы хозяйствъ	% населен.	% надѣльн. з.	% арендов.	Всего землепользован.
Безъ раб. скота	17.6	16	1.7	5.5
Съ 1 голов. раб. скота .	15.9	14	6.0	10.3
„ 2 „ „ „ .	13.8	13	9.5	12.3
„ 3 „ „ „ .	10.3	10	9.5	10.4
„ 4 „ „ „ .	10.4	11	11.1	11.9
„ 5 и бол. „ „ .	32.0	36	62.2	49.6

Красноуфимскій уѣздъ Пермской губерніи.

(Десят. посѣва на 1 хоз. 5,8).

Группы хозяйствъ	% насел. въ группѣ	% земли по группѣ		Всего землепольз.
		надѣльн.	аренд.	
Необраб. земли	6.5	5.7	0.7	1.6
Обраб. до 5 дес	24.8	22.6	6.3	10.7
„ 5—10 „ . . .	26.7	26.0	15.9	19.3
„ 10—20 „ . . .	27.3	28.2	33.7	32.8
„ 20—50 „ . . .	13.5	15.5	36.8	29.0
„ св. 50 „ . . .	1.2	1.9	7.0	5.3
Всего . .	100	100	100	100

Княгининскій, Макарьевскій и Васильскій у. Нижегородск. г.

(Десятинъ посѣва на 1 хоз. 5,0)

Группы хозяйствъ	% насел. въ группѣ	% земли по группѣ			Всего землеп.
		надѣльн	купчей	арендов.	
Безлош.	22.2	18.6	5.7	3.3	13.1
Съ 1 раб. лош. . .	35.2	36.6	18.8	25.1	34.1
„ 2 „ „ . .	27.4	28.5	29.3	38.5	30.2
„ 3 „ „ . .	10.9	11.6	22.7	21.2	14.8
„ 4 и бол. р. лош.	4.3	4.7	23.5	11.9	7.8

Приведенными таблицами прежде всего отмѣчается крупная разница въ распредѣленіи надѣльныхъ земель по отдѣльнымъ группамъ крестьянскихъ хозяйствъ сравнительно съ распредѣленіемъ по группамъ земель купчихъ и арендованныхъ. Если сравнивать рядъ чиселъ, дающій

распредѣленіе населенія по группамъ съ распредѣленіемъ по тѣмъ же хозяйственнымъ группамъ надѣльныхъ земель, то выясняется высокая степень уравнительности въ распредѣленіи земель надѣльнаго фонда среди населенія, что является несомнѣннымъ результатомъ дѣйствія уравнительно-передѣльнаго механизма земельной общины. Иное наблюдается въ порядкѣ распредѣленія земель купленныхъ и арендованныхъ. Наименѣе равномѣрно распредѣлены купчія земли при повышеніи земельной доли сравнительно наиболѣе зажиточныхъ группъ населенія, что является вполнѣ понятнымъ, такъ какъ самая возможность повысить размѣры своего земельнаго запаса путемъ покупки предопредѣляется наличностью сравнительно крупныхъ денежныхъ средствъ. Среднее положеніе по уравнительности распредѣленія занимаетъ арендный земельный фондъ. При этомъ въ распредѣленіи арендного фонда по отдѣльнымъ мѣстностямъ въ границахъ отдѣльныхъ земельныхъ группъ наблюдается слѣдующая правильность. Въ мѣстностяхъ съ большимъ земельнымъ просторомъ, съ болѣе вмѣстительнымъ арендымъ фондомъ наблюдается большая неравномѣрность въ распредѣленіи земель арендного фонда между отдѣльными группами населенія, чѣмъ въ мѣстностяхъ относительно болѣе малоземельныхъ и малоарендныхъ. Происходитъ такое явленіе въ результатѣ слѣдующей комбинаціи условій. При малоземельи увеличивается спросъ на арендованную землю, при чемъ возрастающее число съемщиковъ предъявляетъ свой спросъ на ограниченную площадь арендного земельнаго фонда, который подъ вліяніемъ наплыва съемщиковъ дробится на мелкія подесятинныя полосы чисто продовольственной аренды. При наличности крестьянскаго многоземелья спросъ на продовольственную аренду сокращается, и большая вмѣстительность арендного фонда допускаетъ раскинуться на сравнительномъ земельномъ просторѣ предпринимательской арендѣ болѣе зажиточныхъ группъ крестьянскаго трудового населенія. Благодаря указаннымъ условіямъ, противорѣчіе между уравнительно-трудовымъ распредѣленіемъ земель надѣльныхъ и свободнымъ рыночнымъ размѣщеніемъ земель арендованныхъ представляется тѣмъ болѣе значительнымъ, чѣмъ малоземельнѣе мѣстность, какъ по усло-

віямъ снабженія надѣльной землей крестьянскаго населенія, такъ и по сравнительной вмѣстительности аренднаго земельнаго фонда. Основной законъ о землѣ утверждаетъ указанную неравномѣрность распредѣленія внѣнадѣльнаго земельнаго фонда и передаетъ въ руки сравнительно наиболѣе зажиточнаго крестьянскаго населенія относительно наибольшую долю общенароднаго земельнаго запаса. Вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ приведенныя выше свѣдѣнія свидѣтельствуютъ о томъ, что распредѣленіе крестьянскаго землепользованія, подъ вліяніемъ дополненія крестьянскаго надѣльнаго землевладѣнія купчими и арендованными землями, становится тѣмъ болѣе неравномѣрнымъ, чѣмъ многоземельнѣе тотъ районъ, въ которомъ производится наблюденіе. Земли Днѣпровскаго и Камышинскаго уѣздовъ распредѣлены относительно менѣе равномѣрно, чѣмъ земли Красноуфимскаго, Княгининскаго, Макарьевскаго и Васильскаго уѣздовъ. Чѣмъ обширнѣе арендный земельный фондъ и, слѣдовательно, чѣмъ слабѣе распространена экономическая запашка, тѣмъ неравномѣрнѣе распредѣляется земля по отдѣльнымъ группамъ населенія. Слѣдовательно, тѣ условія, которыя создаютъ неравномѣрность распредѣленія землепользованія съ явнымъ и крупнымъ уклономъ въ сторону болѣе зажиточныхъ группъ населенія, вмѣстѣ съ тѣмъ сокращаютъ площадь того запаснаго земельнаго фонда, при содѣйствіи котораго авторы основного закона о соціализаціи земли предполагаютъ путемъ дополнительнаго надѣленія малоземельныхъ группъ населенія внести уравнительность въ распредѣленіе земель. Чѣмъ больше неуравнительности въ распредѣленіи земель между отдѣльными группами населенія, тѣмъ меньше возможность достигнуть уравнительности въ пользованіи землей путемъ дополнительнаго надѣленія. Таковъ законъ, вытекающій изъ «закона о соціализаціи земли».

Дополнительное надѣленіе производится по отношенію къ отдѣльнымъ хозяйственнымъ единицамъ, т. е. къ отдѣльнымъ крестьянскимъ семьямъ. Основаніемъ для надѣленія служитъ рабочая сила, при чемъ за основаніе для исчисленія рабочихъ силъ отдѣльнаго хозяйства берется особая шкала, приводимая въ инструкціи (§ 14). По означенной шкалѣ мужчина работникъ принимается за 1, женщи-

на работница—0, 8, мальчикъ подростокъ 12-16 л.—0,5 и т. п. Всякому сколько-нибудь знакомому съ основаніями земельной разверстки, практикуемыми крестьянской общиной, станетъ яснымъ, что начала земельной разверстки, даваемыя основнымъ земельнымъ закономъ, представляютъ собой не болѣе, какъ плодъ отвлеченной теоретической мысли, голую выдумку, совершенно чуждую народному правосознанію.

Все разнообразіе основаній общинной поземельной разверстки можетъ быть сведено къ двумъ основнымъ типамъ: душевой разверсткѣ по наличному числу мужскихъ душъ и по ѣдокамъ т. е. по наличному числу душъ обоего пола, и тягловой разверсткѣ—по работникамъ мужского пола. Тягловая разверстка по работникамъ была господствующей въ мѣстностяхъ, гдѣ платежи за землю превышали доходность надѣла; съ отмѣной подушной подати и пониженіемъ выкупныхъ платежей, начала получать преобладаніе душевая разверстка земли и въ качествѣ итога пореформеннаго развитія крестьянской общины—разверстка по наличнымъ душамъ об. п., «по ѣдокамъ». Наиболѣе близко къ той системѣ разверстки, которую, повидимому, совершенно случайно приняли авторы закона о соціализаціи земли, стоялъ переходный типъ, когда тягло накладывали не только на взрослаго работника но и на полуработника. Такая система практиковалась въ общинахъ съ наиболѣе тяжелыми условіями платежей за землю, когда съ платежами не справлялись рабочія силы деревни и тягловой единицей становились также и подростки. Съ теченіемъ времени, начиная съ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, подъ вліяніемъ повышенія доходности земли и пониженія платежей, падающихъ на землю, разверстка земли по работникамъ, а также другія сопровождающія ее формы тягловой разверстки начинаютъ все болѣе и болѣе переходить въ подушную разверстку. Въ основѣ подушной разверстки лежитъ потребительское начало въ противоположность голому трудовому принципу тягловой разверстки. Спрашивается, какимъ образомъ можетъ быть достигнуто объединеніе принциповъ земельнаго правопорядка въ общинахъ съ господствующей душевой разверсткой при дополнительномъ надѣленіи по принципамъ основного закона?

Естественно, что при такихъ условіяхъ общинный передѣльный механизмъ долженъ остановиться, и община—замереть. Порядкомъ дополнительнаго надѣленія достигнется однимъ ударомъ та же цѣль, которую ставилъ своимъ аграрнымъ закономъ покойный Столыпинъ. Вновь предъ нами вскрывается близкое сходство принциповъ землеустроительной политики Совѣта съ политикой самодержавія столыпинской эпохи.

Въ связи съ изложеннымъ необходимо также обратить вниманіе на порядокъ прекращенія права пользованія землей, установленный основнымъ закономъ о землѣ. При перерывѣ въ сельскохозяйственномъ производствѣ, въ случаѣ временной утраты трудоспособности мѣстная совѣтская власть организуетъ общественную помощь этимъ хозяйствамъ или прибѣгаетъ къ помощи труда, оплачиваемаго государствомъ (ст. 49). Право на пользованіе землею прекращается совершенно въ случаѣ фактической невозможности для даннаго лица заниматься земледѣліемъ, напр., при утратѣ трудоспособности (ст. 50). Приведенныя статьи земельнаго закона устанавливаютъ условія временнаго перерыва въ пользованіи и совершеннаго прекращенія правъ пользованія землей. Перерывъ въ пользованіи землей наступаетъ въ случаѣ временной утраты трудоспособности, а совершенное прекращеніе права пользованія—при полной утратѣ трудоспособности. Дополнительное надѣленіе землей происходитъ по рабочимъ силамъ, учитываемымъ не только по числу мужчинъ работниковъ, но также и работницъ—женщинъ, полуработниковъ и подростковъ. Временное или постоянное прекращеніе трудоспособности можетъ коснуться въ отдѣльности каждаго изъ членовъ семьи въ возрастѣ 12—60 лѣтъ.

Спрашивается, въ какомъ же порядкѣ будетъ прекращаться право пользованія земельнымъ участкомъ цѣлой семьи? Исходя изъ текста закона, очевидно, по частямъ, по мѣрѣ утраты трудоспособности тѣмъ или другимъ членомъ семьи или въ случаѣ полученія имъ занятій, отрывающихъ отъ земледѣлія. Очевидно, что на такой колеблющейся основѣ никакое хозяйство построено быть не можетъ. Законъ предвидитъ только утрату правъ на пользованіе земельнымъ участкомъ и совершенно не считается

съ наростаніемъ правъ при переходѣ отъ младшей возрастной группы къ болѣе старшей. Порядокъ прекращенія правъ на пользованіе земельнымъ участкомъ, установленный основнымъ закономъ, противорѣчитъ кореннымъ принципамъ въ пользованіи землей, усвоеннымъ народнымъ правосознаніемъ при общинномъ землепользованіи. При нормальномъ функціонированіи общиннаго передѣльнаго механизма, земли, поступившія въ пользованіе отдѣльныхъ крестьянскихъ семей по разверсткѣ, сохраняются за этими семьями вплоть до новаго коренного передѣла. Между коренными передѣлами допускались частные передѣлы, свалка—повалка земельныхъ душъ въ пережитый давно періодъ непосильныхъ земельныхъ платежей, когда измѣненіе рабочаго состава крестьянской семьи отражалось на платежеспособности этой семьи, и община выполняла переверстку земли въ цѣляхъ исключительно фискальныхъ. Поэтому частные передѣлы, вмѣстѣ съ тягловой разверсткой, давнымъ давно вышли изъ практики общиннаго землепользованія. Основной законъ о соціализаціи земли, какъ чистѣйшій плодъ реакціонной мысли нынѣ стремится воскресить на запасномъ земельномъ фондѣ эти пережитки земельной разверстки. Возникаетъ новое и существенное противорѣчіе между порядками, намѣченными для регулированія земельныхъ отношеній основнымъ закономъ, и существующими общинными распорядками, чѣмъ наносится новый дополнительный ударъ ненавистной общинѣ. Въ основномъ законѣ о землѣ скрытая, чисто столыпинская ненависть къ общинному землепользованію и общинному правосознанію представляется замаскированной для неопытнаго глаза и вскрывается только въ результатѣ послѣдовательнаго анализа содержанія отдѣльныхъ статей закона.

Если же мы обратимся къ первоначальному законопроекту въ томъ видѣ, какъ онъ былъ составленъ бывшимъ народнымъ комиссаромъ земледѣлія г. Колегаевымъ, то столыпинскій духъ, тайно пронизывающій законъ, явно обнаруживается въ законопроектѣ недаровитаго подражателя душителя аграрнаго движенія народныхъ массъ 1905--6 гг. По упомянутому законопроекту, при переселеніи, во всѣхъ случаяхъ, и при дополнительномъ надѣленіи, если это надѣленіе связано со значительной передвижкой земли,

вводится отрубное хозяйство. Прямолинейность столыпинскихъ принциповъ землеустройства здѣсь доводится до абсурда, такъ какъ предписывается обязательность отрубного хозяйства въ переселенческихъ районахъ, по естественно-историческимъ и экономическимъ условіямъ наименѣе приспособленнымъ къ веденію отрубного хозяйства. Но если послѣдующее разсмотрѣніе законопроекта и выкинуло эти землеустроительныя увлеченія, то общій духъ законопроекта перешелъ въ законъ, содержащій въ остальной своей части лишь незначительныя поправки къ первоначальному законопроекту г. Колегаева.

Взглянемъ теперь на тотъ пестрый конгломератъ формъ землепользованія и земельныхъ отношеній, который возникаетъ изъ основного закона.

1. Надѣльныя земли, въ преобладающей своей площади находящіяся въ общинномъ землепользованіи и передѣляемыя на основѣ обычнаго общиннаго права. По отношенію къ этой категоріи земель, на которыхъ преимущественно будетъ сосредоточено сельскохозяйственное производство и послѣ завершенія аграрной реформы, закономъ, съ одной стороны, возстанавливаются отжившія формы частныхъ земельныхъ передѣловъ, чуждыхъ народному правосознанію и навязанныхъ извнѣ фискальной политикой государства, а, съ другой стороны, упраздняются наиболѣе существенные признаки общинно-уравнительнаго землепользованія: свобода выбора общиной основы земельной разверстки, а также коренные передѣлы по свободно выбраннымъ разверсточнымъ единицамъ.

2. Земли купленныя, не распредѣляемыя на уравнительныхъ началахъ, закрѣпляются за наличными владѣльцами пожизненно или до утраты ими трудоспособности.

3. Земли арендованныя, распредѣленныя между отдѣльными пользователями свободной конкуренціей на земельномъ рынкѣ въ условіяхъ, сложившихся за предшествовавшіе года.

4. Земли дополнительнаго надѣленія, выполненнаго по опредѣленной нормѣ, и поступающія въ пользованіе трудового крестьянства на основаніяхъ, коренным образомъ противорѣчащихъ тѣмъ условіямъ, на которыхъ выполняет-

ся сельскохозяйственная дѣятельность на земляхъ прочихъ категорій.

Не трудно себѣ представить тотъ земельный хаосъ, который воцарится въ результатѣ такого опыта по организаціи сельскохозяйственной территоріи трудового пользованія. Этотъ хаосъ долженъ еще болѣе усилиться тѣмъ, что основной законъ о землѣ не обезпечиваетъ правъ пользованія землей трудового земледѣльца какой бы то ни было нормой права. Въ то время, какъ землеустроительнымъ органамъ, земельнымъ отдѣламъ Совѣтовъ предоставлена вся полната власти въ дѣлѣ земельнаго распорядка, права на землю отдѣльной личности ничѣмъ не ограждены. За личностью трудового земледѣльца признается лишь право на пользованіе земельнымъ участкомъ и то до тѣхъ только поръ, пока онъ въ силахъ работать. Земледѣлецъ поставленъ въ положеніе наемника совѣтской власти, причемъ нанимателей нѣсколько, каждый со своими правами. Распредѣленіемъ земель сельскохозяйственнаго значенія между трудящимися вѣдаютъ сельскіе, волостные, уѣздные, губернскіе, областные, главный и федеральный отдѣлы Совѣтовъ, въ зависимости отъ значенія этихъ земель (ст. 9 Осн. зак.). При разносоставномъ конгломератѣ землепользованія, отдѣльные земельные клочки, отведенные въ пользованіе трудовыхъ земледѣльцевъ, будутъ находиться въ вѣдѣніи органовъ мѣстнаго земельнаго управленія различнаго порядка. Если у семи нянекъ одно дитя безъ глазъ, то у семи нанимателей одинъ батракъ несомнѣнно останется безъ хлѣба. Куда дѣвался управомоченный гражданинъ эсеровскаго законопроекта второй государственной Думы? На его мѣстѣ встаетъ раздираемый на части батракъ, какъ символъ Россіи, вышедшей изъ Брестскаго мира.

При ограниченности площади земель, зачисляемыхъ въ составъ запаснаго земельнаго фонда и неравномѣрности распредѣленія этихъ земель по территоріи Россіи, несомнѣнно, этого запаса далеко не хватитъ для дополнительнаго надѣленія по нормѣ. Поэтому законъ устанавливаетъ въ раздѣлѣ VI порядокъ предоставленія земель въ пользованіе отдѣльнымъ группамъ населенія. Отдѣльныя категоріи населенія получаютъ землю въ слѣдующемъ послѣдовательномъ порядкѣ очередей:

1. Земледѣльцы (самостоятельные хозяева и батраки) ближайшей къ запасному фонду деревни или села, которые раньше обрабатывали эту землю;

2. Земледѣльцы ближайшей къ запасному фонду деревни или села, которые раньше не обрабатывали эту землю;

3. Земледѣльцы той волости, въ предѣлахъ которой находятся свободныя земли;

4. Земледѣльцы того уѣзда, въ предѣлахъ котораго находятся свободныя земли;

5. При охватѣ одной системой полеводства нѣсколькихъ губерній, земледѣльцы той губерніи, въ предѣлахъ которой находятся свободныя земли;

6. Прибывшее въ данную мѣстность изъ другого пояса послѣ опубликованія закона о соціализаціи земли земледѣльческое населеніе;

7. Неземледѣльческое населеніе въ порядкѣ регистраціи въ земельномъ отдѣлѣ мѣстной совѣтской власти;

8. Переселенцы изъ другого пояса.

Какъ видно изъ приведенной послѣдовательности въ полученіи дополнительнаго надѣла отдѣльными группами населенія, во всѣхъ случаяхъ, при отводѣ земель изъ запаснаго земельнаго фонда, предпочтеніе оказывается земледѣльческому населенію передъ неземледѣльческимъ и мѣстному передъ пришлымъ. Въ изложенномъ порядкѣ не наблюдается оригинальности, такъ какъ вся система представляетъ собою не болѣе, какъ неприкрытое позаимствованіе изъ законопроектовъ, въ различное время подвергавшихся разработкѣ конституціонно-демократической партіей.

Именно, въ законопроектахъ названной партіи мы встрѣчаемся съ той же системой дополнительнаго надѣленія, и въ той же послѣдовательности для отдѣльныхъ категорій населенія, которая намѣчена основнымъ закономъ о землѣ. Особенностью основного закона является усиленіе значенія мѣстожительства при опредѣленіи правъ на дополнителньое надѣленіе. Въ первую очередь надѣляется населеніе, ближайшее по своему мѣстожительству къ запасному земельному фонду, причемъ предпочтеніе отдается земледѣльцамъ, ранѣе обрабатывавшимъ эту землю.

При той неопредѣленности нормировки правъ населенія на дополнительное надѣленіе, можно считать напередъ обезпеченнымъ, что весь запасный земельный фондъ попадетъ въ руки ближайшаго къ нему населенія. Предпочтеніе, оказываемое земледѣльцамъ, ранѣе обрабатывавшимъ земли запаснаго фонда, создаетъ новыя условія къ усиленію неуравнительности въ пользованіи землей.

Какъ было выше выяснено, въ составъ запаснаго земельнаго фонда поступаютъ земли бывшей владѣльческой запашки. Категоріи населенія, принимавшія участіе въ обработкѣ этой земли, опредѣляются не степенью нужды населенія въ расширеніи своего землепользованія, а установившимся по опредѣленнымъ мѣстностямъ и даже отдѣльнымъ частновладѣльческимъ экономіямъ распорядкомъ по обработкѣ земель владѣльческой запашки. Прежде всего этотъ распорядокъ опредѣляется степенью участія крестьянскаго инвентаря въ обработкѣ владѣльческой площади. Запашка можетъ обрабатываться или цѣликомъ, путемъ найма крестьянскаго инвентаря, или путемъ привлеченія этого инвентаря къ выполненію отдѣльныхъ полевыхъ работъ; наконецъ, обработка пашни можетъ вестись исключительно владѣльческимъ инвентаремъ, опираясь на батрацкій трудъ мѣстныхъ или пришлыхъ рабочихъ. Обращаетъ на себя вниманіе въ системѣ, предложенной закономъ, полное противорѣчіе принциповъ, положенныхъ въ основаніе дополнительнаго надѣленія. Близость мѣстожительства населенія къ запасному земельному фонду опредѣляется одинаково для всѣхъ жителей селенія и является, такъ-сказать, признакомъ по-селеннымъ, участіе же въ обработкѣ земли сосѣдняго помѣщичьяго имѣнія является по-дворнымъ. Одинъ крестьянскій дворъ можетъ принимать участіе въ обработкѣ земли, сосѣдній дворъ могъ никакого участія въ тѣхъ же работахъ не принимать. Въ данномъ случаѣ мы вновь наблюдаемъ раздвоеніе правъ населенія одного и того же хозяйственнаго цѣлаго, какимъ является земельная община: право, возникающее изъ принадлежности къ составу даннаго селенія, общее для всего населенія этого селенія, и индивидуальное право каждаго отдѣльнаго хозяйства, опредѣляемое фактомъ участія этого хозяйства въ обработкѣ земли сосѣдняго имѣнія. Въ

случаяхъ же обработки земли батрацкимъ трудомъ, крупное значеніе пріобрѣтаетъ фактъ широкаго распространенія пришлыхъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ на нашемъ степномъ югѣ.

Давая крупныя преимущества, при полученіи дополнительнаго надѣла, мѣстному населенію передъ пришлымъ, законъ о соціализаціи земли ставитъ въ наименѣе выгодное положеніе отхожепромысловыхъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ, т. к. означенная обширная категорія рабочихъ отнесена закономъ о землѣ въ порядкѣ удовлетворенія землей на шестую очередь, послѣ удовлетворенія земельной нужды мѣстнаго земледѣльческаго населенія всей губерніи. Возникаетъ крупная разница въ правахъ на дополнительное надѣленіе между мѣстными и пришлыми батраками, такъ какъ мѣстные батраки удовлетворяются изъ ближайшаго земельнаго запаснаго фонда на одинаковыхъ основаніяхъ съ мѣстными хозяевами-земледѣльцами. Частновладѣльческія запашки, наиболѣе крупныя по своей площади, наблюдаются въ южной степной области, гдѣ пользуется наибольшимъ распространеніемъ наемный трудъ пришлыхъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ. Такимъ образомъ наиболѣе обширная по численности категорія отхожепромысловыхъ сельскохозяйственныхъ батраковъ отдѣляется отъ наиболѣе вмѣстительнаго запаснаго земельнаго фонда, гдѣ эта категорія сельскохозяйственныхъ работниковъ находила приложеніе своему труду. Принимая во вниманіе, что, при отходѣ на сельскохозяйственныя работы, батраки не могли принять участіе въ обработкѣ частновладѣльческихъ земель своей мѣстности, они должны будутъ уступить, по закону, первенство при дополнительномъ надѣленіи мѣстному земледѣльческому населенію, участвовавшему въ обработкѣ сосѣднихъ частновладѣльческихъ земель. Отхожепромысловые сельскохозяйственные работники, составляющіе преобладающую категорію наемныхъ батраковъ, присуждаются мнимыми защитниками бѣднѣйшаго крестьянства къ судьбѣ жалкихъ паріевъ русской деревни, поставленныхъ въ наименѣе выгодныя условія при выполненіи программы дополнительнаго надѣленія.

Система очередей дополнительнаго надѣленія, построенная на принципѣ сосѣдства съ земельнымъ запаснымъ

фондомъ и на принципѣ примѣненія труда къ обработкѣ того же земельнаго фонда, создаетъ крупныя преимущества для сравнительно болѣе состоятельной части мѣстнаго крестьянства, обладающаго инвентаремъ и обрабатывавшаго владѣльческія земли на положеніи сдѣльщиковъ. Такимъ образомъ и въ системѣ очередей, какъ и въ ранѣе разсмотрѣнной части закона, ясно проскальзываетъ исключительное предпочтеніе интересовъ болѣе зажиточнаго слоя деревни интересамъ того бѣднѣйшаго крестьянства, оффиціальнымъ представителемъ котораго объявила себя совѣтская власть. Означенная тенденція проявляется не только въ отношеніи къ надѣленію землею батраковъ, но вообще по отношенію къ наименѣе состоятельной части крестьянскаго населенія, которое совѣтской системой мѣръ дополнительнаго надѣленія присуждается къ послѣдовательному обезземеленію.

За отдѣленіемъ Украйны и послѣдовавшей анексіей западныхъ губерній, на всемъ пространствѣ совѣтской республики единственной формой крестьянскаго трудового землепользованія, за рѣдкимъ исключеніемъ, является общинное, и послѣдствія, вытекающія для отдѣльныхъ группъ крестьянскаго населенія въ результатѣ земельной реформы, нельзя разсматривать внѣ зависимости этихъ группъ отъ земельныхъ отношеній, возникающихъ въ общинѣ. Отказъ отъ занятія земледѣльческимъ трудомъ вовсе не лишаетъ отдѣльнаго члена общины его правъ на землю. Часть населенія, въ особенности въ промысловыхъ мѣстностяхъ, условно отказывается отъ надѣла и устраиваетъ свою жизнь исключительно на началахъ промысловаго труда. Этотъ отказъ отъ надѣла происходитъ или при передѣлѣ, когда надѣльная площадь разверстывается только между домохозяевами, пожелавшими взять землю, или въ промежутокъ между передѣлами. Въ послѣднемъ случаѣ, между отдѣльными лицами, сбросившими съ себя надѣлъ, и общиной возникаетъ цѣлая градація отношеній: такъ, напр., отказывающійся отъ надѣла можетъ вступить въ добровольную сдѣлку съ однообщественникомъ, пожелавшимъ взять надѣлъ, при чемъ подобная сдѣлка можетъ состояться безъ вмѣшательства міра, или при непремѣнномъ согласіи схода, который вмѣстѣ съ тѣмъ нерѣдко

беретъ на себя опредѣленіе того домохозяина, которому слѣдуетъ передать надѣлъ; наконецъ, надѣлъ непосредственно передается въ міръ, который и распоряжается имъ по своему усмотрѣнію. Во всѣхъ перечисленныхъ случаяхъ, которые даютъ и другія варіаціи подъ вліяніемъ той или иной выгодности приложенія земледѣльческаго труда къ надѣльной землѣ, временно безземельное и неземледѣльческое населеніе не утрачиваетъ въ конечномъ счетѣ своихъ правъ на общинныя угодья и сохраняетъ за собой возможность, при благопріятныхъ конъюнктурахъ, вновь вернуться къ земледѣльческому труду. Система дополнительнаго надѣленія, допускающая къ землямъ запаснаго земельнаго фонда только наличное земледѣльческое населеніе, закрываетъ для означенной выше категоріи населенія всякій доступъ къ землѣ и преграждаетъ путь къ возвращенію на землю. При сколько-нибудь правильномъ проведеніи въ жизнь аграрной реформы земли государственнаго арендпаго фонда должны неизбѣжно слиться съ угодьями стараго надѣла. Повторяемъ, при такихъ условіяхъ возобновленіе хозяйства для семей, не получившихъ правъ пользованія государственнымъ арендпымъ фондомъ, едва ли представляется когда-либо возможнымъ. Вмѣсто аграрной реформы, эти семьи утратятъ и послѣдній доступъ къ землѣ, который открывался передъ ними общинной формой землевладѣнія.

Принципъ дополнительнаго надѣленія только тѣхъ группъ населенія, которыя ведутъ земледѣльческое хозяйство, ставитъ въ подобное же положеніе обдѣленныхъ также еще болѣе многочисленный контингентъ крестьянскихъ семей, хотя и обладающихъ надѣломъ, но не ведущихъ на этомъ надѣлѣ земледѣльческаго хозяйства и сдающихъ эту землю въ аренду. Кореннымъ условіемъ, приводящимъ къ сдачѣ надѣльной земли въ аренду, является малоземелье. При системѣ дополнительнаго надѣленія, усвоенной закономъ о соціализаціи земли, закрывается всякая возможность для этой группы хозяйствъ стать на ноги при посредствѣ устраненія основной причины, влекущей къ сдачѣ надѣловъ, т.-е. малоземелья. Такимъ образомъ, «аграрная революція» направлена не только противъ батраковъ, работающихъ на сторонѣ, но точно также и про-

тивъ тѣхъ группъ сельскаго хозяйства, которыя въ результатѣ гнетущаго малоземелья, а также иныхъ мало благопріятныхъ условій для приложенія земледѣльческаго труда, вынуждены были прекратить веденіе земледѣльческаго хозяйства, сохранивъ однако за собою юридическую возможность обратнаго возврата на землю. Нынѣ волею законодателя выясненныя выше категоріи бѣднѣйшаго сельскаго населенія обезземеливаются.

Предшествовавшій анализъ содержанія основного закона о соціализаціи земли вскрылъ передъ нами истинный духъ этого закона. Сосредоточивъ вниманіе на опредѣленіи тѣхъ отношеній, которыя возникаютъ для отдѣльныхъ группъ населенія въ результатѣ примѣненія разсмотрѣннаго закона, мы приходимъ къ выводу, что содержаніе закона во всѣхъ своихъ частяхъ является наиболѣе благопріятнымъ для верхнихъ слоевъ деревни, для наиболѣе зажиточной части крестьянскаго населенія. Если обратиться отъ декларативныхъ заявленій тѣхъ политическихъ группъ, которыя средактировали и провели основной законъ о соціализаціи земли, къ выясненію дѣйствительной программы тѣхъ аграрныхъ экономическихъ мѣропріятій, которыя вытекаютъ изъ означеннаго закона, то содержаніе этой программы найдетъ себѣ слѣдующее выраженіе:

1. По отдѣльнымъ мѣстностямъ и районамъ крестьянское землепользованіе расширяется тѣмъ значительнѣе, чѣмъ многоземельнѣе представляется соотвѣтствующая мѣстность или районъ;

2. Чѣмъ многомощнѣе данное хозяйство въ земельномъ отношеніи, чѣмъ большимъ количествомъ купленной и задешево арендованной земли обладало данное хозяйство, тѣмъ значительнѣе площадь землепользованія, которая отводится этому хозяйству основнымъ закономъ;

3. Чѣмъ многомощнѣе хозяйство рабочими силами и чѣмъ богаче живымъ и мертвымъ инвентаремъ, тѣмъ большая доля площади изъ общенароднаго земельнаго достоянія закрѣпляется за этимъ хозяйствомъ;

4. Для обезпеченія земельнаго господства наиболѣе зажиточныхъ слоевъ крестьянскаго населенія вносятся существенныя ограниченія въ свободу проявленія общиннаго уравнительно-передѣльнаго права, а именно: фактически

отмѣняются свобода выбора разверсточной земельной единицы и коренные земельные передѣлы, реставрируются отжившие частные передѣлы и тягловая разверстка по рабочимъ силамъ;

5. Чѣмъ неравномѣрнѣе распредѣлены земли между отдѣльными группами, чѣмъ шире распространена покупка земель верхними слоями крестьянства и чѣмъ большимъ распространеніемъ пользуется предпринимательская аренда земли, тѣмъ количественно меньшими правами на дополнительныя надѣленія обладаютъ малоземельныя группы трудового крестьянства.

6. Всѣ излишки земли сверхъ нормы надѣленія въ зачетъ не принимаются, если эти земли до 1917 г. находились въ пользованіи крестьянъ, чѣмъ сокращается фондъ дополнительнаго надѣленія безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ, и обезпечивается фактически достаточный контингентъ безземельныхъ батраковъ для высшаго слоя крестьянства.

7. Наемные сельскохозяйственные рабочіе, направлявшіеся въ отхожій промыслъ, фактически лишаются правъ на дополнительное надѣленіе и совершенно выбрасываются за бортъ земельной реформы.

8. Наиболѣе малоземельные члены общины, временно отказавшіеся отъ своего надѣла или сдавшіе свой надѣлъ въ аренду, фактически обезземеливаются съ передачею ихъ правъ болѣе многомощному слою крестьянства.

Такимъ образомъ, программа аграрныхъ мѣропріятій, вытекающихъ изъ основного закона о соціализаціи земли, направлена къ повышенію экономической мощи верхняго наиболѣе зажиточнаго слоя крестьянства. Передъ нами раскрывается та же программа «ставки на сильныхъ», которая вдохновляла покойнаго Столыпина и которая, по великой ироніи исторіи, осуществляется въ колоссальномъ масштабѣ его коммунистическими правопріемниками.

Невольно возникаетъ вопросъ, какимъ образомъ могло случиться такое своеобразное явленіе, что законодательство толкаетъ экономическій процессъ въ сторону, какъ разъ обратную идеологіи составителей этого закона? Въ исторіи хозяйственной жизни нерѣдко приходится наблюдать, что мощный потокъ экономическаго процесса смыва-

етъ утлыя перегородки, которыя стремится поставить ему законодатель, и нерѣдки также случаи, когда вліяніе законодательства на экономическій процессъ является обратнымъ тѣмъ ожиданіямъ, которыя возлагалъ на свой актъ законодатель. Но едва ли имѣлъ мѣсто въ исторіи случай, чтобы самый законодательный актъ включилъ въ свои постановленія такія полномочія, которыя по содержанію своему столь рѣзко и непримиримо противорѣчили идеологіи его составителей.

При проектированіи экономическаго законодательства прежде всего необходимо знаніе, тщательное и объективное изслѣдованіе той экономической дѣйствительности, регулированіе которой намѣчается законодательнымъ предположеніемъ. Только при наличности такого знанія законъ въ состояніи отразить въ себѣ содержаніе и особенности тѣхъ экономическихъ отношеній, регулировать которыя этотъ законъ имѣетъ намѣреніе. Только наличность такого знанія обезпечиваетъ возможность сознательнаго регулированія экономическаго процесса при содѣйствіи законодательства. Анализъ основного закона о соціализаціи земли ярко обнаруживаетъ, что его составителямъ осталась совершенно неизвѣстной вся та обширная литература по крестьянскому и земельному вопросу, которая была накоплена неустанной и самоотверженной работой русскихъ статистиковъ и экономистовъ. Міровая исторія не знаетъ такого самоотверженнаго труда по изслѣдованію народныхъ нуждъ и потребностей, которое было выполнено по Россіи въ эпоху, предшествовавшую русской революціи. Что же взяли наивные соціализаторы изъ этого великаго научнаго багажа, скопленнаго самоотверженными работниками на благо народа въ ожиданіи дня пришествія народной воли? Ничего! Мало—ничего, имъ совершенно остались неизвѣстными тѣ отрасли знанія, съ которыми связано регулированіе экономическихъ процессовъ. Самоувѣренность безграничнаго невѣжества, замѣнившая научный методъ откровеніемъ, породила основной законъ столыпинскаго духа. Законъ отрицательныхъ положеній, безъ всякихъ положительныхъ правовыхъ нормъ, это—ставка на сильныхъ. Сняты задерживающіе тормаза старыхъ правовыхъ основъ, и процессы экономическаго порядка полу-

чаютъ чисто стихійное развитіе. Этимъ доводится до минимума вмѣшательство государства въ область экономическихъ отношеній, и старая манчестерская формула lesser faire торжествуетъ по всему огромному коммунистическому фронту.

Когда въ Таврическомъ дворцѣ творился на третьемъ съѣздѣ Совѣтовъ основной законъ о землѣ, духъ Столыпина праздновалъ свой аграрный тріумфъ; улыбкой ироніи подернулась безстрастная маска исторіи. Тамъ совершалась злая шутка надъ чаяніями измученнаго народа. Безсознательно ставилась новая ставка на сильныхъ въ политическомъ азартѣ зарвавшихся игроковъ.

В. А. Панъ.

По пути къ голоду.

I.

Вся страна хорошо помнитъ, что большевики, стараясь привлечь къ себѣ народныя массы, выдали имъ одинъ весьма серьезный вексель: они обѣщали дать народу хлѣбъ. Прошло уже пять мѣсяцевъ, какъ они стоятъ у власти, и мы вправѣ спросить: какъ обстоитъ дѣло съ платежемъ по векселю?

Передъ нами лежитъ цѣлый рядъ газетныхъ сообщеній, и телеграммъ различныхъ мѣстныхъ общественныхъ организацій. Эти сообщенія и телеграммы относятся къ декабрю 1917-го года, къ январю, февралю и марту 1918-го года, т.-е. ко времени, когда «Совѣтская Соціалистическая власть» уже достаточно проявила себя. И всѣ эти телеграммы и сообщенія въ одинъ голосъ кричатъ о небываломъ голодѣ въ странѣ, о броженіи на мѣстахъ.

«Въ городѣ начались голодные бунты. Никакихъ запасовъ муки и хлѣба нѣтъ», телографируетъ Юрьевъ-Польская Городская Дума. «Голодъ наступилъ.... Неизбѣжны голодные бунты», сообщаютъ изъ Михнева. «Въ Костромской губерніи полный голодъ», заявляютъ изъ Костромы. «Не допустите голодной смерти населенія города ради приближающихся праздниковъ», слышится вопль изъ Бѣлаго Смоленской губерніи. «Въ уѣздѣ голодные бунты. Нарядовъ нѣтъ два мѣсяца», сообщается изъ Рузы Московской губ. «Въ Морозовской (Калужской губ.) волости начался голодъ: на почвѣ недоѣданія среди населенія наблюдаются массовыя заболѣванія. Хлѣба нѣтъ, овесъ и льняное сѣмя, оставленное для посѣва на весну 1918 г., съѣдены», доноситъ уѣздный комиссаръ. Въ тонъ ему губернскій комиссаръ по продовольствію той же Калужской губ. телеграфируетъ: «Голодъ началъ проявляться въ самыхъ ужас-

ныхъ формахъ: цынга и другія болѣзни растутъ съ каждымъ днемъ среди деревенскаго и бѣднѣйшаго населенія. Толпы голодныхъ людей осаждаютъ уѣздные и волостные совѣты съ требованіемъ хлѣба... Невыполненіе нарядовъ ведетъ къ дискредитированію Совѣтской власти».

Можно безъ конца увеличивать серію этихъ печальныхъ сообщеній. Но смыслъ ихъ останется одинъ и тотъ же: наряды не выполняются, хлѣба нѣтъ, голодъ, болѣзни, бунты, помогите и т. д. И этотъ безпрерывный сплошной вопль потребляющей Россіи служитъ лучшимъ показателемъ того, что своего обѣщанія народу большевики не выполнили, хлѣба голодающимъ не дали.

Но въ такомъ случаѣ, что же они сдѣлали въ сферѣ продовольствія? Для отвѣта—углубимся кратко въ существо продовольственнаго вопроса.

2.

Продовольственный вопросъ заключается въ томъ, чтобы рѣшить три задачи: 1. взять хлѣбъ у производителя, 2. передвинуть его въ центры потребленія и 3. распредѣлить его среди нуждающихся.

Въ обычное время всѣ эти задачи рѣшались стихійно, въ процессѣ экономической жизни народа и рыночнаго оборота. Хлѣбъ, какъ и прочіе товары, свободно поступалъ на рынокъ, свободно передвигался туда, гдѣ на него былъ большой спросъ и гдѣ, слѣдовательно, за него давали большую цѣну и свободно покупался каждымъ, кто хотѣлъ и кто имѣлъ необходимыя средства. Поступленіемъ хлѣба на рынокъ, его передвиженіемъ и распредѣленіемъ управляла безличная сила свободной конкуренціи производителей, торговцевъ и потребителей. Именно свободная конкуренція побуждала передвигать товары туда, гдѣ за него давали высшую цѣну, именно конкуренція такимъ путемъ выравнивала цѣны, конкуренція приводила въ равновѣсіе производство и потребленіе, спросъ и предложеніе. Народное хозяйство и въ частности рынокъ представляли изъ себя единое, организованное и связное цѣлое, которое жило, развивалось.

Но легко видѣть, что свободная конкуренція можетъ имѣть значеніе и регулировать рынокъ по крайней мѣрѣ

при двухъ основныхъ условіяхъ: 1. товаръ можетъ свободно передвигаться по рынку и 2. спросъ и предложеніе могутъ свободно то сжиматься, то расширяться согласно давленію конкуренціи, по крайней мѣрѣ, въ извѣстныхъ предѣлахъ. Въ противномъ случаѣ, безъ этихъ условій роль конкуренціи сводится на нѣтъ. И, когда война все болѣе и болѣе разстраивала транспортъ, когда она увеличивала потребленіе и спросъ на продукты, фатально ограничивая ростъ и даже уменьшая производство ихъ, она убивала роль конкуренціи, разстраивала рынокъ. Изъ единаго и цѣлаго рынокъ превратился въ разодранные клочья. Равновѣсіе спроса и предложенія было нарушено. Нормальный оборотъ товаровъ замиралъ.

Государство, въ особенности имѣя на рукахъ колоссальную армію, не могло остаться безучастнымъ зрителемъ разстройства снабженія населенія. И оно постепенно шагъ за шагомъ все глубже и глубже вмѣшивается въ народно-хозяйственную жизнь вообще и въ дѣло продовольствія въ особенности. Регулирующую роль, которая ранѣе полностью отправлялась свободной конкуренціей, оно по частямъ беретъ въ свои руки, замѣняя такимъ образомъ безлично-стихійную силу силой сознательнаго государственнаго руководства.

Извѣстно, что по отношенію къ снабженію хлѣбомъ государство пошло очень далеко. Царское правительство приближалось къ хлѣбной монополіи, а революціонное Временное Правительство съ нея начало, издавъ 25 марта 1917 г. законъ о хлѣбной монополіи.

По этому закону весь хлѣбъ, за покрытіемъ потребностей производителя, объявлялся государственнымъ достояніемъ. Онъ долженъ былъ поступать по твердой цѣнѣ въ распоряженіе особыхъ государственныхъ демократическихъ органовъ — продовольственныхъ комитетовъ. Этими органами онъ долженъ былъ передвигаться, согласно государственному плану снабженія, въ указанные центры и по установленнымъ нормамъ распредѣляться среди населенія. Такимъ образомъ все дѣло снабженія хлѣбомъ переходило въ руки государства.

И если бы весь построенный планъ выполнялся на дѣлѣ такъ же послѣдовательно, какъ онъ излагался въ за-

конѣ и рисовался въ воображеніи, все было бы прекрасно, и продовольственный вопросъ былъ бы рѣшенъ. Однако, въ дѣйствительности было не такъ, и введеніе хлѣбной монополіи далеко не рѣшало еще продовольственнаго вопроса, какъ не былъ онъ рѣшенъ и царскимъ правительствомъ безъ монополіи.

Мы говорили, что продовольственный вопросъ распадается на три задачи. И вотъ рѣшеніе продовольственнаго вопроса и проведеніе монополіи встрѣчало огромныя препятствія по всѣмъ тремъ направленіямъ. Уяснить себѣ эти препятствія, значитъ дѣйствительно понять продовольственный вопросъ, значитъ понять какъ тѣ причины, которыя парализовали регулирующую роль свободной конкуренціи и теперь сопротивляются сознательной государственной регулировкѣ, такъ и другія причины—трудности государственной организаціи дѣла продовольствія. Укажемъ главнѣйшія изъ затрудненій по упомянутымъ выше тремъ направленіямъ.

1. Прежде всего, хотя хлѣбъ и былъ объявленъ государственнымъ достояніемъ, но взять его отъ производителя было весьма и весьма трудно. Онъ съ большой неохотой разставался съ хлѣбомъ, и понятно почему.

а. Наше сельское хозяйство—преимущественно крестьянское и малотоварное. Въ обычное время на рынокъ поступало хлѣба около 1.200 милліон. пудовъ. Но это и есть, приблизительно, то количество хлѣба, которое должно было заготовить государство въ годъ. Иначе говоря, оно должно было взять весь хлѣбъ, который въ довоенное время поступалъ на рынокъ. Однако теперь, благодаря повышенію потребленія хлѣба на мѣстахъ (въ силу прекращенія продажи питей, обилія денегъ и т. д.) и въ силу нѣкотораго сокращенія производства его, выходъ хлѣба изъ хозяйства сталъ меньше, и естественно, что хлѣбъ приходилось бы въ крайнемъ случаѣ такъ или иначе брать силой государственнаго принужденія.

в. Хлѣбъ государство брало, въ силу напряженія государственныхъ средствъ и въ цѣляхъ борьбы съ дороговизной, по твердымъ цѣнамъ, которыя были значительно ниже вольныхъ. И естественно, что производитель задерживалъ

хлѣбъ, тѣмъ болѣе, что ему приходилось покупать предметы промышленности далеко не по твердымъ цѣнамъ.

c. Кромѣ того, у производителя въ значительной степени упалъ интересъ вообще обмѣнивать хлѣбъ на деньги. Деньги онъ получалъ бумажныя, падающія въ цѣнности, обезцѣненныя. 5-го сентября 1917 г. рубль стоилъ уже только 33 копѣйки. Кромѣ того, на деньги мало что можно было купить: товаровъ, продуктовъ промышленности на рынкѣ было крайне мало.

d. Къ этому необходимо присоединить, что благодаря политическимъ кризисамъ и общему потрясенію страны производитель былъ мало увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ и твердо держался за хлѣбъ,—свой кормилецъ.

e. Появленіе и наплывъ «мѣшечниковъ», которые ломали цѣны, мѣшали государственнымъ заготовкамъ, расхищали хлѣбъ изъ подъ учета его.

f. Наконецъ, и продовольственные органы, какъ организаціи молодыя, часто мало-опытныя, еще только приспособлялись къ дѣлу заготовокъ, не имѣли въ своемъ распоряженіи данныхъ по учету, иногда ссыпныхъ пунктовъ въ достаточномъ числѣ и т. д.

2. Но, далѣе, поскольку хлѣбъ былъ заготовленъ, его не легко было передвинуть въ указанныя мѣста благодаря разстройству транспорта. Это разстройство объяснялось недостаткомъ топлива и металла, быстрой порчей, слабымъ ремонтомъ и малымъ пробѣгомъ подвижного состава, несогласованностью работъ вѣдомства, затрудненіями по погрузкѣ, анархіей въ странѣ, нападеніями на грузы и расхищеніемъ ихъ. Въ этомъ отношеніи любопытны такія цифры: процентъ больныхъ паровозовъ отъ общаго числа ихъ въ январѣ 1916 г. былъ 17, а въ сентябрѣ 1917 г. уже 24,8. Среднiй пробѣгъ товарнаго вагона за сутки въ маѣ 1916 г. былъ 71 верста, а въ маѣ 1917 г.—55 верстъ.

3. Наконецъ, третья серія затрудненій—затрудненія въ распредѣленіи продуктовъ по нормамъ среди населенія—были относительно менѣе значительны и легче устранимыми. Эти затрудненія сводились къ неприспособленности продовольственныхъ органовъ, къ отсутствію учета населенія и т. п.

Государство, разъ оно брало дѣло продовольствія въ

свои руки, разъ оно вводило государственную хлѣбную монополію, было призвано бороться со всѣми указанными препятствіями на путяхъ разрѣшенія вопроса. Оно призвано было устранять эти препятствія. Но были очевидно и такія препятствія, какъ слабая товарность крестьянскаго хозяйства, ростъ потребленія и др., по существу своему или неустранимыя, или неустранимыя въ короткій періодъ времени. Такія препятствія государство должно было, не будучи въ состояніи устранить ихъ, хотя бы парализовать. Оно должно слабой товарности крестьянскаго хозяйства, слабому выходу хлѣба изъ хозяйства противопоставить силу государственнаго принужденія, росту потребленія—нормировку его и т. д.

Совершенно ясно отсюда, что эту свою продовольственную политику, и, въ частности, хлѣбную монополію, государство могло осуществить только при наличіи слѣдующихъ условій и тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ полнѣе даны эти условія:

1. Твердая государственная власть и порядокъ въ странѣ;

2. Прочная, гибкая, сильная сѣть продовольственныхъ организацій;

3. Система мѣръ, направленныхъ къ упорядоченію и организаціи всего народнаго хозяйства, какъ то: регулированіе транспорта, промышленности, организація снабженія деревни предметами необходимости и т. д.

Временное Правительство, какъ могло, стремилось къ достиженію этихъ условій, чтобы, опираясь на нихъ, проводить успѣшнѣе и продовольственную политику. Далеко не всего удалось ему достигнуть. Ему не удалось упрочить власти, не удалось создать продовольственной организаціи желательнаго типа и очень немногое удалось ему достигнуть въ сферѣ регулированія народнаго хозяйства. Вообще, ему удалось сдѣлать немногое, и въ дѣятельности его было не мало ошибокъ. Но все же была власть, была сѣть организацій, и принимались мѣры къ упорядоченію народнаго хозяйства. И въ мѣру того, насколько эти условія были на лицо, Временному Правительству удавалось разрѣшать продовольственный вопросъ. Какъ же обстояло дѣло продовольствія до переворота 25-го октября и послѣ этого переворота?

3.

Если имѣть въ виду удовлетвореніе потребностей по нормамъ полностью, то государству пришлось бы ежемѣсячно имѣть въ своемъ распоряженіи огромное количество хлѣба, включая сюда и зерновой фуражъ, около 91 милліона пудовъ. Однако, ни царскому правительству, ни Временному Правительству никогда не удавалось произвести полностью даже заготовку продуктовъ на мѣстахъ. Количество дѣйствительно заготовленныхъ хлѣбовъ по отношенію къ указанной нормѣ необходимой заготовки составляло:

Въ январѣ . . . . . . 1917 г. — 73%.
Въ февралѣ . . . . . . 1917 г. — 57%.
Въ мартѣ . . . . 1917 г. — 66%.

Такимъ образомъ заготовка передъ революціей въ февралѣ довольно значительно упала, а въ революціонномъ мартѣ она поднялась снова. Въ дальнѣйшемъ заготовка представляется въ слѣдующемъ видѣ:

	Количество въ милл. пуд.	Въ процент. къ нормѣ.
Съ 17 апр. по 1 мая	14	62
„ 1 мая „ 15 „	23	51
„ 15 „ „ 29 „	34	75
„ 29 „ „ 12 іюня	24	53
„ 12 іюня „ 26 „	37	81
„ 26 „ „ 10 іюля	11	27
„ 10 іюля „ 24 „	22	49.

За разсматриваемый періодъ, какъ это ясно изъ приведенныхъ цифръ, заготовка сильно колеблется. Она колеблется между 27 и 81 процентами нормы заготовки, давая въ среднемъ около 49% нормы.

Въ концѣ іюля и началѣ августа, какъ обычно, когда прежній урожай уже почти реализованъ, а новый еще не поступилъ, заготовки сильно падаютъ.

Однако, далеко не все то, что удавалось заготовить, могло быть передвинуто въ центры потребленія, благодаря прежде всего разстройству транспорта. Фактическая погрузка на желѣзныхъ дорогахъ и водныхъ артеріяхъ силь-

но падала. Это видно, хотя-бы, изъ слѣдующихъ цифръ погрузки на сѣть желѣзныхъ дорогъ въ среднемъ за день:

Мартъ . . . . . . 1917 г. — 31.550 вагоновъ.
Іюль . . . . 1917 г. — 25.000 вагоновъ.

Отставаніе заготовокъ отъ нормы потребныхъ хлѣбовъ и трудности ихъ передвиженія заставляли строить наряды, т.-е. фактическія назначенія хлѣбовъ изъ производящихъ губерній въ мѣста потребленія, на основѣ сильно пониженной нормы потребныхъ хлѣбовъ. Наряды обычно строились изъ разсчета 15—20 милліоновъ пудовъ для населенія и около 40 милліоновъ для арміи ежемѣсячно. Однако и эта минимальная норма выполнялась не въ совершенствѣ. Выполненіе нарядовъ въ процентахъ къ нормѣ ихъ даетъ такую картину:

	Для населенія.	Для арміи.
Май	80	100
Іюнь	60	70
Іюль	46	50
Августъ	28	28.

Такимъ образомъ можно считать, что населеніе, какъ правило, получало отъ 1/3 до 1/2 назначенной не-голодной нормы потребленія хлѣба и отъ 1/2 до 2/3 нормы уменьшенной.

Обратимся теперь къ заготовкамъ изъ новаго урожая до переворота. Представленіе о ходѣ его даютъ слѣдующія цифры о заготовкахъ. Было заготовлено хлѣба, фуража и крупы вмѣстѣ.

Въ пудахъ.	1916 г.	1917 г.	(Въ 1917 г. больше (+ или меньше (—).
Въ августѣ . .	6.000.000	17.000.000	+ 11.000.000 пуд.
„ сентябрѣ .	19.000.000	47.000.000	+ 28.000.000 „
„ октябрѣ .	47.000.000	27.000.000	— 20.000.000 „
Всего . .	72.000.000	91.000.000	+ 19.000.000 пуд.

Изъ этихъ данныхъ ясно, что начало продовольственной компаніи 1917—18 года, если и не было очень хорошимъ, то во всякомъ случаѣ оно было лучше, чѣмъ въ 1916 г. Заготовки 1917 г. превысили соотвѣтствующія заготовки 1916 г. на 19 милл. пуд. Но въ 1916 году страна, хотя и съ нѣкоторыми затрудненіями, просуществовала. Это

даетъ основанiе сказать, что и въ начавшiйся 1917/18 годъ, при прочихъ равныхъ условiяхъ, жить было все-таки можно.

Общiй итогъ, къ которому мы приходимъ изъ краткаго обзора продовольственной политики Временнаго Правительства, слѣдующiй. Временному Правительству съ большимъ трудомъ удавалось хотя бы частично разрѣшать продовольственную проблему. Но удавалось. Постоянное колебанiе власти и политическiе кризисы, анархiя въ странѣ и разстройство народнаго хозяйства налегали со всѣхъ сторонъ и толкали страну въ объятiя голода. Но тѣмъ не менѣе государственные органы сопротивлялись. Продовольственныя организацiи, какъ туго натянутая струна, несмотря на всѣ свои дефекты, несмотря на возбужденное состоянiе населенiя, продолжали работу. И мы убѣдились, что за первые мѣсяцы новой кампанiи 1917—18 г. заготовки дали даже сильное повышенiе противъ соотвѣтствующихъ заготовокъ кампанiи 1916—17 г. Казалось поэтому, что мы даже начинаемъ побѣждать силы, влекущiя къ голоду, и министерство продовольствiя осенью писало: «Непрерывный ростъ заготовки и погрузки давалъ основанiе надѣятся, что совмѣстной работой Министерства и мѣстныхъ продовольственныхъ организацiй удастся снабдить и армiю и населенiе продовольствiемъ». Какъ разъ въ этотъ моментъ разгара работы разразился переворотъ большевиковъ. Что же онъ далъ?

4. [illegible]

Переворотъ совершился. Временное Правительство было свергнуто, но долго русское государство оставалось безъ новой власти. Начался длительный перiодъ безвластiя, жуткiе дни повсемѣстной кровавой гражданской войны. Больше того, началась кошмарная полоса войнъ центральной Россiи съ ея окраинами, съ ея житницами, съ Украиной, Дономъ, Ураломъ... Тотъ, кто посмотритъ на карту производства хлѣбовъ въ Россiи, быстро пойметъ весь ужасъ создавшагося положенiя послѣ переворота: центръ Россiи, воюющiй съ окраинами, обрекаетъ себя на вѣрный голодъ. Такъ большевистскимъ переворотомъ была уничтожена первая необходимая, какъ мы видѣли, предпосылка избѣжать голода: была уничтожена надолго

признаваемая всей страной власть, было брошено отравленное сѣмя братоубійственной внутренней войны.

Напрасны были надежды и на приходъ Учредительнаго Собранія. Напрасно Сибирь и Донъ, Украина и Кавказъ изъявляли полное желаніе и согласіе предоставить свои хлѣбныя богатства въ распоряженіе Учредительнаго Собранія. Большевики предпочли бросить народъ въ пучину голодныхъ мученій, чѣмъ уступить власть Всенародному Учредительному Собранію.

Переворотомъ большевиковъ было сильно подорвано и второе необходимое для продовольственной политики условіе: началось разрушеніе созданной съ такимъ трудомъ и приспособившейся къ дѣлу путемъ тяжелаго опыта сѣти продовольственныхъ организацій. Въ Сибири и Поволжьѣ, на югѣ и сѣверѣ, въ однихъ мѣстахъ ранѣе, въ другихъ позднѣе, началась замѣна продовольственныхъ комитетовъ Совѣтами депутатовъ. Какъ бы мы ни цѣнили Совѣты, все же должны сказать, что въ дѣлѣ продовольствія они были совершенные новички. Однако, большевики не задумывались надъ этимъ. Не остановились они ликвидировать и центръ продовольственной политики—Министерство Продовольствія, замѣнивъ его новымъ комиссаріатомъ.

Въ высшей степени серьезно подорвали большевики и третье необходимое условіе болѣе или менѣе успѣшной продовольственной политики,—они въ конецъ разстроили систему регулировки народнаго хозяйства, которая налаживалась съ первыхъ дней революціи. Когда въ различныхъ мѣстахъ въ виду гражданской войны началось разрушеніе желѣзнодорожнаго полотна, разумѣется, транспортъ долженъ былъ прійти въ небывалое разстройство. Когда въ виду обострившейся соціальной борьбы въ нее были втянуты почти всѣ даже по существу аполитичные круги, закрылись банки и на мѣстахъ было нечѣмъ расплачиваться за хлѣбъ, разумѣется, поставка его должна была сократиться. Когда народное хозяйство было, какъ никогда, засыпано градомъ бумажныхъ денегъ, когда количество ихъ съ октября 1917 г. по 1 апрѣля 1918 г. увеличилось на 12 милліардовъ рублей, и рубль упалъ до немногихъ копѣекъ стоимости, разумѣется, крестьяне еще болѣе неохотно отда-

вали хлѣбъ. Не забудемъ, что одновременно сократилась производительность промышленности, и въ связи съ этимъ количество товаровъ, которые бы могла получить деревня, еще болѣе уменьшилось. Такъ, добыча столь важнаго для промышленности продукта, какъ каменный уголь, упала въ Донецкомъ бассейнѣ до слѣдующихъ цифръ.

Октябрь 1917 г. — 86 милліон. пуд.
Ноябрь — 84 „ „
Декабрь 1917 г. — 67 „ „

Однимъ словомъ, власть была разрушена, сѣть продовольственныхъ организацій начинала разбиваться, народное хозяйство получило сильнѣйшій толчекъ къ дальнѣйшему разложенію, а въ странѣ шла кровопролитная борьба. Кому же и какъ тутъ вести борьбу съ голодомъ?

Стремясь къ захвату власти, большевики, конечно, не могли и не имѣли права передъ народомъ ставить на карту, на рискъ, судьбу и жизнь милліоновъ и милліоновъ людей.

Въ свое время имъ указывали на это. Больше того, послѣ переворота, въ двадцатыхъ числахъ ноября Всероссійскій продовольственный Съѣздъ въ Москвѣ выдѣлилъ изъ своего состава Совѣтъ десяти и поручилъ ему предложить Совѣту Народныхъ Комиссаровъ оставить дѣло продовольствія внѣ политической борьбы, сохранитъ въ этотъ трудный моментъ уже налаженный аппаратъ продовольственныхъ организацій, предоставивъ руководство дѣломъ упомянутому Совѣту десяти въ контактѣ съ комиссаромъ. Чѣмъ же отвѣтилъ Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ? 27 ноября въ зданіи министерства продовольствія Совѣтъ десяти вмѣстѣ съ двумя товарищами министра былъ арестованъ.

Но и этого мало. 28—31 декабря 1917 г. въ Москвѣ созывается новый продовольственный съѣздъ, на которомъ уже присутствуютъ и представители отъ совѣтовъ, на которомъ присутствовалъ и представитель Украинской Рады П. К. Линниченко. «Я уполномоченъ, говорилъ Линниченко, заявить отъ имени Генеральнаго Секретаріата, что Украинская Народная Республика твердо рѣшила поддерживать и давать хлѣба всѣмъ голодающимъ братьямъ сѣверныхъ и центральныхъ губерній Россіи». «Но для того,

чтобы провести всѣ эти мѣры, продолжалъ онъ, стоя на аполитической точкѣ зрѣнія, мы заявляемъ, что если будетъ продолжаться гражданская война, если будутъ посылаться противъ насъ большевистскіе эшелоны, то мы, охраняя нашу украинскую землю, должны будемъ тѣ вооруженныя силы, которыя мы рѣшили разбросать по деревнямъ для добыванія хлѣба, направить къ охранѣ насъ, а стальныя рельсы, которыя обращены на сѣверъ, вмѣсто того, чтобы везти по нимъ хлѣбъ, мы должны будемъ разобрать и отрѣзать сообщеніе».

На этомъ же съѣздѣ и большевикъ Шефлеръ признавалъ съ различными оговорками, что «гражданская война, конечно, оказываетъ чрезвычайно пагубное вліяніе на доставку хлѣба». Признавался онъ тоже съ оговорками и въ томъ, что сейчасъ вообще дѣло обстоитъ «гораздо хуже, потому что разрушеніе пошло глубже, во всю толщу народнаго хозяйства». Критиковалась на съѣздѣ политика комиссаріата по продовольствію. И съѣздъ нашелъ необходимымъ избрать изъ своей среды девятку, куда вошли представители Совѣтовъ, продовольственныхъ комитетовъ и одинъ отъ кооперативовъ. Съѣздъ поручилъ этой девяткѣ предложить Совѣту народныхъ комиссаровъ передать руководство дѣловой стороной продовольствія изъ рукъ комиссара въ руки девятки. Девятка эта не была, правда, арестована, но, насколько намъ извѣстно, она уѣхала отъ комиссаровъ ни съ чѣмъ.

Мы остановились на этихъ фактахъ, чтобы отмѣтить, что большевикамъ, частью даже самими наиболѣе благоразумными большевиками, указывалось на гибельность затѣянной гражданской войны, на трудность и безысходность создавшагося положенія, предлагались компромиссы. Они предлагались въ то время и Украинской Радой. Но Совѣтъ комиссаровъ упорно и упрямо ad majorem gloriam собственной власти жертвовалъ благомъ народа.

Однако, вѣрно ли это? Можетъ быть, несмотря на весь ужасъ создавшейся послѣ переворота обстановки, большевикамъ удалось не уронить, а поднять дѣло продовольствія? Обратимся къ фактамъ.

По сообщеніямъ начальниковъ желѣзныхъ дорогъ, сред-

няя дневная погрузка на фронты представляется въ связи съ переворотомъ въ слѣдующемъ видѣ:

Вагоновъ погружено было:

	Муки.	Крупы.	Фуража.	Сѣна
Съ 16 по 20 октября 1917 г.	251	51	350	191
„ 20 „ 25 „ „ „	171	51	241	153
„ 25 „ 31 „ „ „	174	34	406	174
„ 1 „ 6 ноября „ „	62	18	33	58

Для гражданскаго населенія въ первую половину октября въ среднемъ за день грузилось всего вагоновъ—658, а съ 24 октября по 3 ноября въ среднемъ за день только 347.

Остановимся далѣе на снабженіи хлѣбомъ наиболѣе голодающихъ 11-ти губерній Московской области. Погрузка для этихъ губерній въ процентахъ къ нормѣ даетъ такую картину:

Сентябрь — 60,3.
Октябрь — 50,5.
Ноябрь — 28,7.
Декабрь — 8,8.
Январь — 10,2.

Мы видимъ, что дѣло продовольствія послѣ переворота совершенно катастрофически катится подъ гору. Плохо было при Временномъ Правительствѣ, очень плохо. Но какое же можно сдѣлать сравненіе положенія того времени съ положеніемъ настоящимъ?

Теперь мы понимаемъ, гдѣ причина того ужасающаго вопля, на который мы указывали въ началѣ статьи. Теперь мы должны признать, какую огромную, преступную комедію сыграла Совѣтская власть съ народными массами, на гребнѣ волнъ которыхъ она вышла на сцену.

Но это еще не все. Разрушеніе еще продолжается. И мы должны отмѣтить еще три печальныхъ обстоятельства.

5.

Первое обстоятельство, это—небывалое развитіе мѣшечничества. Народныя массы быстро почувствовали послѣ переворота ухудшеніе въ области продовольствія. И они, побуждаемыя ужасомъ голода, толпами хлынули сами за хлѣбомъ. Мѣшечники—они были и до переворота. Но

это было нѣчто другое. Теперь мѣшечничество обращается въ общее явленіе. Мѣшечники приливаютъ въ производящія губерніи огромными массами. Они являются даже вооруженными. Идетъ самая настоящая война изъ-за хлѣба. Цѣны ломаются, планъ снабженія разрушается[1]). Причемъ любопытно отмѣтить, что никто иной, какъ комиссаръ продовольствія Шлихтеръ давалъ разрѣшенія на заготовки внѣ всякаго плана[2]). Никто иной, какъ сами большевики, слѣдовательно, поощряли и плодили мѣшечничество.

А затѣмъ, когда всякая система продовольствія уже была смята, когда населеніе, сплошь и рядомъ совершенно не получая хлѣба, вынуждено было само доставать хлѣбъ, большевики въ лицѣ продовольственнаго диктатора на часъ—Л. Троцкаго (такого знатока въ этой области!) издаютъ жестокій приказъ о разстрѣлѣ на мѣстѣ неподчиняющихся мѣшечниковъ, которые виноваты развѣ только въ томъ, что хотятъ ѣсть, а имъ не даютъ. Въ тотъ моментъ, когда, собственно, никакой хлѣбной монополіи уже нѣтъ, большевики всѣми вооруженными средствами защищаютъ ее.

Монополія и твердыя цѣны были возможны и нужны, когда имѣлась огромная армія, когда была общенародная власть, когда была сѣть соотвѣтствующихъ организацій, проводящихъ ее. Но теперь, когда ни того, ни другого, ни третьяго нѣтъ, что можетъ дать монополія, кромѣ разстрѣла мѣшечниковъ, число которыхъ скоро станетъ равно числу домохозяевъ голодающей Россіи? Своей политикой, не соотвѣтствующей объективнымъ условіямъ, большевики лишь еще болѣе разстраиваютъ дѣло продовольствія.

Другое обстоятельство, которое необходимо отмѣтить, состоитъ въ томъ, что въ сѣверной Россіи нѣтъ сѣмянъ, они съѣдены. Между тѣмъ, нѣтъ и надеждъ на сколько-нибудь достаточное полученіе ихъ. Слѣдовательно, масса полей должна остаться на сѣверѣ незасѣянными, и голодъ долженъ переброситься на слѣдующій годъ.

Голодъ грозитъ намъ вообще въ ближайшіе годы еще и благодаря третьему обстоятельству, благодаря Брестскому

[1]) См. Извѣстія Моск. Обл. Продов. Комитета 1918, № 2, № 5.
[2]) См. тамъ же, № 1—2.

миру съ Германіей. По этому миру, помимо всего прочаго отъ насъ отходятъ помимо другихъ областей: Новороссія, исключая Донскую область, Юго-Западный край и Малороссія. Что это значитъ? Слѣдующія цифры даютъ отвѣтъ.

	Пространств	Населен.	Производство продов. продукт. и овса въ 1916.	Въ % къ производству ихъ въ 51 губ. Россіи вообще
Новороссія (безъ Донск. обл.) .	22 мил. д.	12 мил.	671 мил. пуд.	16
Юго-Западн. край	15 „ „	13 „	320 „ „	9
Малороссія . . .	14 „ „	11 „	365 „ „	10
Итого	51 „ „	36 „	1356 „ „	35

Итакъ, это значитъ, что отъ насъ отходитъ въ руки другихъ, истощенныхъ войною государствъ, огромная часть земли, населенія и хлѣба, отходятъ наши житницы. Ослабленная политически, разоренная, замученная русская земля обрекается на длительный продовольственный кризисъ.

Подведемъ итоги. Своимъ переворотомъ большевики дали не хлѣба, а приблизили голодъ. Они преступно легкомысленно разрушили и то немногое, что было создано демократіей въ дѣлѣ борьбы съ голодомъ. Разрушивъ съ такимъ трудомъ налаженную систему, они защищаютъ теперь ея призракъ, они вносятъ все большее и большее затрудненіе. Не будучи въ состояніи дать крестьянамъ сѣвера и центра Россіи посѣвныхъ сѣмянъ, своей политикой разрушивъ единство и цѣлость Россіи, они обрекли народъ, любовью и преданностью которому они такъ кичатся, они обрекли этотъ народъ на длительное полуголодное существованіе.

Напомнимъ, однако, большевикамъ, что говорилъ одинъ делегатъ, весьма видный дѣятель по продовольствію, на декабрьскомъ продовольственномъ съѣздѣ: «Здѣсь говорили, что народъ согласится на всякія жертвы ради власти совѣтской. Согласенъ съ этимъ, но съ однимъ ограниченіемъ: съ голоду умирать и ложиться въ гробъ покорно, во славу совѣтскаго правительства, народныя массы не будутъ. Никогда никакое правительство не удерживалось, разъ оно не могло удовлетворить элементарныхъ потребностей массъ».

Тѣми пріемами и тѣми путями, какими идетъ сейчасъ Совѣтская власть, голодъ не устранить. Ея попытки найти выходъ изъ положенія останутся тщетными.

Если вообще и возможно устранить голодъ, то при иныхъ условіяхъ и иными путями.

Возсозданіе и возрожденіе Россіи, созданіе общенаціональной, всенародной власти, прекращеніе извращенной и безумной внутренней борьбы, дружныя усилія всего народа — вотъ общія и необходимыя условія борьбы съ голодомъ. Но этого недостаточно. Необходимъ коренной пересмотръ всей экономической и продовольственной политики въ соотвѣтствіи съ конкретными условіями настоящаго. Все, что безъ нужды и цѣли тормазитъ самодѣятельность народа, его творческій духъ и духъ предпріимчивости, необходимо смѣло и рѣшительно отмести. Нужно забыть думать, что равенство въ голодѣ, нищетѣ и безработицѣ есть равенство соціалистическое. Нужно забыть думать, что власть, которая не въ состояніи дать хлѣба и которая въ то же время разстрѣливаетъ народъ, идущій за хлѣбомъ, борется во имя соціализма, во имя братства, равенства и свободы.

Н. Д. Кондратьевъ.

Большевизмъ и диктатура рабочаго класса.

«Революціонный соціализмъ,—говоритъ Марксъ,—объявляетъ постоянную революцію, классовую диктатуру пролетаріата, какъ необходимый переходный моментъ къ уничтоженію классоваго господства вообще, къ уничтоженію всѣхъ производственныхъ отношеній, на которыхъ основываются всѣ классовыя различія, къ уничтоженію всѣхъ общественныхъ отношеній, соотвѣтствующихъ этимъ отношеніямъ производства, и къ полному преобразованію всѣхъ идей, вытекающихъ изъ этихъ общественныхъ отношеній». Содержаніе диктатуры какого-либо класса составляетъ обладаніе имъ политической властью. Въ обществѣ, построенномъ на противоположности интересовъ отдѣльныхъ классовъ, политическая власть господствующаго класса служитъ ему для подчиненія интересовъ другихъ классовъ своимъ интересамъ путемъ соотвѣтственнаго принудительнаго регулированія всѣхъ общественныхъ отношеній. Рабочій классъ, будучи классомъ не эксплуатирующимъ, а эксплуатируемымъ, заинтересованъ не въ угнетеніи другихъ классовъ, а только въ своемъ освобожденіи, слѣдовательно, въ уничтоженіи классоваго строенія общества. Для этого онъ долженъ обладать силой и властью принудить другіе классы подчиниться новымъ общественнымъ отношеніямъ. Поскольку другіе классы должны при этомъ лишиться своей привилегіи жить за счетъ рабочаго класса, ясно, что достигнуть своей задачи онъ не можетъ, дѣля съ ними власть. То содержаніе, которое Марксъ и Энгельсъ вкладывали въ понятіе диктатуры пролетаріата, Каутскій въ своей брошюрѣ «Путь къ власти» характеризуетъ, какъ понятіе о политическомъ единовла-

сти пролетаріата, какъ единственной формѣ, въ которой онъ можетъ осуществить государственную власть, или, лучше было бы сказать, разрѣшить свои классовыя задачи.

Итакъ, диктатура класса есть наличіе у него власти создать общественныя отношенія, отвѣчающія его классовымъ интересамъ. Въ этомъ смыслѣ мы во всѣ рѣшающіе моменты міровой исторіи классоваго общества имѣемъ диктатуры какихъ-либо классовъ. Одна смѣняла другую, но всякій историческій этапъ имѣлъ свою диктатуру, опредѣлявшую характеръ всего соотвѣтствующаго общественнаго уклада. Думать, что классовая диктатура есть какое-то новое зловредное соціалистическое изобрѣтеніе, это значило бы утверждать, что исторія знаетъ такой счастливый періодъ, когда не было подчиненія интересовъ одного класса интересамъ другого, но интересы всѣхъ классовъ находили свое «справедливое разрѣшеніе». Если бы такъ было когда-нибудь, тогда не было бы классоваго общества, тогда общество дѣлилось бы не на классы, а только на трудящихся въ различныхъ областяхъ народнаго хозяйства. Но, увы, съ тѣхъ поръ, какъ общество отъ первобытнаго существованія перешло къ государственной жизни, всегда имѣются классы «не сѣющіе, не жнущіе, но сытыми бывающіе» за счетъ труда другихъ. А разъ имѣетъ мѣсто подчиненіе эксплуатируемыхъ, значитъ—на лицо и диктатура эксплуатирующихъ. Всякій новый приходившій къ господству классъ утверждалъ свою диктатуру. Это неизбѣжно. Для рабочаго класса, который можетъ себя освободить, только уничтоживъ классовое общество и создавъ на его мѣстѣ соціалистическое, диктатура, естественно, должна явиться только временнымъ, переходнымъ моментомъ. Но спорить противъ необходимости диктатуры рабочаго класса для совершенія соціалистической революціи можетъ лишь тотъ, кто вѣритъ въ соціальную гармонію классовъ и въ силу соціалъ-реформаторства, въ то, что постепенныя реформы, равно полезныя и для капиталистовъ и для рабочихъ, незамѣтно сдѣлаютъ рабочихъ обладателями полнаго продукта своего труда; или же въ то, что трудящіяся массы, помѣщая свои отложенныя на черный день крохи черезъ сберегательныя

кассы въ бумаги акціонерныхъ предпріятій, проснутся въ одинъ чудесный день сами себѣ хозяевами.

Революціонный соціализмъ свободенъ отъ такого соціалъ-реформаторскаго утопизма, и потому для него непреложна необходимость диктатуры рабочаго класса, т.-е. власти заставить другіе классы подчиниться своей волѣ путемъ государственнаго принужденія, для того, чтобы родилось новое общество.

Поскольку большевики козыряютъ неизбѣжностью диктатуры рабочаго класса, они не говорятъ ничего неправильнаго, но и ничего новаго, ничего оспариваемаго. Центръ тяжести вопроса въ другомъ: при какихъ условіяхъ диктатура осуществима настолько, чтобы власть была не только захвачена, но и утверждена и привела бы къ достиженію выдвинутыхъ ею задачъ, а не обратилась бы своимъ оружіемъ противъ самого рабочаго класса, сведя на нѣтъ всѣ его завоеванія и отбросивъ его назадъ. Въ связи съ этимъ встаетъ и слѣдующій вопросъ о формахъ политическаго господства рабочаго класса, о методахъ осуществленія имъ своей власти, ибо власть, захваченная, но объективно не могущая быть закрѣпленной, неминуемо въ попыткахъ борьбы за свое сохраненіе приметъ извращенныя формы и выродится въ диктатуру не класса, а кучки осѣдлавшихъ его узурпаторовъ. Если первый вопросъ можно формулировать, какъ вопросъ о своевременности диктатуры, то содержаніе второго сводится къ отношенію рабочей диктатуры къ началамъ демократіи.

Отвѣтъ на первый вопросъ уже данъ въ началѣ статьи словами Маркса: диктатура должна служить переходнымъ моментомъ къ уничтоженію классоваго господства вообще, иначе говоря—непосредственно предшествовать соціалистической революціи. Правда, дальше мы увидимъ, что могутъ быть историческіе моменты, когда рабочій классъ окажется вынужденъ прибѣгнуть къ диктатурѣ для разрѣшенія тѣхъ задачъ, которыя по своему соціально-политическому содержанію должны были бы быть выполнены другими классами. Это имѣетъ мѣсто, когда на очереди задачи общенаціональнаго характера, въ разрѣшеніи которыхъ рабочему классу по пути съ другими клас-

сами, безсильными, однако, вслѣдствіе своей дряблости, моральнаго разложенія, узкоклассоваго эгоизма и близорукости, взять на себя объединеніе подъ своимъ руководствомъ народныхъ массъ. Но въ этомъ случаѣ рабочая диктатура явится какъ-бы въ роли временно исполняющей чужія обязанности и приведетъ не къ устраненію всякаго классоваго господства, и съ нимъ вмѣстѣ всякой диктатуры, но, напротивъ, должна будетъ уступить мѣсто дѣйствительному историческому «хозяину» даннаго періода—другому классу. Сейчасъ мы пока разсмотримъ, возможно ли для рабочаго класса обладаніе всей политической властью въ то время, когда соціалистическая революція еще не созрѣла, то-есть, слѣдовательно, когда экономическая власть фактически въ своемъ существѣ остается еще, несмотря ни на что, въ рукахъ буржуазіи. Рѣшеніе этого вопроса позволитъ намъ сдѣлать правильные выводы для оцѣнки рабоче-крестьянской диктатуры въ условіяхъ переживаемаго времени.

Интересующимъ насъ вопросомъ о возможности удержанія рабочимъ классомъ политической власти при сохраненіи существа старыхъ отношеній экономическаго господства Марксъ и Энгельсъ неоднократно занимались въ своихъ работахъ. Въ «Гражданской войнѣ во Франціи», анализируя историческое значеніе парижской Коммуны, Марксъ ставитъ его такимъ образомъ: Коммуна была правительствомъ рабочаго сословія, результатомъ борьбы между производящими и присваивающими, той давно искомой политической формой, при которой могло бы совершиться экономическое освобожденіе труда,—такъ мыслима ли она при другомъ ея содержаніи? И Марксъ отвѣчаетъ: «Безъ этого условія Коммуна немыслима, безъ него она пустой призракъ. Политическое господство производителей не можетъ существовать рядомъ съ соціальнымъ рабствомъ ихъ». Ту же мысль повторяетъ Каутскій въ брошюрѣ «На другой день послѣ соціальной революціи»: «Политическое господство пролетаріата и продолженіе капиталистическаго способа производства несовмѣстимы одно съ другимъ. Кто допускаетъ возможность перваго, тотъ долженъ признать и возможность исчезновенія послѣдняго». Почему же однако такъ, почему захваченная рабо-

чимъ классомъ политическая власть неминуемо осуждена на крахъ, если ей не подъ силу окажется полное экономическое освобожденіе труда, то-есть, соціалистическая революція? Для насъ, воочію наблюдающихъ, какъ трудовыя массы, давшія себя ослѣпить демагогическими большевистскими лозунгами, затѣмъ, убѣдившись въ ихъ лживости и неосуществимости, стихійно покидаютъ большевиковъ, въ лучшемъ случаѣ съ апатіей и усталымъ безразличіемъ, въ худшемъ съ враждой къ революціи и соціализму и жаждой хотя бы нѣмецкаго порядка; какъ большевики, лишенные опоры въ широкихъ массахъ, стремятся удержать свою власть мѣрами прямого и косвеннаго подкупа съ одной стороны, террора и гнуснѣйшаго подавленія всѣхъ свободъ—съ другой; какъ они въ ходѣ вещей передали распыленную власть въ руки «мѣшечниковъ», деревенскихъ кулаковъ и другихъ элементовъ, которые, поудивъ рыбу въ мутной водѣ большевистской анархіи, поживившись отъ расхищаемаго народнаго достоянія, станутъ ярыми защитниками собственности и порядка; какъ, наконецъ, большевики, разрушивъ оплоты демократіи и создавъ въ лицѣ красной гвардіи и наемной солдатчины готовый аппаратъ для полицейскаго подавленія массъ, сдѣлали этимъ «маврово дѣло» для грядущей неприкрытой реакціи, умѣющей организоваться и знающей, что ей дѣлать,—для насъ, все это воочію наблюдающихъ, заданный вопросъ, пожалуй, покажется празднымъ. И дѣло вовсе не въ томъ, что большевики дурно использовали захваченную ими власть. Иначе быть не могло, такова неодолимая логика вещей. Съ того момента, какъ они захватили власть во имя неосуществимыхъ лозунговъ соціалистическаго переворота, они оказались плѣнниками стихіи и дѣлали то, чего не дѣлать уже не могли. Въ сознаніи массъ политическія формы преломляются не какъ самостоятельныя цѣнности, а какъ средство для удовлетворенія ихъ экономическихъ нуждъ. Однимъ ниспроверженіемъ деспотизма сытъ не будешь. Равнымъ образомъ пробужденіемъ зоологической ненависти, удовлетвореніемъ инстинктовъ мести, расправой съ «буржуями» можно добиться лишь мимолетнаго успѣха. Прійдя къ непосредственному осуществленію власти, трудовыя массы не могутъ уже дать убѣдить себя теоретическими

доказательствами неосуществимости ихъ смутныхъ чаяній, не могутъ примириться съ тѣмъ, что, обладая властью декретировать удовлетвореніе всѣхъ своихъ нуждъ, онѣ окажутся безсильны удовлетворить ихъ на дѣлѣ. Но то, чего нельзя осуществить, то и не будетъ осуществлено. Поэтому, что бы ни представляли себѣ массы своей цѣлью, въ дѣйствительности, если она неосуществима, онѣ будутъ проводить нѣчто совершенно иное. Такъ произошло и съ нашимъ октябрьскимъ переворотомъ. Изъ большевистскаго «соціализма» массы на дѣлѣ восприняли только оголенныя требованія хаотическаго расхищенія народнаго достоянія и частныхъ имуществъ. Въ деревнѣ это привело къ безпорядочному раздѣлу земель и подготовляетъ нарожденіе новаго помѣщичьяго класса изъ среды деревенскаго кулачества, въ городѣ дало раздѣлъ фабрикъ и заводовъ во временную собственность ихъ рабочихъ и въ результатѣ ихъ закрытіе. Помѣшать этому большевики уже не могли. Политическая диктатура дѣлаетъ для массъ психологически невозможнымъ сохраненіе старыхъ экономическихъ отношеній, а, ставъ на этотъ путь экспериментовъ и постепенно раскачиваясь, массы уже не могутъ остановиться,—тѣмъ болѣе, что послѣдствія въ видѣ безработицы не сразу сказываются,—и должны докатиться до конца, до катастрофы. А затѣмъ разочарованіе, усталость, озлобленіе, попутно крушеніе профессіональныхъ организацій,—массы дѣлаются легкой добычей реакціи, и отъ политическаго всевластія остается почти одно разбитое корыто.

Таковъ путь крушенія диктатуры при невозможности соціалистической революціи.

Но здѣсь могутъ быть сдѣланы два возраженія. Первое такое: конечно, политическая диктатура не можетъ продержаться безъ соціалистической революціи, но неправильно ставится вопросъ, нельзя говорить о неосуществимости соціалистической революціи, ибо диктатура рабочаго класса сама по себѣ дѣлаетъ ее осуществимой. Второе возраженіе связано съ современной войной и продиктовано переоцѣнкой того военнаго соціализма, который выразился въ вызванномъ военными нуждами вмѣшательствѣ государ-

ства въ организацію производства и распредѣленія. Если политическая диктатура немыслима безъ соціалистической революціи, если сама по себѣ диктатура недостаточна для соціалистической революціи, то зато для послѣдней,— думаютъ пророки отъ военнаго соціализма,—созданы необходимыя предпосылки мѣропріятіями военнаго времени, и недостаетъ только диктатуры, чтобы зашагать въ царство соціализма.

Первое возраженіе чисто бланкистскаго характера. Это вѣра въ силу заговора, въ возможность «провести соціальное преобразованіе простымъ нападеніемъ на застигнутаго врасплохъ противника». На немъ нѣтъ нужды долго останавливаться, оно достаточно опровергнуто уроками исторіи, данными и въ 1848-мъ и въ 1871-мъ годахъ. Энгельсъ и Марксъ первоначально думали, что революція 1848 года должна была при переходѣ власти къ пролетаріату стать соціалистической революціей, ибо рѣчь шла «объ удовлетвореніи насущнѣйшихъ интересовъ огромнаго большинства народа, интересовъ, которые, хотя не были ясны самой массѣ, но должны были выясниться ей въ теченіе реальнаго ихъ проведенія въ жизнь, благодаря убѣдительной силѣ нагляднаго примѣра». «Но, продолжаетъ Энгельсъ, исторія показала намъ и всѣмъ тѣмъ, кто разсуждалъ такимъ образомъ, что мы были неправы. Она выяснила, что состояніе экономическаго развитія на континентѣ въ то время не было еще таковымъ, чтобы могло быть устранено капиталистическое производство». По тѣмъ же причинамъ оказалась безсильна, а потому и погибла, диктатура пролетаріата во время Коммуны: «Было ясно, что въ Парижѣ уже болѣе невозможна никакая другая революція, кромѣ пролетарской, послѣ побѣды власть сама собой безъ всякаго спора очутилась въ рукахъ пролетаріата, и снова ясно обнаружилось, какъ невозможно было такое господство рабочаго класса даже тогда, двадцать лѣтъ послѣ описанной въ нашемъ сочиненіи эпохи (1848—50 гг.)».

Никакая диктатура никакими декретами и никакими убѣдительными наглядными экспериментами не создастъ соціалистическаго строя тамъ, гдѣ для него не созрѣли объективныя и психологическія предпосылки. Нужна круп-

ная, еще въ рамкахъ капитализма развившаяся, промышленность, чтобы были матеріальныя силы для соціалистическаго производства; нужна сознательность и дисциплинированность рабочаго класса, чтобы онъ зналъ, что ему дѣлать и какъ дѣлать; нужны крѣпкія, накопившія опытъ рабочія организаціи, чтобы было, въ чьи руки передать обобществленныя средства производства. Въ Россіи ничего этого не было, и потому соціализмъ выродился въ большевизмъ, а «соціалистическіе» эксперименты ничего не дали, кромѣ шантажа и наживы для прихвостней большевизма, разрухи, безработицы, нищеты и голода для рабочаго класса.

Все это прекрасно понимаютъ и сами большевистскіе теоретики. Недаромъ они такъ усердно открещиваются отъ бланкистскаго авантюризма. Усердно, но неискренне. Для Ленина, какъ ultima ratio того, что большевики удержатъ власть, остается все та же убѣдительная сила нагляднаго примѣра. Сила пролетаріевъ и бѣднѣйшихъ крестьянъ, восклицаетъ онъ: «выпрямится во весь свой ростъ лишь тогда, когда власть будетъ въ рукахъ пролетаріата, когда десятки милліоновъ людей, раздавленные нуждой и капиталистическимъ рабствомъ, увидятъ на опытѣ, почувствуютъ, что власть въ государствѣ досталась угнетеннымъ классамъ, что власть помогаетъ бѣднотѣ бороться съ помѣщиками и капиталистами, ломаетъ ихъ сопротивленіе». Такъ пыжится авторъ октябрьскаго переворота, котораго и сейчасъ не отрезвила пролитая имъ пролетарская кровь, а созданныя имъ въ безпримѣрныхъ размѣрахъ безработица и голодъ не научили, что, гдѣ нѣтъ объективныхъ условій для соціалистической революціи, тамъ простымъ захватомъ власти ея не произведешь и арестомъ капиталистовъ не создашь соціалистическаго производства.

Для того, чтобы покончить съ вопросомъ о своевременности, въ смыслѣ осуществимости, рабочей диктатуры, остается разобрать, не созрѣли ли у насъ предпосылки истиннаго соціализма подъ кровомъ соціализма военнаго. Но не ломимся ли мы въ открытую дверь? Не скажутъ ли господа большевики, что о возможности сейчасъ соціалистической революціи они и не занимаются? Это у нихъ, смотря по обстоятельствамъ: на митингахъ они кричатъ

о томъ, что дѣло соціализма въ шляпѣ, такъ же орудуютъ они въ своихъ экспериментахъ, но въ своихъ теоретическихъ статьяхъ они порой еще испытываютъ потребность заплатить дань научной истинѣ, хотя бы лицемѣріемъ. Мы видѣли уже это, когда рѣчь шла о бланкистской природѣ большевизма, такъ же обстоитъ дѣло и съ водвореніемъ соціализма. Тутъ не обошлось безъ нѣкотораго семейнаго скандала, въ ненаучности уличилъ г. Ленина не кто иной, какъ г. Каменевъ: схема Ленина, заявилъ онъ, «разсчитана на немедленное перерожденіе этой (буржуазно-демократической) революціи въ соціалистическую». Отъ этого г. Ленинъ открещивается: «тов. Каменевъ, по его словамъ, немножечко нетерпѣливо размахнулся», самъ же г. Ленинъ не только не разсчитываетъ на немедленное перерожденіе нашей революціи въ соціалистическую, но и прямо предостерегаетъ противъ этого въ своемъ тезисѣ № 8. Тезисъ этотъ гласитъ: «не «введеніе» соціализма, какъ наша непосредственная задача, а переходъ тотчасъ лишь къ контролю со стороны С. Р. Д. за общественнымъ производствомъ и распредѣленіемъ продуктовъ».

Итакъ, не немедленный соціализмъ, но немедленный («тотчасъ») рабочій контроль за производствомъ и распредѣленіемъ. Такъ пишется въ «Письмахъ о тактикѣ», а въ брошюрѣ «Удержатъ ли большевики госуд. власть» мы можемъ удовлетворить наше любопытство, чѣмъ такой немедленный контроль отличается отъ немедленнаго соціализма. При диктатурѣ пролетаріата, разъясняетъ, г. Ленинъ: «Рабочій контроль можетъ стать всенароднымъ, всеобъемлющимъ, вездѣсущимъ, точнѣйшимъ и добросовѣстнѣйшимъ учетомъ производства и распредѣленія продуктовъ». Въ этомъ главная трудность, въ этомъ главная задача пролетарской, т.-е. соціалистической революціи». На повѣрку, значитъ, рабочій контроль и есть главная задача, т.-е. существо соціалистической революціи. Разсчетъ на немедленный контроль оказался равносиленъ разсчету на немедленное введеніе соціализма. Да и въ каждой строкѣ своей брошюры г. Ленинъ открываетъ соціалистическіе горизонты большевистской власти. Вся полнота власти Совѣтовъ (не забудемъ, что она уже достигнута, ибо большевики декретировали совѣтскую республику) означаетъ, по

г. Ленину, «власть надъ всей землей, надъ всѣми банками, надъ всѣми фабриками»; милліонныя массы у него начинаютъ работать на себя, а не на капиталиста; наконецъ, уже непререкаемая гарантія соціализма, это—наличіе партіи большевиковъ, возглавляемой г. Ленинымъ. «Россіей управляли послѣ революціи 1905 года 130.000 помѣщиковъ... и Россіей будто бы не смогутъ управлять 240.000 членовъ партіи большевиковъ, управлять въ интересахъ бѣдныхъ и противъ богатыхъ!» Вѣдь «сознательные рабочіе сплотили партію въ 1/4 милліона, чтобы планомѣрно взять въ руки этотъ аппаратъ (крупныхъ банковъ, синдикатовъ, жел. дорогъ и т. п.) и пустить его въ ходъ при поддержкѣ всѣхъ трудящихся и эксплуатируемыхъ». Кто же смѣетъ сомнѣваться, что при этихъ условіяхъ «не найдется той силы на землѣ (Вильгельмъ тоже не въ счетъ? М. Г.), которая помѣшала бы большевикамъ, если они не дадутъ себя запугать и сумѣютъ взять власть, удержать ее до побѣды всемірной соціалистической революціи»?—И это писалъ человѣкъ, который вскорѣ послѣ этого—на экстренномъ съѣздѣ Совѣтовъ—преспокойно объявилъ себя «врагомъ революціонной фразы» и на этомъ основаніи исторически оправдывавшій предательство дѣла европейской демократіи и колѣнопреклоненіе предъ Вильгельмомъ, лишь бы была сохранена большевистская власть надъ остатками бывшей Россіи.

Кромѣ г. Каменева, были и другіе протестанты, уходившіе даже демонстративно изъ центральнаго комитета своей партіи и совѣта народныхъ комиссаровъ. Но—«милые бранятся, только тѣшатся». Дѣлаютъ же всѣ они одно дѣло, и дѣла ихъ краснорѣчивѣе всякихъ словъ. Итоги этихъ «дѣловъ и дней большевистскихъ» нынѣ всѣмъ ясны. Органы рабочаго контроля только тѣмъ и занимались, что повышали заработную плату, пока вовсе не была съѣдена капиталистическая прибыль, единственный стимулъ для привлеченія капиталовъ; пока не была уничтожена возможность какого бы то ни было правильнаго воспроизводства; пока фабрики и заводы не стали переходить на казенное иждивеніе, а затѣмъ и вовсе закрываться. Національзація банковъ уничтожила кредитъ, привела къ исчезновенію денежныхъ знаковъ и краху денежнаго об-

мѣна. Все это объективно—злѣйшее предательство интересовъ страны и интересовъ рабочаго класса. Отсутствіе сознательнаго предательства въ дѣлахъ большевистской диктатуры можетъ быть допущено лишь при признаніи вѣры большевиковъ въ возможность на мѣсто уничтоженнаго ими капиталистическаго производства теперь же организовать соціалистическое: «политическое господство пролетаріата и продолженіе капиталистическаго способа производства несовмѣстимы одно съ другимъ, кто допускаетъ возможность перваго, тотъ долженъ признать и возможность исчезновенія послѣдняго».

Итакъ, поскольку большевики незавѣдомые предатели рабочаго дѣла ради соблазна власти, они исходятъ изъ вѣры въ «немедленный соціализмъ». Прежде эта вѣра не составляла неотъемлемой части большевистскаго міросозерцанія. Корни ея мы можемъ найти только въ неправильной оцѣнкѣ успѣховъ и значенія военнаго соціализма. И, дѣйствительно, подтвержденіе этого мы находимъ въ той же брошюрѣ г. Ленина: «Принудительное синдицированіе, —пишетъ онъ,—т.-е. принудительное объединеніе въ союзы подъ контролемъ государства, вотъ, что капитализмъ подготовилъ, вотъ, что въ Германіи осуществило государство юнкеровъ, вотъ, что вполнѣ будетъ осуществимо въ Россіи для Совѣтовъ, для диктатуры пролетаріата, вотъ, что дастъ намъ «государственный аппаратъ» и универсальный и новѣйшій и небюрократическій». Юнкерскій соціализмъ въ Германіи откликнулся большевистскимъ соціализмомъ въ Россіи.

Надо думать, что, находясь подъ обояніемъ этихъ германскихъ откровеній, г. Ленинъ, если бы писалъ свое первое письмо о тактикѣ послѣ давшаго ему власть октябрьскаго переворота, уже не счелъ бы нужнымъ пытаться кого-либо обмануть своимъ тезисомъ 8-мъ и не скрывалъ бы длинныхъ ушей вѣры въ немедленный соціализмъ, торчащихъ изъ его «всеобъемлющаго и вездѣсущаго рабочаго контроля». Но въ общемъ большевистская мысль, ищущая обоснованій для соціалистической революціи въ Россіи, въ такомъ мутномъ источникѣ, какъ нѣмецкій юнкерскій соціализмъ, не можетъ, конечно, отличаться ясностью и опре-

дѣленностью. Подобно своему учителю и вождю г. Луначарскій также черпаетъ свое соціалистическое воодушевленіе у нѣмецкаго министра Гельфериха. Но характерно, какъ онъ безпомощно бьется въ своемъ предисловіи къ русскому переводу брошюры Каутскаго «На другой день послѣ соціальной революціи», пытаясь свести концы съ концами. Онъ не думаетъ, что «мы въ Россіи подошли вплотную къ соціалистическому строю», но зато еще менѣе склоненъ «повторять отжившую книжную фразу о неизбѣжномъ для Россіи наступленіи длительнаго періода господства капиталистической буржуазіи». Онъ находитъ, ссылаясь на Каутскаго, что реальное соотношеніе силъ классовъ можетъ порою и обгонять экономику, и въ этомъ случаѣ предъ страной открываются неожиданно широкія возможности. Такъ именно обстоитъ сейчасъ дѣло въ Россіи, и хотя «русскій капитализмъ представляетъ собою сравнительно очень слабый исходный пунктъ для реализаціи соціализма, однако въ Россіи можно бы было сдѣлать значительные шаги въ этомъ направленіи». Въ чемъ однако заключаются эти шаги? «Вполнѣ возможенъ переходъ въ государственную собственность крупнѣйшихъ промышленныхъ предпріятій, желѣзныхъ дорогъ..., горной промышленности и т. п. На видномъ мѣстѣ стоитъ здѣсь и національзація земли». Затѣмъ слѣдуетъ существеннѣйшая оговорка: «Значительнѣйшая часть промышленности однако останется по прежнему въ рукахъ частныхъ предпринимателей, и здѣсь по прежнему на первомъ мѣстѣ будетъ стоять защита труда отъ эксплуатаціи. Всѣ мѣры этого рода могутъ быть съ извѣстнымъ правомъ названы и простыми буржуазными реформами, но все зависитъ здѣсь отъ количества, и количество это на извѣстной границѣ переходитъ въ качество». Какъ бы радикальны ни были эти мѣры, все же ясно, что онѣ весьма далеки отъ сходства съ экспериментами ленинскаго соціализма, ибо ленинскій всеобъемлющій контроль разрѣшаетъ главную задачу соціализма, а г. Луначарскій всетаки признаетъ, что «мѣра его (соціализма) осуществленія зависитъ отъ степени развитія капитализма въ данной странѣ», что, слѣдовательно, реальное соотношеніе силъ классовъ не безпредѣльно можетъ обго-

нять экономику. Тутъ-то и приходится скверно г. Луначарскому. Съ одной стороны онъ признаетъ, что намъ предстоитъ выполнить лишь ту задачу, «которая уже выполнена въ Англіи и Германіи, т.-е. государственно организовать наиболѣе созрѣвшую крупно-капиталистическую часть нашей промышленности». Съ другой стороны, онъ понимаетъ, что «государственный соціализмъ, вѣрнѣй милитаризація промышленности», къ которой должна была прибѣгнуть западно-европейская буржуазія «въ лицѣ своего военнаго государства», «не имѣетъ ничего общаго съ нашимъ (понимай: ленинскимъ?) соціализмомъ». Какъ же быть, какъ разорвать этотъ заколдованный кругъ, какъ перекинуть мостъ черезъ пропасть, которая отдѣляетъ выполненныя уже въ Англіи и Германіи и подлежащія у насъ выполненію мѣры Ллойдъ-Джорджей и Гельфериховъ («государственный соціализмъ, вѣрнѣе, милитаризація промышленности») отъ «нашего» соціализма?—Г. Луначарскій тужится и разрѣшается противопоставленіемъ олигархическому западу насъ, которые «все же стоимъ въ настоящее время во главѣ міроваго демократическаго движенія». Послѣ этого можно почить на лаврахъ и гордо заявить, что «тутъ мы русскіе указуемъ Европѣ путь». Какъ, тѣмъ не менѣе, на судьбахъ «нашего» соціализма отразится зависимость мѣры осуществленія соціализма отъ степени развитія капитализма, представляющаго у насъ очень слабый исходный пунктъ, г. Луначарскій, къ сожалѣнію, не объясняетъ.

Гг. Ленинъ, Луначарскій и другіе подобные имъ большіе и малые теоретики большевистскаго коммунизма, обращенные въ вѣру немедленнаго соціализма гельфериховскими чудесами, оказались совершенно не въ силахъ разобраться въ природѣ промышленнаго капиталистическаго хозяйства и въ истинномъ значеніи военнаго «соціализма», а потому и не поняли, гдѣ предѣлы соціалистическаго творчества даже для нашей «главенствующей въ мірѣ» демократіи.

Капиталистическое хозяйство означаетъ развитіе производительныхъ силъ лишь при наличіи двухъ условій: конкурренціи и прибыли. Во имя прибыли и подъ давле-

ніемъ конкурренціи капитализмъ стремится и вынужденъ расширять производство, увеличивать использованіе средствъ производства и труда. Гдѣ отпадаетъ хотя одно изъ этихъ условій, тамъ капитализмъ перестаетъ служить развитію производительныхъ силъ. Когда ростъ мірового производства въ капиталистической оболочкѣ достигаетъ такой высоты, что рынокъ насыщенъ, и предложеніе превышаетъ платежеспособный спросъ, тогда прибыль ускользаетъ, наступаетъ кризисъ, капиталисты закрываютъ свои фабрики или сокращаютъ производство. Въ извѣстныхъ предѣлахъ они научались предотвращать или смягчать кризисы, организуясь въ тресты и регулируя размѣры производства въ соотвѣтствіи съ емкостью платежеспособнаго рынка, т. е. ограничивая так. обр. производство. Емкость рынка—вотъ грань, за которой капитализмъ, воодушевляемый только погоней за прибылью, изъ формы развитія производительныхъ силъ становится его преградой. Для дальнѣйшаго и окончательнаго раскрѣпощенія производительныхъ силъ дѣлается необходимой отмѣна капиталистической собственности, водвореніе соціалистическаго способа производства. Такимъ образомъ, соціализмъ рождается изъ расцвѣта производительныхъ силъ, когда дальнѣйшее оплодотвореніе природныхъ богатствъ и наличнаго труда становится не подъ силу изживающему себя міровому капитализму.

Съ другой стороны, капитализмъ изъ формы развитія производительныхъ силъ дѣлается его оковами, когда отпадаетъ другой моментъ—конкурренція. Это имѣетъ мѣсто тамъ, гдѣ въ силу естественныхъ или искусственныхъ причинъ создается монополія. Тогда для капиталистическихъ предпріятій создается болѣе легкій путь обезпеченія за собой и повышенія прибыли: не расширеніе производства, а взвинчиваніе цѣнъ. Въ этомъ случаѣ для развитія производительныхъ силъ требуется вмѣшательство государства въ формѣ ли націонализаціи отдѣльныхъ отраслей промышленности или въ формѣ государственнаго ихъ регулированія. Война привела къ созданію такого положенія вещей почти во всѣхъ областяхъ народнаго хозяйства. Отвлеченіе милліоновъ рабочихъ на фронтъ, колоссальный ростъ непроизводительнаго потребленія богатствъ страны

въ цѣляхъ обороны создали безпримѣрное превышеніе спроса надъ предложеніемъ и всеобщее безтоварье. Капиталисты стали монополистами и пожинали небывало колоссальныя прибыли, взвинчивая цѣны и не будучи вынуждаемы, за отсутствіемъ конкурренціи, къ максимальному расширенію производства. Для наибольшаго использованія производительныхъ силъ стало неизбѣжно государственное регулированіе производства и распредѣленія. Такъ и родился военный «соціализмъ». Онъ родился изъ нищеты, изъ оскудѣнія, изъ недостатка. Не какъ результатъ расцвѣта производительныхъ силъ явился онъ на сцену, а какъ дѣтище ихъ упадка, и первопричиной его была необходимость прежде всего урегулировать распредѣленіе недостаточнаго количества сырья, полуфабрикатовъ и предметовъ потребленія. Повысить производительность по сравненію съ капитализмомъ военный соціализмъ можетъ лишь въ тѣхъ предѣлахъ, которые полагаются самой ограниченностью, вызванной особыми условіями, наличныхъ производительныхъ силъ (средствъ производства и труда).

Итакъ, истинный соціализмъ придетъ въ результатѣ высшаго развитія производительныхъ силъ. Оно совершится еще въ предѣлахъ капиталистическаго строя и создастъ въ крупныхъ формахъ производства матеріальныя предпосылки соціализма. Сопутствующій процессъ организаціи и воспитанія рабочаго класса создастъ его психологическія предпосылки. Невозможность реализаціи прибыли вслѣдствіе насыщенія рынка лишитъ міровой капитализмъ стимула къ расширенію производства. Съ этого момента капитализмъ изживаетъ себя и для дальнѣйшаго развитія производительныхъ силъ долженъ уступить мѣсто соціализму, который будетъ истиннымъ потому, что несетъ съ собой окончательное раскрѣпощеніе производительныхъ силъ и окончательное экономическое освобожденіе труда.

Напротивъ, военный «соціализмъ» содѣйствуетъ развитію производительныхъ силъ временно и въ опредѣленныхъ предѣлахъ. Ему уступаетъ мѣсто капитализмъ не потому, что лишенъ возможности получить прибыль, а потому, что, вслѣдствіе созданной войной ограниченности средствъ производства и возникающей отсюда монополіи, можетъ получать прибыль не расширеніемъ производства,

а повышеніемъ цѣнъ. Но зато съ момента, когда условія, создавшія ограниченность средствъ производства и монополію, устранены, военный соціализмъ своимъ вмѣшательствомъ стѣснялъ бы развитіе хозяйства и потому въ свою очередь долженъ уступить мѣсто капитализму, если только послѣдній еще не изжилъ себя и имѣетъ предъ собой рынки, прибыль и возможность увеличенія производства.

Энгельсъ говоритъ, что революція 1848-го года не могла стать соціалистической потому, что капиталистическая основа была тогда еще способна къ развитію.

Съ этимъ историческимъ закономъ не можетъ не считаться жизненная политическая партія. Способность капитализма къ творчеству прежде всего заставляетъ предполагать, что онъ еще не овладѣлъ всей областью промышленнаго хозяйства и, слѣдовательно, не успѣлъ создать въ немъ необходимаго матеріальнаго базиса для соціализма (сельскаго хозяйства я здѣсь, конечно, не имѣю въ виду, тамъ свои особые пути развитія). Кромѣ того, и рабочія массы всегда предпочтутъ синицу прочнаго заработка и возможность его повышенія соціалистическому журавлю. Этимъ и объясняется экономическій характеръ рабочаго движенія въ странахъ съ преуспѣвающей промышленностью. Вотъ почему, порожденный оскудѣніемъ, военный «соціализмъ» не только не означаетъ истиннаго соціализма въ настоящемъ, но и вообще самъ по себѣ не составляетъ даже приближенія къ нему, если, повторяю, капитализмъ еще не изжилъ своего творчества. Это не исключаетъ, конечно, того, что огромный опытъ ограниченія самодержавія капиталистовъ, накопленный военнымъ соціализмомъ, будетъ использованъ рабочимъ классомъ для защиты своихъ классовыхъ интересовъ.

Особенно въ условіяхъ нашей россійской дѣйствительности не приходится говорить о томъ, что военный соціализмъ можетъ развиться въ подлинную соціалистическую организацію производства. Нашу отсталую промышленность, разрушенную войной, окончательно доконали пять мѣсяцевъ большевистскаго хозяйничанія. Россія раздѣлена на части, остаткамъ ея грозитъ судьба колоній. О нашей демократіи нелѣпо говорить, что она стоитъ во

главѣ мірового движенія. О степени демократическихъ завоеваній надо судить не по размаху революціоннаго періода бурь, а по тѣмъ устойчивымъ формамъ, въ которыя они выльются. Наша демократія настолько бѣдна силами, что даже мѣры военнаго «соціализма» въ западно-европейскомъ масштабѣ оказались ей не по плеч . Для возстановленія всего, что уничтожила военная и большевистская разруха, потребуется огромное промышленное напряженіе, необходимо будетъ максимальное привлеченіе капиталовъ. Но ихъ не привлечешь при военномъ «соціализмѣ». Когда съ прекращеніемъ войны исчезнетъ обстановка промышленныхъ монополій, явятся рабочія руки, откроется возможность увеличить добычу сырья, тогда военный «соціализмъ», сковывая предпринимательскую иниціативу и парализуя творческую роль капитала, могъ бы сыграть самую роковую роль въ дѣлѣ нашего промышленнаго возрожденія.

«Революція въ Россіи, писалъ Каутскій,—не можетъ положить начало соціалистическому строю, для этого не созрѣли еще экономическія условія страны». Вотъ почему и г. Луначарскій, пока комиссарство не вскружило ему головы, подписывался подъ тѣмъ, что русскій капитализмъ представляетъ собой сравнительно очень слабый исходный пунктъ для реализаціи соціализма, что возможенъ переходъ въ государственную собственность лишь крупнѣйшихъ промышленныхъ предпріятій, желѣзныхъ дорогъ и рудниковъ, и что значительнѣйшая часть промышленности должна по прежнему остаться въ рукахъ частныхъ предпринимателей. Въ іюнѣ прошлаго года сей мужъ писалъ о томъ, «насколько практически необходимы намъ сейчасъ мудрые совѣты Каутскаго». Но октябрьскій переворотъ возвелъ его въ санъ комиссара. Столь высокое положеніе обязываетъ. По приказу г. Ленина «мудрый» Каутскій превращается въ «сладенькаго» Каутскаго, и комиссаръ Луначарскій вкупѣ съ другими птенцами ленинскаго гнѣзда губятъ Россію преступными экспериментами большевистскими рабочаго контроля, банковской національзаціи и другими подобными мѣрами водворенія соціализма, разрушившими нашу промышленность и выбросившими на улицу сотни тысячъ рабочихъ.

Соціалистическая революція въ Россіи не приспѣла.

А разъ такъ, то и диктатура рабочаго класса, пытаясь осуществить неосуществимое, приведетъ къ хаотическому расхищенію народнаго достоянія, усугубитъ нищету, броситъ разочарованныя, усталыя и озлобленныя массы въ объятія реакціи и погубитъ революцію.

Мы пришли такимъ образомъ къ выводу, что диктатура рабочаго класса осуществима не при всякихъ условіяхъ, а лишь при наличіи необходимыхъ предпосылокъ для разрѣшенія поставляемыхъ ею себѣ задачъ. Отсюда слѣдуетъ и другой выводъ: попытки утвердить диктатуру при отсутствіи сказанныхъ предпосылокъ неизбѣжно примутъ извращенную форму, въ самой себѣ таящую залогъ своей гибели. Надо установить методы дѣйствія, которымъ должна слѣдовать рабочая власть, чтобы создать новыя общественныя отношенія. Если потомъ при анализѣ того или иного историческаго момента мы наблюдаемъ, что пришедшая къ власти рабочая партія вынуждена при достиженіи своихъ цѣлей измѣнить основнымъ завѣтамъ своей тактики, это лишній разъ подтвердитъ намъ непрочность ея власти.

Каковы же эти завѣты?—Вопросъ о формахъ политическаго господства рабочаго класса, о методахъ осуществленія имъ своей власти я опредѣлилъ какъ вопросъ объ отношеніи рабочей диктатуры къ началамъ демократіи. Диктатура рабочаго класса предполагаетъ, какъ мы видѣли, обладаніе имъ властью принудить всѣ общественные классы принять новыя общественныя отношенія, уничтожающія всякое дѣленіе общества на классы, а съ тѣмъ вмѣстѣ прекращающія всякое классовое господство, всякую диктатуру. Такъ какъ эти цѣли исключаютъ компромиссъ съ другими классами, рабочая диктатура мыслима только въ формѣ единовластія. Но исключаетъ ли единовластіе начала демократіи?

Это могло бы имѣть мѣсто въ двухъ случаяхъ: или тогда, когда рабочій классъ составляетъ меньшинство народа и стремится утвердить свое господство въ разрѣзъ съ волей большинства, или же когда, вслѣдствіе его недостаточной организованности и сознательности, лишь меньшая часть его даетъ себѣ ясный отчетъ въ своихъ классовыхъ цѣляхъ, а остальная ввѣряетъ свое дѣло въ руки

чуждыхъ классовъ. Такимъ образомъ, въ иной формулировкѣ вопросъ гласитъ такъ: означаетъ ли диктатура рабочаго класса диктатуру большинства надъ меньшинствомъ или напротивъ диктатуру меньшинства надъ большинствомъ?

Во второмъ номерѣ «Рабочаго Интернаціонала» напечатана посвященная этому вопросу статья, и исчерпывающая статья, Каутскаго «Демократія и диктатура». Отвѣтъ Каутскаго категориченъ: «стремленіе къ диктатурѣ пролетаріата ни въ коемъ случаѣ не предполагаетъ хотя бы и временной отмѣны демократическихъ правъ и свободъ», «всякая демократическая, въ томъ числѣ и соціалъ-демократическая, партія заняла бы совершенно ложную, крайне гибельную для себя и для пролетарскаго дѣла позицію, если бы, будучи меньшинствомъ, захватившимъ въ силу счастливаго сцѣпленія обстоятельствъ кормило государственнаго корабля, она попыталась удержать свое господство противъ воли большинства народа, посредствомъ искаженія демократическихъ принциповъ или открытаго насилія надъ ними».

Самый яркій примѣръ диктатуры меньшинства, стремящагося организованнымъ насиліемъ затащить въ соціалистическій рай упирающіеся народы, даютъ наши большевики. Для всякаго ясно, что трудящіяся массы не съ ними. Объ этомъ лучше всего говоритъ то обстоятельство, что на протяженіи пяти мѣсяцевъ своего господства большевики всю мощь своего организованнаго насилія направляютъ именно противъ народныхъ массъ: кровавое завоеваніе цѣлыхъ областей Россіи; разгонъ органовъ народной воли, всеобщимъ голосованіемъ избранныхъ думъ, земствъ и Учредительнаго Собранія; терроръ, направленный противъ небольшевистскихъ совѣтовъ; фальсификація выборовъ и представительство отъ мертвыхъ душъ; обращеніе совѣтовъ и центральнаго исполнительнаго комимитета въ штемпелюющую машину,—все это свидѣтельствуетъ, что совѣтская власть несовмѣстима съ выявленіемъ народной воли, что для удержанія народныхъ массъ въ большевистскомъ вѣрноподданствѣ нужны бичи и скорпіоны стараго самодержавія. И однако даже дающіе себѣ во всемъ этомъ отчетъ большевики (я имѣю въ виду тѣхъ, которые повинны въ искренней глупости, а не преда-

тельствѣ) думаютъ, что большевистская власть, насильственно благодѣтельствуя народъ, постепенно завладѣетъ его признаніемъ и совершитъ соціалистическую революцію. Чтобы понять правильность утвержденій Каутскаго, посмотримъ, какъ этимъ искреннимъ, но неумнымъ большевикамъ должно рисоваться соціалистическое творчество, достигаемое насиліемъ меньшинства надъ большинствомъ. 130.000 помѣщиковъ правили Россіей, ихъ мѣсто заступаютъ 240.000 воодушевленныхъ лучшими намѣреніями большевиковъ и принимаются за работу. Сначала красногвардейскими штыками они искореняютъ всякую крамолу, непослушные совѣты упраздняются и замѣняются большевистскими комитетами. Когда власть окончательно упрочена (держалось же ненавистное всѣмъ самодержавіе), повсемѣстно конфискуются фабрики, заводы, банки, дома и всѣ товары. Затѣмъ по геніально разработанному Ленинымъ плану организуется крупное производство, по декрету о трудовой повинности распредѣляется рабочая сила (на самыя тяжелыя работы назначаются редакторы и сотрудники закрытыхъ меньшевистскихъ и эсеровскихъ газетъ, гласные думъ и земствъ, члены Учредительнаго Собранія и прочіе саботажники), и устанавливается всеобъемлющій, вездѣсущій, точнѣйшій и добросовѣстнѣйшій учетъ всего производства и всего распредѣленія. Дѣло закончено, народъ начинаетъ благоденствовать, и диктатура становится излишней. Гипотетически все это вполнѣ мыслимо. Нисколько не менѣе, чѣмъ ожиданіе Фурье, что однажды въ полдень къ нему придетъ милліонеръ и дастъ средства на устройство опытнаго фаланстера, а соблазнительныя выгоды фаланстера привлекутъ людей со всего міра, которые и поспѣшатъ перестроить все общество на до мельчайшихъ подробностей разработанный фаланстерскій ладъ. Но вѣдь мы не витаемъ въ царствѣ утопій, а живемъ на грѣшной землѣ. Какъ извѣстно, Фурье переселился въ безгрѣшный міръ, не дождавшись милліонера, а, если бы и дождался, все осталось бы по старому, только у одного «буржуя» стало бы на милліонъ меньше. Не перестроилось общество и отъ пришествія 240.000 большевиковъ, только въ банкахъ и казначействѣ стало на многіе милліоны меньше.

Режимъ насилія меньшинства надъ большинствомъ всегда и неминуемо выродится въ то, чѣмъ онъ всегда и былъ, въ режимъ злоупотребленій и эксплуатаціи. Неужели же нужно серьезно доказывать, что дѣло не въ лицахъ, а въ системѣ, въ учрежденіяхъ; что 240.000 большевиковъ, правя населеніемъ при помощи насилія, превратятся въ 240.000 самодуровъ, дѣльцовъ, жандармовъ? Никогда не достигали такихъ грандіозныхъ размѣровъ шантажъ, взяточничество, казнокрадство и расхищеніе народнаго достоянія, какъ при большевистской диктатурѣ. Вѣра въ соціалистическое творчество большевистской диктатуры при подавленіи демократическихъ началъ такъ же нелѣпа, какъ былая наивная вѣра темныхъ массъ въ то, что добрый царь все можетъ, да только правды всей не знаетъ. Кто этого еще не постигъ, тому не мѣшаетъ прочесть хотя бы сказку о Царѣ Симеонѣ и убѣдиться, что ни большевистскіе цари, ни царствующіе большевики никакой диктатуры соціализма не осуществятъ. Неотъемлемое содержаніе и необходимая предпосылка соціализма, это—полная самодѣятельность массъ. По Ленину же достаточно диктатуры партіи большевиковъ съ примыкающими («1 милліонъ людей, преданныхъ соціалистическому государству идейно»), чтобы начать осуществлять соціализмъ, и онъ очень подробно поучаетъ, какъ надо уплотнять квартиру богатаго инженера и соціализировать его телефонъ... «Передержка, скажетъ Ленинъ: мой учетъ производства и распредѣленія не только всеобъемлющій, всеточнѣйшій и вседобросовѣстнѣйшій, но еще и всенародный, онъ осуществляется чрезъ Совѣты».

Но вотъ тутъ-то и загвоздка. Если Совѣты будутъ организованы такъ, что явятся истинными органами народоправства, отразятъ дѣйствительную волю трудовыхъ массъ, составляющихъ подавляющее большинство населенія; если соціализмъ будетъ водворяться силами всего народа, то вѣдь это и значитъ, что диктатура рабочаго класса мыслима только, какъ диктатура большинства, а не меньшинства. Но для такой соціалистической диктатуры большинства нужна соціалистическая сознательность, организованность и дисциплинированность трудящихся массъ, нужны и матеріальныя силы въ видѣ синдицированной крупной промыш-

ленности, чтобы было и кому строить и на чемъ строить соціалистическое хозяйство. Тутъ мы и вернулись къ необходимости и объективиныхъ и психологическихъ предпосылокъ соціализма, о чемъ уже довольно было сказано. Недостаточно однихъ благихъ намѣреній, однихъ упованій, что недостающій трудовымъ массамъ опытъ, который долженъ быть ими предварительно накопленъ еще въ предѣлахъ капиталистическаго строя, въ ихъ органахъ классовой борьбы и прежде всего въ могучихъ профессіональныхъ союзахъ, будетъ ими обрѣтенъ подъ благодѣтельнымъ руководствомъ просвѣщеннаго большевистскаго абсолютизма.

Но, скажутъ несдающіеся большевики, вѣдь пошли же трудовыя массы за эсерами и меньшевиками, повѣривъ ихъ соціалистическимъ лозунгамъ, и если бы Черновъ и Церетели не «продались» буржуазіи, а «еще бы болѣ навострились, когда бы у Ленина немного поучились», тогда бы въ думахъ, земствахъ и Учредительномъ Собраніи мы имѣли настоящую соціалистическую диктатуру, которая опиралась бы на весь трудовой народъ и немедленно водворила бы соціализмъ. Это возраженіе вполнѣ бы соотвѣтствовало умственнымъ способностямъ крыловскаго большевика. Черновъ и Церетели, даже поучившись у Ленина, конечно, тоже бы соціализма не водворили. Какъ бы ни представляли себѣ народныя массы свои цѣли, но и воспринять и проводить въ жизнь изъ соціалистической программы онѣ могутъ только то, что осуществить имъ объективно подъ силу. Наша революція, если бы не была сорвана октябрьскимъ переворотомъ, который, кстати сказать, по своимъ соціально-политическимъ послѣдствіямъ грозитъ стать и октябристскимъ, если не хуже,—дѣйствительно дала бы соціалистическую диктатуру. Но все же не ту, которая взялась бы за водвореніе соціалистическаго строя. Ни эсеры, ни меньшевики никогда не обѣщали немедленнаго соціализма, но, напротивъ, всегда предостерегали противъ демагогическихъ посуловъ.

Здѣсь мы подошли къ вопросу о той временной диктатурѣ рабочаго класса, которая могла бы и не стать необходимой, если бы моральная дряблость и политическая близорукость господствующихъ классовъ не сдѣлали ихъ не-

способными къ разрѣшенію поставленныхъ исторіей на очередь общенаціональныхъ задачъ.

Исторія знаетъ примѣръ такой диктатуры. «Вдумайтесь въ парижскую Коммуну, говоритъ Энгельсъ,—то была диктатура пролетаріата». Коммуна возникла потому, что созданное послѣ Седана буржуазіей правительство національной обороны во главѣ съ Тьеромъ оказалось правительствомъ національной измѣны. Рабочему классу Парижа приходилось взять судьбы страны въ собственныя руки, ему предстояло, говоритъ Марксъ: «самоотверженно до конца бороться за дѣло Франціи, спасти которую отъ полнаго паденія и возродить къ новой жизни было можно только революціей, уничтоженіемъ того политическаго и соціальнаго строя, который привелъ ко Второй Имперіи и самъ подъ ея покровительствомъ дошелъ до полнаго разложенія».

Такъ и у насъ. Спасеніе Россіи могло быть достигнуто только революціей, только уничтоженіемъ стараго политическаго и соціальнаго строя, давно уже сдѣлавшаго Россію колоссомъ на глиняныхъ ногахъ. Спасеніе Россіей было общенаціональной задачей, которая слагалась изъ слѣдующихъ отдѣльныхъ основныхъ задачъ. Необходимо было покончить съ войной. Обстановка міровой войны была такова, что выходъ изъ нея, если онъ не долженъ былъ означать гибели и раздѣла Россіи, не могъ быть достигнутъ сепаратнымъ миромъ, но только всеобщимъ демократическимъ миромъ. Поэтому единственный путь къ разрѣшенію этой задачи былъ энергичная борьба за миръ во внѣшней политикѣ и напряженнѣйшая организація обороны до тѣхъ поръ, пока всеобщій демократическій миръ не будетъ осуществленъ соединенными усиліями международной демократіи. Вторая задача—борьба ся тяготами войны, съ хозяйственной разрухой, обезпеченіе фронта и тыла всѣмъ необходимымъ, снабженіе города хлѣбомъ и деревни продуктами промышленности. Это требовало планомѣрнаго вмѣшательства государства въ регулированіе производства и распредѣленія. Затѣмъ—экономическое возрожденіе Россіи. Оно немыслимо безъ передачи всей земли въ руки трудового народа. И, наконецъ, предпосылкой для разрѣшенія всѣхъ этихъ задачъ служи-

ло политическое возрожденіе Россіи, раскрѣпощеніе ея творческихъ силъ, призывъ ихъ къ государственной и хозяйственной самодѣятельности, переустройство Россіи на началахъ федеративной демократической республики. Всѣ эти задачи, тѣсно между собой переплетавшіяся, продиктованныя однѣ условіями войны, другія общимъ ходомъ историческаго развитія, нашли свое выраженіе въ лозунгахъ революціи: миръ и хлѣбъ, земля и воля. Разрѣшеніе ихъ было необходимо въ интересахъ всѣхъ классовъ, но разрѣшить ихъ были безсильны наши имущіе классы, дряблые, лишенные общественной иниціативы и рѣшимости, умѣвшіе только пресмыкаться предъ самодержавіемъ, дрожавшіе надъ своимъ положеніемъ содержанокъ у государства и не пользовавшіеся ни довѣріемъ, ни авторитетомъ у трудовыхъ массъ. Вотъ почему народныя массы взяли судьбы страны въ свои руки въ лицѣ своихъ совѣтовъ, профессіональныхъ союзовъ, соціалистическихъ думъ и земствъ. Наше Учредительное Собраніе должно было явиться соціалистической диктатурой. Диктатура эта не должна была выходить за предѣлы указанныхъ общенаціональныхъ задачъ, не должна была пытаться осуществить неосуществимое, водворить соціалистическій строй, условія для котораго еще не созрѣли. Но исторія судила иначе. Слишкомъ тяжелое наслѣдіе осталось отъ самодержавія, и, можетъ быть, самое тяжкое изъ него—некультурность, темнота и неподготовленность народныхъ массъ къ самодѣятельности. Справиться съ этимъ наслѣдіемъ можно было лишь постепенно въ процессѣ длительной творческой работы. Но измученныя и несознательныя массы ждали немедленнаго разрѣшенія своихъ нуждъ. Онѣ дали ослѣпить себя большевистской демагогіей и не оказали сопротивленія октябрьскому перевороту, несшему съ собой анархію. Воцарилось господство деклассированной солдатчины. Мысля и дѣйствуя внѣ времени и пространства, будучи въ плѣну у разбуженной стихіи, большевистская диктатура и не хотѣла и не могла ограничиться разрѣшеніемъ посильныхъ общенаціональныхъ задачъ, принялась за осуществленіе немедленнаго мира и немедленнаго соціализма, привела къ краху во внѣ и внутри, погубила Россію и погубила революцію.

Какъ не похоже все то, что дѣлаютъ большевики, на то, что дѣлала и должна была дѣлать, по мнѣнію Маркса и Энгельса, Коммуна для политическаго и соціальнаго возрожденія страны!

Рабочій классъ,—говорятъ Марксъ и Энгельсъ,—достигнувъ власти, не можетъ пользоваться для своихъ цѣлей старой государственной машиной. Онъ долженъ уничтожить весь старый, направлявшійся до тѣхъ поръ противъ него самого механизмъ унгетенія и обезопасить себя со стороны собственныхъ служащихъ и уполномоченныхъ. Это, конечно, не можетъ быть достигнуто одной смѣной лицъ, но измѣненіемъ всей системы государственнаго управленія. Полное проведеніе самоуправленія отъ самыхъ маленькихъ коммунъ до Національнаго Собранія, всеобщее избирательное право, выборность и смѣняемость судей и всѣхъ чиновниковъ,—вотъ что сдѣлала Коммуна для Парижа и предполагала сдѣлать для всей Франціи. Всѣ мѣры ея Марксъ характеризуетъ какъ управленіе народа посредствомъ самого народа.—Иначе большевики. Повсемѣстно избранные всеобщимъ, прямымъ, равнымъ и тайнымъ голосованіемъ органы мѣстнаго самоуправленія они упразднили, неугодные Совѣты распускаютъ, на мѣсто всенароднаго Учредительнаго Собранія поставили центральный комитетъ своей партіи, наименовавъ его совѣтомъ народныхъ комиссаровъ. Чиновники, вмѣсто выборности и смѣняемости ихъ по волѣ представительныхъ демократическихъ органовъ, назначаются и смѣщаются росчеркомъ Ленинскаго или Бронштейновскаго пера и получаютъ право вязать и миловать не только отдѣльныхъ гражданъ, но даже и совѣты. Словомъ, на мѣстѣ демократическихъ учрежденій Коммуны—подлинная большевистская олигархія. Первымъ декретомъ Коммуны былъ декретъ объ уничтоженіи регулярнаго войска и замѣнѣ его вооруженнымъ народомъ. Большевики разоружаютъ населеніе и комплектуютъ наемную опричину въ лицѣ красной гвардіи и красной арміи, которыя могутъ стать и становятся въ рукахъ всякихъ проходимцевъ орудіемъ, направленнымъ противъ трудовыхъ массъ.

Коммуна принимала мѣры къ улучшенію положенія рабочихъ, боролась съ безработицей. Большевики, разру-

щая промышленность, выбрасываютъ сотни тысячъ рабочихъ на улицу. «Если есть люди, говоритъ Каутскій, которые думаютъ, что господство пролетаріата приведетъ къ каторжному режиму, что тогда каждому будетъ назначаться работа начальствомъ, то они очень плохо знаютъ пролетаріатъ». Большевистское начальство издаетъ декреты объ очисткѣ снѣга подъ угрозой разстрѣла и грозитъ лишеніемъ хлѣбныхъ карточекъ городскихъ и банковскихъ служащихъ, не желающихъ продолжать прежней работы подъ большевистскимъ комиссарствомъ.

Энгельсъ, противопоставляя мѣрамъ Коммуны бланкистскую тактику, даетъ характеристику бланкистовъ: «Воспитанные въ школѣ заговорщиковъ и привыкшіе къ строгой дисциплинѣ заговора, они думали, что сравнительно небольшое число смѣлыхъ, хорошо организованныхъ людей можетъ, при благопріятно сложившихся обстоятельствахъ, захватить власть и удержать ее въ своихъ рукахъ до тѣхъ поръ, пока не удастся привлечь народъ на сторону революціи и сгруппировать его вокругъ небольшой кучки вожаковъ. Чтобы такое дѣло удалось, нужна была раньше всего диктаторская централизація власти въ рукахъ новаго правительства». Не узнаемъ ли мы въ этихъ мастерски схваченныхъ чертахъ точнаго портрета большевиковъ, только очищенныхъ отъ элементовъ шантажа и предательства? Да еще та разница, что бланкисты, какъ указываетъ Энгельсъ, ставъ у власти, дѣлали какъ разъ противоположное тому, что имъ предписывала ихъ школьная доктрина, большевики же и у власти остались вѣрны своей твердолобости.

Коммуна была вызвана къ жизни общенаціональными задачами, безсиліемъ и измѣной буржуазіи. Рабочая диктатура отвѣчала не социалистической сознательности рабочаго класса, но его смутнымъ соціалистическимъ настроеніямъ. Если бы Коммуна не была побѣждена и разрѣшила общенаціональныя задачи, рабочая власть не могла бы отказаться отъ попытокъ водворенія соціализма, и, такъ какъ экономическое развитіе Франціи не представляло еще тогда необходимыхъ для него условій, соціалистическіе опыты отпугнули бы массы, и власть перешла бы къ умѣреннымъ буржуазнымъ элементамъ. Рабочая диктатура умерла бы,

но дѣло соціальнаго и политическаго возрожденія было бы завершено.

Та же судьба ожидала соціалистическую диктатуру и у насъ. Претворивъ въ жизнь лозунги мира и хлѣба, земли и воли, соціалистическая диктатура освободила бы творческія силы страны, дала бы могучій толчокъ ея хозяйственному развитію, и такимъ образомъ исчезла бы почва для смутныхъ соціалистическихъ настроеній. Возстановилось бы равновѣсіе между политической властью и экономическимъ строемъ. Рабочій классъ, отойдя отъ обладанія властью, организовался бы въ борьбѣ за свои классовые интересы, пріобрѣталъ бы необходимый опытъ и вырабатывалъ въ себѣ уже не одни соціалистическія настроенія, но отчетливую соціалистическую сознательность и дисциплину.

Какъ опредѣлились бы тогда задачи соціалистическихъ партій? На это даетъ отвѣтъ Каутскій въ своей статьѣ «Диктатура и демократія». Когда страна для соціализма еще не созрѣла, и соціалистическія партіи поэтому не имѣютъ за собой большинства народа, тогда онѣ «должны изыскать надлежащій путь къ тому, чтобы безъ потрясенія демократическаго строя очистить мѣсто другимъ демократическимъ элементамъ, имѣющимъ за собой народныя массы, и по отношенію къ этому демократическому режиму взять на себя роль силы, толкающей его впередъ и стоящей на стражѣ достигнутыхъ завоеваній».

Диктатура рабочаго класса, еще не являющаяся переходнымъ моментомъ къ уничтоженію классоваго господства вообще, всегда будетъ временной, но, если бы она была направлена на разрѣшеніе общенаціональныхъ задачъ, считаясь съ исторически данными условіями, то, осуществивъ соціальное и политическое возрожденіе страны, она могла бы явиться провозвѣстницей той грядущей диктатуры, которая закончится царствомъ соціализма.

Выясняя условія, при которыхъ диктатура рабочаго класса по необходимости окажется преждевременной, а потому и недолговѣчной, намъ уже приходилось попутно касаться и той обстановки, въ которой произойдетъ ея крушеніе. Здѣсь поэтому можно ограничиться резюмированіемъ высказанныхъ выше мыслей. Обладая всей полнотой госу-

дарственной власти, но, не имѣя въ то же время по объективнымъ причинамъ возможности и не будучи подготовлены къ соціалистическому переустройству производства и распредѣленія, трудовыя массы по необходимости водворяютъ «соціализмъ» лишь въ видѣ раздѣла богатствъ состоятельныхъ слоевъ населенія. Такого рода «соціалистическое» вмѣшательство въ хозяйственную жизнь только усугубляетъ разруху, увеличиваетъ безработицу, лишенія и нищету. Рабочимъ классомъ овладѣваетъ усталость, апатія и озлобленіе. Ряды трудовой демократіи раскалываются, начинается взаимная вражда. Народныя массы все болѣе охватываетъ тоска по порядку, прошлое въ свѣтѣ настоящаго представляется не столь ужъ тягостнымъ, пробуждается жажда той крѣпкой власти, которая положитъ предѣлъ соціалистическимъ экспериментамъ и анархіи и обезпечитъ хотя и скудный, но болѣе или менѣе вѣрный кусокъ хлѣба. Дѣйствующіе отъ имени рабочаго класса органы власти теряютъ почву подъ ногами, выявленіе народной воли для нихъ гибельно, и, стремясь закрѣпить ускользающую власть, они обращаются на путь террора и подавленія демократическихъ основъ силою штыковъ наемной солдатчины. «Торжествующей реакціи, говоритъ Каутскій, уже не приходится уничтожать демократическія завоеванія народа; для подавленія революціи ей остается лишь продолжать пользоваться тѣми же самыми методами, которые революціонное меньшинство примѣняло для спасенія революціи». Въ интересахъ рабочаго класса укрѣпленіе завоеваній революціи, а не внѣшнее «углубленіе» ея вплоть до катастрофы. Пусть это укрѣпленіе сопровождается отходомъ отъ позицій властвованія и уступкой ихъ тѣмъ имущимъ классамъ, которымъ принадлежитъ руководство хозяйственной жизнью страны,—все же оно служитъ дѣлу рабочаго класса, поскольку расчищаетъ путь для дальнѣйшаго развитія производительныхъ силъ и обезпечиваетъ за трудящимися массами свободныя формы классовой борьбы. Если это усвоить, то наивно говорить, будто утвержденіе диктатуры мѣрами террора и поощреніе рабочихъ массъ къ борьбѣ противъ личности и имущества представителей буржуазныхъ классовъ (а не противъ классовыхъ основъ общества) есть борьба революціи противъ контръ-револю-

ціи. Напротивъ, контръ-революціонными въ своемъ существѣ и по своимъ послѣдствіямъ являются демагогія, терроръ, подавленіе демократіи и раздѣлъ богатствъ, такъ какъ они приведутъ къ превращенію бюрократіи изъ «слугъ общества въ его повелителей». Такіе усердные «углубители» революціи въ интересахъ рабочаго класса поистинѣ являются по отношенію къ нему тѣми услужливыми дураками, которые опаснѣе врага.

Мы уже нашли у Энгельса характеристику большевистской доктрины, теперь въ заключеніе почерпнемъ у Маркса характеристику большевистскихъ дѣйствій.

«Брестская капитуляція, отдавшая во власть Германіи всю Россію, закончила собою рядъ вѣроломныхъ интригъ, начатыхъ узурпаторами 24 октября въ самый день захвата ими власти (приказъ о перемиріи по полкамъ, приказъ о демобилизаціи арміи). Въ этой капитуляціи правительство совѣта народныхъ комиссаровъ пало до глубочайшаго униженія, явило себя правительствомъ, состоящимъ въ плѣну у Гинденбурга, и выступило въ такой мерзкой роли, какую не рѣшился взять на себя даже самъ Николай II. Страна должна была почувствовать, что условія перемирія дѣлали далѣе немыслимымъ веденіе войны, и что для заключенія мира, предписаннаго Гинденбургомъ, худшіе люди Россіи окажутся лучшими. По открытіи въ Москвѣ Всероссійскаго Съѣзда совѣтовъ рабочихъ, солдатскихъ и крестьянскихъ депутатовъ, Ленинъ не допустилъ ихъ даже къ парламентскимъ преніямъ, а просто заявилъ имъ, что они немедленно должны принять предварительныя условія мира, такъ какъ только при этомъ условіи могла быть сохранена совѣтская власть, могла бы вести борьбу противъ Учредительнаго Собранія. Люди изъ совѣта народныхъ комиссаровъ какъ разъ годились для цѣлей Гинденбурга, и потому Ленинъ сталъ во главѣ правительства, а tickets-of-leavemen'ы (досрочно освобожденные поднадзорные преступники) 3—5 іюля сдѣлались его министрами. Никакое правительство не рѣшилось бы бомбардировать Москву, Кіевъ и рядъ другихъ городовъ Россіи, кромѣ правительства, сдавшаго раньше Россію нѣмцамъ».

Наконецъ, о расправахъ съ населеніемъ, не пріемлющимъ большевистской власти: чтобы найти что-либо по-

хожее на поведеніе Ленина, Троцкаго и его палачей, надо вернуться ко времени Суллы и римскихъ тріумвировъ. То же хладнокровное массовое избіеніе людей; то же безпощадное пренебреженіе палачей къ полу и возрасту жертвъ; та же пытка плѣнныхъ; тѣ же гоненія, только на этотъ разъ уже противъ цѣлаго сословія; та же дикая травля скрывшихся вождей, чтобы никто изъ нихъ не спасся; тѣ же доносы на политическихъ и личныхъ враговъ; то же равнодушное избіеніе людей, совершенно непричастныхъ къ борьбѣ. Разница только въ томъ, что римляне не имѣли пулеметовъ, чтобы разстрѣливать плѣнныхъ толпами, что они не имѣли въ рукахъ декрета о борьбѣ съ контръ-революціей, и что на устахъ у нихъ не было слова «соціализмъ».

Поставьте теперь вмѣсто Брестской капитуляціи—Версальскую, вмѣсто Ленина и Троцкаго—Тьера и Трошю, вмѣсто узурпаторовъ 24 октября—узурпаторовъ 2 сентября, вмѣсто совѣта народныхъ комиссаровъ—правительство національной обороны, вмѣсто Гинденбурга—Бисмарка, вмѣсто Николая II—Наполеона III, вмѣсто худшихъ людей Россіи—худшихъ людей Франціи, вмѣсто Московскаго съѣзда совѣтовъ—Бордосское собраніе «сельскихъ депутатовъ», вмѣсто борьбы противъ соціалистическаго Учредительнаго Собранія—борьбу противъ парижской Коммуны, вмѣсто бомбардируемой Москвы—бомбардируемый Парижъ, вмѣсто пулемета—митральезу и вмѣсто слова «соціализмъ»—слово «цивилизація»,—и вы получите точную выписку изъ «Гражданской войны во Франціи» Маркса.

Но развѣ не законна была эта замѣна, развѣ есть хоть одна черта въ Марксовой характеристикѣ Тьера, Трошю и правительства національной обороны, которая не была бы полностью приложима къ Ленину, Троцкому и совѣту народныхъ комиссаровъ?

Не парижскую Коммуну, но ея усмирителей повторили большевики своей диктатурой.

Мих. Гендельманъ (Якобій).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

На страницѣ 33-ьей между 13-ой и 16-ой строчками сверху выпала строка. Со словъ „Но для насъ“ слѣдуетъ дальше до конца абзаца такъ: „Но для насъ дѣло предстоитъ въ другомъ освѣщеніи, и съ этой-то точки зрѣнія съ нашей стороны въ предпарламентѣ прозвучала рѣшительная нота критики того пассивнаго курса внѣшней политики, на который перешелъ Терещенко въ послѣдней фазѣ своей дѣятельности“.

